
H15—
55.

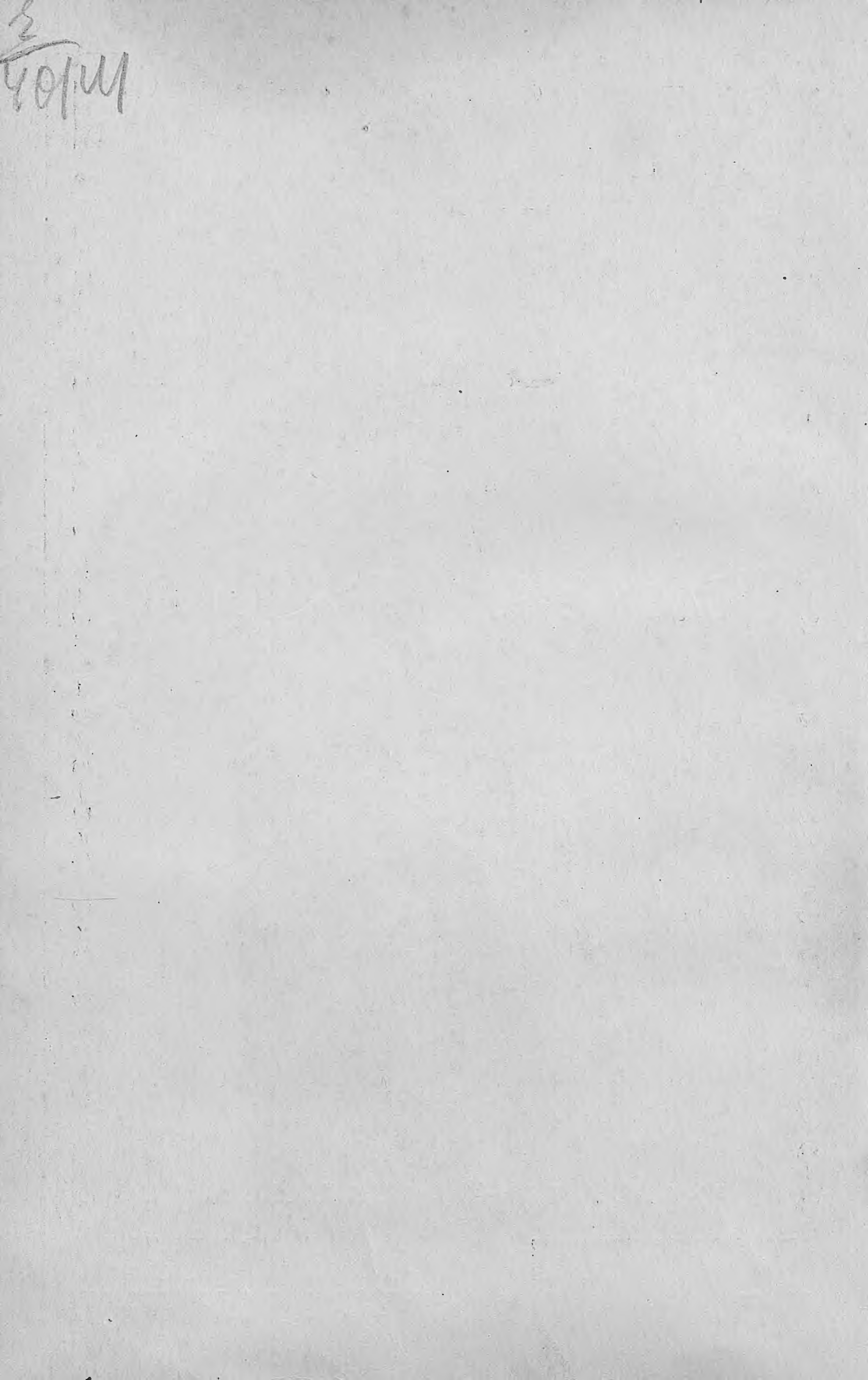
ЦЕНТРАРХИВ

РЕВОЛЮЦИЯ 1905 ГОДА И САМОДЕРЖАВИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1928

Л. Хижинский

ЦЕНТРАРХИВ

РЕВОЛЮЦИЯ 1905 ГОДА И САМОДЕРЖАВИЕ

ПОДГОТОВИЛ К ПЕЧАТИ
В. П. СЕМЕННИКОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ
А. М. ПАНКРАТОВОЙ

ПРИМЕЧАНИЯ СОСТАВИЛИ
М. И. АХУН и В. А. ПЕТРОВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1928 — ЛЕНИНГРАД

С, 54. Гиз № 11233/л.
Ленинградский Областлит № 4142.
18¼ л. Тираж 3000.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящий сборник документов, * объединенных общим названием: «Революция 1905 года и самодержавие», представляет собрание всеподданнейших докладов, записок, рапортов и телеграмм, в которых царские министры, генерал-губернаторы, специальные чиновники, генерал-адъютанты и проч. освещали царю ход революции и, особенно, меры, ими предпринимаемые для ее подавления. Документы, непосредственно исходящие от царя, весьма скудны: это либо небольшое количество его личных телеграмм-приказов о подавлении «беспорядков», либо весьма характерные для Николая II этого периода его царствования — собственноручные резолюции, пометки и распоряжения. Обычно царь на множестве представляемых ему «всеподданнейших» докладов от всех ведомств и по всем вопросам делал краткие, весьма трафаретные пометки, вроде: «читал», «утверждаю», «согласен» и т. п. Резолюции на всеподданнейших докладах, касающиеся революции и хода борьбы с нею, гораздо содержательнее, энергичнее и даже гораздо менее лаконичны. Правда, гр. С. Ю. Витте в своих воспоминаниях не без иронии намекает о происхождении большинства резолюций на его личных докладах царю: в это время с царем жил и, по мнению Витте, негласно диктаторствовал ставший после 17 октября дворцовым комендантом и охранителем царской персоны генерал Трепов.** Впрочем, общий кровожадно-тупой характер большинства царских резолюций, сопровождающих публикуемые документы, может свидетельствовать также и в пользу единоличного авторства Николая II и, уж во всяком случае, делает совершенно ясным вопрос об отношении царизма к революции.

Настоящая коллекция документов, несмотря на свою неполноту и отсутствие еще, очевидно, значительного документального материала, характеризующего положение и позицию царизма

* Все печатаемые ниже документы находятся в Архиве Октябрьской Революции (в Москве), входя во 2-й фонд особого отдела.

** Юридические формулировки многих царских резолюций принадлежали часто даже не Трепову, а его секретарю — ловкому чиновнику Гарину.

в революции 1905 г., все же представляет несомненный исторический интерес, — и не только со стороны содержания, вскрывающего отдельные детали исторических событий 1905 — 1906 гг., но и с точки зрения характеристики самодержавия во время революции 1905 г., под напором которой оно вынуждено было пойти на самоограничение, в виде конституционного акта 17 октября. В какой мере, однако, это самоограничение было далеко от истинных намерений царского правительства, видно из прилагаемых документов, все содержание и самая цель которых сводится к борьбе с революцией, к выработке способов и путей наиболее быстрой и верной расправы с ней. Только этим путем мыслится единственная возможность «успокоения» страны, восстановления «порядка» и возвращения к самодержавному правлению, временно нарушенному формальным обязательством 17 октября.

Громадное большинство документов относится ко времени после издания манифеста 17 октября. Таковы все доклады С. Ю. Витте, одного из вдохновителей октябрьской «конституции», назначенного после манифеста премьер-министром, возглавившим новый кабинет министров.

Доклады охватывают период от тревожных октябрьских дней, заставивших Витте обратиться к царю с историческим всеподданнейшим докладом 8 октября, который лег в основу (хотя с некоторыми расхождениями и умолчаниями) манифеста 17 октября (доклад этот печатается здесь в порядке расположения документов в царском архиве под № 17, стр. 39 — 41), до февраля-марта 1906 г., т. е. почти до отставки Витте, последовавшей 16 апреля 1906 г. Громадное число всеподданнейших докладов и рапортов генерал-губернаторов и генерал-адъютантов также относится к периоду конца 1905 г. и начала 1906 г., т. е. к тому моменту, когда буржуазная оппозиция, удовлетворенная манифестом 17 октября и испуганная размахом революции, начинает отходить от революции и вступать в открытый компромисс с самодержавием, — в то время, как народные массы, рабочие, крестьяне, армия, национальные меньшинства на окраинах, недовольные и неудовлетворенные ничтожными уступками царизма, возобновляют свой последний приступ, в целях действительного уничтожения самодержавия. Вот почему доклады почти не упоминают об оппозиции буржуазии и целиком посвящены вопросу о борьбе с основными силами революции: рабочими забастовками, крестьянскими восстаниями, национальными движениями. Борьба самодержавия с революцией после 17 октября вступила в новую, еще более острую фазу, чем это было до издания «конституции».

Известно, какое сильнейшее противодействие встречали даже отдаленные намеки на ограничение самодержавия в тех слоях феодально-помещичьего землевладения, которые составляли опору трона и которые диктовали политику царизма. Нужны были

такие революционные сигналы, как рабочие стачки, быстро перераставшие из экономических в политические, как получавшие все более и более опасный размах аграрные движения, как открытая кампания против самодержавия буржуазно-демократических элементов, нужен был предостерегающий выстрел по агенту и вдохновителю самодержавно-воинствующей реакции — Плеве, 15 июля 1904 г., чтобы напомнить самодержавию о нараставшей волне недовольства всего общества, стремившегося к коренной государственной реформе. «Эпоха доверия» и пресловутая «весна», возвещенная вновь назначенным министром внутренних дел Святополк-Мирским, только усилила недовольство всех классов, а несчастная война с Японией, приносившая одно жестокое поражение за другим, все более революционизировала страну. 9 января и последовавшие за тем события были началом революции такого размаха, который уже не могли остановить жалкие уступки царизма, вроде законосовещательной «Булыгинской Думы».

Вся страна, охваченная грандиозной, небывалой, всеобщей политической забастовкой, восстала против самодержавия, ибо Россия, как писал в своем всеподданнейшем докладе царю С. Ю. Витте (документ № 17, стр. 39), «переросла формы существующего строя и стремится к строю правовому на основе гражданской свободы». Царь, отрезанный от всего мира в своем Петергофском дворце, к которому его чиновникам и министрам приходилось «добираться чуть ли не вплавь» (см. второй том «Воспоминаний» Витте), находился вместе с семьей и двором в состоянии паники.

История подписания манифеста 17 октября, как видно из мемуаров Витте и других источников, рисуется, примерно, в следующем виде.

Во время всеобщей, царившей в сферах тревоги и паники, в связи с начавшейся всеобщей забастовкой, С. Ю. Витте, возведенный в графы за заключение Портсмутского договора, был вызван царем 9 октября и представил ему всеподданнейшую записку, в которой излагал свой взгляд на создавшееся положение. В этой «Записке» (документ № 17, стр. 39—41) Витте указывал на глубокие причины происходящих волнений и на необходимость перехода к правовому строю, основанному на ограничении самодержавия и на гражданских свободах. В своих мемуарах Витте приводит «справку о манифесте 17 октября 1905 г.», составленную им позднее (после его отставки), в опровержение широко распространявшихся слухов о том, будто Витте «вырвал у его величества манифест 17 октября 1905 г.». Из этой «справки» мы узнаем подробности утверждения исторического виттевского доклада. Витте указывал царю два выхода: либо стать на путь, указанный в записке, т. е. на путь конституционных уступок, либо — «облечь соответствующее лицо (диктатора) полновластием, дабы с непоколебимой энергией, путем

силы, подавить смуту во всех ее проявлениях. Для этой задачи нужно выбрать человека решительного и военного». Таким человеком мог стать, по мнению Витте, вел. кн. Николай Николаевич. Очевидно, именно этот выход — диктатура и военное подавление революции — представлялся самодержавию самым правильным, если бы... в его распоряжении имелась хоть какая-нибудь воинская сила. Но уже на совещаниях у царя, по поводу всеподданнейшего доклада Витте, вел. кн. Николай Николаевич поддержал предложение Витте о «конституции», ибо было невозможно, за недостатком войск, прибегнуть к военной диктатуре.

О том, что военной диктатуры нельзя было установить из-за отсутствия военной силы, говорит далее и сам Витте: «Желая себе выяснить, насколько можно положиться на военную силу, я устроил в течение этих дней у себя заседание, в котором участвовали два официальных представителя военной силы, военный министр и генерал Трепов, бывший в то время начальником Петербургского гарнизона; они произвели на меня весьма тягостное впечатление. В их мнениях явно сквозило, что рассчитывать на успокоение через войска невозможно, и не потому, что это средство само по себе, конечно, длительного и здорового успокоения дать не могло, а вследствие отчасти неблагонадежности, а главное, слабости этой силы. Вероятно, те же речи держали государю представители военной силы, в том числе и вел. кн. Николай Николаевич, и, по всей вероятности, поэтому он не остановился на диктатуре».

«Иначе, — заключает Витте, — я себе не могу объяснить, почему государь не решился на диктатуру, так как он, как слабый человек, более всего верит в физическую силу (других, конечно), т. е. силу, его защищающую и уничтожающую всех его действительных или подозреваемых, основательно или по ложным наветам, врагов, при чем, конечно, враги существующего неограниченного, самопроизвольного и крепостнического режима, по его убеждению, суть и его враги».*

Однако, программу Витте царь не принял так скоро и так легко: 11 и 12 октября Николай обсуждал предлагаемую программу в кругу наиболее к нему приближенных лиц. 13 октября он предложил Витте возглавить кабинет министров, на что Витте ответил, что нельзя объединять людей разных политических направлений, и предлагал выбрать одно из них и твердо ему следовать. Между тем забастовка расширялась, положение становилось опасным, — «революция выходила наружу через щели и обратила эти щели в ворота».

Сам Трепов, сторонник неограниченной военной диктатуры, еще 12 октября давший известный приказ «патронов не жалеть, холостых залпов не давать», высказывался в том смысле,

---

* Гр. Витте, Воспоминания, т. II, стр. 26 — 27. Госизд., 1923 г.

что правительство бессильно восстановить железнодорожное сообщение даже между Петербургом и Петергофом, и что полагаться на армию нельзя, ибо ее основной контингент — запасные — ненадежен.

15 октября Витте вновь был приглашен к царю на совещание в Петергоф. Ему было предложено составить проект манифеста для того, чтобы «все исходило от государя». Витте был против манифеста, считая, что было бы осторожнее просто утвердить его доклад, ибо манифест мог быть понят слишком «расширительно» и создать повод для еще большего озлобления народа против царя. Однако, по настоянию царя, манифест был составлен А. Д. Оболенским (приближенным к царю, и особенно к царице, придворным чиновником, ставшим обер-прокурором Синода во время премьерства Витте), исправлен Вуичем и Витте и передан царю. Царь послал доклад Витте и проект манифеста своему неизменному советчику и неофициальному диктатору Трепову с просьбой высказать откровенное мнение и дать совет, как с ним поступить. Трепов высказался за издание манифеста, с обещанием в нем весьма урезанной конституции. Лишь после этого Николай подписал манифест, о котором Николай Николаевич, возвращаясь с Витте на пароходе из Петергофа, сказал: «Сегодня 17 октября и семнадцатая годовщина того дня, когда в Борках была спасена династия. Думается мне, что и теперь династия спасается от неменьшей опасности сегодня происшедшим историческим актом».

Манифест, однако, вызвал в близких Николаю родственных и дворцовых кругах сильнейшее недовольство. «После подписания манифеста во дворце произошла бурная сцена, — рассказывает К. Успенский в своем «Очерке царствования Николая II»: — великие князья нападали на Николая чуть не с кулаками, женская половина истерически рыдала. И сановники и чиновники, завидуя славе Витте, назначенного, вместе с изданием манифеста о введении свобод и предоставлением Гос. Думе законодательных функций, председателем первого «конституционного» Совета министров, также ополчились против него, упрекая его за торопливость и карьеризм. Поскольку Николай не был сильной натурой, которая могла бы противостоять родственным и дворцовым влияниям, не был и трезвым умом, который мог бы отличить мнения придворных от требования народа, поскольку, далее, сам он в этом важнейшем акте своего царствования действовал лишь из страха и по обыкновению неискренне, — постольку манифест 17 октября повисал в воздухе, как ненужная никому тряпка»... * В какой мере эта оценка отношения царя к им же изданному манифесту справедлива, видно из всей последующей политики самодержавия (хотя бы формально и ограниченного, но фактически продолжавшего управлять прежними

---

* «Николай II», стр. 21, изд. журн. «Голос Минувшего». М., 1917.

методами самовластия): уже ближайшая неделя после издания манифеста была полна противоречивых действий и указов царя, свидетельствовавших о том, как далек он от мысли выполнять даже те скромные, не удовлетворявшие революционные массы уступки, которые заключались в манифесте.

В то время, когда царь одной рукой подписывал указ об амнистии, неполной, явно недостаточной, когда он шел на уступки объятой революционной стачкой Финляндии, формально возвращая ей автономию, отнятую в 1899 г., когда он, из страха перед крестьянскими восстаниями, слагал с крестьян выкупные платежи, когда во внутренних делах он допускал наличие «свобод» (впрочем, утвержденных не царским разрешением, а революцией) и как будто бы отказывался от треповской диктатуры, — в это же самое время он устанавливал неофициальную диктатуру Трепова, убеждал своих приближенных в несокрушимости самодержавия и, приблизив к себе Трепова и Дурново, начал по всей линии расправу с революционными массами, продолжавшими бороться против самодержавия и после отхода буржуазии, удовлетворившейся посулами 17 октября.

Все приведенные в настоящей книге документы — всеподданнейшие доклады, записки, телеграммы, как и царские резолюции на них, — свидетельствуют о том, как самодержавие либо готовилось к переходу в наступление, либо уже вступило в решительную борьбу с революцией.

Единственный доклад № 17 (стр. 39 — 41), разобранный нами выше, кажется случайно попавшим и затерявшимся в этой серии документов, характеризующих «карательную» политику самодержавия в отношении революции, сводящуюся к расправе с восстаниями и забастовками рабочих путем посылки карательных отрядов в охваченные железнодорожными стачками, аграрными волнениями и военными бунтами губернии, к организации черносотенных демонстраций, погромов и убийств, к обострению национальных противоречий на окраинах и поощрению кровавых националистических столкновений.

Активность «карательной политики» царизма усиливалась параллельно ослаблению боевой энергии пролетариата. 18 октября Петербургский Совет Рабочих Депутатов вынес решение продолжать забастовку, но уже 19 октября решил прекратить ее с 21 октября, ибо стачечная борьба начинала итти на убыль: отдельные отряды забастовщиков на железных дорогах и в других предприятиях начинали становиться на работу. 1 ноября Совет Рабочих Депутатов пытался провести вторую всеобщую забастовку-протест против введения военного положения в Польше и против предания суду восставших кронштадтцев. 5 ноября Совет вынужден был отменить и эту забастовку, а 13 ноября Совет прекратил борьбу за явочное введение 8-часового рабочего дня.

Эти явные признаки упадка боевой силы пролетариата дают правительству сигнал к переходу в наступление. Совет Рабочих Депутатов арестовывается, собрания разгоняются, рабочие вожди предаются суду. Однако рабочий класс не везде прекращает борьбу. Продолжает развиваться железнодорожная забастовка в Сибири, отрезывающая возможность переброски войск. Неожиданно для правительства начинается серьезная забастовка на правительственном телеграфе. Центром движения становится Москва, рабочее движение в которой быстро и естественно переходит на высшую ступень — к вооруженному восстанию.

Витте «всеподданнейше» доносит царю о назревающей опасности (документ № 5, стр. 25): «В Москве полная анархия власти. Крайне важно скорейшее прибытие нового генерал-губернатора. Мне совершенно неизвестен тамошний командующий войсками: можно ли положиться на его энергию и предусмотрительность?». Не без труда, о чем он откровенно повествует в своих «Воспоминаниях», могущих служить комментарием к значительному большинству печатаемых здесь «всеподданнейших» докладов, Витте добивается от царя назначения нового московского генерал-губернатора Дубасова и посылки ему на помощь части Семеновского полка, под командою генерала Мина, снабженного кавалерией и артиллерией, при помощи которых вооруженное восстание рабочих было «блестяще» разбито. Этой экспедицией генерала Мина на Москву царизм открыл ту кровавую вакханалию «карательных экспедиций», которые с такой жестокостью мстили народу за его посягательства на самодержавие и за его стремление к свободе. Приказ генерала Мина: «Уничтожить боевую дружину, арестованных не иметь и действовать беспощадно. Каждый дом, из которого будет произведен выстрел, уничтожать огнем или артиллерией», — был в точности выполнен его помощником полковником Риманом. Расправившись с населением, генерал-губернатор Дубасов телеграфировал царю о победе «над мятежниками» (см. телеграммы от 19 и 23 декабря 1905 г., стр. 184 — 187) и просил для помощи пострадавшим ассигновать 100 000 рублей: «Для общественного настроения данной минуты было бы в высшей степени желательным показать столичному населению, что правительство, суровою рукою карающее преступников, полно отеческой заботы о невинно-пострадавших». Николай отнесся к Дубасову весьма холодно, и Дубасов в личном письме к своему покровителю Витте выражал обиду, что его усердие осталось царем не отмеченным (стр. 41 — 43).

Витте во второй книге «Воспоминаний», высоко превознося заслуги Дубасова, оценивает холодное отношение к нему царя, как доказательство... слишком большой мягкости Дубасова, не нравившейся царю, желавшему жестокой расправы с московскими революционерами, посредством военно-полевых судов и казней.

Витте ставил себе в особую заслугу, что он не требовал военно-полевого суда над восставшими рабочими в Москве и что

в своем докладе царю (стр. 32—33) он настаивал на расследовании событий и привлечении к ответственности «высших чинов государственного управления», проявивших «бездеятельность и попустительство».

Разгром московского восстания, а за ним и восстаний в ряде городов Юга и Прибалтийского края, ликвидация забастовок железнодорожников и почтово-телеграфных служащих означали, что главный враг самодержавия — пролетариат постепенно уходит с поля битвы. Послеоктябрьские «конституционные» дни ознаменовались выступлениями и другого врага, казавшегося царизму не менее опасным, — крестьянскими волнениями, или, как их называли царские эмиссары в своих докладах, — «аграрными беспорядками». В Саратовской и Тамбовской, а также в Курской, Орловской, Воронежской, Черниговской и Полтавской губерниях крестьяне в течение весны и особенно осени 1905 г. захватывают и сжигают помещичьи усадьбы, вырезывают скот, разрушают хозяйственные постройки. Во всей России было сожжено 2000 помещичьих усадеб; в одной Саратовской — 272 усадьбы, в Тамбовской — 130 и т. п. Убытки повсюду насчитывались миллионные. Крестьянские съезды выносили резолюции о передаче всей земли крестьянам. Крестьянские сходы требовали выборного царя, устраняли старые и ставили новые местные власти, отказывались от уплаты налогов и податей, от дачи рекрут. Помещики забили тревогу, и помещичье правительство мобилизовало последние силы и командировало в наиболее волнующиеся губернии специальных «генерал-адъютантов его величества», дабы они, как пишет Витте, «своим присутствием могли повлиять на успокоение крестьян, а с другой стороны, ободрить местную администрацию и, в крайности, принять экстраординарные меры. Это были лица, посылаемые от имени его величества. Таким образом, были посланы генерал-адъютант Сахаров в Саратовскую губернию, генерал-адъютант Струков — в Тамбовскую и Воронежскую, а генерал-адъютант Дубасов — в Черниговскую и Курскую. * О других «усмирителях», носивших звание адъютантов его величества, Витте не упоминает.

В настоящем сборнике помещены доклады об аграрных волнениях в Саратовской губернии (доклад Трепова (стр. 99—103) о ликвидации Столыпиным аграрных беспорядков весной и летом 1905 г. и телеграфные рапорты генерал-адъютантов Сахарова и Максимовича (стр. 172—173, 175—176, 191, 192—193, 194, 205, 207) об осенних волнениях), об аграрных волнениях в Орловской, Курской, Полтавской и Черниговской губерниях (доклады генерал-адъютанта Пантелеева (стр. 103—108, 204—205, 211—212, 217—218) об усмирении крестьянских беспорядков с 21 ноября 1905 г. по 17 февраля 1906 г.), об аграрных волнениях в

* Гр. Витте, Воспоминания, т. II, стр. 115.

Черниговской губернии (доклад генерал-адъютанта Дубасова (стр. 108—112) в октябре-ноябре 1905 г.).

Трепов в своем всеподданнейшем докладе с большими похвалами отзывается объ «энергии, полной распорядительности и весьма умелых действиях» губернатора Столыпина, восстановившего «порядок», при помощи казаков и воинской силы, среди крестьянства.

Витте же, отличавшийся одинаково неприязненными чувствами как к Трепову, так и к Столыпину, отмечает в своих «Воспоминаниях», что Столыпин никаких результатов не достиг и что «Сахаров и был послан в Саратовскую губернию, объятую смутой, с которой не мог справиться Столыпин». * Сахаров разделил губернию на военные участки, соответствующие уездам, с особым начальником в каждом из них и с прикомандированными к участку войсками, и повел настоящую войну с крестьянством. Однако больших результатов он не достиг, ибо был скоро убит революционерами, а его преемник, генерал-адъютант Максимович, констатировал в своей телеграмме царю от 28 июня, что «настроение сельского населения сей губернии крайне приподнятое, главным образом вследствие усиленной революционной пропаганды, а также полного неурожая и недостатка земли у крестьян».

В докладах генерал-адъютанта Пантелеева вскрываются источники непрерывных крестьянских волнений в губерниях, куда он был командирован для усмирения (малоземелье, высокие арендные цены, общинный гнет, административный произвол и, конечно, «пропаганда», и евреи!), и констатируются, как обычно при ревизиях и расследованиях, бездеятельность местных властей, недостаток полиции и воинской силы и обычная в послеоктябрьские дни растерянность администрации. Самое любопытное в докладе Пантелеева—это его стремление сделать обобщающие выводы по борьбе с аграрными беспорядками. В основном, конечно, предлагаемые им мероприятия сводятся к установлению твердой власти, реорганизации суда и полиции, к борьбе с революционерами путем высылок и репрессий, к такому расположению войск, чтобы в каждой неспокойной губернии находилась хотя бы одна дивизия пехоты и бригада кавалерии; что касается вопроса о земле, то необходимо лишь урегулирование землепользования, ибо «нужда крестьянина не в малоземельи, а в низкой его культурности».

Отчет генерал-адъютанта Дубасова о действиях его в Черниговской губернии много уделяет внимания вопросу о влиянии евреев на крестьянские беспорядки и «на корни антисемитского движения в русском народе». Методы борьбы Дубасова, усмирителя крестьян, те же, какие он употреблял как усмиритель рабочих: он грозил, «если беспорядки не прекратятся, вернуться с войсками и стереть с лица земли мятежные селения» и «добился выселения крестьянскими обществами 94 зачинщиков» и т. п.

---

* Гр. Витте, Воспоминания, т. II, стр. 115.

Витте имел полное основание с похвалой упоминать о «доблестях» генерал-адъютанта Дубасова в деле усмирения крестьянства: «Дубасов, конечно, себя отлично держал в Черниговской и Курской губерниях, где крестьянские беспорядки достигли едва ли не наибольших пределов. Он всюду появлялся сам с горстью войск, справлялся с бунтующим крестьянством, отрезвлял их и достиг почти полного успокоения». *

Зимой аграрные волнения утихли, но, напуганное их размахом весной и осенью 1905 г., самодержавие, по инициативе Витте, задумывается о мерах, «кои надлежит принять в ожидании возможных грозных аграрных беспорядков к началу весны».

Председатель Совета министров представляет по этому вопросу всеподданнейший доклад (стр. 33), на котором Трепов записывает следующую резолюцию Николая II: «Его величество рескриптом от 24 декабря сего 1905 г. на имя гр. С. Ю. Витте соизволил указать на необходимость Совету министров разработать проект мероприятий, способных устранить как аграрные беспорядки, так и крестьянские бунты, и наметить ряд вопросов, которые будут затем обсуждены в совещании под личным его величества председательством».

Как известно, гр. Витте еще и до своего премьерства занимался крестьянским вопросом. Совершенно правильно отмечалось в нашей исторической литературе (см. работы М. Н. Покровского и покойного Н. А. Рожкова), что С. Ю. Витте был государственным деятелем буржуазного типа и в значительной мере представителем интересов промышленного капитала. Естественно поэтому, что он был противником крепостничества и в своей крестьянской политике стремился к ликвидации крепостнических остатков. С этой точки зрения представляет интерес глава XXXII первого тома его «Воспоминаний», в которой он рассказывает о своих неоднократных попытках ликвидировать институт земских начальников или хотя бы реорганизовать его, уничтожить выкупные платежи, круговую поруку и т. п.

Весьма характерно, в этом отношении, личное письмо С. Ю. Витте царю, написанное в октябре 1898 г., в котором он, изображая причины «крестьянского неустройства» и низкой налогоспособности крестьянства, предлагал образовать авторитетную комиссию и «совещание для упорядочения крестьянского дела». Однако царь на письмо не откликнулся, и все дело осталось лежащим под спудом. Лишь в 1902 г., под влиянием аграрных волнений, было назначено, под председательством Витте, «особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности», которое просуществовало с 22 января 1902 г. по 30 марта 1905 г. Указ о закрытии совещания последовал, по словам Витте, как раз тогда, «когда уже все вопросы, касающиеся крестьянства,

---

* Гр. Витте, Воспоминания, т. II, стр. 116.

были в достаточной степени, по крайней мере, в общих чертах, разработаны, но еще ничего окончательно сделано не было, не проредактировано, а следовательно, и не утверждено его величеством». *

Новое совещание для разработки крестьянского вопроса, под председательством Горемыкина, сделало еще меньше, чем старое, а по направлению сразу стало на другие рельсы: горемыкинская комиссия «дала понять, что она придерживается твердо существовавшего тогда строя крестьянства, т. е. строя общинного и административно-стадного управления».

Однако развернувшаяся крестьянская революция — «аграрные беспорядки» 1905 г. — похоронили горемыкинскую комиссию, но «вопрос крестьянский всплыл в резкой форме, во всем объеме в Совете министров». Именно о ходе занятий Совета министров по аграрному вопросу, в целях «прекращения и предупреждения происходящих аграрных беспорядков», сообщает Витте в своем «всеподданнейшем докладе» от 10 января 1906 г. (стр. 45—54). Указывая, что революция в городах почти подавлена, за исключением окраин, где революционное движение связано с национальным и аграрным вопросами, Витте отмечает, что с аграрными беспорядками «дело обстоит совершенно иначе». «Аграрные беспорядки не только не кончены, но едва ли не следует признавать их лишь вступившими в первый их период. Можно ожидать весною нового, более сильного их проявления, если только не удастся предупредить сего соответственными мерами».

Прогноз Витте оказался правильным, — «аграрные беспорядки» с новой силой вспыхнули весной 1906 г.

Аграрные проекты правительства зимы 1905—1906 г. не имели никакого практического значения и вообще были мало известны. Из печатаемых в настоящей книге документов мы узнаем, что Советом министров в это время намечались мероприятия двоякого рода: как имеющие целью достигнуть «временного наружного успокоения», так и меры, «носящие органический характер».

К первым мерам (усиление сельской полиции, применение с наибольшей пользой военной силы, меры судебного воздействия и т. п.), в сущности, и свелось все бюрократическое творчество царских министров в аграрном вопросе, и единственно эти меры нашли себе практическое применение при новой волне крестьянских движений в 1906 г.

Вопрос о мерах борьбы самодержавия с революцией стоял в ближайшей зависимости от вопроса об армии, как основной и решающей реальной силе. Вот почему этому вопросу — в той или иной степени и форме — посвящается громадное число публикуемых здесь документов. Мы уже говорили, что даже самый

---

* Гр. Витте, Воспоминания, т. I, стр. 441.

вопрос о том, быть ли «конституции» или военной диктатуре, был решен в октябрьские дни благодаря отсутствию необходимой для диктатуры надежной и достаточной военной силы.

Революция захватила не только рабочие и крестьянские массы, но и войска: восстания во флоте, известное революционное выступление броненосца «Князь Потемкин», к которому присоединились матросские команды и некоторых других судов, восстание в Севастополе, под руководством лейтенанта Шмидта, события в Кронштадте, — все это ясно говорило о том, насколько неблагополучное положение было во флоте. Но не лучше обстояло дело и в сухопутной армии. Мобилизация новобранцев проходила с громадными трудностями, вследствие отказа итти в войска. Дисциплина в войсках падала. Призванные в армию вносили в нее «революционные бациллы», которые вызывали брожение не только в войсках, остававшихся в России, но и в войсках действующей армии. В связи с 17 октября, произошел ряд беспорядков в полках, находившихся в столицах — Москве и Петербурге.

В центральной России армия была весьма незначительна, так как часть ее находилась на Дальнем Востоке, а другая часть была настолько ненадежна, что всего целесообразнее было распустить ее по домам. Лишь в трех, наиболее опасных в революционном отношении районах — Петербургском, Варшавском и Кавказском — было сравнительно достаточно войск, но командующие этих округов не давали их в другие районы. В действующей армии, питавшейся глухо до нее доходящими слухами о революции, революционные настроения росли, начальники растерялись, положение становилось весьма тревожным и опасным.

Гр. Витте в целом ряде всеподданнейших докладов указывал царю на опасности, идущие из Забайкальской армии.

«Я месяца через два после 17 октября, — пишет он в своих «Воспоминаниях», — письменно докладывал государю, что теперь идет обратная революционная волна не с запада на восток, а с востока на запад, и уже действовавшая армия заражается не из России, а скорее, что Россия может заражаться некоторыми элементами, возращающимися с действующей армией». *

Печатающиеся в настоящей книге доклады (стр. 23 — 24, 27, 30 — 32, 34 — 39, 55 — 57 и др.) достаточно красноречиво свидетельствуют о том, в каком отчаянном положении стоял вопрос об армии. Николай отмечал доклады с тревожными известиями о разложении армии грозными резолюциями, вроде: «Неужели этим 162 анархистам дадут возможность развращать армию? Их следовало бы всех повесить» (стр. 23) и т. п.

«Конституционный» премьер-министр сопровождал свои доклады царю не менее кровожадными предложениями о немедленной расправе и военно-полевых судах для революционеров

---

* Гр. **Витте**, Воспоминания, т. II, стр. 119.

и «попустителей» беспорядков в армии, а также категорически требовал смены главнокомандующего генерала Линевича и немедленной демобилизации и отправки в Россию части действующей армии. О генерале Линевиче Витте не только в своих мемуарах, где он вообще не стеснялся в высказывании своих симпатий и антипатий, но даже и во всеподданнейших докладах отзывался с величайшим негодованием и иронией, граничащей с пренебрежением (см. весьма характерный в этом смысле доклад 23 янв. 1906 г., стр. 56 — 57). По инициативе Витте были созданы карательные экспедиционные поезда в Сибирь, под начальством генералов Ренненкампфа и Меллер-Закомельского, которым была дана инструкция: «во что бы то ни стало открыть движение по дороге и восстановить правильную эвакуацию действующей армии в Россию».

Обе экспедиции, отправлявшиеся с двух противоположных концов: одна из Харбина по направлению в Россию, другая — из России по направлению в Харбин, должны были съехаться в Чите, водворив «порядок» по всей Сибирской дороге. Инструкция была выполнена. О результатах ее мы находим краткую запись в мемуарах Витте: «Дорогою оба генерала с десяток лиц расстреляли, некоторых арестовали, а генерал Меллер - Закомельский нескольких служащих (телеграфистов) за ослушание выдрал. Движение скоро было восстановлено». *

В документах данного сборника сибирская карательная экспедиция освещена скудно. Имеются лишь отдельные упоминания о ней (стр. 27, 55 — 57 и др.) да весьма характерная телеграмма (стр. 165 — 166) Николая с приказом генералу Линевичу полного содействия карательной экспедиции генерала Ренненкампфа. Деятельность экзекуционных поездов началась после того, как революционные железнодорожники Сибирской железной дороги восстановили порядок на железной дороге, организовав до 20 пар поездов, на запад с эшелонами запасных и на восток — продукты для края, и свелась к беспощадной мести рабочим и солдатам за их революционное «самоуправство».

Подъезжая к Чите, генерал Меллер-Закомельский готовил штурм города, который пришлось отменить вследствие добровольной сдачи читинцев.

Недовольный этим, генерал Меллер-Закомельский выразил свое порицание генералу Ренненкампфу в своем отчете царю: «Разгром Читы, — писал он, — послужил бы прекрасным уроком всем революционным обществам и надолго отнял бы у них охоту устраивать революции; бескровное же покорение взбунтовавшихся городов не производит никакого впечатления».

В таком же, примерно, тоне искреннего негодования и сожаления написана всеподданнейшая записка Витте царю о добровольной сдаче Читы (стр. 56).

---

* Гр. Витте, Воспоминания, т. II, стр. 123.

Карательные экспедиции оказались весьма радикальным средством для борьбы царизма с революцией и были настолько широко применяемы им, что даже вызвали недовольство их первого организатора и инициатора.

Особенно грандиозными и кровавыми были карательные экспедиции, посылавшиеся для расправы с революционными окраинами. Необычайно энергично и с большим кровопролитием прошло «усмирение» Прибалтийского края, где аграрные волнения и национальное движение, на почве недовольства руссификацией края, принимали грозные для самодержавия размеры.

В Прибалтийские губернии были с середины декабря 1905 г. по 1 июня 1906 г. направлены один за другим карательные отряды генералов Орлова, Безобразова, Рихтера и других. Сотни крестьянских селений были сожжены или разрушены, тысячи крестьян и рабочих были убиты или казнены. Карательные отряды разбивались для удобства действий на ряд небольших отрядов, и каждый действовал в отведенном ему самостоятельном районе. Начальники отрядов, преимущественно бывшие местные помещики, «остзейские бароны», со всей энергией мстили крестьянам за свои сожженные усадьбы: расстреливали, вешали, забивали палками и розгами, секли женщин и детей, виновных и не виновных.

В одной Курляндии было без суда и следствия расстреляно, повешено и убито 1170 крестьян и батраков. Жестокости «усмирителей» вызвали даже протест генерал-губернатора Соллогуба, который пытался не пустить Орлова в Ригу, чтобы он не сжег города, и просил содействия Витте против незаконных казней Рихтера (впрочем, именно за эти незаконные казни удостоившегося царской резолюции: «молодец» на телеграмме об его «подвигах» — стр. 44).

Противодействие рижского генерал-губернатора Соллогуба стоило ему губернаторского поста: он был отозван и заменен знаменитым сибирским «покорителем» — бароном Меллером-Закомельским.

Необходимо также отметить еще кавказскую карательную экспедицию. Революционное движение на Кавказе: стачки в Баку — в июле 1903 г., в декабре 1904 г. и в августе 1905 г., революционные крестьянские восстания в Грузии и Гурии, национальное брожение на всем Кавказе весьма тревожили самодержавие.

Сначала была послана специальная комиссия для обследования февральских событий в Баку под руководством Булыгина (стр. 62 — 65); затем была произведена «по высочайшему повелению» ревизия г. Баку сенатором Кузьминским (стр. 65 — 91), при чем уже из этих расследований и ревизий совершенно очевидно, что правительство избрало метод натравливания татар на армян, в качестве меры борьбы с революцией. Город Баку и бакинские промыслы в течение всего 1905 г. были ареной кровавой национальной борьбы, провоцировавшейся царскими агентами.

После декабрьского разгрома революции в центре России правительство снарядило карательную экспедицию на Кавказ, с невероятной жестокостью расправлявшуюся там в течение весны с туземным населением. Число жертв кавказской карательной экспедиции в точности неизвестно, но исчисляют их тысячами.

Царские телеграммы (см. «телеграфные приказы Николая II» — стр. 165 — 169), с выражением «полного удовлетворения» по поводу «подавления мятежного движения на Кавказе» и «очищения оружием пути к умиротворению враждующих народностей», — были наградой кавказским усмирителям.

Карательные отряды посылались и в другие области.

Витте отмечает при этом, что он даже не знал, от кого эти отряды получали инструкции и кто их организовывал: очевидно, инициатива, в большинстве случаев, принадлежала министерству внутренних дел, деятельно организовавшему в то время контр-революцию. *

Карательные экспедиции и поезда превратились в одно из наиболее излюбленных средств борьбы с революцией. В первый уже месяц 1906 г., когда военно-карательные действия вошли в систему, было казнено военно-полевыми судами (доклад № 6 (стр. 25 — 26) о применении военно-полевых судов в революционных местностях) 397 чел. Число арестованных, сосланных и отбывающих тюремное заключение, за полгода достигло 70 000 чел.; за весь 1905 революционный год, по приблизительным подсчетам, число убитых было 14 654 чел. и раненых 18 052 чел. В действительности, очевидно, значительно больше. В половине 1906 г. 74% общего числа губерний и областей были объявлены на исключительном положении, военное положение было введено в 25 губерниях, чрезвычайная охрана в 8, усиленная охрана в 34 губерниях и в Кронштадте — осадное положение.

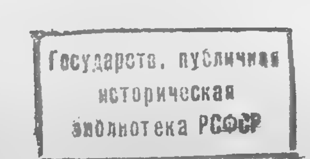
Кровавая расправа самодержавия с революцией шла ускоренным темпом. Царь выражал знаки особого внимания и благодарности к тем из своих сатрапов, кто отличался особенным зверством и жестокостями в деле борьбы «со смутой».

Там, где неудобно было применить открытую военную силу, как это было сделано с такими окраинами, как Прибалтика, Кавказ, Туркестан, которым надо было доказать «престиж царской власти», царизм употреблял хитрость и «двойную бухгалтерию», как это было по отношению к Финляндии.

Всеподданнейшие доклады о Финляндии гр. Витте (стр. 21 — 23, 27 — 30) и генерал-губернаторов — князя Оболенского (зима 1905 г.) (стр. 139—159) и Герарда (1906—1907 г.) (стр. 159—164) очень ярко отражают политику царизма в национальном вопросе.

---

* К числу подвигов подобного рода относится и организация еврейских погромов, проводившихся повсеместно по точно разработанному плану. В сборнике приведен лишь один «всеподданнейший доклад» об еврейском погроме в Гомеле, вызвавший замечательную резолюцию царя: «какое мне до этого дело?» (стр. 58).

Финляндия отличалась всегда особенным упорством в борьбе за свои национальные права. Известно, какое сопротивление во всех классах финляндского общества встретили попытки ограничения конституционных прав Финляндии в 1898 и следующих годах. Революционное движение в Финляндии и его связь с русскими революционерами всегда пугали царизм, и задачей насаждаемого им режима (с особенной ненавистью вспоминают финляндцы режим генерал-губернатора Бобрикова, убитого Евг. Шауманом в 1904 г.) была борьба с «революционным гнездом». «Великая забастовка» в Финляндии в октябре 1905 г. заставила царизм пойти на большие уступки, на расширение конституции и подписание нового сеймового устава (7 июля 1906 г.). Но одновременно царское правительство завязывает связи с умеренными кругами финляндской буржуазной партии (см., напр., всеподданнейший доклад о переговорах Витте с Мехелином — главою партии конституционалистов, а также интересную главу «Воспоминаний» Витте о Финляндии), чтобы с их помощью потушить революцию в Финляндии. Переговоры самодержавия с правым крылом финляндской буржуазии, боявшейся революционного пролетариата Финляндии и недовольной обострением классовой борьбы, как известно, увенчались успехом: возвращение Финляндии конституции вызвало отлив революционной волны и уступки буржуазии царизму, а прекращение революционного движения вызвало уже в 1907 — 1908 г. открытое нападение царизма на финляндскую конституцию и привело к ее фактической ликвидации по манифесту 27 марта 1910 г., лишившему сейм самостоятельности и подчинившего его реакционной Гос. Думе.

В заключение, необходимо отметить, что Витте, изображающий себя в своих «Воспоминаниях» весьма лойяльным по отношению к революции, как видно из напечатанных в этой книге (а ранее в журналах «Былое», № 9, за 1918 г. и «Красный Архив», т. XI — XII) всеподданнейших докладов, не уступал нисколько Николаю II в свирепости по вопросу о борьбе с революцией. Об этом свидетельствует самый тон его докладов и распоряжений и особенно его забота о том, чтобы приспособить армию для борьбы с революцией. Он усиленно занимался вопросами о дислокации войск, в соответствии с требованиями гражданской войны, о необходимости координировать действия военных и гражданских властей, о составлении специальных военных ополчений для борьбы с аграрными беспорядками, об организации экзекуционных поездов, о применении военно-полевых судов в местностях, охваченных революцией, и т. д. и т. п.

В отношении борьбы со «зверем» революции, т. е. пролетариатом, в лице «конституционного» министра Витте, буржуазия встала на защиту самодержавия и спасла его с тем, чтобы уже на завтра самодержавие, без сожаления, ликвидировало, вместе с «конституционным» министром, и надежды буржуазии на конституционную монархию.

А. Панкратова.

РЕВОЛЮЦИЯ
1905 г.
И САМОДЕРЖАВИЕ

I.

ДОКЛАДЫ С. Ю. ВИТТЕ НИКОЛАЮ II [1]

1.

Имею честь всеподданнейше донести, что я сегодня видел и беседовал с Михелином, [2] который сегодня же уезжает обратно в Гельсингфорс. Михелин объясняет происшедшее в Финляндии общим недовольством всех без исключения партий — водворившимся в последние годы режимом, нарушившим прежний правовой быт Финляндии. [3] Недовольство это выражалось во всем, систематически, но не переходило в область революции потому, что, с одной стороны, имели основание ожидать от князя Оболенского [4] возвращения к старому режиму, с другой стороны — потому, что вся партия конституциалистов (во главе ее находится Михелин) принципиально против всяких насилий, а потому они употребляли все усилия, чтобы сдерживать все увеличивающуюся партию социалистов и молодежь. Когда революционная волна из России хлынула посредством забастовок на Финляндию, то социалисты и молодежь взяли верх и, не находя активного отпора вообще в финляндских гражданах и в виду обнаружившейся полной свободы власти, в сущности временно завладели властью. После манифеста вашего императорского величества вся благоразумная часть Финляндии, составляющая громадное большинство, сразу встрепенулась и отозвалась верноподданнически на ваш царский призыв, а потому социалисты и молодежь сейчас же должны были устраниться, и восстановился порядок. В течение всего этого времени не было пролито ни капли крови.

Михелин, а значит, и вся его партия, относится симпатично к князю Оболенскому. Но из его рассказа видно, что князь Оболенский, как только произошел кризис, совершенно растерялся и сделался орудием в руках других, думаю, больше всего в руках Михелина. Так, он проговорился, что весь проект манифеста и другие представления написаны им,

Михелиным, и его сотрудниками. * Вашему величеству известно, что я лично нахожу, что Михелин и финляндские конституциалисты — люди совсем не опасные и наиболее умные и влиятельные, но если князь Оболенский их игнорировал до кризиса, то призвание их в качестве решительных советников, как только начался кризис, конечно, не могло усилить обаяния генерал-губернатора. Затем Михелин проговорился, что недостаток генерал-губернатора заключается в том, что он много говорит, а потому не имеет достаточного времени думать. Наконец, он заявил, что, собственно говоря, князь Оболенский ныне финляндцам даже люб, но что русские ему не простят, что он во время смуты покинул дворец, ночевал на судне и принимал днем, кажется, в крепости.

Что касается статс-секретаря по делам финляндским [5], Михелин заявляет, что во время кризиса он сделал все, что хотели в Гельсингфорсе, но что он — правильно или неправильно,— но не пользуется в Финляндии ни доверием, ни уважением.

Затем Михелин утверждает, что после манифеста вашего величества Финляндия, несомненно, придет в полное спокойствие и будет вполне верноподданна по отношению своего государя и лояльна относительно России, но нужно, чтобы манифест был искренно и твердо приведен в исполнение, а для сего, по его мнению, нужно назначить: 1) серьезного генерал-губернатора, 2) статс-секретарем финляндца, которому доверяют соотечественники (он указывает на графа Армфельда, [6] бывшего при В. К. Плеве [7] его помощником), ** и 3) назначить сенат в том составе, который ныне представлен князем Оболенским, после обсуждения дела со всеми влиятельными финляндцами.

Статс-секретарь граф Витте.

[Без даты.]

Приложение.

В течение второй половины минувшего октября в Финляндии произошли события, не имеющие себе примера за все почти столетнее нахождение этого края под русским владычеством. [8] Организована была общая политическая забастовка; появилась хорошо вооруженная и обученная «национальная гвардия» (милиция), которая заменила собою во многих местностях законную полицию, заставив ее сложить свои полномочия; некоторым губернаторам представителями местных политических партий с угрозами предложено было оставить должность; в самом Гельсингфорсе генерал-губернатор состоял, повидимому, под охраной этой же национальной гвардии, при чем полиция в городе была фактически упразднена. Далее, в Гельсингфорсе, по требованию

* Подчеркнуто Николаем II.

** Граф Армфельд двадцать лет служил в статс-секретариате по делам Финляндии. (Примечание в подлиннике.)

толпы, собравшейся у дома генерал-губернатора, все сенаторы должны были подать в отставку, а по настоянию вожаков восстания от генерал-губернатора было потребовано представление высшей власти ходатайств, многие из которых, в сущности, клонились к ослаблению связи Финляндии с Россией, если не к полному ее обособлению. Согласно заключению генерал-губернатора, в видах умиротворения края, некоторые из сих ходатайств, и притом весьма существенные, пришлось удовлетворить.

Для выяснения обстоятельств, благодаря которым оказалось возможным столь неожиданно для местной русской власти произвести такой крупный переворот, было бы необходимо командировать на место облеченное высочайшим доверием лицо, на которое возложить подробное расследование указанных событий и принятых по отношению к оным представителями власти мер.

4 ноября 1905 г.

2.

«Неужели этим 162 анархистам дадут возможность развращать армию?
Их следовало бы всех повесить». *

Приписка гр. Витте: «5 ноября 1905 г. Царское Село».

Почитаю долгом всеподданнейше представить на высочайшее вашего императорского величества благоусмотрение главнейшие сведения из полученных мною за сегодняшний день телеграмм [9] и сообщений.

Генерал-адъютант Линевич, [10] на основании донесений генерал-майора Казбека, [11] сообщает, что во Владивостоке в ночь на первое ноября казаками, стрелявшими по бушевавшей толпе, убито девять человек. [12] Подстрекатели подожгли склады каменного угля Маковского и разграбили несколько офицерских квартир флотского экипажа; в общем, в городе тревожно. Во Владивостоке находится около тридцати тысяч запасных, настаивающих на немедленном увольнении их в запас; среди запасных ведется настойчивая агитация. Генералом Линевичем предписано уже перечислить из владивостокского гарнизона 7000 человек в запас и отправить их по железной дороге в Европейскую Россию. Но исполнение этого приказания может быть задержано продолжающейся забастовкой на Сибирской железной дороге, препятствующей возвращению войск. — По сведениям генерала Линевича, подстрекатели-анархисты, в числе 162 человек, прибыли уже, с целью агитации, и на Китайскую железную дорогу.

Генерал Надаров [13] донес главнокомандующему о погроме на станции «Пограничная», где толпа мастеровых из депо и нижние

* Курсивом набраны везде резолюции Николая II.

чины железнодорожной роты разгромили поселок близ станции, и в городе Мысовске, где однако беспорядки были скоро прекращены вмешательством уездного начальника; убитых двое.

Статс-секретарь граф Витте.

4 ноября 1905 г.

3.

Приемлю долг всеподданнейше ходатайствовать перед вашим императорским величеством о том, не благоугодно ли будет вашему величеству удостоить личным приемом священника Григория Петрова [14] для беседы с ним и соблаговолить назначить время, когда ему надлежит явиться.

Граф Витте.

21 октября 1905 г.

4.

«Сердечно благодарю мастеровых и служащих за их стойкость и преданность».

Приписка гр. Витте: «15 ноября 1905 г. Царское Село».

Приемлю долг всеподданнейше довести до сведения вашего императорского величества содержание телеграммы, полученной мною 15 сего ноября от мастеровых и служащих депо и станции Елец Рязанско-Уральской железной дороги:

«Несмотря на уговоры местного инженерного начальства склонить нас к забастовке и присоединиться к социал-революционной партии,* мы, мастеровые и служащие депо и станции Елец, от всех забастовок уклонились; все время продолжаем работать, несем службу, не нарушая законности и порядка, и просим оградить нас от дальнейшей пропаганды инженеров и их единомышленников, а также обращаемся ко всем нашим братьям, труженикам всех железных дорог, прекратить забастовки, приносящие неисчислимые бедствия родине и разоряющие рабочий класс населения всего государства, мирно работать, не нарушая законности и порядка, ждать проведения в жизнь дарованных высочайшим повелением милостей по улучшению быта железнодорожных тружеников. Вместе с тем просим повергнуть к стопам его императорского величества государя императора наши верноподданнические чувства беспредельной преданности за дарованные манифестами 17 октября и 3 ноября милости; молим бога о здравии и долголетии царя-батюшки и его семьи». [15]

Статс-секретарь граф Витте.

15 ноября 1905 г.

---

* Набранное разрядкой подчеркнуто Николаем II. Против этого места на полях его резолюция: *«Этих мерзавцев нужно уволить»*. Приписка гр. Витте: «К мин[истру] пут[ей] сообщения».

5.

Забастовка почт и телеграфов не успокаивается.[16] Центр ее, как вообще центр революционного движения, находится в Москве. Сегодня утром на московскую телеграфную станцию явилась часть телеграфистов на работу; действие с Петергофом открылось по четырем проводам, а затем прекратилось. Оказывается, что на станцию явились забастовщики, опрокинули караул и выгнали работавших. Когда дали знать градоначальнику, он ответил: бо́льший караул дать не могу, покуда не вернутся войска из Манчжурии.

В Москве полная анархия власти. Крайне важно скорейшее прибытие нового генерал-губернатора.[17] Мне совершенно неизвестен тамошний командующий войсками:[18] можно ли положиться на его энергию и предусмотрительность?

Об вышеизложенном приемлю долг всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству.*

Статс-секретарь граф Витте.

20 ноября 1905 г.

6.

Совет министров в заседании 13 декабря обсуждал вопрос о применении в местностях, где проявляется мятежное движение, военно-полевого суда. Рассмотрев составленный главным военным прокурором проект правил[19] по этому предмету, Совет признал весьма важным с точностью установить самое значение полевого суда. Учреждение это вводилось бы с исключительною целью постановления приговоров о смертной казни. Если суд не найдет законных оснований для назначения смертной казни, то дело направляется в общем порядке военно-уголовного судопроизводства. Весь порядок судебного процесса упрощен до крайности, при чем на рассмотрение дела от вступления его в суд до приведения приговора в исполнение полагается не более 24 часов.

Совет министров рассуждал, что революционные проявления подавляются ныне только благодаря доблестному поведению войск, и правительство обязано всемерно заботиться об оказании им поддержки и изыскании мер для обеспечения их от излишних потерь. Но учреждение военно-полевого суда не внесет существенного изменения в положение дела. Те, принадлежащие

---

* На докладе имеется собственноручная пометка Николая II и сделанная Треповым надпись: «Его величеством рассмотрено и собственноручно пред словом «декабря» начертано «*15 дня*». *в Царском Селе*». 15/XII. 1905 г. Свиты его величества генерал-майор Трепов».

к составу революционеров люди, которые захватываются войсками с оружием в руках, при введенном в местности положении об усиленной и чрезвычайной охране или военном положении, подлежат суждению военным судом. Быстрота процедуры при этом не столь велика, но также исчисляется днями, и в случае преподания надлежащих инструкций замедления в ходе процесса быть не может.

По мнению же Совета, к которому примыкают военный министр и начальник генерального штаба, главнейшим условием успешности подавления мятежа и ограждения при этом войск от излишних потерь является соответствующий образ действий самих войск. В настоящее время, при пользовании оружием в случае беспорядков, войска руководствуются указанными в гражданских законах (т. II Общ. Учр. Губ., прил. к ст. 316) правилами, которые уже признаны неудовлетворительными, и об изменении их внесено представление в Государственный Совет, при чем одновременно с сим я обращаюсь к председателю Государственного Совета с просьбой об ускорении этого дела.[20]

Но, независимо от этого, за предшествующие несколько лет, при неоднократных случаях обращения гражданских властей к содействию вооруженной силы, признавались нежелательными слишком энергичные действия, и войска, выступая против толпы, к оружию вовсе не прибегали или применяли его осторожно, главным образом, в целях устрашения. Теперь подобные приемы должны быть оставлены, как представляющие слишком большую опасность для государства и для самих войск и в виду изменившейся тактики революционеров.

Главным основанием деятельности войск должно быть поставлено, что коль скоро они вызваны для усмирения толпы, то действия должны быть решительные и беспощадные по отношению ко всем сопротивляющимся с оружием в руках.

В виду такого, выраженного Советом, сомнения в полезности провозглашения нового весьма сурового закона, едва ли могущего получить на практике особое значение, приемлю всеподданнейший долг представить о вышеизложенном на высочайшее вашего императорского величества благовоззрение, позволяя себе, согласно вышеизложенным суждениям, высказать мнение, что военному министру надлежало бы дать кому следует категорические указания о применении войсками полной силы и решительном действии оружием против всех оказывающих им вооруженное сопротивление и противящихся распоряжениям начальников воинских частей.

Статс-секретарь граф Витте.

15 * декабря 1905 г.

---

* Витте не проставил даты; в переписанном на машинке тексте доклада число «*15*» было вставлено Николаем.

7.

Екатерининская дорога находится в руках мятежников. [21] Они распоряжаются движением. По моему мнению, необходимо послать туда решительного генерала с теми же инструкциями и полномочиями, какие даны генералу Ренненкампфу [22] относительно Сибирской железной дороги. *

Это необходимо сделать безотлагательно, иначе закроется масса заводов, и часть России останется без топлива. Вообще вся беда, что нет войск. По крайней мере, необходимо согласовать действия военного и гражданского начальства. Военное начальство стягивает войска для учения новобранцев. Губернаторы заявляют, что если у них отберут мелкие отряды, то губернии погибнут.

Необходимо также обеспечить главные узлы железных дорог войсками — иначе на дорогах будут постоянные перерывы. Между тем теперь идут новобранцы. Они застревают, бунтуют и развращаются.

Вообще необходимо урегулировать вопрос о дислокации войск сообразно политическим потребностям и отношения министерства внутренних дел и военного.

Осмеливаюсь ходатайствовать перед вашим императорским величеством, не соизволите ли вызвать по этому спешному делу великого князя Николая Николаевича, [23] начальника генерального штаба, [24] военного [25] и министра внутренних дел [26] и меня для того, чтобы выслушать наши соображения и невзгоды и затем принять высочайшие решения.

Статс-секретарь граф Витте.

17 декабря.

8.

Приемлю долг всеподданнейше представить вашему императорскому величеству второе письмо финляндского генерал-губернатора по вопросу об обезврежении в Финляндии преступных действий и замыслов петербургских революционеров.

Мою переписку по этому предмету с Н. Н. Герардом [27] я передал министру внутренних дел, прося его войти в соглашение с представителем генерал-губернатора с целью выработать надлежащие меры и инструкции. Вместе с тем я высказал мнение, что дело это в Финляндии не следует поручать жандармерии (форменной), а нужно организовать секретную агентуру. Делу этому я придаю особое значение, так как в Финляндии находилось и, вероятно, ныне находится главное депо революционеров.

---

* Отчеркнуто на полях Николаем II.

Вместе с тем я просил министра финансов [28] усилить на финляндской границе таможенный надзор и пограничную стражу. Но охранять границу этим путем весьма трудно.

Статс-секретарь граф Витте.

[Без даты.]

Копия.

Приложение.

Желая ускорить разрешение возбужденного вами вопроса, я поручил передать вам это письмо бывшему вазасскому губернатору Ф. М. Книповичу [29], которого я пригласил занять должность директора моей канцелярии.

Покуда я останавливаюсь на следующих соображениях: необходимо, чтобы имперская полиция могла следить за действиями русских революционеров в Финляндии; для этого, казалось бы, нужно выработать приемы и правила, соответствующие точно определенной цели. В основание этих правил следует положить следующие начала:

1) чтобы действия полиции в этом направлении касались исключительно русских революционеров, а не деятельности местных жителей; всякое нарушение этого начала вызовет, без сомнения, противодействие и общества, и здешних властей;

2) чтобы такой надзор был поручен специальной имперской полицейской власти, а не общей администрации, так как ожидать от здешних властей энергии в борьбе с революционерами совершенно невозможно.

Быть может, было бы лучше всего поручить этот надзор жандармскому управлению, но при непременном условии преобразования его на тех основаниях, которые мною приведены в письме к министру внутренних дел по этому предмету. Нельзя сомневаться, что даже при этих условиях в некоторой части населения, в особенности между рабочими, вновь назначенные жандармы будут встречены далеко не дружелюбно, и что деятельность русских революционеров здесь возбуждает довольно большие симпатии. Поэтому желательна большая осторожность со стороны полиции; может быть, необходимо на первых порах, чтобы она ограничила свою деятельность наблюдением за пребывающими здесь лицами русского происхождения, но лишь в крайних случаях принимала меры дознания и следствия.

Я бы полагал, чтобы выработка подобных правил была сделана безусловно секретно. Коллежский советник Книпович очень опытный служащий, знает край и местные законы и может дать необходимые разъяснения. Если бы эта работа была возложена на него и на директора департамента полиции, то, надеюсь, вопрос подвинулся бы вперед.

С Мехелином я пока об этом не говорил.

Н. Герард.

20 декабря 1905 г.

9.

Финляндия в последние годы служила убежищем петербургских революционеров. Там нашли притон еще убийцы Сипягина.[30] Оттуда шло почти все оружие, которым вооружались революционеры. В Москве вооружение подготовлялось более года. Вследствие сего я обратился к финляндскому генерал-губернатору с особым письмом, настоятельно прося его содействия, дабы финляндская администрация приняла меры. В этом письме я просил Н. Н. Герарда, если он признает нужным, обратиться от моего имени к Михелину. В ответ на это письмо я получил ответ, копию коего имею честь всеподданнейше представить вашему императорскому величеству.

Относительно усиления надзора со стороны жандармской полиции и пограничной стражи я обратился к подлежащим министрам.

Статс-секретарь граф Витте.

20 декабря 1905 г.

Приложение.

Я не сомневаюсь ни одной минуты, что русские революционеры совершенно свободно подготовляли свое дело здесь, в Финляндии, и находили в ней удобный путь, чтобы скрыть следы своих покушений в России; русские власти были бессильны в борьбе с ними, а финляндцы едва ли не пользовались ими для подготовления той революции, которая совершилась в октябре. Будет ли лучше теперь, сказать трудно; судя по печати, к нам продолжают относиться с большим недоверием, а против многих русских служащих существует положительное озлобление. Пока и Михелин и его единомышленники преследуют главным образом свои национальные цели.

При знакомстве с новыми губернаторами я приглашаю их употреблять и свою власть, и свой авторитет для прекращения различных нелегальных действий со стороны местного населения, и они мне обещали. Досадно, что единственная губерния, где остался прежний губернатор, это Выборгская, так как барон Медем[31] до сих пор не получил назначения в Россию.

Из вопросов, близко касающихся затронутого вами предмета, есть один, которым я занялся немедленно по вступлении моем в должность: это незаконный ввоз оружия в Финляндию. Я стал получать сведения о предстоящем ввозе одновременно из министерств иностранных дел, военного и внутренних дел, и замечательно, что все они поступили дней 5 или 6 после водворения в крае оружия; только вчера, наконец, установились между мною и Копенгагеном непосредственные сношения. Но для борьбы с этим злом необходимо содействие здешних властей. Я обратился с этим к новым губернаторам, сперва на словах, потом на письме, и они

мне обещали свое содействие; кроме того, я написал в Сенат, и там образована особая комиссия для установления совместных действий администрации с таможенным ведомством; но будет ли все это иметь практическое применение, сказать пока трудно. Одно только можно удостоверить, что прежние власти были совершенно бессильны в этой борьбе и в сознании этого бессилия сделались к ней безучастны.

Я думаю, что переговорить с Михелином по поводу указываемых вами случаев необходимо, и я не премину это сделать, но не сегодня, так как у финляндцев Новый год; о последующем я вас немедленно уведомлю.

В конце концов вот мой совет: не упускайте возможности наблюдать за финляндскою границею; она очень удобна для наших революционеров; здесь много лиц, им сочувствующих, и теперь идет почти явно сбор денег в пользу русских забастовщиков. Хорошо покамест то, что здешние рабочие порвали солидарность свою с русскими революционерами, и на здешнюю жизнь события в России прямо не отражаются; но полагаться здесь на кого бы [то] ни было невозможно.

Н. Герард.

19 декабря 1905 г.

10.

Изволите ли приказать, ваше императорское величество, сообщить генералу Соллогубу [32] высочайшие ваши резолюции на прилагаемой телеграмме?

К сожалению, мы везде посылаем войска уже после происшествия и в редких случаях предупреждаем случай. Происходит это, во-первых, потому, что, в виду громадности империи с 136-миллионным * населением, ни с какою армиею за всем не угонишься. Но вне этой общей причины имеются частные: 1) действующая армия еще за Байкалом; 2) малое количество войск, находящееся в империи, крайне ослаблено уходом отпускных без пополнения новобранцами; 3) крайнею слабостью многих военноначальников, преимущественно в высших чинах, и 4) несогласованностью действий военных и гражданских чинов. По поводу п. 1 — перевозки действующей армии — я в середине октября имел счастие всеподданнейше докладывать вашему императорскому величеству, что я возлагаю надежду на борьбу с революцией на скорейшее возвращение войск с Манчжурии. К сожалению, это дело шло более нежели неуспешно. На это я обращал несколько раз внимание военного министра и начальника главной квартиры вашего величества. [33] Наконец, видя, что все-таки дело

* Отчеркнуто на полях Николаем II.

не двигается, я всеподданнейше ходатайствовал о принятии чрезвычайных мер* посылки воинских экзекуционных поездов.

Хотя все сие дело не входит в компетенцию Совета министров — я же знаю о ходе этого дела только из газет. Если бы была принята мера экзекуционных поездов месяц тому назад, то может быть* мы имели в России несколько лишних дивизий. По поводу [пункта] 3 я имел честь докладывать вашему императорскому величеству, что было бы необходимо скорее выписать из армии выдающихся генералов и офицеров и заменить ими престарелых и неспособных. Московские беспорядки показали всю несостоятельность высшего местного командования. По этому вопросу я неоднократно говорил великому князю Николаю Николаевичу, военному министру, начальнику главной квартиры вашего величества. Все они соглашались с моими указаниями, но что сделано в этом направлении, — мне неизвестно. По [пункту] 4 — крайний недостаток войск усугубляется несогласованностью действий военных и гражданских властей. Начать с верху: ни я, ни министр внутренних дел не имеем сведения о дислокации войск.[34] Войска были расставлены так или иначе по соображениям стратегическим, а не внутренней политики. Теперь войска должны быть призваны, главным образом, для борьбы со смутою и для поддержания государственных устоев. Очевидно, что при таких условиях дислокация должна быть сообразована с внутренними потребностями государства и соответственно соображениям лиц, на коих ваше императорское величество изволили возложить внутреннюю политику. Ни я, ни министр внутренних дел не только не посвящены в численность военных сил и их дислокации, но вся наша деятельность в этом отношении ограничивается просьбами, обращаемыми к военному министру. Когда начались беспорядки в Москве, было ясно, что тамошним войскам не справиться. Подкрепления были отправлены после того, как генерал-губернатор и я несколько дней безуспешно хлопотали о посылке войск. Для меня ясно, что в Прибалтийском крае войск мало: с этими силами генерал-губернатору скоро не удастся раздавить восстание. Можно ли послать еще войска или нет — не знаю. Из прилагаемой телеграммы временного харьковского генерал-губернатора оказывается, что и там войск недостаточно.[35] То же мне сообщают на мои понуждения наместник и командующий войсками одесского округа. Та же несогласованность действий, как и наверху, проявляется иногда и на местах, вследствие неудовлетворительности законов. Новый закон по этому предмету внесен в Государственный Совет, но там несколько замедлился. Я просил председателя Государственного Совета поспешить. Нужно выяснить наши силы, их недостаточно; необходимо немедленно прибегнуть к формированию рода ополчения. Оставаться зрителями грядущих событий невозможно, — нельзя терять время и, как ваше

* Отчеркнуто на полях Николаем II.

величество изволите указывать, постоянно опаздывать. Изложенные соображения о необходимости координировать действия гражданских и военных властей побудили меня несколько дней тому назад ходатайствовать перед вашим императорским величеством о повелении великому князю Николаю Николаевичу, военному министру, начальнику генерального штаба, министру внутренних дел явиться к вашему величеству, дабы в высочайшем вашем присутствии обсудить это дело. Но, может быть, радикальное решение этого вопроса заключалось бы в том, чтобы во главе правительства поставить военного человека и вручить ему, при участии министров, согласование действий всех частей управления, в том числе и военно-морского.

Статс-секретарь граф Витте.

21 декабря 1905 г.

11.

События, имевшие место в Москве, повлекшие за собою многочисленные человеческие жертвы и крупный материальный ущерб для города и отдельных лиц и учреждений, возлагают тяжелую нравственную ответственность на правительство.

Мятеж возник с внезапностью и силою, которые потребовали особой энергии со стороны войск и совершенно исключительных мер для его подавления. Можно с уверенностью ожидать предъявления обществом и печатью обвинений к власти в непредусмотрительности, бездеятельности и попустительстве. Ответственность в этом случае окажется падающей, может быть и правильно, не только на отдельных местных должностных лиц, но и на высшее правительство, в лице председателя Совета министров, лиц, стоявших во главе министерства внутренних дел, и бывших генерал-губернаторов. При таких условиях самым правильным представлялось бы немедленное назначение нелицеприятного расследования событий, в порядке, установленном законом для производства дел об ответственности высших чинов государственного управления. Только решение такого высокого учреждения, как назначенный особым указом вашего императорского величества верховный уголовный суд, может распределить надлежащим образом ответственности, и самая возможность такого обсуждения дела даст правительству нравственную опору в тех случаях, когда оно опять окажется вынужденным, при известных обстоятельствах, не считаться с тягостными для населения последствиями принимаемых исключительных мер.

В виду изложенных соображений, приемлю долг всеподданнейше ходатайствовать перед вашим императорским величеством об обращении на рассмотрение департамента гражданских и духовных дел Государственного Совета в порядке статей 105 и сл. Учр. Гос. Сов., изд. 1901 г., обстоятельств, сопровождавших проявление в Москве вооруженного восстания, для определения

упадающей в этом случае на принадлежащих к высшему государственному управлению лиц ответственности.

Председатель Совета министров
статс-секретарь граф Витте.*

21 декабря 1905 г.

12.

Имею честь всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству, что, по моему мнению, ныне же необходимо со всех сторон обсудить вопрос о мерах, кои надлежит принять в ожидании возможных грозных аграрных беспорядков к началу весны. Меры могут быть двоякого характера: политическо-экономические и военно-политические.

По поводу мер первого порядка я имел счастье всеподданнейше докладывать вашему величеству, что Совет министров трижды обсуждал этот вопрос и большинством склонился к мнению, что осторожнее без Думы не принимать никаких решительных мер. Но важность этого дела требовала бы, чтобы ваше императорское величество соизволили обсудить вопрос под вашим высочайшим председательством с приглашением соответствующих лиц.

Что же касается мер военно-политических, то, по моему мнению, в этом отношении необходимо экстренно принять самые решительные меры. Хотя полиция усиливается, но все-таки она будет крайне слаба для борьбы с аграрным движением. Для этого нужно войско, а если войска нет, то необходимо немедленно его создать. Мне кажется, что другого средства, как создать экстренно ополчение, — нет. Вследствие сего я передал по этому предмету особую записку начальнику генерального штаба, прося его разработать спешно вопрос. Не соизволите ли, ваше императорское величество, обратить на это дело высочайшее ваше внимание? Если ваше величество изволите, согласно моему ходатайству, обсудить вопросы военно-гражданские в особом совещании под вашим председательством, то не соизволите ли приказать обсудить дело тем же порядком и об ополчении?

Статс-секретарь Витте.**

23 декабря 1905 г.

---

* Имеется пометка Николая II о рассмотрении и приписка Трепова: «Его величеством рассмотрено в г. Царском Селе 22/XII 905 г. Свиты его величества генерал-майор Трепов».

К этому докладу приложена «всеподданнейшая справка», представляющая собою выписку статей 105—113 Учр. Гос. Сов. Св. Зак., т. I, ч. 2, изд. 1901 г., и ст. 1112 Устава Уголовного Судопроизводства, изд. 1892 г. (Прим. ред.).

** На отдельном листе рукою Трепова записана резолюция Николая II: «Его величество рескриптом от 24 декабря сего 1905 года на имя графа С. Ю. Витте соизволил указать на необходимость [1)] Совету министров разработать проект

13.

Так как везде нет достаточно войск, то все начальники, раз к ним попала какая-либо часть, стараются ее удержать у себя. Точно так генерал-адъютант Дубасов усиленно старается удержать у себя Семеновский полк. Хотя там войск мало, что усиливается слабым составом высших начальников, тем не менее я считаю неосторожным оставлять там далее Семеновский полк. По моему мнению, его необходимо до нового года вернуть в Петербург. Я опасаюсь 8 января.

Об изложенном имею честь всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству.

{Статс-секретарь граф Витте.*

23 декабря 1905 г.

14.

Имею честь всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству, что, как только я узнал от министра финансов, что предполагается восстание в Ростове—большом гнезде революционеров, я немедленно телеграфировал наказному атаману [36] в Новочеркасск, чтобы он, ничем не стесняясь, задушил восстание в Ростове. Из прилагаемой телеграммы видно, что это исполнено.[37]

В Новороссийске нет губернатора—он (Новороссийск) в руках революционеров.[38] С наместником [39] сообщения нет. Хотя Новороссийск не входит в Кубанскую область, я от имени вашего величества обратился к кубанскому атаману: [40] погасить восстание в Новороссийске. Ответ его при сем имею честь всеподданнейше представить.

мероприятий, способных устранить как аграрные беспорядки, так и крестьянские бунты, и наметить ряд вопросов, которые будут затем обсуждены в совещании под личным его величества председательством.

2) По вопросу об изменении дислокации войск его величеству благоугодно было повелеть сформировать совещание под председательством графа Витте, при членах: в. к. Николае Николаевиче, ген.-лейт. Редигере и Палицыне, ген.-майоре Поливанове и упр. м. в. д. П. Н. Дурново.

3) По вопросу о формировании ополчения его величество высказался отрицательно и повелеть соизволил безотлагательно обсудить вопрос о сформировании конно-полицейской стражи, хорошо вооруженной, которую расквартировывать по городам и железнодорожным узлам. 24/XII 905. Царское Село».

* К подлиннику приложена на особом листке резолюция Николая II, записанная рукою Трепова: «Его величество соизволил повелеть возвратить С.-П-бург Л.-Гв. Семеновский полк не позднее 1 января 1906 года. 25/XII 905. Царское Село».

Вообще можно сказать, что революционеры на время везде сломлены. Вероятно, на днях общие забастовки везде кончатся. Остаются остзейские губернии, Кавказ и Сибирская железная дорога. По моему мнению, прежде всего нужно разделаться с остзейскими губерниями. Я целым рядом телеграмм поощрял генерал-губернатора действовать решительно. Но там, очевидно, мало войск. С этими силами трудно справиться. Вследствие сего я ему еще вчера ночью телеграфировал, что, в виду слабости наших войск и полиции, для поднятия авторитета власти, необходимо с кровожадными мятежниками расправляться самым беспощадным * образом. На восстановление порядка на Сибирской дороге я рассчитываю на экзекуционные поезда. Это дело в руках начальника генерального штаба. Я просил его, кроме поезда Ренненкампфа, снарядить один поезд из Омска, а другой из Европейской России. Генерал Палицын мне сообщил, что этим он занимается.[41] Кроме того, я просил министра внутренних дел, согласно просьбе генерала Сухотина,[42] все губернии, по которым пролегает Сибирская дорога, объявить на военном положении. Но с Сибирской дорогой будет справиться трудно, так как там бунтующим элементом являются, кроме служащих железной дороги, двигающиеся с театра войны воинские части, особливо отпускные. Город Красноярск (центр революции) находится в руках взбунтовавшегося железнодорожного баталиона.* Вероятно, его придется брать приступом.[43] На Кавказе также войск мало, но ход дела на Кавказе будет во многом зависеть от нового главного начальника.

Статс-секретарь граф Витте. **

23 декабря 1905 г.

1.

Приложение.

Екатеринодар. Наказному атаману.

По повелению государя императора, прошу ваше превосходительство принять самые решительные меры к водворению порядка в Новороссийске. Объявите город, а если нужно, то и прилегающую местность, на военном положении и донесите о сем наместнику. Прошу телеграфировать о последующем.

Граф Витте.

Телеграмма из Екатеринодара на имя графа Витте, от 22 декабря 1905 года.

Высочайшее государя императора повеление, касающееся Новороссийска, мною получено двадцать первого числа. К безотлага-

---

* В оригинале подчеркнуто графом Витте.

** Имеется отметка Николая II и надпись Трепова: «Его величеством рассмотрено в г. Царском Селе 26/XII 905 г. Свиты его величества генерал-майор Трепов».

тельному приведению его в исполнение приступлено. О последующем донесу.

Генерал-лейтенант Одинцов.

Телеграмма из Новочеркасска на имя графа Витте, от 22 декабря 1905 года.

Вооруженное восстание в Ростове подавлено. Дружину добровольцев не формировал.

Князь Одоевский-Маслов.

2.

Генерал-лейтенанту Сухотину.

Обращаюсь к вам не официально, а по долгу к царю и родине. Необходимо во что бы то ни стало водворить порядок на Сибирской железной дороге и уничтожить революцию в сибирских центрах. Эта государственная задача возложена на вас государем императором. Зная вас, уверен, что, как верный слуга государя и истинный сын нашего измученного отечества, вы исполните эту задачу и найдете честных и преданных долгу службы сотрудников и деятелей. Готов вам помогать по мере моих сил.

Граф Витте.

3.

Ташкент. Генерал-губернатору.[44]

Советую вам ввести во вверенном вам крае военное положение и решительно покончить с забастовками и революционерами, иначе кончится тем, что мы потеряем всякий престиж в туземном населении и подготовим восстание.

Граф Витте. *

15.

Имею честь всеподданнейше представить вашему императорскому величеству телеграмму генерала Соллогуба, в ответ на мою, в которой я указывал, что, в виду малочисленности войск и слабости полиции, с одной стороны, а с другой, кровожадных действий тамошних революционеров, не остается другого средства для подавления революции, как действовать беспощадным образом.

Статс-секретарь граф Витте.

25 декабря 1905 г.

---

* Имеется отметка Николая II и надпись Трепова: «Его величеством рассмотрено в г. Царском Селе 26/XII 905 г. Свиты его величества генерал-майор Трепов».

Приложение.

Копия шифрованной телеграммы на имя графа Витте из Риги от генерал-лейтенанта Соллогуба.

Существует крупное различие в оценке обстановки здесь и в Петербурге. В Риге днем на улицах полное спокойствие: заводы, фабрики, железные дороги работают; праздного и пьяного люда почти нет, даже в праздники; только с наступлением темноты происходят отдельные нападения на чинов полиции, иногда и войск, кончающиеся сравнительно часто убийством городовых; вчера убит жандарм, сегодня — городовой. Многочисленные дознания, производимые прокурором, убедили его, что шайка рижских злоумышленников не многочисленна — сто-двести человек, но сильна своей неуловимостью. Почти ежедневно полицией совместно с войсками производятся в разных частях города обыски с целью поймать известных администрации главных агитаторов, но именно их до сих пор изловить не удалось, арестовывались деятели второстепенные. По вечерам ежедневно целые роты обходят разные кварталы и у всех прохожих отбирают оружие; первые дни собиралось сорок-пятьдесят револьверов, теперь — единицы. Таким образом, собственно в г. Риге не представлялось пока случая проявить беспощадную воинскую репрессию. В деле «Проводника» прокурор отмечает отсутствие сколько-нибудь серьезных улик против задержанных рабочих и попрежнему не оправдывает стрельбы. Как в Риге, так и в уездах войсковым начальникам даны вполне определенные указания самым энергичным образом проявлять силу оружия в случаях малейшего противодействия со стороны населения. В Риге вчера патруль дал залп по хулиганам, при чем убито четыре и ранено несколько. В большинстве случаев требования начальников отрядов населением исполняются; зачинщики, выдающиеся им, арестовываются большею частью без всякого противодействия. Сегодня получил депешу генерала Орлова,[45] что посланною в Эрценскую волость ротою агитатор расстрелян, дом другого сожжен. В одном лишь отряде генерала Орлова до ста арестованных, виновность коих в агитации определяется большею частью лишь показаниями чинов администрации. Расстреливать без суда, когда они уже арестованы, невозможно. Количество оружия, отбираемого отрядами у населения, как добровольною сдачею, так и путем обысков, незначительно, и вообще прежние сведения о значительном вооружении населения не оправдываются; только в местечке Салисбург, на пути Мойзекюль - Пернов, населением сдано 350 ружей и 70 револьверов отряду Орлова. В некоторых случаях, в последние дни участившихся, одно лишь ожидание прихода экзекуционного отряда приводит к добровольному смещению населением властей, незаконно избранных, и восстановлению властей законных. Возможные для местных средств меры принимаю постепенно; адми-

нистрация и полиция расстроены, отчасти и войска. Жандармский надзор осведомлен крайне слабо в главном вопросе местной революционной деятельности. Наиболее насущная потребность — восстановить и устроить полицию с временным воспособлением для этой цели городских средств от казны.

Соллогуб.

16.

При сем приемлю долг представить вашему императорскому величеству письмо генерала Палицына по вопросу о формировании дружин и ополчения. Вчера вечером в Совете министров предварительно обсуждался этот вопрос, при чем министры внутренних дел и юстиции отнеслись к этим предположениям отрицательно. По мнению этих лиц, поддержанному другими членами Совета: 1) нельзя рассчитывать на то, чтобы дружинники и ополченцы действовали сколько-нибудь энергично против своих односельчан, — это войско может даже явиться опасным; 2) если дружинникам и ополченцам платить более, нежели чинам армии, то это может возбудить армию. Министр внутренних дел возлагает некоторые надежды на вновь формируемую полицию. Я позволил себе заявить, что готов ходатайствовать, чтобы на этот предмет сверх 19 миллионов, которые испрашивает министр внутренних дел, было ассигновано еще 5 миллионов, но я все-таки думаю, что при серьезных аграрных беспорядках полиция будет бессильна. Тем не менее, записку об ополчении и письмо начальника генерального штаба передали министру внутренних дел для письменного заключения. В результате Совет единогласно высказался, что опорою против беспорядков может быть, главным образом, войско, что нужно употребить все усилия, чтобы хотя часть действовавшей армии вернулась к апрелю; затем необходимо дислокировать войска согласно внутренним потребностям страны и координировать действия военных и гражданских властей.

Во вчерашнем заседании министр внутренних дел передал ваше повеление, чтобы Совет снова рассмотрел вопрос о передаче дел о покушении на жизнь служащих вашему императорскому величеству военным судам.[46] Этот вопрос был возбужден некоторое время тому назад мною в общей форме о большей определительности законоположений, в каких случаях преступления должны рассматриваться в военных, а в каких случаях в гражданских судах. Ныне это зависит, с одной стороны, — находится ли данная местность в положении чрезвычайном или военном, а с другой — от усмотрения министра внутренних дел и генерал-губернаторов. По сему вопросу были составлены предположения в военно-судном управлении, но, по моей инициативе, Совет, в соответствии с мнением министра внутренних дел, отнесся ко всем этим предположениям отрицательно. По вступлении

в должность нового министра юстиции, я снова внес эти вопросы на рассмотрение Совета, при чем новый министр юстиции отнесся также отрицательно ко всем предположениям, за исключением обязательности военного суда в случаях покушения на жизнь служащих. Но Совет, в соответствии с мнением министра внутренних дел, снова отнесся отрицательно ко всем проектам. Согласно повелению вашего величества, вчера был в третий раз рассмотрен проект об обязательности военного суда в случаях покушения на жизнь служащих как, военных, так и гражданских, в редакции, предложенной сенатором Акимовым.[47] Голоса разделились. Вашему императорскому величеству по этому делу будет на днях представлена мемория с проектом при ходатайстве передать дело в общее собрание Государственного Совета для спешного рассмотрения.

Статс-секретарь граф Витте.

[Без даты.]

17.

Вашему императорскому величеству благоугодно было повелеть мне представить на всемилостивейшее воззрение ваше мнение мое о современном положении вещей в государстве и о тех мерах, которые могут способствовать восстановлению в нем нарушенного спокойствия. Вследствие сего позволяю себе всеподданнейше представить нижеследующее:

Волнение, охватившее разнообразные слои русского общества, не может быть рассматриваемо как следствие частичных несовершенств государственного и социального устроения или только как результат организованных действий крайних партий. Корни этого волнения несомненно лежат глубже. Они — в нарушенном равновесии между идейными стремлениями русского мыслящего общества и внешними формами его жизни. Россия переросла форму существующего строя. Она стремится к строю правовому на основе гражданской свободы.

В уровень с одушевляющей благоразумное большинство общества идеей должны быть поставлены и внешние формы русской жизни. Первую задачу правительства должно составить стремление к осуществлению теперь же, впредь до законодательной санкции через Государственную Думу, основных элементов правового строя: свободы печати, совести, собраний, союзов и личной неприкосновенности. Укрепление этих важнейших сторон политической жизни общества должно последовать путем нормальной законодательной разработки, наравне с вопросами, касающимися уравнения перед законом всех подданных вашего императорского величества, независимо от вероисповедания и национальности. Само собой разумеется, что предоставление населению прав гражданской свободы должно сопутствовать законным ограничениям ее для твердого ограждения прав третьих лиц, спокойствия и безопасности государства.

Следующей задачей правительства является установление таких учреждений и таких законодательных норм, которые соответствовали бы выяснившейся политической идее большинства русского общества и давали положительную гарантию в неотъемлемости дарованных благ гражданской свободы. Задача эта сводится к устроению правового порядка.

Соответственно целям водворения в государстве спокойствия и безопасности, экономическая политика правительства должна быть направлена ко благу широких народных масс, разумеется, с ограждением имущественных и гражданских прав, признанных во всех культурных странах.

Намеченные здесь в нескольких словах основания правительственной деятельности для полного осуществления своего требуют значительной законодательной работы и длительного административного устроительства. Между выраженным с наибольшей искренностью принципом и осуществлением его в законодательных нормах, а в особенности проведением этих норм в нравы общества и приемы правительственных агентов, должно пройти надлежащее время. Принципы правового порядка воплощаются лишь постолько, поскольку население получает к ним привычку — гражданский навык. Со дня на день приуготовить страну со 135-миллионным разнородным населением и обширнейшей администрацией, воспитанными на иных началах, к восприятию и усвоению норм правового порядка — не по силам никакому правительству. Вот почему далеко не достаточно власти выступить с лозунгом гражданской свободы. Чтобы водворить в стране порядок, нужны труд, неослабевающая твердость и последовательность.

Для осуществления сего необходимым условием является однородность состава правительства и единство преследуемой им цели. Но и министерство, составленное, по возможности, из лиц одинаковых политических убеждений, должно еще приложить все старания, чтобы одушевляющая его работу идея стала идеей всех агентов власти, от высших до низших. Заботой правительства должно быть практическое водворение в жизнь главных стимулов гражданской свободы. Положение дела требует от власти приемов, свидетельствующих об искренности и прямоте ее намерений. С этой целью правительство должно поставить себе непоколебимым принципом полное невмешательство в выборы в Государственную Думу и, между прочим, искреннее стремление к осуществлению мер, предрешенных указом 12 декабря истекшего года.

В отношении к будущей Государственной Думе заботой правительства должно быть поддержание ее престижа, доверие к ее работам и обеспечение подобающего сему учреждению значения. Правительство не должно явиться элементом противодействия решениям Думы, поскольку эти решения не будут, что невероятно, коренным образом расходиться с величием России, достигнутым тысячелетней ее историей. Правительство должно сле-

довать мысли, высказанной вашим императорским величеством в манифесте об образовании Государственной Думы, что положение о Думе подлежит дальнейшему развитию в зависимости от выяснившихся несовершенств и запросов времени. Правительству надлежит выяснить и установить эти запросы, руководствуясь, конечно, господствующей в большинстве общества идеею, а не отголосками хотя бы и резко выраженных требований отдельных кружков, удовлетворение которых невозможно уже потому, что они постоянно меняются. Но удовлетворение желаний широких слоев общества путем той или иной формулировки гарантий гражданского правопорядка необходимо.

Весьма важно сделать реформу Государственного Совета на началах видного участия в нем выборного элемента, ибо только при этом условии можно ожидать нормальных отношений между этим учреждением и Государственной Думой.

Не перечисляя дальнейших мероприятий, которые должны находиться в зависимости от обстоятельств, я полагаю, что деятельность власти на всех ступенях должна быть охвачена следующими руководящими принципами:

1. Прямота и искренность в утверждении на всех поприщах даруемых населению благ гражданской свободы и установление гарантий сей свободы.

2. Стремление к устранению исключительных законоположений.

3. Согласование действий всех органов правительства.

4. Устранение репрессивных мер против действий, явно не угрожающих обществу и государству, и

5. Противодействие действиям, явно угрожающим обществу и государству, опираясь на законе и в духовном единении с благоразумным большинством общества.

Само собою разумеется, что осуществление поставленных выше задач возможно лишь при широком и деятельном содействии общества и при соответствующем спокойствии, которое позволило бы направить силы к плодотворной работе. Я хочу верить в политический смысл русского общества. Не может быть, чтобы русское общество желало анархии, угрожающей, помимо всех ужасов борьбы, расчленением государства.

Статс-секретарь граф Витте.

[Без даты.]

18.

При сем имею честь всеподданнейше представить вашему императорскому величеству частное письмо на мое имя генерал-адъютанта Дубасова, при котором он мне препроводил копию своего всеподданнейшего доклада по вопросу о порядке суда московских мятежников. По сему вопросу я, со своей стороны, присоединяюсь к мнению генерал-губернатора, главным образом, по следующим соображениям: во-первых, потому, что военный суд имеет суще-

ственное значение в виду скорости репрессии, между тем уже достаточно времени упущено, во-вторых, потому, что судить военным судом много лиц вообще неудобно. Относительно же остального содержания письма генерал-адъютанта Дубасова осмеливаюсь всеподданнейше доложить нижеследующее. Вашему императорскому величеству известно, что со дня моего назначения председателем Совета министров я докладывал о необходимости сменить бывшего московского генерал-губернатора и назначения лица, более соответствующего. Когда положение дела дошло до крайности, уже мне сделалось ясным, что в Москве разразится буря, и ваше императорское величество соизволили решить назначить в Москву генерал-адъютанта Дубасова, то по приезде в Москву он немедленно пришел ко мне и по нашим близким отношениям высказал мне, что он решил просить ваше величество не назначать его в Москву, так как, по нынешним временам, не считает возможным принять этот боевой пост. Опасаясь, что отказ его может нанести громадный ущерб родине, я всячески уговаривал его не делать подобного шага, взывая к его преданности престолу и родине. После долгой беседы он, наконец, согласился не представлять вашему величеству ходатайства его не назначать, но за сим просил меня в случае, если что-нибудь с ним случится, ходатайствовать перед вашим величеством об его семье, а если бог к нему будет милостив, то ходатайствовать о назначении его членом Государственного Совета, дабы его будущность, в виду предстоящего преобразования Государственного Совета, была обеспечена.

Статс-секретарь граф **Витте**.

8 января 1906 г.

Приложение.*

Глубокоуважаемый Сергей Юлиевич.

У сего прилагаю в копии всеподданнейший доклад мой государю императору о суде над участниками московского мятежнического восстания. Не знаю, будет ли мой взгляд вами разделен и поддержан, но прошу вас не сомневаться, что этот взгляд есть выражение совершенно независимого и глубокого личного убеждения моего, установившегося после самой внимательной и всесторонней оценки вопроса, и что все побуждения мои в этом деле сводятся лишь к тому, чтобы всячески оградить и укрепить авторитет верховной власти.

Теперь позвольте мне сказать два слова по моему собственному делу: меня мучают такие сомнения, которые делают мне больно и которые хотел бы рассеять при вашем добром участии.

---

* Письмо написано на бланке: «**Московский генерал-губернатор. 7 января 1906 г. Москва**».

В дело подавления московского мятежа я положил весь свой разум, все уменье и всю свою волю, при чем усилия мои увенчались успехом. Между тем, у меня есть основание думать, что действия мои не заслужили одобрения, так как они не вызвали желания поощрить меня, хотя бы тем обыденным способом, которым принято поощрять заслуги очередного порядка, а именно, — производством в следующий чин или награждением очередным орденом. Я состою в чине вице-адмирала семь лет и занимаю теперь должность, по классу уже соответствующую чину полного адмирала, следовательно, мое производство могло бы состояться даже не в наградном порядке. То же самое можно сказать и об очередном ордене. Может быть, все это никому не пришло в голову, но ведь нельзя не признать, что волнующий меня факт имеет общественное значение, и что вся Россия, следившая с захватывающим интересом за перипетиями московского мятежа, теперь комментирует его развязку и из нее извлекает поучения.

Я нахожу поэтому, глубокоуважаемый Сергей Юлиевич, что в переживаемую нами минуту награждение московского генерал-губернатора (а не меня, Дубасова) есть немаловажный акт внутренней политики, и что награждение это должно быть необходимо сделано, и сделано громко, т. е. возвещено всемилостивейшим рескриптом.[48] Если вы со мною согласны, то вам, конечно, не трудно все это устроить.

Еще одно слово: я просил вас о назначении меня членом Государственного Совета, и вы были добры взять это на свою заботу, — я напоминаю об этом не для того, чтобы торопить вас; но я хочу быть назначенным теперь же — на основании действующего порядка, так как по изменении его в близком будущем это сделается невозможным.

Простите меня, что я даю вам все эти заботы, когда у вас их и без того больше, чем полагается даже самому сильному человеку; но я верю в ваше дружеское расположение и держусь нескромного может быть правила, что amitié oblige.

Крепко жму вашу руку и желаю вам всего хорошего.

Сердечно вам преданный А. Дубасов.

19.

Согласно приказанию вашего императорского величества, имею честь всеподданнейше представить: 1) записку графа Воронцова о положении на Кавказе за октябрь месяц (записка эта была отпечатана для членов Совета министров), 2) телеграмму генерала Соллогуба из Риги. При этом имею честь всеподданнейше доложить, что, получив сию телеграмму с высочайшей вашей резолюцией, я ее спрятал в мой личный стол и вашей резолюции никому не показывал, кроме адмирала Бирилева,[49]

и содержание ее передал шифрованной телеграммой генералу Соллогубу. Последнее было вызвано следующими обстоятельствами: сюда приехал баталионный адъютант (моряк) и являлся к морскому министру и ко мне, заявляя, что решительные действия баталиона [50] вызывают требования объяснений со стороны местных властей, и что моряки опасаются ответственности. Вследствие сего я предъявил вашу резолюцию морскому министру, при чем мы решили поддержать действия моряков, но не ссылаясь на ваше величество. Так нами и было сделано. Для того же, чтобы поставить местные власти в отношении моряков в соответственное положение, я почел нужным познакомить генерал-губернатора с взглядом вашего императорского величества на сказанный предмет.

Статс-секретарь граф Витте.

[30 декабря 1905 г.]

Приложение.

Копия шифрованной телеграммы из Риги от 28 декабря.[51]

Согласно донесения генерала Воронова,[52] последнее, 26 декабря, революционное движение в Эстляндии подавлено энергичными действиями преимущественно частей первого батальона моряков. Капитан Рихтер [53] не только расстреливал, но и вешал главных агитаторов. * Более значительных вспышек можно ожидать лишь по границе с Лифляндией. Для действия в этом районе сформирован отряд из одной роты на подводах, полутора эскадронов, двух орудий. Генерал Орлов доносит 26 декабря, что в Валке и окрестностях полное спокойствие, восстановлен порядок в Феллине и Пернове, куда 24 декабря прибыло по два эскадрона улан при одном орудии. Ближайшей задачей Орлов ставит уничтожение революционного гнезда в районе Мариенбург-Шваненбург совместными действиями отрядов Мейнарда. Менее производительна была пока работа отряда Мейнарда, [54] который в период [с] 20 по 2 декабря обошел несколько волостей вдоль узкоколейной дороги на Валк до Мовяна и вернулся в Штокмансгоф. Работа затруднялась отсутствием местных полицейских властей, но все же законные власти восстановлены, десять главарей арестованы, а имущество бежавших сжигалось. Наименее успешно идет подавление беспорядков в Курляндии; в бытность вчера в Митаве, на совещании, генералом Бекманом [55] и губернатором Князевым [56] признано, что мятеж в Курляндии не только не подавлен, но даже развивается, особенно в западной части, заключающей несколько городских революционных цен-

* Пометка Николая II на полях от 30 декабря: «*Молодец!*».

тров. В виду недостаточности военных сил, признано возможным производить усмирение мятежа исключительно порайонно, начав операции с западной части. Ныне вся часть к востоку от Митавы совершенно обнажена от войск, кроме отдельных рот из отряда Вендта,[57] занимающих Якобштадт и Фридрихштадт. Ускорение хода подавления мятежа в Курляндии возможно лишь при непременном условии усиления войск, преимущественно конницей, не менее двух полков. Крайне необходимо передать конницу генералу Вендту, проявившему много энергии и распорядительности; в этом случае я поручил бы ему усмирение восточной части Курляндии, с предоставлением прав генерал-губернатора.

Соллогуб.

20.

«*Снимите с этого доклада копию, а подлинник верните мне*».

Приписка гр. Витте: «11 января 1906 г. Царское Село».

Почитаю долгом всеподданнейше представить вашему императорскому величеству о ходе занятий Совета министров по отношению к аграрному вопросу и мерам, подлежащим принятию для прекращения и предупреждения происходящих аграрных беспорядков.[58]

Позволяю себе доложить вашему величеству мое мнение, что проявления революции в городах точно так же, как и в других местностях, за исключением аграрного движения, могут считаться подавленными настолько, что в резких формах революционные покушения происходить более не будут.* С одной стороны, ряды революционеров поредели как вследствие арестов, так и вследствие прямой убыли во время мятежа, с другой, министр внутренних дел и я следим, чтобы не нарождалось новых преступных сообществ. В то же время улучшается сыскная часть, и тем дается возможность принимать своевременно предупредительные меры. Таким образом, все дает основание думать, что революционное движение, кроме аграрного, резко проявляться не будет. Изъятие могут составлять только Кавказ, губернии Царства Польского и прибалтийские. В последних, надо полагать, через несколько недель удастся справиться с движением, насколько оно не связано с аграрным вопросом; на Кавказе и в Польше дело усложняется национальной рознью и происходящим там ныне разрешением исстари ведущихся споров. Эти окраины, вероятно, придется долго держать под режимом власти, основанной на присутствии значительной военной силы. Во всяком случае, если

---

* Пометка Николая II на полях от 11 января: «*Давай бог!*».

на Кавказе принят будет столь же энергичный образ действий, как в Привислинском крае, каковому примеру кавказское начальство и начало уже следовать, то там обстоятельства также улучшатся. Сибирская железная дорога находится совершенно в особых условиях, в которых она оказалась благодаря непростительному попущению начальников действующих армий, имевших в руках всю необходимую силу, чтобы происшедшие бесчинства предупредить; вашему императорскому величеству благоугодно было уже дать по этому предмету надлежащие указания. Таким образом, можно высказать с достаточным основанием убеждение, что серьезных массовых движений революционного характера, кроме аграрных, произойти, по крайней мере в ближайшие месяцы, более не может.* Теперь, по имеющимся сведениям, наступил период отдельных террористических действий, против которых можно только принимать предупредительные меры, но остановить их трудно; впрочем, и носят они совершенно иной характер, нежели массовые проявления, о которых говорилось выше.

Что же касается аграрных беспорядков, то дело с ними обстоит совершенно иначе. Аграрные беспорядки не только не кончены, но едва ли не следует признавать их лишь вступившими в первый их период. * Можно ожидать весною нового, более сильного их проявления, если только не удастся предупредить сего соответственными мерами.

Советом министров последнее время было обращено усиленное внимание на этот предмет, подвергавшийся обсуждению в нескольких заседаниях Совета. При этом в иных отношениях Совет приходил к определенным решениям, которые излагались в мемориях, повергаемых на высочайшее вашего величества благовоззрение; некоторые же стороны вопроса только вызывали живой обмен мыслей, помогающий разъяснению предмета, но без окончательных выводов, которые могли бы быть теперь же представлены на монаршее разрешение.

В общем Совет министров признавал правильною ту мысль, что в числе мероприятий против аграрных беспорядков надлежит различать такие меры, кои имеют в виду достигнуть только наружного, временного успокоения, от тех, которые носят органический характер и направляются к устранению самой возможности явлений, недопустимых ни в каком культурном государстве. *

Позволяю себе доложить вашему величеству в отдельности как о тех, так и других мероприятиях.

Что касается первых, так сказать, мер отрицательного свойства, то признается возможным остановиться на следующем:

---

* Слова, набранные разрядкой, отчеркнуты на полях Николаем II.

1. Усиление сельской полиции.

Вопрос этот подвергался уже рассмотрению Государственного Совета, и на введение полицейской стражи во всех губерниях, управляемых по общему учреждению, ассигнуется из государственного казначейства в 1906 году 14 349 850 р.

Независимо от этого, по дополнительном в Совете министров обсуждении вопроса, министру внутренних дел предоставлено внести законодательное представление об ассигновании еще 3,6 миллионов на ту же надобность. Министр внутренних дел прилагает всемерные усилия к тому, чтобы сформирование полицейских команд производилось с полною успешностью.

В тех же видах усиления полиции предоставлено высочайше утвержденною 6 декабря 1905 года мемориею Совета министров владельцам имений образовывать собственную под наблюдением властей охрану имений. * Дело это подвигается, к сожалению, довольно вяло, так как частные лица неохотно жертвуют на это средства. Кроме того, значительное затруднение встречается в снабжении полицейской стражи оружием. Вследствие этого я вошел в сношение с министром внутренних дел о том, чтобы захватываемое у революционеров оружие не было передаваемо военному ведомству, а поступало в распоряжение губернаторов при передаче такового в случае надобности лицам, учреждающим команды стражи. **

2. Применение с наибольшей для дела пользою военной силы.

Усиление значения войск при водворении порядка может быть достигнуто тремя путями: увеличением численности их, правильной, в соответствии с требованиями поддержания порядка внутри империи, дислокацией и установлением наиболее целесообразного способа их действия.

а) Численный состав войск зависит теперь главным образом от своевременного прибытия их из действующей армии. Вашему величеству угодно было уже неоднократно выслушивать мои по этому предмету доклады, и я вновь осмеливаюсь представить вашему императорскому величеству о необходимости сосредоточить внимание военного ведомства на быстрейшем передвижении в Европейскую Россию войск из действующей армии, особенно же кавалерии. ***

---

* Пометка Николая II на полях: «*Следует формировать конно-полицейские команды*».

** Пометка Николая II на полях: «*Едва ли удобно. Военное ведомство этому делу должно помочь*».

*** Пометка Николая II на полях: «*Да*».

б) Относительно дислокации войск последовало уже высочайшее повеление об образовании особого совещания для обсуждения этого вопроса; сведения о существующей дислокации военным министром только на днях представлены, и в ближайшем времени представится возможность повергнуть соображения совещания на благовоззрение вашего величества. *

в) Предположения о способах действия войск при усмирении беспорядков, способных наиболее охранить их от деморализации и приносить вместе с тем требуемые результаты, изложены в записке, представленной начальником 11-й кавалерийской дивизии генерал-майором Крыжановским. [59] Главнейшие выводы этой записки были мною доложены вашему величеству. В настоящее время министром внутренних дел уже представлено запрошенное мною от него заключение, и дело будет обсуждаться в ближайшем заседании Совета министров.

Необходимость оградить войска от излишних потерь при столкновениях с буйствующею толпою, впрочем, уже и ранее привлекала к себе внимание Совета, последствием чего явились особые указания командующим войсками со стороны военного министра.

3. Меры судебного воздействия.

Необходимость возможно быстрого после совершения преступления привлечения виновных к ответственности и наложения взыскания по суду является вопросом первостепенной важности. Деморализующее влияние продолжительной безнаказанности, особенно при массовых проступках, не подлежит сомнению. Вашему императорскому величеству благоугодно было указать на значение этих обстоятельств в бывшем под личным председательством вашим Совете министров. Во исполнение сего министром юстиции были разработаны и, по обсуждении в Совете министров, представлены на благовоззрение вашего величества два указа Правительствующему Сенату о мерах по усилению следственной части, удостоившихся высочайшего подписания 12 ноября 1905 года и 7 текущего января.

К той же цели направлено одобренное уже Государственным Советом представление министерства юстиции об усилении штатов судебных установлений. [60]

В настоящее время на предварительное обсуждение Совета министров сенатором Акимовым внесен проект о мерах к скорейшему рассмотрению наиболее важных уголовных дел, связанных с нарушением государственного порядка и подлежащих суждению судебных палат с участием сословных представителей. [61] По рас-

---

* Пометка Николая II на полях: *«Обеспечить войсками городские поселения и железнодорожные узлы».*

смотрении дела этого в Совете министров я почту долгом ходатайствовать перед вашим величеством о высочайшем повелении к скорейшему разрешению дела Государственным Советом.

Независимо от сего, в последних заседаниях Совета министров происходило обсуждение вопроса о возможных мерах к ускорению производства судебных дел собственно по аграрным беспорядкам. Предположения о сдаче этих дел в военные суды было отвергнуто, как совершенно неподходящее к условиям крестьянского движения; принята же была мысль об упрощении для них судопроизводственных порядков передачею на рассмотрение окружных судов без присяжных заседателей. Соответствующий проект обсуждается в министерстве юстиции. При этом из объяснений сенатора Акимова выяснилось, насколько затрудняется производство следственных действий недостаточностью личного состава, вызываемою тем обстоятельством, что высшие учебные заведения не дают новых выпусков поступающих на государственную службу молодых людей. Поэтому я просил министра юстиции сообразить вопрос, нельзя ли временно устроить при учреждениях министерства юстиции испытания, заменяющие государственные экзамены для лиц, которые хотя не окончили учебного курса, но оказали бы достаточные познания для того, чтобы могли быть приняты на службу.

Следует, казалось бы, признать, что вышеприведенными мероприятиями исчерпывается все то, что может быть принято для усиления деятельности судебных установлений империи.

4. Правильное вообще направление деятельности всех лиц местного управления.

Многое при охранении местного порядка зависит от усердия и исполнения своего долга местными властями. К сожалению, следует признать, что земские начальники, за некоторыми, конечно, исключениями, оказались не на высоте призвания. В общем, их влияние на крестьянское население оказалось ничтожным, и при возникновении беспорядков они активного противодействия им не оказали, уклоняясь во многих случаях от прямых сношений с населением и роняя тем престиж власти.

Вопрос о необходимости поддержания дисциплины между служащими и побуждения их к исполнению своего долга неоднократно подвергался обсуждению в Совете, и состоявшееся ныне, по поводу телеграммы генерала Пантелеева [62] по этому предмету, постановление представлено на благовоззрение вашего величества.

С другой стороны, и необходимость оградить безопасность лиц, беззаветно исполняющих долг свой перед престолом и родиной, побудила Совет заняться изысканием мер к неуклонному суровому возмездию всех покушающихся на жизнь должностных лиц. В этом отношении, согласно

последовавшей на мемории Совета министров резолюции вашего величества, министрами военным и внутренних дел преподаны, кому следует, соответствующие указания. *

Изложенными мероприятиями исчерпывается все то, что может быть принято для прекращения и устранения беспорядков в смысле мер отрицательных. Необходимо быстрое и решительное их осуществление.

Позволю себе затем обратиться к мерам положительного характера.

Немедленно после издания всемилостивейшего манифеста 17 октября было обращено внимание на необходимость даровать крестьянскому населению милости, которые могли бы послужить непосредственными способами к улучшению его быта. 3 ноября последовали высочайший манифест [63] и указ Правительствующему Сенату о сложении выкупных платежей и расширении деятельности Крестьянского поземельного банка по приобретению частновладельческих земель. ** По убеждению Совета министров, никакие дальнейшие в этом направлении мероприятия, которые вносили бы коренные изменения в существующие поземельные отношения, не могут быть приняты ранее собрания Государственной Думы. Все предположения, касающиеся изменений порядков землевладения, задевают совершенно противоположные интересы и, клонясь к облегчению одних, тягостно отзовутся на других. Резкое столкновение между разнообразными на этот предмет воззрениями является неизбежным, и поэтому Совет министров считает единственно возможным разрешение вопроса через Государственную Думу. В виду многочисленных получаемых с мест заявлений и запросов, Совет предполагал оповестить во всеобщее сведение, что аграрный вопрос в первую же очередь внесен будет на обсуждение Думы, но затем, согласно последовавшим указаниям вашего величества, отложил оповещение это впредь до разработки соответствующего проекта. От Главного управления землеустройства и земледелия последовало уже в Совет министров представление некоторых предварительных соображений по аграрному вопросу. Проект действительного статского советника Кутлера [64] основан на мысли об обязательном в известной мере, за вознаграждение, отчуждении казенных, удельных, частновладельческих и иных земель, причем земли, впусте лежащие, кроме лесов, а также земли, обычно сдаваемые владельцами в аренду, отчу-

---

* Отчеркнуто на полях черным карандашом.

** Пометка Николая II на полях: «*В чем выразилась деятельность Крестьянского банка с 3 ноября и на какую сумму приобретено им земель?*»

ждаются без всяких ограничений, * а другие земли — в зависимости от размеров имения, с полным при этом изъятием из действия этого закона владений с выдающейся по местным условиям организацией хозяйства. Означенный проект, составленный на основаниях более мягких, нежели известный вашему величеству проект профессора Мигулина [65], вызвал при предварительном общем обмене мнений по оному полное и коренное разногласие в среде Совета, подтверждая высказанную выше мысль о неизбежном, по каждому такому проекту, обостренном столкновении мнений.

Возражения вытекали не из подробностей проекта, а основывались на принципиальном взгляде о святости понятия собственности и опасностях, угрожающих государству от потрясения этой главнейшей основы общественной жизни. Указывалось, что никакие частичные мероприятия по передаче крестьянам частновладельческих земель не приведут к успокоению их, так как они всегда будут стремиться, ободренные к тому в своих вожделениях, к полному захвату всей земельной собственности. Между тем, самые широкие в этом отношении меры могут иметь только кажущееся и временное значение, так как обращение всего земельного фонда империи на эту потребность лишь незначительно увеличит долю владения каждого крестьянина. Вместе с тем, можно опасаться падения сбора хлебов, так как крестьянские земли обрабатываются в общем хуже и дают меньшие урожаи. В то же время разъяснилось, что сила аграрного движения по отдельным местам не стоит в зависимости от крестьянского малоземелья, и что многие примеры показывают, насколько погромы помещиков являются последствием озорства крестьян и простою склонностью к грабежу и насилию, а не действительной нужды в земле. Поэтому, ранее каких-либо органических мероприятий, надлежит внести успокоение в крестьянскую среду внешними средствами, а затем уже озабочиваться земельною реформою, не упуская при этом из виду необходимости немедленного улучшения культурных условий крестьянского быта, распространением между крестьянами образования и изменением существующих приемов упраления ими. **

Сторонники же проекта Главного управления землеустройства и земледелия, также не касаясь подробностей проекта, требующих дальнейшей разработки, прежде всего не отрицали, а, напротив, горячо подтверждали необходимость мер культурного свойства в среде сельского населения. Одною из причин нынешнего

* Отчеркнуто на полях черным карандашом и пометка Николая II: *«Не одобряю»*.
** Отчеркнуто на полях черным карандашом.

печального положения вещей является существовавшее в течение нескольких десятилетий, после 1861 г., стремление отделить крестьян от общения с другими сословиями, замкнув их существование в тесных условиях сельского быта. Насколько участие в аграрных беспорядках зависит от степени духовного развития, отмечено было и в суждениях Совета министров; между прочим, им было обращено внимание на то обстоятельство, что старообрядцы и сектанты участия в движении не принимали, а сосредоточивается оно в местностях, населенных православными. Из этого, между прочим, нельзя не сделать вывода о том значении, которое в повышении нравственного сознания народа принадлежит свободной церкви и живому свободному церковному слову. Вообще, православное наше духовенство, кое-где оказав благотворное на паству свою влияние, в большей части случаев относилось к совершающимся событиям безразлично; воспитанники же духовных учебных заведений несомненно усиливали замешательства.

Но меры культурного свойства могут оказать воздействие свое лишь с течением времени; принятие их не избавляет, однако, правительство от обязанности озаботиться немедленным внесением успокоения в народную жизнь. В этом отношении нельзя рассматривать крестьянские беспорядки только как проявление необузданности сельского населения, облегчаемой отсутствием достаточной на местах полицейской и военной силы. Аграрный вопрос стоит совершенно особо в числе других, требующих разрешения, социальных задач; * и в крестьянской среде, независимо от каких-либо научных соображений, имеется, несомненно, сознание о повышающейся постоянно стоимости земли и важности обеспечения за собою обладания ею в достаточном количестве. Незначительность же наделов во многих местностях не подлежит сомнению, и правительству давно известна неотложная надобность притти в этом отношении населению на помощь. Огромное количество поступающих крестьянских заявлений показывает, что в среде их слагаются весьма твердые и иногда своеобразные по этому предмету воззрения, как, например, повторяющееся в ряде заявлений указание на приобретение ими уже права на арендуемые ими земли, много раз оплаченные в стоимости своей внесенными арендными платежами. Представляется, повидимому, предпочтительным для помещиков поступиться частью земель, как это было сделано в 1861 году, и обеспечить за собою владение остальною частью, нежели лишиться всего, может быть на условиях гораздо более невыгодных, или испытать на себе тяжесть введения прогрессивного подоходного налога, при котором существование крупной земельной собственности немыслимо. **

---

* Отчеркнуто на полях черным карандашом.

** Пометка Николая II на полях: «*Частная собственность должна оставаться неприкосновенной*».

В виду проявившегося, таким образом, в Совете разногласия, признано было более правильным отложить окончательное обсуждение этого дела, образовав теперь же особое совещание из представителей ведомств для рассмотрения изготовленного проекта и представления ведомствами иных, если таковые будут ими представлены, предположений.

Вместе с тем главноуправляющему землеустройством и земледелием поручено пересмотреть составленный уже в бывшем Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности проект закона об аренде, точно также и действующие правила о переселении, с тем, чтобы вопросы эти могли быть затем без промедления представлены на рассмотрение Государственной Думы.

Изложенные выше соображения относятся к вопросу об увеличении находящейся в пользовании крестьян площади земли, но на ряду с этим не менее важным представляется улучшение самых порядков и условий крестьянского землепользования. Этот предмет подвергался подробному изучению Сельскохозяйственного совещания, и дело было почти доведено до конца, когда состоялось закрытие совещания с передачею подлежавших обсуждению его вопросов министру внутренних дел и в Особое совещание под председательством действительного тайного советника Горемыкина [66] о мерах к укреплению крестьянского землевладения. Определенных результатов от работ этого Совещания еще не последовало; в настоящее время может быть представлялось бы наиболее соответственным, в видах объединения дела, прекратить деятельность означенного Совещания, с сосредоточением всех относящихся до устройства крестьян вопросов в одном учреждении, тем более что Советом министров дано уже поручение министру внутренних дел выработать и представить на предварительное суждение Совета главные основания соответственного проекта закона. *

В заключение надлежит лишь добавить, что Совет министров остановился на необходимо вытекающих из высочайшего манифеста 3 ноября 1905 года некоторых последствиях, связанных с полным прекращением взимания выкупных платежей, и которые могли бы быть приведены к осуществлению, в виду их бесспорности, не ожидая созыва Государственной Думы.

Главным образом с выкупными платежами связаны ограничения в правах крестьян на их наделы и стеснения в правах выхода крестьян из обществ. Разрешение этих двух вопросов о признании надельных земель собственностью владельцев и об установлении порядка выхода крестьян из обществ в связи с выделом отдельных участков из состоящей в общем владении земли, может иметь, по мнению Совета, благотворное влияние на крестьянское правосознание, внушив крестьянам и более здра-

---

* Пометка Николая II на полях: «*Переговорить с Горемыкиным*».

вые взгляды на чужое право собственности.* Поэтому Совет министров поручил главноуправляющему землеустройством и земледелием немедленно составить комиссию по этому предмету из представителей заинтересованных ведомств для разработки подлежащих мероприятий и неотложного внесения их на обсуждение Совета.

О вышеизложенных предположениях и осуществленных Советом министров мероприятиях приемлю долг всеподданнейше повергнуть на высочайшее вашего императорского величества благовоззрение.

Статс-секретарь граф **Витте**.

10 января 1906 г.

21.

«Указ не подписал намеренно, так как нахожу, что в I отделе постановлений Совета министров даны достаточные полномочия губернской власти для удаления от должности чиновников, нарушивших долг присяги».

Соответственно высочайшему мнению вашего императорского величества, которое я имел счастье выслушать при последнем моем всеподданнейшем докладе, вам благоугодно было, по прилагаемой мемории, ** принять мнение большинства членов Совета министров — в таком [случае] *** не благоугодно ли будет вашему императорскому величеству подписать прилагаемый указ Правительствующему Сенату.

Статс-секретарь граф **Витте**.

11 января 1906 г.

22.

«Оставляю в силе первоначальную свою резолюцию».

Приписка гр. Витте: «18 января 1906 г. Царское Село».

Повеление вашего императорского величества по мемории Совета министров от 3 января сего года принято к исполнению, но я считаю верноподданническим долгом доложить, что в отделе I

---

* Пометка Николая II на полях: *«Одобряю».*

** Упомянутой в докладе мемории при деле не имеется. Это дело (бывш. Госуд. архива, № 560) озаглавлено так: «Всеподданнейший доклад гр. Витте, 11 января 1906 г., по поводу неподписания его императорским величеством указа о принятии против служащих, нарушивших свои обязанности, решительных мер».

*** Слово «случае» вставлено нами по смыслу: оно в подлиннике доклада графом Витте пропущено.

мемории не содержится **никаких** * новых постановлений. Таким образом, дело остается в **настоящем** * его положении, и губернаторы будут столь же бессильны, как и ныне, бороться с революционным направлением многих служащих. Вся суть дела заключалась в отделе II, вашим величеством не одобренном, — и большинство министров, наиболее ответственных перед вами за внутреннее положение России, признавали сию меру, по нынешним временам, необходимою. Я, с своей стороны, уверен, что, **не** приняв решительных мер относительно массы провинциальных служащих, вышедших из границ служебной лояльности, губернаторы, как это указывал и генерал-адъютант Пантелеев, будут оставаться в известной мере **парализованными в борьбе с революцией**. *

Статс-секретарь граф **Витте**.

14 января 1906 г.

23.

Приемлю долг представить на благовоззрение вашего императорского величества копию телеграммы начальника Сибирской железной дороги [67] от 10 сего января о положении дела по восстановлении порядка на названной дороге.

Статс-секретарь граф **Витте**. **

16 января 1906 г.

Приложение.

Копия телеграммы начальника Сибирской железной дороги из Иркутска на имя начальника управления железных дорог от 10 января 1906 г.

Вчера проехал станцию Зима, где до вчерашнего дня царил полный произвол служащих-революционеров; произвол этот прекратился с приходом на станцию летучего отряда, который арестовал наиболее опасных агитаторов; вчера и третьего дня арестованы: из старших служащих — начальник 22 участка пути инженер Широков, ревизор движения 16 участка Янсон, врачи Никаноров и Нечаев, помощники начальника станции Тулун, Крюков и Барецков, учитель Гродков, заведующий общежитием школы Крушинский, священник церкви ст. Зима, машинисты, мастеровые и мелкие служащие разных служб; главные вожди, однако, бежали. Вчера устранил от службы врача больницы Иннокентьевской, Михайловского, за дерзкий телеграммой призыв всех врачей дороги к обсуждению поступка судебного следователя,

---

* Слова, набранные разрядкой, подчеркнуты гр. Витте.

** На докладе имеется пометка Николая II о рассмотрении и приписка Трепова: «**Его Величеством рассмотрено в г. Царском Селе**, 17/I 1906 г. **Свиты его величества генерал-майор Трепов**».

арестовавшего телеграфиста, лежавшего в больнице. Летучий отряд усиленно арестует буйных солдат, что оказывает хорошее воздействие. Объявление мое о девятичасовом дне и аресты вызвали забастовку мастеровых Иланской, но, по соглашению с начальником края, решено твердо стоять на пути восстановления порядка, поддерживая требования всеми мерами, указанными военным положением и законами 2 и 14 декабря. Генерала Закомельского еще не видел. Снабжение углем теперь немного налаживается. По возвращении в Томск буду в состоянии ответить на все вопросы, заданные мне по упорядочению движения. Хотя революционные очаги и потушены, но сильное недовольство по поводу многочисленных арестов и требование девятичасового дня дадут еще себя знать; вообще же вполне правильное движение восстановится лишь тогда, когда своеволие проходящих эшелонов с востока будет подавлено, — теперь они положительно не допускают обгона. Гонят паровозы через участки от основного до основного депо, силою не позволяют итти одною тягою, где совершенно не требуется движения, и не позволяют ничего прицеплять к воинским поездам; охраны на станциях оборотных депо безусловно недостаточно, а летучий отряд — прекрасное средство — пока один. Однако, имея в виду твердое решение начальника края восстановить порядок и прибытие постепенно на линию войск, можно думать, что таковой вскоре будет восстановлен.

24.

Ваше императорское величество! Генерал Меллер-Закомельский доносит, что Чита сдалась без боя. Но неужели все это дело тем и кончится? Позволяю себе всеподданнейше доложить, что, по моему мнению, необходимо немедленно судить военным судом всех виновных и, прежде всего, губернатора генерала Холщевникова. [68] *

Статс-секретарь граф Витте.

[23 января 1906 г.]

25.

В самых недрах действовавшей императорской армии, в чужеземной территории, на глазах наших недавних врагов, главная коммуникационная линия, Восточно-Китайская железная дорога, была взята в руки какого-то самозванного комитета стачки, который целые месяцы самозванно распоряжался дорогой, и главнокомандующий русской, а не японской, армией с добродушною наивностью взирал на это позорно-возмутительное явление. Вчера генерал-адъютант Линевич сообщил мне, что он арестовал

---

* Писано Витте собственноручно. Дата на докладе проставлена Николаем: «*23/I 1906*».

этот комитет, — но не объясняет, что он предполагает с ним делать. Не собирается ли он дать этому комитету салонный поезд и отправить его, в назидание всем железнодорожным служащим, с торжеством в столицу вашего императорского величества? Не соизволите ли повелеть судить на месте военным судом виновных?

Статс-секретарь граф Витте.

23 января 1906 г. *

26.

«Осерчал граф».

Приписка Трепова: «Его величеством собственноручно начертано: «*Осерчал граф*». В г. Царском Селе. 3/XII 1906 г. Свиты его величества генерал-майор Трепов».

При сем имею честь представить вашему императорскому величеству экземпляр петиции, которая ходит по рукам землевладельцев для собирания подписей. Она напечатана в Киеве, хотя инициатива ее появления, конечно, исходит из Петербурга. Об замыслах сей петиции мне передавали уже несколько недель тому назад, а теперь мне передал прилагаемый экземпляр приехавший с юга министр путей сообщения.

Конечно, я мог бы узнать ** и ее авторов и ее инициаторов, но я считал излишним тратить на это время, тем более, что мне, как и всем живущим общественною жизнью, известно, что инициатива этого дела исходит от так называемой у нас в Государственном Совете «черной сотни Государственного Совета». А затем благородная мысль такой петиции принадлежит ли графу А. П. Игнатьеву, [69] или Стишинскому, [70] или Штюрмеру, [71] или Горемыкину, или адмиралу Абазе, [72] или кому-либо другому члену сказанного сообщества, это довольно безразлично. Впрочем, я думаю, что эти почтенные деятели не особенно добиваются быть у власти, так как им нежелательно ставить в игру свои особы, а потому они предпочитают действовать и распространять из-за кустов всякую ложь в петербургских гостиных посредством некоторой части печати. (Грингмут, [73] Шарапов, [74] Никольский (доцент) [75] и проч.).

Статс-секретарь граф Витте. ***

2 февраля 1906 г.

---

* Доклад писан Витте собственноручно.

** Подчеркнуто Николаем II.

*** К подлиннику приложен экземпляр отпечатанной типографским способом петиции крупных землевладельцев.

27.

«У меня нет ни малейшего сомнения в том, что если бы Шмидт был душевно-больным, то это было бы установлено судебной экспертизой».

Приписка гр. Витте: «23 февраля 1906 г. Царское Село».

Мне со всех сторон заявляют, что лейтенант Шмидт, [76] приговоренный к смертной казни, психически больной человек и что его преступные действия объясняются только его болезнью.

Я не имею и не могу иметь по этому предмету никакого мнения, так как дело это мне совершенно неизвестно. Но все заявления мне делаются с просьбою доложить о сем вашему императорскому величеству, а потому, опасаясь, что я не исполню свой долг, умолчав о вышеизложенном, имею честь всеподданнейше довести о сем до сведения вашего императорского величества.

Статс-секретарь граф Витте.

21 февраля 1906 г.

28.

Мемория Совета министров 28 февраля 1906 г.

«Какое мне до этого дело? Вопрос о дальнейшем направлении дела гр. Подгоричани подлежит ведению мин. внутр. дел».

Приписка гр. Витте: «9 декабря 1906 г. Царское Село».

В городе Гомеле, Могилевской губернии, 13 и 14 минувшего января произошли беспорядки, сопровождавшиеся погромом местного еврейского населения. [77] Для расследования этих беспорядков министром внутренних дел был командирован член Совета министров действительный статский советник Савич, [78] который 6-го сего февраля и представил отчет о результатах своей командировки. Из означенного отчета усматривается, что беспорядки выразились: 1) в поджоге шайкою людей, от 10 до 15 человек, большею частью вооруженных, 13 отдельных еврейских домов и нескольких лавок и магазинов, 2) в последовавшем затем разграблении имущества из подожженных строений, 3) в стрельбе по вызванным на место беспорядков войскам, полиции и пожарной команде и в бросании взрывчатых снарядов, чем, к счастью, не было им причинено никакого вреда, и 4) в убийстве одного и в поранении 11 обывателей, из которых один раненый был турецкий подданный, а остальные все местные евреи. Убытков всего исчислено приблизительно около 2-х миллионов рублей.

В первый же день беспорядков судебным следователем 1 участка Гомельского уезда было начато предварительное следствие по 14 связанным с ними делам, при чем привлечены к следствию и заключены под стражу всего 13 лиц, в том числе 6 евреев.

Погром в г. Гомеле, как полагает действительный статский советник Савич на основании полученных им при расследовании данных, не был проявлением обычной в подобных печальных явлениях религиозной и национальной вражды христианского и еврейского населения, а явился результатом нападения на имущество определенных обывателей-евреев со стороны небольшой шайки вооруженных людей, к которым уже во время самого погрома присоединились другие неблагонадежные элементы; содействовали же возникновению и учинению беспорядков следующие причины: существование в г. Гомеле трех еврейских революционных партий, неустройство местной полиции, слабость и непорядки в расположенных здесь войсковых частях, плохое состояние городской пожарной команды, неправильные действия помощника начальника Могилевского жандармского управления по Гомельскому уезду, ротмистра графа Подгоричани-Петровича [79] и, наконец, образование здесь отделения тайного общества под именем «Союз русских патриотов». Упомянутые еврейские революционные партии организовали самооборону, приобретали оружие, раздавали его евреям и, благодаря вымогательству денег на вооружение, с бомбами и револьверами в руках, а также убийству трех должностных лиц, терроризировали местное население и даже полицию и войска. Такое вызывающее поведение евреев породило против них озлобление среди христиан, из которых, очевидно, наиболее крайние противоположного направления элементы образовали из себя упомянутый тайный «Союз русских патриотов». Деятельность этого Союза характеризуется тем, что двое из его членов были организаторами погрома; кроме того, Союз распространял антиеврейские прокламации, напечатанные с помощью особой тайной типографии, и вооружал своих членов. Типография и оружие — 38 револьверов — были переданы Союзу упомянутым ротмистром графом Подгоричани, который сам письменно удостоверил свою прикосновенность к названному тайному обществу и оказание ему материальной со своей стороны поддержки, ссылаясь на намерение свое иметь при посредстве членов Союза полезные и своевременные сведения о революционном движении, а также влиянием на них получить хорошие результаты с патриотической точки зрения, в лучшем смысле этого слова. На основании этих и других полученных при расследовании данных действительный статский советник Савич приходит к заключению, что тайный «Союз русских патриотов», несомненно, представляет собою явление ненормальное, противоречит задачам государственного управления и потому подлежит уничтожению, и что означенные действия ротмистра графа Подгоричани следует

признать неправильными. Независимо от сего, последний проявил полное бездействие при возникновении беспорядков, а также заключил под стражу без достаточных оснований нескольких лиц, чем возбудил местное население.

Представляя рапорт действительного статского советника Савича на рассмотрение Совета министров, действительный тайный советник Дурново сообщил, что по данным, изложенным в означенном рапорте, со стороны министерства внутренних дел последовали нижеследующие распоряжения:

1) Могилевскому губернатору [80] и начальнику Могилевского губернского жандармского управления [81] предложено обратить серьезное внимание на деятельность существующих в г. Гомеле революционных организаций, на предмет прекращения этой деятельности, и принять меры к закрытию существующего там же «Союза русских патриотов».

2) Могилевскому губернатору предложено немедленно сделать распоряжение о том, чтобы все городовые, состоящие при полицейских управлениях в качестве сторожей и рассыльных, были обращены к исполнению прямых своих служебных обязанностей по охранению порядка и безопасности в г. Гомеле, а также разъяснено, что вышеуказанная мера, в связи с последовавшим в последнее время усилением местной полицейской стражи на 22 чел., дает возможность выставлять ныне 36 постов взамен 17 прежних. Одновременно губернатору указано, что, в случае, если бы состав полицейской команды в г. Гомеле оказался всетаки недостаточным, местному городскому общественному управлению надлежит предложить об ассигновании соответственных средств.

3) Начальнику штаба отдельного корпуса жандармов [82] указано на необходимость увольнения из корпуса ротмистра графа Подгоричани в виду несоответственной деятельности его в качестве помощника начальника местного жандармского управления.

4) Принять меры к упорядочению пожарной части в г. Гомеле.

Рассмотрев изложенные выше данные по расследованию гомельских беспорядков, в связи с приведенными распоряжениями министерства внутренних дел, Совет министров признает означенные распоряжения вполне целесоответственными. Вместе с тем Совет усматривал из обстоятельств настоящего дела, что беспорядки эти не были проявлением встречающейся иногда племенной и религиозной вражды между христианами и евреями, а были следствием, в значительной мере, неправильных действий местных властей и недостатка с их стороны должного надзора за порядком. Поэтому, Совет министров, считая наиболее важным упорядочение в г. Гомеле местного управления и принятие мер к достижению согласованности действий представителей военной и гражданской власти, в частности не мог не обратить внимания на деятельность при происходивших беспорядках ротмистра графа Подгоричани-

Петровича. В деле имеются указания на то, что со стороны названного должностного лица были допущены злоупотребления властью и бездействие власти, выразившиеся, с одной стороны, в раздаче оружия членам тайного общества, в передаче им же типографии для напечатания антиеврейских прокламаций и в арестовании нескольких лиц без достаточных к тому оснований, с другой стороны,— в непринятии мер к прекращению беспорядков. Противодействие революционным проявлениям составляет непременную обязанность должностных лиц, но правительственные чины не могут прибегать даже и в подобных случаях к способам явно противозаконным, приводящим к таким явлениям, как насилия, поджоги и грабежи. В этом отношении правительству необходимо ясно выразить свой взгляд на недопустимость такого образа действий должностных лиц; единственным же путем для этого является привлечение виновных к судебной ответственности. В виду сего Совет министров признает необходимым поручить министру внутренних дел через подведомственных ему чинов корпуса жандармов произвести дознание о действиях в г. Гомеле ротмистра графа Подгоричани при беспорядках 13—14 января и, сообразно обнаруженным дознанием данным, дать этому делу дальнейшее в установленном порядке движение.

Об изложенном Совет министров полагает довести до сведения вашего императорского величества.

Граф Витте.

П. Дурново, граф Ив. Толстой,[83] кн. А. Оболенский,[84] Д. Философов,[85] И. Шипов, М. Акимов, К. Немешаев,[86] Мих. Федоров.[87]

II.

ДОКЛАДЫ И РАПОРТЫ НИКОЛАЮ II.

Баку.

1.

ДОКЛАД МИНИСТРА ВНУТР. ДЕЛ БУЛЫГИНА.

«Весьма неприглядная картина беспомощности власти».

Приписка А. Гр. Булыгина: [88] «Его величество собственноручно соизволил начертать: «*Весьма неприглядная картина беспомощности власти*». 19 марта 1905 года. Гофмейстер Булыгин».

В начале февраля сего года в городе Баку возникли беспорядки, которые в течение 7, 8 и 9 чисел этого месяца перешли в кровавые события. Не получая из Баку обстоятельных донесений, в виду удрученного состояния и полной растерянности всей местной администрации во время этих событий, я для поставления меня в известность об истинном положении дела, командировал на место происшествия помощника начальника штаба отдельного корпуса жандармов генерал-майора барона Медема. [89]

Названный генерал представил мне нижеследующее:

Года полтора тому назад мусульманин Гассан-Бала-Бабаев вступил в любовную связь с армянкой, муж которой вскоре был убит. Заподозренные в этом убийстве — жена убитого, слуга-лезгин и Бабаев — были привлечены к уголовной ответственности, при чем последний был оправдан, а первые два осуждены и сосланы. Спустя некоторое время, при посредстве некоего армянина Масси, одного из главных членов армянского революционного комитета и организатора всяких убийств, проживавшего у миллионера Лалаева, были убиты два или три мусульманина, за что, в свою очередь, был убит Масси, похороны которого были обставлены с особой торжественностью. После этого убийства, Лалаев объявил, что за Масси будет убито 100 татар, и, действительно, заподозренный в убийстве Масси мусульманин Бала-Ага-Мешед-Мамед-Рза-Оглы 12 января сего

года был убит двумя конвойными рядовыми 262-го резервного Сальянского полка, из армян, Николаем Арутюнянц и Карапетом Бабаховым. После ряда таких убийств, мусульмане начали вооружаться и готовиться к мести, и когда 6 февраля в 12 часов дня на Парапете близ армянской церкви, без всякого повода, на глазах татар толпой армян был зверски умерщвлен (истыкан бейбутами и расстрелян) местный богач Бабаев, брат оправданного судом Гассана Бабаева, то весть об этом быстро распространилась среди родственников и знакомых мусульман, которые с разных мест города и окрестностей стали собираться преимущественно на Шимахинской и Воронцовской улицах. Армяне, в свою очередь, спешно закрыв магазины, вооружились и из домов своих открыли пальбу по татарам. С возникновением беспорядка все низшие полицейские чины скрылись, войска отсутствовали, и губернатору одному верхом с несколькими конными стражниками приходилось переезжать с одного места на другое. Там, где он появлялся, татары моментально прекращали стрельбу, тогда как армяне продолжали стрелять из закрытых помещений. В то время в гарнизоне находилось пять батальонов, в составе 160 до 180 штыков в батальоне, и три казачьих сотни по 60 коней в сотне, что при обширности района с 208-тысячным населением было крайне недостаточно. К тому же первые два дня войска без руководителя бездействовали, так как начальник гарнизона контр-адмирал Баль [90] перешел на свой крейсер. Таким образом, губернатор оказался в беспомощном положении, населением овладела паника, на улицах появились громилы разных наций, и начались грабежи и поджоги. Грабил тот, кто потерял совесть; армяне стреляли из-за угла и больше в спину; мусульмане же действовали в открытую, убивали тех, кто в них стрелял, и сжигали те дома, из которых армяне стреляли. Таким образом, был убит с женою богач Лалаев — организатор кровавых убийств, а богатый дом его сожжен. Полицейским управлением было зарегистрировано убитых армян 155, раненых 70, мусульман убитых 25, раненых 40, и других национальностей убитых 22, раненых 46, а всего пострадавших 358 человек обоего пола; но эта цифра менее действительной уже потому, что большинство убитых татар вывезено из города из опасения судебно-медицинского вскрытия, что противно мусульманской религии. К этому числу жертв следует причислить сожженных и убитых в Балаханах, отстоящих от города в 14 верстах расстояния, так что общая цифра пострадавших определилась в 500 человек. Об имущественных убытках трудно сказать что-либо определенное, но они должны быть велики.

Крайне тяжелая обстановка, в которой находился по исполнению своих обязанностей бакинский губернатор князь Накашидзе, [91] усложнялась еще пассивным отношением к делу со стороны начальника гарнизона контр-адмирала Баля.

Так, 7 февраля губернатор, получив сведение, что на одной

из улиц горит дом и что толпа не допускает пожарную команду, по телефону обратился в ближайшую казачью сотню с требованием прислать ему 15 казаков, на что сотенный командир ответил, что без распоряжения начальника гарнизона он не может дать ни одного казака. Тогда губернатор тем же порядком обратился к начальнику гарнизона, но контр-адмирал Баль ответил, что по телефонному требованию он никаких распоряжений сделать не может, и для сего необходимо письменное требование, с указанием, для какой цели нужен наряд. Пока шла эта телефонная полемика и переписка, дом успел сгореть. При таких обстоятельствах губернатору приходилось принимать меры среди озверевшей толпы армян и татар.

К вечеру 8 февраля прибыли в Баку пять батальонов, четыре казачьи сотни и два орудия; в командование войсками вступил генерал-майор Рыльский, [92] и тогда только появилась надежда на подавление беспорядка, но таковой, главным образом, был прекращен воздействием духовенства, ходившего по городу и увещевавшего обезумевших армян и мусульман. К вечеру 9 февраля уличные бесчинства прекратились, военные патрули заменили полицию, и с 8 часов вечера выход на улицу всем был воспрещен.

Вслед за прекращением этих кровавых событий, революционеры всяких наименований и национальностей (кроме мусульман), почуяв силу, перешли к активной деятельности и в первом же своем заседании приписали губернатору сознательное, в интересах власти, натравление татар на армян и присудили его к смерти, о чем князю Накашидзе и был доставлен приговор. Затем ежедневно в продолжение трех дней в городском клубе, общественном собрании и даже в Думе местные и пришлые главари, при публичных сборищах до 2000 человек, произносили возмутительные речи, призывая к действиям против существующего образа правления и сопровождая призыв свой раздачею прокламаций и разбрасыванием их по городу. Одним словом, всеми чувствовалось, что эти три дня городом заправляет революционный комитет. Благодаря энергичным действиям генерал-майора Рыльского, заседания бакинских конвентов прекратились, и жандармское управление вновь приступило к работе, задержав серьезных агитаторов.

Что же касается вопроса, какие именно причины послужили к возникновению описанных беспорядков, то, сопоставляя показания людей сведущих и вполне достоверных свидетелей, собранные на месте генерал-майором бароном Медемом, нельзя не притти к заключению, что бакинские кровавые события явились следствием не племенной вражды татар и армян, которой в строгом смысле слова и не существует, а вызваны целым рядом предшествовавших убийств, в которых руководителями были зажиточные армяне, равно как угрозами армян (членов армянского революционного комитета), направленными против некоторых мусульман за упорный отказ их примкнуть к про-

тивоправительственной агитации. Так, мусульманский казий под клятвою подтверждает, что в последнее время к богатым татарам, как, например, к миллионеру Тагиеву и к другим, армянскими комитетами неоднократно предъявлялись требования денежного участия на революционное дело по ниспровержению существующего в государстве образа правления, но всякий раз такие предложения в каждом мусульманине вызывали чувство негодования, а когда такие лица, как Тагиев, стали получать угрожающие письма, то мусульмане стали готовиться к репрессивным действиям, выжидая лишь случая, который и представился в зверском убийстве в центре города именитого татарина Бабаева.

Доказательством, что не племенною враждою вызваны бакинские беспорядки, является еще и то, что во время резни сотни армянских семей нашли себе приют и защиту у татар; грабителей из своей среды татары сами предавали войсковым патрулям. Вообще, мусульмане являются истыми верноподданными вашего императорского величества и государственного порядка и отличаются честностью, тогда как армяне, составляя всего $^1/_4$ мусульманского населения Баку и разбогатев на счет коренного населения, — преследуют революционные цели, в видах автономной Армении. Относительно того, каким образом бакинские беспорядки могли развиться с столь необычайною силою, следует заметить, что этому обстоятельству много способствовала слабость наружного и внутреннего полицейско-административного надзора. Так, местное жандармское управление по составу и средствам своим не в силах бороться с армянским комитетом, располагающим огромным капиталом; общая полиция, состоя в значительной степени из туземцев, в качественном отношении оставляет желать много лучшего, и, наконец, войск в первые дни беспорядков было мало, и, притом, за отсутствием руководства, в действиях их не было единства.

Об изложенном повергаю на благовоззрение вашего императорского величества.

Гофмейстер Булыгин.

18 марта 1905 г.

2.

ОТЧЕТ СЕНАТОРА КУЗЬМИНСКОГО.

Представляемый на монаршее вашего императорского величества благовоззрение первый отдел всеподданнейшего отчета о произведенной мною, по высочайшему повелению, ревизии [93] города Баку и Бакинской губернии содержит изложение событий, имевших место в Баку и на нефтяных промыслах 6—10 февраля 1905 года, и причин, их вызвавших.

Сенатор Александр Кузьминский. [94]

21 сентября 1905 г.

Всеподданнейший отчет

о произведенной, по высочайшему повелению, сенатором Кузьминским ревизии города Баку и Бакинской губернии.

Высочайшим повелением, во 2-й день марта 1905 г. воспоследовавшим, на меня возложено производство, на основаниях, определенных в статье 245 Учр. Прав. Сената, ревизии города Баку и Бакинской губернии, при чем указано, что в задачу ревизии входит выяснение действительных причин событий, происшедших в гор. Баку 6—10 февраля, и посему должны быть подвергнуты тщательному исследованию все явления политического, административного, экономического, национального и религиозного характера, которые могли вызвать упомянутые события.

По прибытии моем 3 апреля в гор. Баку, было безотлагательно приступлено к рассмотрению всех возникших в местных следственных участках дел, имеющих отношение к означенным событиям, на предмет установления объема постигшего город и его население бедствия, свойства учиненных при этом преступлений и лиц, обвиняемых в их совершении, а также выяснения могущих встретиться в сих делах указаний на отношение местной административной власти и полиции к происшедшим событиям и мер, ими принятых к предотвращению и подавлению наступивших последствий.

I. События 6—10 февраля и причины, их вызвавшие.

По данным предварительного следствия, события 6—10 февраля, в главных чертах, представляются в следующем виде.

Беспорядки в городе Баку.

6 февраля 1905 года, в воскресенье, около полудня, в центре гор. Баку, возле армянского собора, на площади «Парапет», был убит армянами проживавший в Баку зажиточный мусульманин, житель селения Сабунчи, Бакинского уезда, Ага-Рза Бабаев. Об обстоятельствах, при которых совершено было это убийство, околоточный надзиратель Адольф показал, что, услышав выстрел невдалеке от армянского собора, возле которого стояла группа армян, он увидел бегущих по улице молодого солдата, по внешнему виду армянина, и за ним названного Бабаева. Предположив, что Бабаев стрелял в этого солдата, Адольф посадил их обоих на извозчика для доставления в ближайший полицейский участок, но толпа армян окружила извозчика и, когда Бабаев бросился бежать по направлению к гости-

нице «Гранд-Отель», произвела в него из револьверов несколько выстрелов, одним из которых Бабаев был ранен в голову, после чего он упал, и ему были нанесены еще две раны холодным оружием.

Предположение о том, что Бабаев стрелял в солдата-армянина, не нашло себе подтверждения в дальнейших данных дела, так как осмотром через сведущих людей оказавшегося у Бабаева и отобранного у него на месте происшествия пятизарядного револьвера системы Смитт и Вессон и показаниями свидетелей установлено, что из этого револьвера не было произведено ни одного выстрела. Побудительные причины к убийству Бабаева остались точно невыясненными, но существует не лишенное основания предположение, что оно находится в связи с имевшим место 12 января 1905 года убийством конвойными нижними чинами из армян арестанта-мусульманина Бала-Аги-Мамед-Рза-Оглы, содержавшегося под стражею по обвинению в убийстве армянина Мисаха Енгоянца, и что Бабаев, мстя за убийство Бала-Аги, покушался на убийство солдата-армянина, а это, в свою очередь, вызвало месть со стороны армян, которые и убили Бабаева.

Весть об убийстве Бабаева весьма быстро облетела мусульманское население города Баку и разнеслась также по всему Балахано-Сабунчинскому нефтепромышленному району, где у Бабаева было много родных, приятелей и знакомых. В виду обостренности за последние месяцы отношений между мусульманами и армянами — обостренности, дошедшей до того, что в местном бакинском обществе давно уже высказывались опасения о возможности серьезного столкновения этих двух народностей из-за самого ничтожного повода,— убийство Ага-Рза Бабаева послужило толчком к открытому насильственному нападению мусульманской части населения на армян. Короткое время спустя после убийства Бабаева, на ближайших к Парапету улицах появились небольшие группы городских татар, в 5—10 человек, которые кинжалами и выстрелами из револьверов стали убивать показывавшихся на улицах армян; в свою очередь и армяне также подстреливали татар, появлявшихся в армянской части города. Особенно участились случаи убийств и поранений вечером, когда в числе других пострадали несколько человек русских и между ними ученики 7 класса реального училища Яков Лебедев и технического училища Иван Волков. В общем, по сведениям Михайловской городской больницы и данным предварительного следствия, за весь день 6 февраля было убито 18 и ранено 27 человек, из коих 6 русских, 25 армян, 9 татар и 5 других национальностей.

7 февраля, с утра, в городе все было тихо и спокойно; началась обычная жизнь, лавки были открыты, на базарах шла торговля, учащиеся отправились в учебные заведения, а служащие по местам своего служения. Вдруг, часов с 10, в разных частях города послышались выстрелы, сначала довольно

редкие, а потом все больше и больше учащавшиеся. Уже в начале 11-го часа утра заведывающий 2-м следственным участком города Баку Михнович,[95] проходя по своему участку, видел в разных местах несколько лежавших на улицах трупов убитых армян. Необычайная паника охватила население города. Все лавки мгновенно закрылись, всякое движение по улицам прекратилось, каждый спешил укрыться в своей квартире. Изредка лишь появлялись татары то в одиночку, то небольшими группами и, как показали все почти расспрошенные по делу свидетели, будучи вооружены большими револьверами наподобие офицерских, а также берданками и винтовками, у многих из них находившимися, и кинжалами,* открыто нападали и убивали появлявшихся на улицах армян. Последние большею частью заперлись в своих домах и в проходивших татар стреляли из окон, из-под ворот и с крыш; только в сравнительно небольшом районе, составляющем армянскую часть города и населенном по преимуществу армянами, около Молоканского сада, армяне решались показываться на улицах и действовать более смело против татар.

Во 2-м часу дня раздались крики, возвещавшие о разгроме армянских магазинов на Базарной улице; в течение нескольких часов татарами были разбиты и разграблены, между прочим, некоторые мануфактурные магазины в караван-сарае Лалаева, во дворе которого оказались убитыми укрывавшиеся армяне, в центре города ресторан «Шаропань» и в крепости, недалеко от канцелярии 262-го пехотного Сальянского резервного полка, магазин золотых и серебряных вещей Артема Бабаянца.

Точная цифра убитых и раненых в течение 7 февраля не могла быть установлена, так как многие подобные случаи своевременно не были зарегистрированы, а некоторые трупы лежали на улицах неубранными в течение одного и даже двух дней, и время убийства этих лиц установлено не было. Во всяком случае, по данным предварительного следствия, далеко неполным и неточным, за время 7 февраля констатировано более ста случаев убийств и поранений.

После сравнительно спокойной ночи, на следующий день, 8 февраля, число убийств и случаев разгрома увеличилось, и самые погромы приняли более ужасающий и ожесточенный характер. В этот день многочисленные скопища вооруженных татар, в присутствии многих посторонних лиц, нередко чинов полиции и казачьих разъездов, разбили и разграбили, между прочим, на Большой Крепостной улице, недалеко от казарм Сальянского полка, лавку Исая Тер-Осипова, винный погреб Касабова, в коем убили самого хозяина, его брата и двух неизвестных армян, вторично караван-сарай Лалаева, где в квартире Николая Калустова убили и поранили восемь укрывавшихся

---

* Набранное разрядкой подчеркнуто на полях Николаем II.

армян, и в центральной части города, па Цициановской улице, большой бакалейный магазин бр. Егиазаровых, из которого было расхищено товара на сумму до 20 000 руб. Наибольшей интенсивности и жестокости достигли действия татар-громил в местности, прилегающей к Воронцовской, Сураханской и Церковной улицам. Здесь они прежде всего с утра стали обстреливать здание бани «Фантазия» и повредили в нем двери, окна и стекла. После того подвергли разгрому большой двухъэтажный дом Асланова, выходящий па три улицы; в доме этом в продолжение нескольких часов были опустошены четыре квартиры: самого домохозяина, врачей: Саркисянца и Тер-Арутюнова и купца Тер-Саакова. По рассказу главного врача бакинской врачебно-наблюдательной станции Алексея Родионова,[96] наблюдавшего из окон своей квартиры, разгром дома Асланова производился совершенно спокойно, не спеша; уносились не только мелкие вещи, но и громоздкая мебель: комоды, диваны и проч.; в общем получалось впечатление, как будто жильцы перебираются на другую квартиру. Во время разграбления несколько раз показывались казачьи разъезды, но или проезжали мимо, не принимая никаких мер к рассеянию толпы татар, или сворачивали в сторону, не доезжая до дома Асланова. Покончив с домом Асланова, обитатели коего своевременно успели спастись, перебравшись при содействии казачьих разъездов, за вознаграждение, в другие, более безопасные, места, татары-громилы перешли к двум расположенным на Церковной улице рядом, каменным двухъэтажным домам Бабаджанова и Лазаревой. В этих домах, занятых исключительно почти одними армянскими семьями, в числе других квартирантов, проживал в одной квартире присяжный поверенный Николай Татосов с семьею, состоявшей из жены, двух малолетних детей, 10-летней свояченицы и 9-летнего племянника, а в другой квартире, в верхнем этаже, нефтепромышленник Александр Адамов с женою и тремя малолетними детьми. По рассказу Хачатура Асланянца, служившего поваром у Адамова, первые выстрелы в квартиру Адамова были направлены в то время, когда Адамовы, с перебравшимися к ним, для большей безопасности, из нижнего этажа Татосовыми, около 3 часов дня обедали в столовой. В видах самозащиты и для острастки, Адамов, лежа на полу в гостиной комнате, стал через дверь отстреливаться из трех охотничьих ружей от толпы татар. Крики о помощи к проезжавшим по улице казакам и неоднократные просьбы Татосова по телефону ко всем властям о присылке казаков или солдат для спасения их ни к чему не приводили, а между тем толпа татар все ближе подступала. Чтобы привлечь внимание казаков или полиции, Татосов стал играть на трубе, а 14-летний мальчик Николай Адамов бить в барабан, но и это не помогло. Тогда вся семья Адамовых и Татосовых перешла на чердак; в комнате же остались только Александр Адамов, продолжавший отстреливаться, и повар его Асла-

пянц, заряжавший ружья и подававший их своему хозяину. Около 6 часов вечера показался снизу дым; не довольствуясь грабежом, татары-громилы подожгли дом Бабаджанова, обливая его в местах, доступных действию огня, керосином. Асланянц предлагал Адамову попытаться спастись бегством, но Адамов отклонил это, сказав: «все равно, нет спасения, давай стрелять до конца». Одним из выстрелов, произведенных с улицы, Адамов был ранен в лицо: пуля, пробив правую щеку, раздробила ему челюсть. Адамов с помощью Асланянца кое-как полотенцем перевязал рану, во рту болтались разбитые зубы, рукою он пробовал оторвать раздробленную и мешавшую ему часть челюсти и до последней возможности продолжал стрелять в толпу татар. Будучи затем контужен в ногу, Асланянц решился оставить своего хозяина и, спустившись по карнизу на крышу соседнего татарского дома, случайно спасся от смерти. Пожар вскоре перешел на смежный дом Лазаревой, который, так же, как и дом Бабаджанова, совершенно сгорел, а все бывшие в помянутых домах лица, за исключением случайно отсутствовавших из дома двух сыновей Адамова и некоторых жильцов, успевших заблаговременно спастись, или сделались жертвою огня и сгорели, или же были изрублены и убиты ворвавшимися татарами. По словам священника Тер-Саака Макарянца, проживавшего напротив дома Бабаджанова и выглядывавшего по временам через щель прикрытой ставни, толпа татар, ворвавшись часов в 6 вечера в квартиру Татосовых, стала расхищать вещи, которые складывались на арбы и увозились; один из грабителей и поджигателей, ударяя руками по клавишам рояля, кричал по-татарски: «танцуйте, другой такой свадьбы не будет». Разгром домов Бабаджанова и Лазаревой и стрельба вокруг них на улице, по удостоверению свидетеля Макарьянца, продолжалась до 11 часов ночи, а пожар прекратился гораздо позже. Сколько именно человек сгорело и было убито в означенных домах, невозможно с точностью установить, но, во всяком случае, жертв огня и насилия было не менее 28, так как на другой день после происшествия найдено было на улице против сгоревших домов пять трупов убитых армян и в проходе дома Лазаревой три полуобгоревших трупа, а затем при осмотре подвалов этих домов обнаружено девятнадцать совершенно обуглившихся скелетов и обгоревшие кости еще одной жертвы.

Одновременно с этим в другой части города, на Шемахинке, около 9 или 9$^1/_2$ часов вечера, подожжен был татарами дом Чахмахсарова, который и сгорел без всяких, однако, человеческих жертв; на Телефонной улице, в 4-м полицейском участке, подожжена была лавка мусульманина Кербалай-Али Мамедова, но пожар этот был погашен в самом начале подоспевшим помощником пристава Лазаревым.

9 февраля утром убийства и погромы продолжались в разных частях города. Вооруженные татары насильственно врывались в армянские дома, грабили имущество и убивали попадавшихся им армян.

В этот день особенное внимание обращает на себя разгром и поджог на Шемахинке большого двухъэтажного каменного дома богатого местного армянина Балабека Лалаева. Дом этот, выходящий фасадом на три улицы: Кубинскую, Шемахинскую и Капитанинскую, в течение трех дней выдерживал осаду. Еще в понедельник 7 февраля, татары произвели в окна дома с прилегающих улиц одиночные выстрелы. С 8-го числа толпы татар стали бродить вокруг дома, обстреливая его со всех сторон, и как бы караулили, не покажется ли Балибек Лалаев на улице. Все время Лалаев и жена его по телефону и лично просили представителей власти, проезжавших во вторник утром по Шемахинке, спасти их детей от неминуемо грозившей им опасности; но просьбы их оставались безуспешными, а между тем с каждым часом громившие татары ожесточеннее накидывались на дом Лалаева, пронизывая пулями все окна и двери. Когда опасность стала особенно сильно угрожать, Лалаев с семьею перешел в квартиру проживавшего в его доме управляющего промыслами в Российском нефтепромышленном обществе Игнатия Урбановича, где пробыл несколько часов, не переставая по телефону осаждать все власти усиленными просьбами о скорейшем избавлении его от опасности. Вскоре телефон перестал действовать. Тогда, ухитрившись отправить детей под прикрытием из дома в сопровождении гувернантки, Лалаев с женою Анною, братом Григорием, воспитанником Матевосянцем и другими бывшими в доме его лицами, вечером перебрался в подвал и оставался в нем в течение всей ночи. Рано утром 9-го числа дом Лалаева подвергнут был особенно сильной бомбардировке; по словам штабс-капитана Зуева, проживавшего саженях в ста от того места, дом Лалаева в то время осаждала толпа татар в несколько сот человек. Около девяти часов толпа эта вломилась в дом и, не находя Лалаевых, стала поджигать дом, обливая его в разных местах ведрами керосина; в то же время поджигатели старались вызвать Лалаева, уверяя, что ему ничего не будет. Когда подвал начал наполняться дымом, и в нем невозможно было оставаться, Балабек Лалаев с женою вышли на улицу, прося с поклонами у толпы пощады. При появлении их толпа издала неистовый, дикий крик радости и, бросившись к ним, произвела в Лалаева около двадцати выстрелов, из коих несколькими он был убит; теми же выстрелами была убита и жена Лалаева в тот момент, когда она, при виде направленных в мужа ее револьверов, хотела собою прикрыть его, а затем оба они были изуродованы ударами кинжалов; у них были распороты животы и рассечены лица. Вслед за убийством Лалаевых в толпе татар раздался возглас: «царь армянский убит». Тут же были убиты Григорий Лалаев, Матевосянц и два человека прислуги; остальные лица случайно остались нетронутыми. Убийство Лалаевых, по объяснениям Урбановича и Зуева, совершено было между 12 и $1^1/_2$ часами дня. После того толпа татар некоторое

еще время доканчивала разграбление дома Лалаевых, а затем отправилась громить другие небольшие дома в той же местности на Шемахинке. Вскоре к месту происшествия подошла учебная команда Сальянского полка и несколькими ружейными залпами, под начальством штабс-капитана Зуева, в течение получаса или часа разогнала всех татар; улицы очистились от убийц и грабителей, и полное спокойствие в части города, именуемой Шемахинкой, водворилось значительно ранее той процессии, которая, в целях умиротворения, в этот день была предпринята губернатором с участием духовенства и представителей армянского и мусульманского населения и выступила из квартиры губернатора не раньше 2 часов дня. Процессия эта, проходя по улицам, призывала население к примирению; толпы народа, безразлично и армянского и мусульманского, с необычайным энтузиазмом встречали примирительную процессию, беспорядки повсюду сразу прекратились, и улицы вновь ожили, наполнившись многолюдною мирною публикою.

Бакинские кровавые события происходили отчасти в 1-м и, главным образом, во 2-м и 3-м полицейских участках гор. Баку. За все время этих событий, с 6 по 9 февраля включительно, согласно именному списку, сообщенному и. об. бакинского полицеймейстера, было убито 232 человека, из них 192 армян, 36 татар и 4 русских, и поранено, по сведениям, полученным из возникших у следователей гор. Баку следственных дел, 185 человек, в том числе 66 армян, 83 татар и 36 других национальностей. Сведения эти во всяком случае не вполне верны, так как многие убитые и раненые, особенно из мусульман, были унесены и скрыты родственниками их, без заявления о том полиции. За то же время разграблено 138 торговых заведений, лавок, мастерских и частных квартир, из них 97 армянских и 30 татарских.

В дни вооруженных столкновений мусульман с татарами полициею были задержаны: а) 7 февраля армянин Акоп Мурадьянц, убивший выстрелом из револьвера Мамеда-Абдул Гусейн-Оглы, но, как потом оказалось, Мурадьянц, следуя по Набережной улице с товарищем своим Бабалянцем, сам подвергся нападению нескольких татар и отстреливался от них в положении самообороны; б) 8 февраля во дворе разграбленного дома Асланова 12 татар с некоторыми, оказавшимися при них, малоценными вещами, взятыми ими в том же доме; сами задержанные утверждали, что они укрывались в доме Асланова от выстрелов армян и обнаруженные у них вещи нашли в том же доме, и в) 9 февраля четыре армянина на крыше дома Адамова, по подозрению в том, что они стреляли с крыш в татар. Во всех остальных случаях виновные в убийствах, грабежах и поджогах не были задерживаемы на месте преступлений и остались необнаруженными. Из чинов полиции за время беспорядков пострадал только городовой Шадрин, убитый Анохом Ованесовым в то время, когда он

хотел задержать одного из армян, при чем названный Ованесов также был убит залпом, произведенным в него подоспевшим к месту происшествия военным патрулем. Кроме того, были поранены рядовые Дагестанского полка Журавлев и Рамазанашвили, случайно 7 февраля попавшие между перестреливавшимися татарами и армянами.

По наблюдениям лиц, знающих бакинское городское мусульманское население, в преступных событиях февральских дней принимали непосредственное участие, главным образом, низшие слои этого общества и многие сельчане, прибывшие на второй и третий дни событий из селения Сабунчи и других ближайших к гор. Баку селений; в пользовании же разграбленными из магазинов и домов вещами участвовали также русские босяки и бедные мастеровые, особенно жадно бросавшиеся на разного рода напитки.

Беспорядки на нефтяных промыслах.

Беспорядки, происходившие в гор. Баку 6—9 февраля, распространились и на прилегающие к городу нефтяные промысла. На Биби-Эйбате, состоящем в ведении бакинской уездной полиции, 8 и 9 февраля татарами были разграблены духан Аветиса Погосова и сапожная мастерская Акопа Акопова, а также убиты десять армян и ранены девять человек. Полицейский пристав Биби-Эйбатского участка Михайлов лишен был возможности подавить начавшиеся беспорядки, так как вся его сила заключалась в 22 городовых, не имевших притом никакого оружия; только 12 февраля, по окончании беспорядков, для вооружения городовых ему были высланы из бакинского уездного полицейского управления 3 берданки с 60 патронами и 6 старых револьверов без патронов.*

На Балахано-Сабунчино-Раманинских промыслах, подведомственных в полицейском отношении особому полицеймейстеру, беспорядки приняли более крупные размеры. Уже 7 февраля в этом районе были ранены два армянина; в течение 8 и 9 февраля совершен был ряд убийств, поранений и разгромов лавок Петроса Погосова, Ширина Акопова, Арутюна Агавелова, Оганеса-Мугдусы Саядова, Андрея Шахбазова, духана Саакьянца, погреба Абгара Джабарова и других заведений, а 10 февраля утром, когда в Балаханах ожидалось прибытие из Баку по железной дороге процессии с армянским и мусульманским духовенством и многие отправились на вокзал для встречи процессии, в Раманах толпа татар напала на промысла и стала их обстреливать. На промысле Манташева, ворвавшись на вышку, татары убили двух армян, а пятерых ранили. На промысле Каспийского товари-

* Набранное разрядкой подчеркнуто на полях Николаем II.

щества толпа татар убила в казармах одиннадцать армян-рабочих. На промысле Питоева тогда же было убито восемь армян и ранено шесть, частью во дворе, частью же в казарме, где рабочие спасались в ящиках под нарами. Процессия показалась в Раманах уже после того, как прекратились выстрелы, и затем только появился балахано-сабунчинский полицеймейстер Хомицкий с казаками.

Всего за время беспорядков, с 7 по 10 февраля, в Балаханах, Сабунчах и Раманах убито: армян 32 и татар 5; ранено армян 29, татар 4 и двое других национальностей; разграблено разных заведений и строений 37 армянских и 1 еврейское. Кроме того, 9 февраля подожжен дом Амирosланова, в котором сгорели квартиры Погосова и Цатурова.

За все эти дни никто из убийц, грабителей и поджигателей не был задержан полицией на месте преступления.

Действия властей.

Обнаруженными предварительным следствием обстоятельствами не только выяснены в полной мере февральские события, но добыты многочисленные указания на такого рода действия по предупреждению и прекращению бакинских беспорядков со стороны местного губернатора князя Накашидзе, полицеймейстеров: бакинского Деминского и балахано-сабунчинского Хомицкого, а также других чинов городской и уездной полиции, которые, и при наличных данных, заключали в себе признаки: в иных случаях бездействия власти, в других же более важного обвинения. Предварительно, однако, возбуждения в установленном порядке вопроса об ответственности означенных должностных лиц, я, согласно предоставленных мне высочайшим повелением, в 23 день марта сего года воспоследовавшим (Собр. узак. 1905 г., № 51, ст. 404), прав по возбуждению против должностных лиц преследования, определенных п. 2 высочайшего повеления 22 сентября 1880 года (Собр. узак. 1880 г., № 97, ст. 738), и руководствуясь 1086 ст. Уст. угол. суд., признал необходимым, для более точного определения предмета обвинения и полного установления законного состава учиненных преступных деяний, произвести предварительное исследование, которое, в виду обширности предстоящей задачи, возложил на двух состоящих при мне старших чиновников: действительного статского советника Хлодовского и коллежского советника Резникова. Для соображения при исследовании переданы мною были полученные: а) от бакинского губернатора князя Накашидзе его доклад с дополнением к нему о событиях 6 — 10 февраля и б) от начальника бакинского гарнизона контр-адмирала Баля копия его рапорта бакинскому временному генерал-губернатору от 4 марта 1905 года, за № 576, заключавшего в себе изложение действий войск во время означенных событий.

Произведенным, по моему поручению, исследованием действий должностных лиц гражданского ведомства выяснены нижеследующие обстоятельства.

Слухи о предстоявшем в гор. Баку столкновении армян и татар упорно держались в местном обществе еще за несколько месяцев до февральских событий и настолько сильно тревожили армянское население, что армянский епископ в январе 1905 года счел нужным обратиться к мусульманскому казию с просьбою оказать воздействие на татар для предотвращения столкновения. Слухи эти были известны чинам бакинской городской полиции, и о них пристав 5-го участка гор. Баку Прокопович своевременно предупреждал бакинского полицеймейстера Деминского, чрез которого они несомненно должны были дойти и до губернатора. Тем не менее, для предотвращения возможности осуществления ожидавшегося столкновения, никаких с его стороны мер предпринято не было, хотя бы путем воздействия на местное мусульманское и армянское население чрез представителей духовенства и почетных, уважаемых в той и другой среде, лиц.

Не было обращено губернатором внимания и на необходимость скорейшего снабжения полицейских городовых казенными револьверами, хотя ему было известно, что почти все городовые не были ими вооружены, тогда как потребный для покупки револьверов кредит в сумме 3288 рублей был ассигнован журнальным постановлением бакинской городской думы от 24 июня 1904 года. Словом, февральские события застали администрацию и полицию врасплох, совершенно неподготовленными к оказанию должного противодействия. Когда же убийство Бабаева 6 февраля на Парапете вызвало вооруженное столкновение татар с армянами, и полицеймейстер Деминский доложил губернатору о многочисленных уже в тот день совершенных убийствах, губернатор ограничил свои распоряжения лишь тем, что: а) в общих чертах поручил полицеймейстеру, чтобы вся полиция была на ногах, хотя в то же время он сам сознавал, что полиция бессильна подавить своими средствами возникший беспорядок; б) просил приглашенных им почетных, пользовавшихся, по его мнению, влиянием в обществе, лиц: мусульманина Гаджи-Зейнал-Абдин Тагиева и армянина Амбарцума Меликова употребить все свое влияние для успокоения населения, и хотя ему было известно, что никакого по этому предмету соглашения между названными двумя лицами не последовало, он никаких дальнейших распоряжений в этом направлении не отдал, и в) поручил начальнику бакинского гарнизона контр-адмиралу Балю и командиру 262-го пехотного резервного Сальянского полка полковнику Вальтеру [97] принять решительные меры к подавлению беспорядков и все войсковые части вывести на улицу, разделив их на мелкие дозоры для постоянного обхода города и недопущения дальнейшего кровопролития. Военные начальники возразили на это, что такое дробление войсковых частей противоречит требованиям устава

о службе в гарнизоне и не принесет никакой пользы; но, уступая настояниям губернатора, они разбили все пехотные части и казачьи сотни на незначительные патрули и разъезды, в составе 5—10 человек каждый. — Никаких инструкций и руководящих указаний ни чинам полиции, ни войсковым частям, в видах объединения и согласования взаимных их действий и распоряжений, не было дано. Последствием сего было то, что означенные патрули и разъезды, под командою унтер-офицеров и урядников, то ходили и разъезжали по улицам, то стояли неподвижно в определенных местах, но ни во что не вмешивались, относились безразлично к совершавшимся в их присутствии насильственным действиям, никаких мер не предпринимали и на вопросы многих лиц, почему войска бездействуют и не прекращают беспорядков, обыкновенно отвечали: «нам не велено вмешиваться» или «толпа велика, а нас мало». Полиция не считала себя в праве требовать содействия войсковых частей для усмирения беспорядков и рассеяния бесчинствующих, а начальники команд и разъездов не допускали чинов полиции вмешиваться в их действия и распоряжения и в тех немногих случаях, когда полицейские чины к ним обращались, не слушали их указаний. Получалось такое впечатление, что войска, бесцельно расхаживающие по улицам, вызваны лишь для того, чтобы быть простыми зрителями совершаемых насилий.

Бакинская полиция также проявила полную бездеятельность и безучастное отношение к происходившим в гор. Баку убийствам и разгромам. За все время февральских событий низших чинов полиции совсем почти не было видно на улицах; городовые совершенно отсутствовали и появились только по воспоследовании 9 февраля мира. Произошло это, по объяснению полицеймейстера Деминского и некоторых полицейских приставов, как оттого, что по возникновении беспорядков большинство городовых разбежалось, и во 2-м полицейском участке, по заявлению пристава Подгорного, из 40 положенных по штату городовых явилось к отправлению служебных обязанностей лишь 10 человек, так и потому, что оставшиеся, не имея казенных револьверов, или же будучи вооружены негодными к употреблению револьверами, опасались показываться на постах. Но и в тех случаях, когда городовые и околоточные надзиратели иногда появлялись на улицах, они или относились совсем безразлично к совершавшимся в их присутствии насильственным действиям толпы татар, не разгоняли и не задерживали их, или же вступали с вооруженными татарами в разговоры, выражали им сочувствие и проявляли некоторую солидарность с ними. Такое же равнодушное отношение к делу проявили и высшие чины полиции в лице полицеймейстера Деминского, участковых полицейских приставов и их помощников. Из них капитан Деминский постоянно разъезжал по городу в сопровождении значительного отряда казаков или полицейских стражников; показы-

вались также на улицах пристава и помощники приставов, но появление их не имело никакого влияния на ход событий. Толпы вооруженных татар при них свободно расхаживали с оружием в руках, нередко в их присутствии стреляли в армян, громили лавки, растаскивали награбленные товары, и полицейские чины не принимали никаких мер к воспрепятствованию подобным действиям, задержанию виновных и обезоружению стреляющих.

Таким же образом действовала и балахано-сабунчинская полиция. Полицеймейстер Хомицкий, имея в своем распоряжении сотню казаков Лабинского казачьего полка, не оказывал никакого противодействия нападению татар на армян, не обезоруживал и не задерживал их; в последний же день, 10 февраля, узнав о появлении толпы вооруженных татар на промыслах в Раманах, он, как будто нарочно, медлил прибытием туда с казаками и, отправившись в Раманы с духовенством более длинным, кружным путем, прибыл уже в то время, когда 11 армян было поранено и более 20 рабочих убито, при чем трупы некоторых из них были еще теплые, а затем уехал в гор. Баку и, не возвращаясь к должности, вышел в отставку.

Губернатор 7 и 8 февраля разъезжал по городу и, конечно, должен был лично видеть, что полиция и войска бездействуют, и что пехотные патрули и казачьи разъезды,—единственная мера, предпринятая по его настоянию,—оказываются непригодными для подавления беспорядков и прекращения кровопролития; тем не менее, никаких иных распоряжений в целях умиротворения населения им не было сделано. Еще 7 февраля на совещании, происходившем в квартире армянского епископа в присутствии губернатора, подана была мысль об устройстве примирительной процессии по городу с участием представителей армянского и мусульманского духовенства. Армянский епископ и мусульманский казий отнеслись к этой мысли сочувственно и склонны были осуществить ее без замедления; но губернатор в этом отношении, из опасения разных случайностей, проявил непонятную нерешительность и устроил означенную процессию лишь 9 февраля, на четвертый день столкновения.

Наконец, на том же совещании поднят был вопрос о предоставлении военному начальству права самостоятельно действовать против вооруженных скопищ убийц и грабителей силою оружия. Казалось бы, что, в виду массовых убийств и разгромов магазинов, с одной стороны, и полной бездеятельности и сознаваемого самим губернатором бессилия полиции в борьбе с нарушителями порядка, с другой, мера эта представлялась единственно целесообразною для скорейшего подавления массового, охватившего почти весь город, вооруженного столкновения мусульман с армянами. К февралю месяцу 1905 года бакинский гарнизон, по сведениям, сообщенным начальником сего гарнизона, состоял из 623 ниж-

них чинов каспийского флотского экипажа, 176 казаков, двух сотен Лабинского казачьего полка, 1057 солдат 262-го пехотного Сальянского резервного полка, 195 нижних чинов 82-го пехотного Дагестанского полка и 334 нижних чинов 84-го пехотного Ширванского полка, всего 2048 матросов, солдат и казаков; сверх того, для усиления гарнизона, во время февральских событий в гор. Баку прибыли еще 2-й Кавказский стрелковый батальон и 3-я сотня Горско-Моздокского казачьего полка.* Если из приведенного числа исключить даже новобранцев, недостаточно к тому времени еще ознакомленных с требованиями военной службы, и нижних чинов, подлежащих увольнению в запас армии, то для подавления беспорядков, по донесению контр-адмирала Баля, от 4 марта 1905 года, за № 576, все-таки могло быть выставлено 1013 штыков от Сальянского полка, стрелкового Дагестанского и Ширванского батальонов и каспийского экипажа и 210 сабель от Лабинского и Горско-Моздокского казачьих полков. По заверению начальников войсковых частей, полковника Вальтера, войскового старшины фон-Озаровского и других, и с этим, сравнительно небольшим, числом солдат и казаков возможно было бы в первый же день водворить порядок, если бы военному начальству в самом начале предоставлена была возможность действовать самостоятельно силою оружия, и дело усмирения убийц и грабителей всецело было передано военной власти. Наглядным тому подтверждением может служить то обстоятельство, что 9 февраля достаточно было нескольких десятков солдат и нескольких ружейных залпов, произведенных штабс-капитаном Сальянского резервного полка Зуевым со взводом солдат, по собственной его инициативе и под страхом ответственности за превышение власти, для того, чтобы в самый разгар ожесточенной резни и поджогов немедленно разогнать тысячную толпу вооруженных убийц, сейчас перед тем изрубивших семью Лалаевых, и водворить полное спокойствие на Шемахинке, представляющей из себя одну из значительных частей города Баку, населенных по преимуществу мусульманами. Губернатор, как можно заключить из разговора его с полковником Вальтером 7 февраля в квартире армянского епископа, и сам, повидимому, находил нужным употребление войсками оружия, но по непонятной причине решительно уклонился дать письменное по сему предмету предложение, как на том настаивал начальник войск Вальтер, а последний, в виду такой уклончивости губернатора и из опасения ответственности за последствия,

---

* Набранное разрядкой подчеркнуто на полях Николаем II.

не решился прибегнуть к подавлению беспорядков силою военного оружия.*

Таким образом, невзирая на то, что в течение четырехдневного погрома убийства, грабежи и насилия с каждым днем значительно усиливались, и полиция, не принимая в действительности никаких мер к подавлению совершавшихся на ее глазах беспорядков, проявила в этом отношении полное бессилие и непригодность, не было момента, когда губернская административная власть, признав исчерпанными все зависевшие от нее средства, предоставила бы военному начальству в порядке, указанном 16 и 17 ст. правил о призыве войск для содействия гражданским властям, право самостоятельно действовать против вооруженных скопищ силою оружия. Напротив, губернатор, как усматривается из телеграмм его на имя министра внутренних дел и главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, до последнего времени оставлял за собою право распоряжения войсками и в донесениях своих вовсе не упоминал, что прекращение беспорядков им поручено власти военного начальства.

Нельзя, конечно, не признать, что и военное начальство, в лице начальника бакинского гарнизона контр-адмирала Баля и начальника войск полковника Вальтера, находившее, что совершаемые толпою вооруженных татар беспорядки могут быть подавлены лишь силою оружия, и не употребившее такового в дело единственно за неполучением от губернатора письменного о сем требования, не может быть признано вполне правым, так как, на основании 12 и 18 ст. прил. 2 к § 12 Уст. гарниз. службы, во время народных беспорядков войскам дозволяется прибегать к действию оружием и по словесному требованию гражданских властей и даже, в исключительных случаях, без указания гражданского начальства, когда окажется нужным спасти быстрым действием жизнь лиц, подвергшихся насилиям со стороны возмутившихся. Но это обстоятельство во всяком случае нисколько не изменяет вопроса о допущенной в сем отношении бездеятельности администрации.

Личное появление губернатора 7 и 8 февраля в разных частях города не только не способствовало умиротворению населения, а скорее ободряло татар и вызывало озлобление армян, так как во время объездов губернатор, будучи строг и притязателен по отношению к армянам, был вместе с тем крайне милостив и предупредителен с татарами. При виде производимых на улицах выстрелов он не делал распоряжений о задержании и обезоружении виновников беспорядков; вооруженные татары при нем свободно расхаживали по улицам и нередко с оружием в руках толпами подходили к нему: Хотя губернатор, вступая в беседы с татарами, увещевал их прекратить насилия и успокоиться, но увещевания эти, по рассказам многих лиц, носили

---

* Набранное разрядкой подчеркнуто на полях Николаем II.

характер лишь добродушных просьб, наставлений и убеждений, не имевших значения решительного приказания, вследствие чего многие татары, отойдя от него с поклонами, тотчас без стеснения продолжали те же насилия, которые и раньше были ими совершаемы. В нескольких случаях губернатор приказал казакам возвратить некоторым татарам отобранное у них оружие, с которым они расхаживали по улицам, единственно на том основании, что эти татары имели разрешение на право ношения оружия. По всем указаниям татар на производимые армянами выстрелы из окон и дверей домов, губернатор, вызывая тех армян на улицу, делал им в присутствии татар строгие внушения и на ряду с этим не обращал никакого внимания на подобные жалобы армян, говоря им: «не стреляйте сами, и в вас не будут стрелять». Разъезжая по городу, так же, как и полицеймейстер, в сопровождении значительного конвоя, состоявшего из сотни [или?] не менее полусотни казаков, губернатор в то же время отказывал в просьбах обращавшихся к нему лично и по телефону армян об оказании им помощи и спасении их от нападающих татар, за неимением в его распоряжении свободных казаков и полицейских стражников.

Особенно жестокими представляются случаи оставления без помощи семьи Лалаевых и нескольких армянских семейств в сгоревших домах Бабаджанова и Лазаревой. Когда 8 февраля губернатор с казаками проезжал по Шемахинке и, в виду заявления татар о производимых якобы из дома Лалаева выстрелах, пригрозил последнему не делать этого, Лалаев и жена его, указав на грозящую им опасность со стороны татар, второй уже день осаждающих их дом, умоляли спасти их и дать казаков для препровождения их и семьи в более безопасное место. Стоявшая в нескольких шагах толпа вооруженных татар и продырявленные ружейными пулями окна и двери квартиры Лалаевых наглядно подтверждали справедливость их опасений. Тем не менее, губернатор не внял мольбам Лалаевых и, сказав им в присутствии толпы татар: «не стреляйте, и вам не будет грозить опасность», уехал, а после его отъезда татары еще более ожесточенно стали осаждать его дом. На следующий день, когда толпа татар ворвалась в дом Лалаевых и собиралась поджечь его, губернатору дано было знать об этом часов в 9 утра, и если бы немедленно сделано было распоряжение о посылке на Шемахинку воинской команды или отряда казаков, то была бы еще возможность спасти Лалаевых; однако, этого распоряжения не последовало, и Лалаевы с семьею были убиты татарами, а дом их сожжен.

Точно также и во время поджога вечером 8 февраля домов Бабаджанова и Лазаревой полицейский пристав 3-го участка гор. Баку, в районе которого находились означенные дома, командировал к губернатору околоточного надзирателя Дидзигури для личного доклада о присылке воинской и пожарной команд для

спасения находившихся в опасности армянских семейств. Однако, и после этого ожидаемая помощь не прибыла: пожарная команда, побоявшись выстрелов, не явилась на пожар, а взвод солдат, вместо того, чтобы рассеять толпу татар, собравшихся около означенных домов, по указанию сопровождавшего его полицейского чина, укрылся во дворе одного из домов на прилегающей улице и вовсе не был на месте пожара. Между тем, в сгоревших домах было сожжено и убито более 30 человек.

Вообще все действия и распоряжения представителя губернской администрации за время событий 6—9 февраля свидетельствуют о том, что в отношении татар, являвшихся главными виновниками вооруженного столкновения с армянами, была проявлена какая-то нерешительность и как бы заботливость не раздражать их; казакам было внушено не разгонять татар плетьми, а убеждать их расходиться просьбами и увещеваниями. Капитан Сальянского полка Бахтамов, присутствие коего, как армянина, в рядах войск, по докладу полицеймейстера Деминского, озлобляло татар, немедленно, по настоянию губернатора, был отстранен от командования ротою, а начальника гарнизона Баля письмом от 8 февраля губернатор просил «устранить те обстоятельства, которые раздражают мусульман и осложняют дело».

Такой образ действий и проявленное губернским начальством в течение всего времени февральских событий снисходительное отношение к виновникам столкновения из мусульман в ущерб интересам армян и были причиною того, что мусульмане, сознавая себя хозяевами положения, в продолжение четырех дней распоряжались в городе вполне безнаказанно и самовластно, зная, что никакая законная власть им не воспрепятствует и не остановит их. Печальным последствием сего явилась твердо установившаяся в местном, преимущественно армянском, населении и не имеющая надлежащих фактических оснований, но казавшаяся вероятною по ходу событий уверенность в том, что предпринятое мусульманами вооруженное нападение на армян последовало не без ведома и одобрения администрации и полиции.

Такой взгляд выразился, между прочим, в нижеследующих проявлениях:

На следующий же день после событий 6—10 февраля в гор. Баку, в здании городской думы, собралось свыше 2000 лиц различных национальностей, сословий и профессий для обсуждения этих событий. Не касаясь пока принятых этими лицами резолюций революционного характера, о коих будет сказано ниже, признано ими было, что происшедшее между армянами и мусульманами столкновение не может быть объясняемо племенною и религиозною их рознью, вовсе, в действительности, по их мнению, не существующею, но должно быть всецело отнесено к деятельности органов правительства, умышленно допустивших столь продолжительную резню, натравливая одну народность на другую и разжигая низменные инстинкты темного и невежествен-

ного люда. Для обследования дела в этом направлении образовалась комиссия, преимущественно из лиц, занимающихся адвокатурой, которая с прибытием моим в Баку прекратила свою деятельность. Добытый сю материал находился в моем рассмотрении и, по содержанию своему, отвечает приведенной выше резолюции, принятой, как указано, до собрания каких-либо фактических данных, в какой бы то ни было мере проверенных. Затем являлись ко мне депутации: 1) 9 апреля — от жителей гор. Баку, 2) 14 апреля — от бакинского отделения императорского Технического общества и 3) и 4) 23 апреля от совета съездов бакинских нефтепромышленников и местного биржевого комитета с заявлениями приблизительно подобного же характера. Первая депутация в заявлении, покрытом 535 подписями, исключительно почти армян, принадлежащих к интеллигентному слою общества, объяснила, что виновность бакинского губернатора и подчиненной ему полиции заключается не в одном только непринятии мер к прекращению февральской резни или неумелых распоряжениях, но является значительно более серьезною, вследствие чего ходатайствовала: а) об устранении губернатора и чинов полиции от должностей на время производства расследования, б) о принятии действительных мер к тому, чтобы полиция не могла препятствовать открытию истины, и в) о допущении гласности расследования и участия в нем общества и общественных учреждений. Вторая депутация также указывала на преобладающую виновность в февральских событиях губернатора и полиции и на полную невозможность открыть истину при оставлении их в занимаемых должностях, и последние две, наконец, выразили пожелание, чтобы расследование февральских событий производилось при участии представителей совета съезда нефтепромышленников и биржевого комитета. Все эти заявления не могли повлиять на изменение порядка производства, по моему распоряжению, административного расследования: участие в нем частных лиц и учреждений, равно как и гласность производства, не допускаются законом; устранение обвиняемых должностных лиц от занимаемых ими должностей может, согласно 1100 ст. Уст. угол. суд., последовать лишь на время производства следствия и суда и притом в отношении губернатора только в особом, установленном для сего законом, порядке. Депутациям, однако, было мною объявлено, что все указания частных лиц, касающиеся фактической стороны февральских событий, будут мною выслушиваемы и тщательно проверяемы при производстве расследования. Некоторые из обращавшихся ко мне отдельных лиц армянской национальности устно и письменно заявляли о том, что причины возникших беспорядков заключаются не в каких-либо длящихся органических между армянами и мусульманами отношениях, обусловливаемых закоренелой враждой на почве национального, религиозного или экономического антагонизма, и не в тех единичных и случайных убийствах, непосредственно предшествовавших собы-

тням, по объясняются исключительно провокаторскою деятельностью местной администрации, систематически возбуждавшей татарские массы против армян. Такого рода деятельность будто бы предпринята была администрациею с целью предотвратить ожидавшуюся в Баку 19 февраля политическую демонстрацию особо острого характера, которую она бессильна была подавить обычными средствами; вследствие чего, чрез агентов наружной и охранной полиции, стала распространять среди мусульманского населения слухи о том, что армяне замышляют государственный переворот и заготовляют бомбы, которые прежде всего будут направлены против татар в виду их отказа присоединиться к революционному движению. В подтверждение такого рода заявлений указаны были и факты, которые, в связи с находившимся в моем распоряжении материалом, собранным упомянутою комиссиею, послужили, между прочим, предметом расследования, направленным к всестороннему выяснению образа действий представителей власти. По содержанию этих указаний были расспрашиваемы все выставленные лица, и притом вызывались они помимо полиции, в особо организованном порядке, вполне обеспечивавшем вызываемых лиц от какого-либо воздействия на них.

Ответственность должностных лиц.

Произведенным в таких условиях административным расследованием были всесторонне выяснены действия должностных лиц, приходивших в какое бы то ни было соприкосновение с Февральскими событиями, и тем не менее нельзя в них усмотреть достаточно твердых данных, подтверждающих вышеприведенные заявления, по содержанию своему преувеличенные, о подготовлении или поощрении властями происшедшего столкновения двух народностей. Результаты расследования, в смысле установленных оснований к возбуждению вопроса об ответственности должностных лиц по суду, могут быть сведены к обвинению их в явном бездействии власти, выразившемся в непринятии ими мер к предотвращению и прекращению, имевшимися в их распоряжении средствами, совершавшихся в их присутствии убийств, грабежей и поджогов, к оказанию помощи находившимся в опасности и обращавшимся к ним лицам, к рассеянию и обезоружению появлявшихся на улицах скопищ и к задержанию хотя бы совершавших на их глазах означенные деяния.

Данные расследования в части, касающейся бакинского губернатора тайного советника князя Накашидзе, в виду 1 п. 16 ст. Уст. угол. суд., не излагаются подробно, как утратившие значение за смертью его, последовавшею 11 мая 1905 г. в гор. Баку от брошенного в него разрывного снаряда. Они приведены лишь в той мере, в какой это оказалось необходимым как для обстоятельного выяснения действий чинов полиции, так и для устранения от них ответственности за то, что, для подавления

бесчинств толпы, не было предоставлено военному начальству права самостоятельно действовать против вооруженных скопищ силою оружия, в порядке, указанном 16 и 17 ст. ст. правил о порядке призыва войск для содействия гражданским властям (приложение к 316 ст. II т. Св. зак., изд. 1892 года и приложение 2 к ст. 12 и 304 Уст. гарниз. службы).

По отношению к отдельным, привлекаемым к ответственности по суду, чинам полиции — независимо от изложенных выше обстоятельств, определяющих общий характер действий властей по подавлению беспорядков 6 — 10 февраля — расследованием собраны данные, вошедшие в постановление мое от 15 мая, согласно которому и на основании 1086 ст. Уст. угол. суд., а также полномочий, предоставленных мне высочайшими повелениями от 22 сентября 1880 г. и 23 марта 1905 г. (Собр. узак. и распор. правит., 1880 г., № 97, и 1905 г., № 51), мною, предварительно возбуждения судебного преследования, были истребованы объяснения от полицеймейстеров: бакинского Деминского и балахано-сабунчинского Хомицкого (ныне в отставке), приставов гор. Баку: Мамедбекова, Подгорного, князя Нижерадзе и Бородина (ныне в отставке), помощника пристава гор. Баку Султанова и околоточного надзирателя Шахтахтинского по обвинению их в бездействии власти, имевшем особенно важные последствия, выразившиеся в том, что вооруженное между татарами и армянами столкновение длилось четыре дня, сопровождалось массовыми убийствами и разгромом домов и торговых заведений и поджогами, при чем совершавшие эти преступления, не будучи задерживаемы на месте, остались не обнаруженными, т. е. деянии, предусмотренном 2 ч. 341 ст. Уложения о наказаниях.

Рассмотрев представленные мне поименованными лицами объяснения, я нашел: 1) что содержание этих объяснений не колеблет изложенных в постановлении моем от 15 мая главных оснований, по коим предъявлено обвинение по 2 ч. 341 ст. Улож. о наказ.; 2) что разрешению вопроса о предании этих лиц суду должно предшествовать, согласно 3 п. 1089 ст. Уст. угол. суд., производство через судебного следователя предварительного следствия; 3) что ходатайства некоторых из обвиняемых лиц о дополнении произведенного по моему поручению расследования могут быть удовлетворены судебным следователем в тех частях сих ходатайств, которые будут им признаны заслуживающими уважения; 4) что по обстоятельствам произведенного расследования не представляется возможным оставление в должности на время производства следствия бакинского полицеймейстера Деминского, приставов: Мамедбекова и Подгорного, помощника пристава Султанова и околоточного надзирателя Шахтахтинского, в виду чего и по силе 1100 ст. Уст. угол. суд., они подлежат устранению от занимаемых ими должностей на время производства следствия, при чем, для предотвращения

затруднений, могущих встретиться при одновременной замене в составе бакинской городской полиции нескольких должностных лиц другими, должно быть предоставлено губернскому начальству произвести сию замену в той постепенности и в тот срок, которые будут им признаны необходимыми, и 5) что вопрос об устранении от должности обвиняемых Хомицкого и Бородина не возникает за воспоследовавшим ранее увольнением их от службы.

По сим основаниям я постановил возбудить против названных должностных лиц предварительное чрез судебного следователя следствие по обвинению в преступных деяниях, предусмотренных 2 ч. 341 ст. Улож. о наказ., с устранением из них на время производства следствия Деминского, Мамедбекова, Подгорного, Султанова и Шахтахтинского от занимаемых ими должностей.

Дело это для изъясненной цели поступило, чрез прокурора бакинского окружного суда, к судебному следователю по важнейшим делам Ляховичу и находится еще в производстве. Постановление же об устранении должностных лиц приведено в исполнение вслед за сообщением его содержания исправляющему должность бакинского губернатора.

Причины, вызвавшие события 6—10 февраля.

Причины, вызвавшие события 6—10 февраля, многообразны и не могут быть исключительно отнесены к каким-либо явлениям, непосредственно им предшествовавшим. Эти явления могут быть рассматриваемы только как ближайшие поводы к беспорядкам, принявшим столь огромные размеры единственно вследствие обнаруженного властью бессилия и совершенного отсутствия с ее стороны противодействия разнузданным диким страстям толпы. Само по себе бессилие власти, растерянность ее и обнаружившаяся полнейшая неспособность к подавлению пятидневной резни с очевидностью показывают всю несостоятельность приписываемого ей участия в подготовлении февральских событий—в подстрекательстве татар к избиению армян, с тою будто бы целью, как утверждают известные слои общества, чтобы предотвратить ожидавшуюся 19 февраля крупную политическую демонстрацию. Не говоря о всей чудовищности подобного замысла, к тому же совершенно недоказанного, зарождение его и осуществление необходимо предполагают такую предусмотрительность и такую изощренность в способах действия, которые, как видно будет из отчета, вовсе даже не свойственны бакинской администрации. В действительности, причины февральских событий лежат гораздо глубже, они нарождались постепенно, имеют за собою историю, и несомненно эти причины не могли и не должны были ускользнуть от бдительного внимания опытного администратора, сознающего свою обязанность не только считаться с явлениями насту-

пившими, по предвидеть их наступление и принимать меры предупреждения в случае, если эти явления в каком-либо отношении угрожают государственному порядку. Но, при доказанном неумении подавить беспорядки, для чего требовалось только выполнить точное веление закона о порядке прекращения открытою силою народной смуты, можно ли ожидать ясного понимания угрожающих признаков и соответствующего воздействия для предотвращения надвигавшихся событий? Для местной администрации они явились как бы неожиданно, тогда как не трудно было их предусмотреть, и высшие представители армянского и мусульманского духовенства — епископ и казий — совместно обсуждали, какими способами можно было бы их предотвратить. Несколько совершенных в гор. Баку с сентября 1904 года убийств между армянами и мусульманами носили уже симптоматический характер и должны были обратить на себя особенное внимание администрации, вызвав в ней вдумчивое отношение к их значению, и побудить ее к тому, чтобы быть наготове к встрече более резких еще проявлений выразившегося в этих преступлениях расположения названных двух народностей к кровавым между собой столкновениям.

Отношения между армянами и мусульманами в Закавказском крае существуют издавна: в ханские времена армяне были ограничены в личных и имущественных правах и находились в зависимости от мусульман, обрабатывая их поля и занимаясь в городах ремеслами. С падением ханств и водворением русского владычества положение их резко изменилось: они явились как бы посредниками между представителями русской власти и завоеванным племенем, успели вселить в ней доверие к себе и не только были допущены к разного рода подрядам и поставкам, но и принимались на государственную службу. С другой стороны, сохранилось первоначальное недоверчивое отношение к мусульманам, как сражавшимся с русскими войсками и исповедующим ислам, что заставляло смотреть на них, как на народность, совершенно чуждую по языку, религии, нравам и обычаям, неподдающуюся никакой ассимиляции и склонную отстаивать с оружием в руках свои особенности. Такой взгляд правительства, сложившийся, по мнению мусульман, при деятельном в том участии армян, должен был создать преобладающее в крае значение для армян, сумевших его использовать, и, таким образом, в соотношении этих двух народностей произошла та коренная перемена, которая не могла не отразиться на уровне благосостояния каждой из них, вселить недоброжелательство мусульман к армянам и породить между ними рознь.

Мусульмане, в лице своих представителей, посетивших меня в составе депутации из 12 именитых граждан гор. Баку, принадлежащих к высшему интеллигентному и состоятельному классу, не скрывают неприязненного своего отношения к армянам, объясняя его хищническими их наклонностями и вероломными

свойствами, благодаря которым они, прибегая к средствам, весьма часто неразборчивым, успели не только достигнуть высокого материального благосостояния, давшего им возможность, при содействии и под покровительством правительства, поднять свою культуру путем беспрепятственного введения просветительных и благотворительных учреждений, но, главным образом, подорвать доверие правительства к мусульманскому населению, выставляя его народом диким, фанатизированным, ненадежным вообще, вследствие чего все их начинания, направленные к духовному развитию масс, были отклоняемы, и до настоящего времени они в области моральных и социально-экономических интересов лишены всего того, чем так широко пользуются армяне, не упускающие при этом случая явно показывать мусульманам достигнутое ими преобладание и вытеснять их отовсюду, где вполне допустимо свободное соревнование. Мусульмане прямо заявляют, что причины февральских событий должны быть сведены к причинам установившихся между ними и армянами отношений, приведших к этим событиям. Мы, говорят они, не завидуем армянам и не хотим мешать их развитию: пусть развивают свои силы во всех направлениях, но не препятствуют в этом мусульманам, не стремятся к исключительному обладанию благосостоянием края и не тщатся к духовному и материальному порабощению мусульман. Они выражают желание, чтобы сложившийся под влиянием вероисповедных условий взгляд правительства на мусульман изменился, и чтобы, подобно другим, населяющим империю, народностям, им даны были одинаковые права политические, гражданские и религиозные. В таком же смысле заявили они 10 июня сего года ходатайства наместнику кавказскому.

В свою очередь, армяне, объясняя происхождение бакинской резни иначе, чем мусульмане, сосредоточивают все свои обвинения в возникновении и размерах ее на должностных лицах администрации и полиции и решительно отрицают существование племенной вражды, сложившейся под действием национальных, религиозных и экономических условий. Всякому, однако, кто знаком с бытовыми условиями жизни в мусульманских губерниях Закавказского края, хорошо известно, что армяне и татары, в силу племенной и религиозной розни, никогда не находились в дружественных друг к другу отношениях. Связанные условиями совместной жизни в городах и селениях Закавказья, обе эти народности по необходимости лишь не проявляют открытой вражды, живут на вид мирно и даже вступают в денежные и имущественные сделки. Но, как бы ни казались с внешней стороны условия их жизни согласными, все же присущий мусульманам религиозный фанатизм и постоянная тягостная зависимость их в денежном и торговом отношениях от армян всегда вызывает взаимное недоверие и затаенную злобу, при наличности которых, как показывает уголовная хроника

Закавказья, достаточно нередко самого ничтожного повода для возникновения между татарами и армянами серьезных столкновений. Таким образом, взаимные личные отношения этих народностей представляют из себя вполне подготовленную почву, на которой всегда возможны всякие столкновения из-за тех или других побуждений.

Эти наблюдения вполне, если не в большей еще мере, имеют отношение к гор. Баку, где мусульмане искони являются господствующим коренным населением, тогда как армяне стали в нем селиться со времени зарождения нефтяной промышленности, т. е. приблизительно с начала семидесятых годов; особенный наплыв их замечается в последние 10—15 лет, и в настоящее время они составляют всего 15% городского населения, между тем как густота мусульман выражена в 60%. В отделе III сего отчета— «Экономическое положение» —подробно разработаны собранные ревизиею статистические данные, определяющие имущественное соотношение армян и татар в гор. Баку и прилегающем к нему нефтепромышленном районе. Ссылаясь на эти данные, возможно и здесь высказать общий вывод, к которому они приводят, именно, что в области денежных и торгово-промышленных отношений армяне, ставши в значительном числе крупными капиталистами, заняли в последние годы в гор. Баку господствующее положение и подчинили своему влиянию местное мусульманское население. Создавшаяся этим путем материальная зависимость и достаточно ярко выраженные поползновения к систематическому порабощению в экономическом и промышленном отношениях не могли не вызвать сильного озлобления мусульман против армян, а также решительного с их стороны стремления вырваться из-под тяжелого и с каждым годом все возраставшего непосильного гнета, оказываемого пришлым и чуждым им по национальности и вере армянским населением.

Такое стремление, естественно, должно было укрепиться, и в действительности укрепилось, вследствие царившего в то время в Баку революционного движения, присоединиться к которому армяне тщетно приглашали мусульман, не обнаруживающих вообще, как показала ревизия местного жандармского управления, склонности к участию в такого рода движениях. Ревизия задалась мыслью составить основанный на документальных данных очерк армянского революционного движения в той, главным образом, мере, в которой оно соприкасается с гор. Баку и Бакинской губернией. Задача эта выполнена в отделе II сего отчета (II. «Революционное движение»), из которого, между прочим, видно, что движением этим руководил интернированный в гор. Баку армянский революционный комитет, которого состав хотя в точности неизвестен, но деятельность постоянно сказывалась во многих отдельных действиях и распоряжениях. Первоначально она выражалась в сборе денег на поддержание движения армян в Турции, причем сбор

производился в начале путем добровольных приношений, а затем мерами принудительными, посредством угроз и даже убийств тех лиц, которые, будучи состоятельными, отказывались вносить требовавшиеся от них на революционные цели суммы: так, убито было несколько богатых армян как на Закавказьи, так и за пределами Кавказа. Деятельность армянского революционного комитета особенно усилилась со времени издания закона 12 июня 1903 г. о секуляризации церковных имуществ армянского духовенства: она приняла ярко выраженный террористический характер, проявившийся в целом ряде покушений на жизнь и убийств должностных лиц всех степеней, принимавших участие в введении этого закона в действие, с генерал-адъютантом князем Голицыным [98] во главе, как инициатором этого закона по должности главноначальствующего на Кавказе, на жизнь которого армянами учинено было покушение осенью того же года. Армянский революционный комитет, как было уже указано, пытался привлечь на свою сторону мусульманскую часть населения. Для этой цели в 1904 г. стали появляться в Баку прокламации от «армянской организации», с приглашением мусульман соединиться с армянами для совместных действий против правительства. Некоторые прокламации содержали в себе угрозы насилием на случай отказа мусульман: «будьте готовы, — говорится в одной из них, — к тому, что мы обагрим землю вашей кровью и предадим ваши трупы огню, который охватит весь мир». Мусульмане отнеслись к этим воззваниям отрицательно и на приведенную прокламацию отвечали, указывая на верноподданнейший свой долг, просьбою оставить их в мире и покое, присовокупив, что если армяне их нарушат, «мы создадим из степей кладбище для ваших тел». Повидимому, такая провокаторская деятельность армян получила большое распространение в мусульманском мире, так как цитированная прокламация армян с ответом на нее мусульман помещена в № 18, от 25 марта 1905 г., издаваемого в гор. Александрии (в Египте) на фарсинском языке журнала «Чахра-Нума» («Показатель истины»).

Когда мусульмане, чуждые противо-правительственных стремлений армян, отнеслись несочувственно к призывам армянского комитета, в Баку распространилась молва, что армяне собираются действовать против мусульман бомбами во время предстоявшего траурного шествия «Шахсея-Вахсея». В глазах мусульман некоторым подтверждением этой молвы служило то, что один из видных мусульманских деятелей — горный инженер Фаррух бек-Везиров, по возвращении в Баку в январе 1905 г. из С.-Петербурга, где он, в противность одной из армянских прокламаций, участвовал в поздравлении князя Голицына с избавлением от опасности, получил угрожающее письмо с назначением ему месячного срока для принесения покаяния перед обществом. Подобный образ действий армянской партии должен

был сильно встревожить и озлобить мусульманское население. Пока армянский комитет не затрагивал интересов мусульман, они могли относиться безразлично к их противо-правительственной деятельности, но после того как комитет проявил намерение сделать мусульман орудием для достижения намеченных им целей и в этих видах стал даже прибегать к угрозам и насилиям, — для всякого, знавшего характер местного мусульманского населения и недоброжелательное вообще отношение его к армянам, стало ясно, что мусульмане не останутся спокойными и равнодушными при мысли о возможности пострадать из-за армянских национальных вожделений и признают необходимым отомстить армянам, подвергнув их тем же насилию и террору за непомерно развившуюся террористическую деятельность армянского революционного комитета.

Ко времени прибытия моего, 3 апреля, в Баку и в течение всего производства ревизии город с прилегающим к нему нефтепромышленным районом находился, можно без преувеличения сказать, в состоянии полной революции, начавшейся еще в декабре 1904 года и успевшей за два месяца, т. е. к февралю, получить достаточно яркое развитие. К местному революционному движению примкнули русские революционеры с неизбежными их сотрудниками, подчас вдохновителями, евреями, и появились беспрерывные забастовки на промыслах, в железнодорожных мастерских, служащих на конно-железной дороге, пекарей, торговцев-приказчиков, разного рода мастеровых, прислуги, извозчиков и проч.; население оставалось нередко без хлеба, без воды, без съестных припасов; железнодорожные поезда одно время ходили не иначе как под охраною воинскою силою машинистов в пути, так как иначе им угрожала смерть за измену стачке, чему было несколько примеров; гостиницы также охранялись военными патрулями от появления подстрекателей к стачкам. Требования забастовщиков, обыкновенно носившие вначале характер экономический, весьма быстро принимали чисто революционную окраску. Ежедневно выходили прокламации экономического и революционного содержания, не только по одной, но иногда по две и более; на промыслах они даже открыто раздавались прохожим. Редкая неделя проходила без одного или двух революционных актов, как-то: убийства должностных лиц, нахождения складов бомб и оружия, бросания бомб, антиправительственных демонстраций и т. д. Благодаря учреждению после февральских событий должности бакинского временного генерал-губернатора, коим был назначен, покойный ныне, генерал-адъютант князь И. Г. Амилахвари,[99] и объявленному военному положению, массовые насилия не возобновлялись и хотя неоднократно возвещались, по умелою рукою были своевременно предотвращаемы без кровопролития. Тем не менее, мирная жизнь в гор. Баку и на промыслах не могла считаться восстановленною — личная безопасность оставалась неограждённою.

Такое состояние города, существовавшее в значительной степени уже в феврале, весьма естественно создавало почву, вполне благоприятствующую массовым беспорядкам. Перечисленные выше революционные и экономические явления позднейшего времени ясно показывают, до каких пределов были поколеблены нормальные условия жизни. Революционный яд, имеющий свойство разъедать общественные и правительственные устои, проник повсюду: не только представители свободных профессий, а также рабочий и отчасти промышленный классы поддались его действию, но разрушающее влияние революционного движения сказалось даже и на подрастающем поколении, проникло, как это видно будет из отдела отчета по учебной части, в среднюю школу, где получило яркое выражение, и через нее в семью. Общественное городское население в Баку открыло двери думы для многолюдных противо-правительственных собраний, в которых резко порицался существующий государственный строй и предъявлялись требования о созыве учредительного собрания. Правительственная власть в лице администрации и специальных органов надзора, призванного к борьбе с этими явлениями, обнаружила полную растерянность и неприспособленность к противодействию быстро сменявшимся событиям самого тревожного характера. Вера в силу правительственной власти была подорвана в своем основании, и авторитет ее утратился. Не полагаясь на ее защиту, население пребывало в крайне взволнованном состоянии, и всякое действие, которое при нормальном течении жизни вызвало бы обычное к нему отношение, приобретало особое, преувеличенное значение. Немудрено поэтому, что скрытый до тех пор расовый антагонизм возгорелся при одном известии об убийстве 6 февраля, в центре города, мусульманина Бабаева и мгновенно открыл простор стихийной силе, противостоять которой правительственный устой оказался бессильным.

Заключение.

Совокупность всех изложенных обстоятельств и соображений дает мне основание притти к тому заключению, что февральские события были вызваны причинами национально-религиозного и экономического характера; революционное движение создало для них вполне благоприятную почву; бездействие же власти дало им разрастись до ужасающих размеров.

Сенатор Александр Кузьминский.

21 сентября 1905 г.

Севастополь.

РАПОРТ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА МЕЛЛЕР-ЗАКОМЕЛЬСКОГО. [100]

Его императорскому величеству

командира 7-го армейского корпуса

рапорт. [101]

Всеподданнейше доношу: получив телеграмму командующего войсками округа [102] с поручением, взяв из Симферопольского гарнизона столько рот, сколько представится возможным, немедленно отправиться в Севастополь для усмирения мятежа, я приказал приготовиться трем ротам и учебной команде 51-го пехотного Литовского полка (341 человек) и 10 кавалеристам Крымского дивизиона и распорядился относительно скорейшего приготовления поезда для перевозки этих частей в Севастополь.

Благодаря недостаточности бывшего на станции подвижного состава, поезд был отправлен лишь около 9 часов вечера, притом только до станции «Мекензиевы горы», так как у железнодорожного начальства не было уверенности в исправности пути между этим пунктом и Севастополем. Почтовый поезд, отходящий на юг в 6 часов 50 минут вечера, вовсе отправлен не был.

Прибыв в «Мекензиевы горы» ночью, я был встречен высланным, вследствие моей телеграммы коменданту крепости, офицером, который несколько ориентировал меня относительно происходящего в крепости и среди флотских команд.

Направив прибывшие со мной части в казармы 13-й артиллерийской бригады, я сам отправился в офицерское собрание бригады, где вызванный мною начальник штаба 13-й пехотной дивизии сделал мне обстоятельный доклад о положении дел, которое представлялось весьма серьезным.

В открытом мятеже находились все команды, бывшие на берегу, и значительная часть нижних чинов 49-го пехотного Брестского полка. В состоянии пассивном и ненадежном находились все команды флота, крепостная артиллерия, в особенности 1-й батальон, 49-й пехотный запасный батальон и крепостная саперная рота.

Частями, верными долгу службы, были: 50-й пехотный Белостокский полк, крепостной пехотный батальон, 13-я пулеметная рота, 13-я артиллерийская бригада, крепостная минная рота, крепостной телеграф, 6-я сотня Донского казачьего полка и отряд пограничной стражи. Нравственная устойчивость этих частей,

их преданность престолу спасли положение; малейшее с их стороны колебание могло бы повлечь за собою самые бедственные последствия: флот и крепость были бы в руках мятежников.

13-го утром, сделав распоряжение о перевозке на южную сторону прибывших рот Литовского полка, я отправился к главному командиру Черноморского флота, вице-адмиралу Чухнину [103], от которого узнал впервые, что командирован для усмирения военного бунта по повелению вашего императорского величества. По уверению вице-адмирала Чухнина, настроение судовых команд было благонадежным, лишь некоторое сомнение внушала команда крейсера «Очаков».

Основав штаб-квартиру в казармах Белостокского полка, я узнал, что в течение ночи большое число нижних чинов Брестского полка, первыми — нижние чины учебной команды, собрались в своем лагере, выражая полное отчаяние в том, что они не были в состоянии ранее противодействовать мятежникам, и просили командира [104] полка и офицеров вести их занять свои казармы, что и было исполнено.

Бывшие накануне в караулах крепости части Брестского полка направились также в казармы и присоединились к своему полку. Командиром полка весь полк был вновь приведен к присяге, при чем нижние чины просили пустить их первыми в бой с бунтовщиками.

Число мятежников определялось весьма различно: от 2 до 6 тысяч человек. 13 ноября к ним в полном составе присоединилась крепостная саперная рота, захватив с собою ружья.

Сведения, полученные к вечеру 13-го от вице-адмирала Чухнина, оказались противоположными первоначально сообщенным: все команды, за исключением некоторых мелких судов, признавались ненадежными, команда «Пантелеймона» готовою пристать к мятежникам, команда же крейсера «Очаков», поднявшего красный флаг, — перешедшей к открытому мятежу.

В виду вышеизложенного и того обстоятельства, что мятежники, сосредочившись в районе казарм флотских экипажей и порта, держали себя довольно пассивно, я решил выждать прибытия войск, вытребованных мной и высланных мне распоряжением командующего войсками округа. Вместе с тем, так как вице-адмирал Чухнин не ручался за благонадежность судовых команд, мною предложено было ему лишить суда флота возможности действовать из орудий (вынуть и свезти на берег ударники, бойки и проч.), выйти с ними в плавание, а «Очаков», в крайнем случае, пустить ко дну минами.

Начальнику крепостной артиллерии [105] предписано было также убрать с батарей вытяжные трубки.

Вице-адмирал Чухнин нашел возможным привести в исполнение лишь первую из указанных мер: из орудий броненосцев 14 ноября были вынуты ударники, а на «Пантелеймоне» отобраны и ружья; часть ударников была перевезена на хране-

ние в Белостокский полк. Во всей полноте распоряжение это, однако, не было приведено в исполнение.

14-го высочайше повелено крепость Севастополь объявить на военном положении, приказом же коменданта, на точном основании ст. 53 Положения об управлении крепостями, крепость Севастополь объявлена им в осадном положении.

Между тем поведение мятежников, державших себя в течение 13 ноября, как сказано выше, довольно пассивно, с 14-го приняло крайне вызывающий характер: овладев мелкими портовыми средствами, они переправляли на городской берег южной бухты вооруженные патрули, рассеивавшиеся при приближении наших дозоров, а затем снова собиравшиеся; патрули эти захватывали не принявших участия в мятеже матросов и силою водворяли их в свои казармы.

С вечера 14-го мятежники напали на арсенал в порту, захватили минный крейсер «Гриден», контр-миноносец «Свирепый» и миноносцы за №№ 265, 268 и 270, напали на минный транспорт «Буг», но командой последнего были отражены. 14-го мятежниками в порту был захвачен и арестован морской артиллерии генерал-майор Саноцкий, 15-го после 8 часов утра на «Очаков» прибыл отставной лейтенант Шмидт и поднял сигнал: «Командую флотом. Шмидт». В то же время эскадренный миноносец «Свирепый», имея в кильватере портовой баркас с вооруженными людьми, под красным флагом пошел вдоль судоэскадры при звуках музыки и криках «ура», которые нашли отклик на «Пантелеймоне». Подойдя к учебному судну «Прут», команда, во главе с лейтенантом Шмидтом, вошла на судно и, освободив всех арестованных матросов, свезла их на «Очаков». Около 11 часов вооруженная партия на шлюпках с «Очакова» вошла на броненосец «Пантелеймон», арестовала офицеров и свезла их на «Очаков»; броненосец «Пантелеймон», поднял красный флаг. На судах, стоявших в южной бухте, тоже начали поднимать красные флаги.

Прибывший с «Ростислава» лейтенант Вольконау[106] от имени офицеров и команды просил разрешения вернуть ему ударники и бойки в виду полной преданности престолу и долгу службы броненосца. После некоторого колебания, мною это было разрешено.

Все вышеизложенное побудило меня употребить в дело оружие, предварительно дав мятежникам час времени на размышление, для чего послано им было соответствующее воззвание.

Войска для подавления мятежа были расположены в двух группах: на Историческом бульваре $4^1/_2$ батальона, 16 орудий и 4 пулемета и в казармах Брестского полка $4^3/_4$ батальона. К последней группе должны были подойти шедшие от станции «Мекензиевы горы» походом 4 батальона и 4 орудия. На северной стороне приказано командиру крепостной артиллерии, ручавшемуся, что брожение в умах нижних чинов 2-го батальона улег-

лось, прекратить своз с батарей вытяжных трубок, повернуть какие можно будет орудия дулами в бухту, навести орудия на «Очаков» и в случае, если он откроет огонь, расстрелять его; сверх того, у батареи № 4 приказано расположить две батареи, всего 10 орудий 13-й артиллерийской бригады при 2 ротах виленцев.

В 3 часа 15 минут дня, по истечении часового срока, лодка «Терец» открыла огонь по портовому катеру, перевозившему мятежников на крейсер «Очаков». Вслед за сим батарея на Историческом бульваре открыла огонь по учебному судну «Днестр» и стоявшему с ним миноносцу, державшим красные флаги. Минный транспорт «Буг», снявшийся под красным флагом, вскоре его спустил и, при начавшейся с судов стрельбе, сам себя затопил, так как имел около 300 боевых мин, которые, при взрыве, представляли бы опасность для города.

Батарея на Историческом бульваре, после спуска стоявшими в южной бухте судами красных флагов, прекратила огонь по судам и перенесла его на флотские казармы.

На большом рейде, между тем, происходило следующее: от «Очакова» отделился миноносец «Свирепый» и направился в южную бухту, имея оба минные аппарата с правой стороны приготовленными, повидимому, для «Терца» и «Эриклика». После маневрирования, обогнув Павловский мысок, он направился на большой рейд между «Ростиславом» и «Память Меркурия», стреляя из орудий и ружей. Ему отвечали «Ростислав», и «Сакен», что заставило команду миноносца броситься в воду, однако, он красного флага не спускал и продолжал стрелять, пока все надстройки над палубой не были снесены. Посланные с судов шлюпки спасали людей. Между тем, с «Очакова» по батарее № 6, а затем по «Ростиславу» открыт был огонь, на который и батареи и «Ростислав» отвечали, и «Очаков» вскоре спустил красный флаг, а немного погодя поднял Андреевский флаг и на мачте белый флаг; спустил красный флаг и «Пантелеймон». Миноносцы № 265 и 268 сдались, пристав к северному берегу, а миноносец № 270, направившийся в артиллерийскую бухту, не принявший приказания, переданного по семафору и в рупор, пристать к «Ростиславу», подвергся обстреливанию судовой и полевой артиллерии и был захвачен. На этом миноносце был найден отставной лейтенант Шмидт с 16-летним сыном. Шмидт был полураздет, закутан в матросскую шинель; правая нога была у него ранена (ушиблена при поспешном бегстве с «Очакова»).

Между тем «Очаков», несмотря на белый флаг, вновь открыл огонь по Михайловской батарее и вдоль северной бухты, вследствие чего он подвергся новому обстреливанию, заставившему его замолчать окончательно. К сожалению, вспыхнувшим на «Очакове» пожаром крейсер приведен в полную негодность. С «Очакова» были сняты захваченные мятежниками в разное время 24 офицера, оказавшиеся все здоровыми, кроме командира

«Пантелеймона» капитана 1 ранга Матюхина, [107] раненного выстрелом из ружья мятежником-часовым после первого выстрела, сделанного по «Очакову».

В то время как тонул «Буг», от «Днестра», который был, как выше сказано, обстреливаем, так как стоял под красным флагом, отделился катер, направившийся по южной бухте; по нем пехотою был открыт огонь, смертельно ранивший, как оказалось, доблестного капитана 2 ранга Славочинского, [108] командира «Буга», бросившегося спасать на катере людей без предупреждения о том частей, занимавших берег у Пересыпи.

Во время артиллерийской стрельбы мятежники, занимавшие морские казармы, стреляли залпами и из пулеметов по брестцам, занимавшим свои казармы и отвечавшим им весьма энергично.

С наступлением темноты и прекращением артиллерийского огня, задача овладения флотскими казармами возложена была на Брестский полк; один из больших казарменных четырехъэтажных корпусов был взят полком внезапным вторжением, остальные — в течение ночи, после усиленного обстреливания пачками окон и дверей. К $5^1/_2$ часам утра полк занял казармы, взяв 1611 человек с 12 пулеметами и освободив 19 штаб- и обер-офицеров и гражданских лиц, арестованных мятежниками.

Взятием казарм мятеж был подавлен, и войскам оставалось лишь очистить порт и Корабельную слободку от рассеявшихся мятежников, которых было забрано еще некоторое число.

В городе, во время бунта, порядок поддерживался особо назначенными пехотными частями, высылавшими дозоры, и кавалерийскими частями, по временам осматривавшими районы, где возникновение беспорядков было наиболее вероятным.

Порядок нигде нарушен не был, несмотря на злобное отношение населения к войскам и в особенности к офицерам; в течение 12 и 13 ноября положение было критическим.

В строю 15 ноября было: на Южной стороне 2040 штыков, 4 пулемета, 18 орудий и 110 сабель; на Корабельной стороне 1730 штыков и 80 сабель и на Северной стороне 220 штыков и 10 орудий.

Потери 15 ноября были следующие: у нас: в 49-м пехотном Брестском полку нижние чины: 1 убит, 1 смертельно ранен и умер, 1 ранен, дает надежду на выздоровление; во флоте: смертельно ранен и умер капитан 2 ранга Славочинский, легко ранен капитан 1 ранга Матюхин и ушиблен 1 мичман, убиты 3 нижних чина — 2 кондуктора и 1 санитар в госпитале; у мятежников: 8 убитых, 32 легко раненых, 22 тяжело раненых, 13 обожженных 2, повидимому, самоубийц, 15 сгоревших на «Очакове», 3 выплывших трупа, из них один мореходного класса.

Сводя изложенное, заключаю, что малейшее колебание в верности служебному долгу Белостокского полка и прочих перечисленных выше частей привели бы к тому, что весь флот,

крепость, город были бы в руках мятежников, что повело бы к бедственным последствиям.

Свидетельствую о беззаветной самоотверженной службе всех частей, принимавших участие в усмирении мятежа, при полном напряжении сил, вызванном тяжелым караульным нарядом по охране пленных мятежников и города и разного рода складов как сухопутного, так и морского ведомств.

Комендант крепости генерал-лейтенант Неплюев [109] и командующий 13-й пехотной дивизией генерал-майор Сидельников [110] оказывали мне самое полное содействие и помощь по исполнению возложенного на меня поручения. Командир крепостной артиллерии генерал-майор Крылов [111] лично убедил нижних чинов 2-го батальона крепостной артиллерии выйти из пассивного состояния по отношению к бунтовщикам и по долгу службы и присяги принять самое деятельное участие в стрельбе по мятежным судам, каковая произвела впечатление на судовые команды флота. Начальник штаба вверенного мне корпуса генерал-майор Комаров [112] совместно с начальником штаба 13-й пехотной дивизии полковником Зиборовым [113] работали неустанно днем и ночью по подготовке, исполнению и передаче войскам отдаваемых мною распоряжений.

Временно командующий 13-й артиллерийской бригадой полковник Цумпфорт [114] быстро перевел на южную сторону потребованные батареи и озаботился снабжением их боевым комплектом снарядов. Командир 50-го пехотного Белостокского полка полковник Шульман, [115] воспитавший своих людей в непоколебимой преданности престолу и долгу службы, спас положение, бывшее критическим 12 ноября. Командир 1-й батареи 13-й артиллерийской бригады подполковник Никитенко, [116] открыто поставив орудия у батареи № 4 на северной стороне, в расстоянии около 700 саженей от «Очакова», смело осыпал шрапнелью палубу мятежного крейсера, принуждая его к сдаче. Лейтенант флота Волькенау, этот выдающийся офицер, знавший настроение команды броненосца «Ростислав» лучше, чем те, кому это ведать надлежит, убедил меня со слезами на глазах в преданности престолу и долгу службы команды корабля и возможности выдать на броненосец ударники и бойки от орудий; к разрешению этой просьбы, несмотря на колебание вице-адмирала Чухнина, побудила меня поддержка, оказанная лейтенанту Волькенау бывшим командиром броненосца «Ростислав», ныне севастопольским градоначальником капитаном 1 ранга Рогулею. [117]

Для предотвращения на будущее время опасности возникновения мятежа, полагал бы необходимым принять нижеследующие меры:

1) Расформировать Черноморский флот, начиная с адмиралов, штаб- и обер-офицеров, не оказавшихся на высоте положения. Убедился, что есть отличные офицеры, нужен только тщательный, умелый выбор.

2) Из команд оставить только вполне благонадежных.

3) Держать людей на судах и, по возможности, никого на берегу.

4) Новобранцев не присылать, пока предыдущее не будет выполнено.

5) Местопребывание главного командира Черноморского флота перенести в Николаев.

Все офицеры жалуются на дискредитирование их власти в глазах команд вице-адмирало Чухниным, а команды — на дурное довольствие и обмундирование, несмотря на достаточные отпуски от казны, благодаря злоупотреблениям портового начальства.

6) Командиры судов и экипажей не знают своих людей и даже способности и годности своих офицеров, вследствие постоянных перемещений тех и других с одного судна на другое. Это существенно важно устранить.

7) Сомкнуть горжи береговых батарей и устроить в них казармы для рот крепостной артиллерии.

8) Построить господствующее над городом и рейдом сильное укрепление с могущественной артиллерией, безопасное от атаки открытою силою, с постоянным гарнизоном.

9) Обезопасить все склады боевых припасов, оружия, мин и самый порт стенами и решетками от внезапного нападения.

10) Усилить гарнизон, приведя полки и крепостные батальоны в военный состав, и обратить внимание на пополнение их благонадежными новобранцами.

11) Сосредоточить власть военную и гражданскую исключительно в лице коменданта крепости.

12) Выселить всех евреев из крепостного района.

13) Земли, принадлежащие морскому ведомству, раздать русским крестьянам, на правах собственности, увеличив тем благонадежный элемент в крепости.

14) Морские казармы отдать пехоте.

15) Квартиры для командиров и офицеров выстроить при казармах своих частей. Такой мерой достигнется возможность вызывать в наикратчайший срок войска по тревоге и обеспечить безопасность офицерских семейств.

Генерал-лейтенант барон Меллер-Закомельский.

21 ноября 1905 года.
Город Севастополь.

Саратовская губ.

ДОКЛАД ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ТРЕПОВА.[118]

«С — ъ» [согласен]. *

Саратовский губернатор Столыпин [119] ходатайствует о наложении на представляемом к сему всеподданнейшем докладе нижеследующей резолюции: «На ряду с осуждением революционных проявлений, не могу не осудить и самоуправных действий толпы».

Если ваше величество соизволите наложить испрашиваемую резолюцию, то представлялось бы весьма желательным оную опубликовать одновременно с изложением событий, имевших место в последнее время в пределах Саратовской губернии.

Свиты вашего императорского величества

генерал-майор Трепов.

6 августа 1905 г.

«Революционные проявления дольше не могут быть терпимы, вместе с тем не должны дозволяться самоуправные действия толпы». **

В конце мая текущего года в Аткарском, Петровском, Саратовском и Балашовском уездах, Саратовской губернии, возникли серьезные крестьянские беспорядки,[120] выразившиеся массовыми ночными и открытыми денными покосами, потравами и поджогами у местных землевладельцев и нападениями на чинов полиции. На ряду с сим в Аткарском уезде начались забастовки сельскохозяйственных рабочих с насилиями над желающими работать крестьянами, а также сборища некоторых лиц из местного сельского населения в лесах, с участием прибывших из Саратова интеллигентов, при чем были постановлены приговоры о недозволении никому снимать земли у помещиков дороже 10 рублей за десятину.

Принятыми местною губернскою властью мерами, при содействии вызванных войск, беспорядки эти были прекращены, при чем острые разногласия между владельцами и крестьянами были улажены, а главные виновники беспорядков подвергнуты аресту.

В первых числах июня подобные же беспорядки возникли вновь в селении Турках, Балашовского уезда, при чем в означен-

* Заверена и датирована Треповым: Петергоф 6/VIII 905 г.
** Заверена и датирована Треповым: 6/VIII 905 г.

ном уезде появилась усиленная пропаганда интеллигентов к склонению крестьян составлять приговоры о ходатайствах в Совет министров об отнятии земель у помещиков и проведении радикальной политической программы. Затем, в Аткарском уезде крестьяне в нескольких волостях завладели покосами помещиков, выезжая ночью вооруженными на луга и пастбища и совершая насилия над сторожами, а в Сердобском уезде произошли открытые беспорядки на ярмарках в селах Пяше и Борках, где буйствовавшие крестьяне намеревались разграбить винную лавку, жечь окрестные усадьбы и учинять разгромы. Разграбление винной лавки было предотвращено, но буйствовавшая толпа успела сжечь усадьбу помещика Слепцова и у четырех соседних владельцев учинить поджоги ометов соломы, скотных дворов и одного жилого дома.

Такое же вызывающее поведение крестьян проявилось и на ярмарке в селе Борках, но предполагавшиеся разгромы помещичьих усадьб были предотвращены своевременным передвижением в означенную местность эскадрона драгун. В Петровском уезде в имении земского начальника Кожина крестьяне завладели лугом и приступили к рубке леса, в Саратовском же произвели несколько поджогов имений.

Для принятия мер воздействия на крестьян саратовским губернатором предпринят был объезд местностей, охваченных волнением, и беспорядки при помощи войск были прекращены, произведены обыски, арестованы крестьяне, у которых найдено разграбленное имущество, и виновные из них привлечены к судебной ответственности.

Тем не менее, беспорядки в указанных местностях вскоре вновь возобновились; так, в ночь на 27 июня, крестьяне селений Биклей и Григорьевки, Саратовского уезда, сожгли дом и постройки в экономии Киндякова, а оставшийся хлеб и инвентарь разграбили; одновременно с сим сожжена соседняя экономия Ховена, где имущество также было разграблено.

14 июля в экономии при селе Огаревке, Петровского уезда, крестьяне самовольно захватили в поле владельческие снопы, а в Аткарском уезде, в деревне Медведевке, с полей графини Воронцовой-Дашковой крестьяне захватили скошенную рожь, оказав вооруженное сопротивление. Такие же самовольные действия обнаружились и в Балашовском уезде, в селе Михайловке, где крестьяне увезли копны хлеба с полей княгини Гагариной, а также и в имении Петрово-Соловово.

В виду столь тревожного положения в Балашовском и Аткарском уездах губернатор выехал на место беспорядков с казаками, при помощи коих порядок был восстановлен, и захваченный крестьянами хлеб возвращен владельцам. В виду упорства крестьян, было приступлено к повальным обыскам, перемерено количество свезенной ржи, составлена таблица посевной площади каждого двора у всех крестьян, и те из них, у коих ока-

залось несоразмерно большое количество ржи, были арестованы. При этом выяснено, что увоз копен с полей помещиков производился целыми селами, где в каждом была группа зачинщиков, действовавших на остальных уговором и насилием. Всего задержано было 75 человек, из коих наиболее виновные 30 человек подвергнуты губернатором, за нарушение обязательного постановления о воспрещении сборищ, аресту от 1 до 3 месяцев, а остальные после двухнедельного ареста освобождены. Для дальнейшего расследования дело об их беспорядках передано судебному следователю.

Возникшие в Балашовском уезде волнения грозили принять весьма обширные размеры, но быстрые и решительные действия губернатора, камергера двора вашего императорского величества, Столыпина предупредили возможность общего захвата владельческой собственности в уезде, на что рассчитывали злоумышленники, которые, в целях недопущения губернатора на место беспорядков, при въезде его в уезд, близ села Трубетчины, устроили засаду, произвели в него два выстрела, а затем, когда губернатор, выйдя из коляски, побежал по направлению выстрелов, в него из-за кустов был произведен третий выстрел; задержать виновных, однако, не удалось, так как, благодаря густым зарослям и обрывам в лесу, стрелявшие в губернатора злоумышленники успели скрыться. Незадолго перед тем в селе Трубетчине было совершено нападение и на полицейского урядника, собиравшего сведения по делу о поджогах, а когда через день в означенное село приехал местный исправник арестовать виновных, то толпа напала и на него, при чем зачинщики были арестованы лишь при помощи драгун, из коих двое рядовых получили удары камнями. Проезжая по местностям Аткарского и Балашовского уездов, губернатор Столыпин убеждением, а где и принуждением, заставлял крестьян вернуть награбленное, арестовывал бунтовщиков и зачинщиков беспорядков и передавал их в руки следственной власти. Вместе с тем, в местностях, наиболее охваченных волнением, по его распоряжению, расположены были казачьи части.

Одновременно с беспорядками в названных уездах 21 минувшего июля в гор. Балашове имело место следующее происшествие: оставивший демонстративно службу весь медицинский персонал Балашовского уезда проводил последний день в местной гостинице, при чем забастовавшие врачи и некоторые посторонние лица после обеда стали громко петь песни противоправительственного характера. Вскоре против гостиницы собралась толпа до двух тысяч человек, озлобленных против врачей за оставление ими службы в земстве, и решила расправиться с ними самосудом, при чем успела уже взломать ворота в гостинице. В виду сего на место происшествия немедленно, в сопровождении сотни казаков, прибыл губернатор, который переписал всех оказавшихся в гостинице врачей, а собравшейся толпе разъяснил, что вінов-

ные врачи будут подвергнуты законной ответственности, и что, во избежание беспорядка, в котором обвинили бы обывателей, он, губернатор, решил врачей тотчас же с поездом удалить из города, и потому просит жителей, преданных законности, охранить порядок. При появлении губернатора толпа пропела народный гимн и обещала не прибегать к насилию. Когда же губернатор лично выводил из гостиницы врачей для препровождения их под конвоем казаков на вокзал железной дороги, некоторые лица из толпы стали бросать в них камнями, при чем губернатор Столыпин получил удар в руку, повредивший ему палец, и с большим трудом удалось оградить уезжавших врачей от насилия буйствовавшей толпы. На вокзале встретила врачей небольшая кучка лиц, которые наносили удары входившим на станцию, но толпа эта, по приказанию губернатора, вскоре разошлась, и врачи были отправлены в поезде из Балашова.

Во время препровождения врачей на вокзал толпа успела разгромить дома бывшего частного поверенного Феологова и купца Тараксина и избила врачей Шмелева и Невзорова, попавшихся ей на улице.

Описанное событие было вызвано отчасти в высшей степени безобразным поведением публики накануне в зале земского собрания, созванного по поводу ухода врачей Балашовского земства. В этот вечер, в ожидании открытия собрания, которое, однако, не состоялось, некоторые присутствовавшие лица из числа противоправительственных элементов дозволили себе, когда в собрании лампы уже были потушены, петь революционные песни и надрезать портрет вашего императорского величества. Для прекращения этих беспорядков были вызваны казаки, при появлении коих лица, остававшиеся в собрании, разбежались, а местные обыватели вышеприведенные преступные действия приписали врачам Балашовского земства, что последние, однако, отвергли. Кроме того, собравшаяся для самосуда над врачами толпа была раздражена разбросанными по городу объявлениями от врачей с тенденциозным объяснением причин устроенной ими забастовки.

К утру 22 июля усилиями войск и полиции порядок в гор. Балашове был водворен; к с о ж а л е н и ю, * несколько казаков, эскортировавших врачей на вокзал железной дороги, раздраженные беспорядками и угрожающим жестом одного из сопровождаемых ими, нанесли им несколько ударов нагайками, не имевших однако сколько-нибудь серьезных последствий. **

В настоящее время в Саратовской губернии, благодаря энергии, полной распорядительности и весьма умелым действиям губернатора, камергера двора вашего императорского величества Столыпина, порядок восстановлен.

---

* Подчеркнуто Николаем II и на поле поставлен вопросительный знак.
** Пометка Николая II на полях: «*Очень хорошо сделали*».

Об изложенном долгом считаю всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству, при чем испрашиваю высочайшее вашего величества соизволение на опубликование вышеприведенных фактических данных о происходивших в Саратовской губернии беспорядках в виде правительственного сообщения.

Свиты вашего императорского величества
генерал-майор Трепов.

6 августа 1905 г.

Орловская, Курская, Полтавская и Черниговская губернии.

ДОКЛАД ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТА ПАНТЕЛЕЕВА.

Конспект к отчету по командировке генерал-адъютанта Пантелеева[121] в Орловскую, Курскую, Полтавскую и Черниговскую губернии с 21 ноября 1905 г. по 17 февраля 1906 г.

1. Аграрное движение вызвано пропагандой. Революция, переходя от глухой оппозиции к активным действиям, нашла после фабричных и заводских рабочих беспорядков благодарную почву в сельском населении (войска, несмотря на пропаганду, устояли). Крестьянин после 1861 года переменил лишь хозяина, став рабом своей общины; находясь в зависимости от мира, он бесправен даже в деле залога и продажи своего участка. Для него права собственности — мертвая буква. «Земля ничья — она божья», говорят крестьяне. Пока производительность их земель падала, частные хозяйства быстро повышались. Вследствие этого и появления сахарных и других заводов арендные цены стали повышаться (в данном районе доходя до 45 рублей за десятину); неприступность этих цен для крестьян заставила их довольствоваться своими душевыми наделами, которые продолжали дробиться (в данном районе колеблясь от 2 до $4^1/_2$ дес., в Полтавской же губернии он менее десятины), но поднять производительность земли при общинном владении и отсутствии правительственного кредита было невозможно. Малоземелье, делаясь все более чувствительным, породило у крестьян все возрастающую вражду к землевладельцам и крупным арендаторам. Недород в 1901 г. в Полтавском и Константиноградском уездах не обратил на себя в 1902 г. должного внимания администрации. Первые проявления смуты были подавлены, но она не улеглась. Удачный опыт пропаганды в Константиноградском уезде 1902 г. способствовал всеобщему взрыву народного мятежа.

К сожалению, правительство бездействовало в вопросах сельскохозяйственного воспитания, кредита и переселения; помещики соблюдали свои выгоды, духовенство безлюбовно относилось к воспитанию своей паствы. Промышленный кризис наводнил деревню безработными. Кризис назревал. Революционерные [?] агитаторы, встретив неожиданный отпор в своем стремлении поколебать вековые народные верования в бога и своего самодержавного русского государя, обрушились всею силою на правительство, — этому помогла война и бездействие власти. Революция обещала народу даровой надел, этими посулами она завоевала симпатии крестьянина. Железнодорожная забастовка 9 октября, показав бессилие правительства, дала толчок мятежу. Евреи явились спайкой революционерной организации, земство же сыграло роль организованной силы. Борьба администрации с последним была весьма трудная, напр.: 1) курский губернатор Гордеев[122] знал неблагонадежность только что избранного большинством одного шара председателя губернской земской управы Раевского[123] и просил 18 февраля 1905 г. министра внутренних дел его не утверждать. К сожалению, он все же утвержден. 2) Генерал-адъютант Дубасов приказал городнянскому земству уволить несколько неблагонадежных учителей. Это исполнено номинально, в действительности же земство продолжало платить им жалованье и вместо казенной квартиры дало им квартирные деньги. Эти два случая показывают несолидарность действий правительства при борьбе с дружной сплоченностью революционеров. Из земских деятелей выделились приверженностью к крестьянскому союзу председатели уездных земских управ: льговской — Широков[124] и суджанской — князь Долгоруков.[125] Революционные деяния председателей управ были искусно замаскированы, низшие служащие прямо способствовали пропаганде. С началом же железнодорожной забастовки силы революционеров возросли присоединением всякого недовольного элемента. Резолюция московского крестьянского съезда: «Земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает» поднимала повсеместно народ, видевший безнаказанность забастовок. Нерешительность правительства и властей ставила губернаторов в тяжелое положение, запросы их в Петербурге оставались без ответа. Разнузданность прессы все разжигала. Революционные круги истолковали манифест 17 октября как победу над правительством и доказательство его слабости. Это превратное толкование и дало повод всем бедствиям. Затем милости, дарованные манифестом 3 ноября, прошли незамеченными в пылу такого стихийного брожения. Губернаторы, не поддерживаемые правительством, растерялись; указание им действовать по существующим законам в духе манифеста их окончательно сбило с толку; земские начальники в большинстве бездействовали (в Черниговской губернии при разгроме имений Жемчужникова и Михневича они уклонились от своего долга), исправники тоже; полиция, вследствие отсутствия охранных

отделений неосведомленная, действовала, не согласуясь с жандармскими управлениями и судебным ведомством. Часто судебным ведомством и жандармским управлением без ведома губернаторов освобождались задержанные по их приказанию, что еще больше подорвало престиж власти. Оставалась одна надежда на войска, а их было недостаточно: в Курской губернии — 9 сотен, 4 эскадрона, 5 рот; в Черниговской — 8 сотен, 8 эскадронов, 14 рот; в Полтавской — 9 сотен, 5 эскадронов, 8 рот. Средний состав эскадрона и сотни — 70 коней, роты — 35 нижних чинов. Кроме того, войска дробили на слишком мелкие части (курьез: гор. Щигры, Курской губернии, охранялся тремя пехотинцами) и обращались неумело с ними (пример: $1/2$ рота 166-го Ковенского полка передвинута губернатором из Остры, Черниговской губернии, в распоряжение непременного члена по крестьянским делам Шрамченко;[126] его налицо не оказалось, $1/2$ рота передана исправнику; скоро он уехал, $1/2$ рота передается приставу; уезжает и он, и $1/2$ рота передается уряднику).

II. С 9 октября в Курской губернии начались революционные митинги и демонстрации по городам. Сначала случаи погромов были только единичные, направленные на евреев, и могли быть подавлены быстро силою. С 17 октября движение усилилось и затем в течение месяца все ухудшалось. Крестьяне озверели, даже под угрозами заставляли молчать священников, запрещая успокоительные проповеди. Войска утомились. Приказ увольнения в запас срока 1901 года в кавалерии вызвал глухое брожение в пехоте. Генерал-адъютант Пантелеев, по прибытии в Орел, сейчас [же] направился в Курск, так как эта губерния была более беспокойна. Вообще и Курская, и Полтавская, и Черниговская губернии были в критическом положении. Главное внимание генерал-адъютант Пантелеев с места обратил на войска, запретив их дробление, просил военного министра об усилении и назначении в распоряжение губернаторов офицеров генерального штаба для руководства их распоряжений [?], а кроме сего назначил районных начальников. Начавшееся в Белгороде брожение в 51-й артиллерийской бригаде, благодаря испрошенным от киевского командующего войсками подкреплениям и [?] генералу для расследования, было тотчас прекращено. В городе Льгове при разговорах с толпой генерал-адъютант Пантелеев встретил явно враждебное отношение и арестовал говорившего с ним депутата, как оказалось, делегата московского съезда; генерал-адъютант Пантелеев делал смотры войскам и говорил с ними, везде стараясь поднять дух, что и удавалось. Огромное количество газет вредного направления очень вредили успокоению; несколько из них генерал-адъютант Пантелеев приостановил. Кроме того, давал новые дислокации и инструкции войскам, назначал начальников летучих отрядов, содействовал губернаторам в образовании конной стражи, говорил с крестьянами и их уполномоченными, и все его слова были напечатаны в нескольких тысячах экземпляров и разосланы во все

населенные места; на созванных им совещаниях выяснилось, что рассылаемые губернаторами объявления не допускались агитаторами и уничтожались. После покушения на черниговского губернатора Хвостова[127] генерал-адъютант Пантелеев поехал в Черниговскую губернию, будучи уже назначен главноначальствующим. Успокоению много помогли энергичные действия генерал-майора Рудова[128] с его отрядом и, наконец, полученные из Петербурга твердые указания местным властям, пробудившие их нерешительность. Высочайшие слова, сказанные депутации щигровских крестьян, подействовали отрезвляюще. Губернское земское собрание прошло благополучно, благодаря умелому председательству уездного предводителя дворянства графа Мусина-Пушкина[129] (губернский — князь Голицын[130] — заболел). К 9 февраля общее состояние всего района много улучшилось, Орловская же губерния уже была с конца декабря спокойна. Начали сплачиваться хорошие элементы: партии консервативные, монархические и правового порядка. Крестьяне начали подавать всеподданнейшие адреса и выдавать подстрекателей. 10 февраля генерал-адъютант Пантелеев выбыл обратно в Петербург.

За все время произведено погромов и поджогов:

в Орловской губернии	 59	экономий на	500 тыс.	рублей
» Курской »	 130	» »	3 милл.	»
» Полтавской »	 22	» »	650 тыс.	»
» Черниговской »	 35	» »	3 милл.	»

Заключение и выводы.

III. Причины, вызвавшие революцию, не устранены, и волнение лишь временно подавлено. Цель командировки была лишь использование и объединение местных средств и властей, что и сделано. Но, чтобы закрыть доступ революции в население, традиционно верное богу, царю и отечеству, надо ясную и неизменную правительственую программу и ряд соответственных законодательных актов. Отсутствие программы и быстрые перемены внутренней политики — суть корень всего зла. Колебание власти в центральных правительственных учреждениях передается по всем иерархическим ступеням до низших, разрушаются основы и престиж власти в глазах народа, страдает планомерность правительственных мероприятий, а революция каждым неуверенным шагом правительства пользуется, чтобы взять свое.

К еще большему расстройству вели недоверие начальников к своим подчиненным и неудачные назначения начальствующих лиц, иногда прямо не сочувствующих правительству. Зло это, конечно, гнездится в высших правительственных сферах.

На будущее время, казалось бы, правительству следовало бы:

1) Всемерно избегать неясности в актах первостепенной важности; такие акты должны быть понятны всем подданным и

не допускать превратных толкований (как, напр., манифест 17 октября).

2) Деятельно бороться с революционной прессой. По мнению губернаторов, издание одной или двух правительственных газет в каждой губернии принесло бы большую пользу: они бы разъясняли читающему люду несбыточность и лживость революционных прокламаций и распространяли бы твердые патриотические взгляды на преданность самодержавному царю и православной церкви—два исторических устоя славы и могущества России.

3) Вполне реорганизовать губернскую администрацию, дав губернаторам более широкие полномочия и подчинив им местные полицейские и жандармские власти,—а для сего установить новую должность помощника губернатора по полицейской части или второго вице-губернатора.

Равно надо улучшить положение полиции, от которой сейчас требуют всего, а для исполнения этих требований ничего ей не дают: а) чины полиции фактически подчинены посторонним учреждениям и лицам (судебному ведомству, казенным палатам, жандармским управлениям и проч.), которые обращаются к ней с самыми разнородными требованиями, отвлекая ее от прямых ее обязанностей и как бы забывая, что у нее есть свое прямое начальство; б) должности классных чинов полиции по служебному положению поставлены неудовлетворительно, напр., полное неразграничение административной власти земских начальников и исправников постоянно приводит к вредным для дела коллизиям; в) нищенский оклад высших и низших чинов полиции, на ряду с трудностью и риском службы, не дает возможности иметь удовлетворительный состав и искоренить в нем злоупотребления и взяточничество. Кроме того, служебные разъезды исправников и становых по закону производятся за счет уездного земства и размер им устанавливается земскими собраниями,—и исправники и пристава находятся в зависимости от земств, что при оппозиционном направлении некоторых из них крайне нежелательно.

Все это следовало бы немедленно преобразовать. Уездных исправников преобразовать в начальников уездов, с присвоением этой должности 6-го класса. Оклады полиции значительно увеличить. Полицию избавить от зависимости от земств.

4) По судебному ведомству надо ускорить производство дел и установить бо̀льшую солидарность в действиях судебной и административной власти. Отсутствие таковой мешает подавлению волнений.

5) Административная высылка желательна для главарей и подстрекателей революционного движения, но за пределы Европейской России и даже в отдаленнейшие места Сибири на продолжительные сроки и без применения к высланным амнистий по манифестам. В будущем амнистии крайне нежелательны.

6) Земская статистика мало полезна; статистики во многих случаях агитаторы. Поэтому, лучше бы прекратить правитель-

ственную субсидию земствам на статистику и этот миллион ассигновать на полицию или Крестьянскому банку на земельный фонд для малоземельных крестьян.

7) Необходима новая дислокация войск. В каждой беспокойной губернии надо расквартировать дивизию пехоты и бригаду кавалерии.

8) Циркуляр министерства финансов, увещевающий помещиков продать земли крестьянам, очень неудачен и произвел крайне неблагоприятное впечатление на все местное население. Принудительное отчуждение частновладельческих земель крайне опасно и нежелательно. Нужда крестьянина в большинстве не в малоземелии, а в низкой его культурности. Надо безотлагательно устранить чересполосность земельных участков, уничтожить общину, открыть для крестьян государственный кредит, упорядочить действия Крестьянского банка и, наконец, поставить правильно переселенческое дело.

Аграрный вопрос есть вопрос благоденствия России.

В заключение генерал-адъютант Пантелеев свидетельствует перед вашим императорским величеством о беззаветной преданности и самоотверженной службе войск, находившихся в его распоряжении, а также чинов администрации и полиции.

Генерал-адъютант Пантелеев с высочайшего соизволения вошел с представлением к министрам военному и внутренних дел о награждении более достойных, по его мнению, лиц и в настоящем отчете повергает на всемилостивейшее вашего величества благовоззрение особо полезную деятельность полтавского губернатора, в должности шталмейстера, князя Урусова,[131] временного кременчугского генерал-губернатора генерал-майора Штерича[132] и начальника черниговского губернского жандармского управления генерал-майора Рудова.

Черниговская губерния.

КОНСПЕКТ ОТЧЕТА ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТА ДУБАСОВА.

Генерал-адъютант Дубасов прибыл в Черниговскую губернию, когда острый кризис революционного движения уже миновал. Крестьянские разгромы были результатом долго таившегося брожения и неудовольствия среди населения; толчком для сего послужил еврейский погром. Аграрное движение захватило, собственно, два района: Городнянский уезд (узкая вытянутая полоса, где стерты с лица земли чудные старинные барские усадьбы), и Суражский, с частью Черниговского уезда (громадный район, где разгромлено 25 хуторов), при чем в виду забастовок и плохого состояния путей сообщения власти не могли подать всюду помощь. Суражский уезд весьма беден, почва

песчаная, малопроизводительная, население его темное и нуждающееся, и потому пропаганда в нем имела легкий доступ. Пояснение революционеров, что крестьяне могут, причиняя убытки помещикам, принудить последних продать свою землю за ничтожную цену, и еврейские погромы — побудили крестьян к крайним мерам. Антисемитское движение имеет в русском народе глубокие корни. В большинстве имений Суражского уезда находились евреи: арендаторами, управляющими, приказчиками, мельниками и т. д., а отношение их к крестьянам было суровое. После манифеста 17 октября, косвенно признавшего равноправность евреев, последние держали себя вызывающим образом, оскорбляя патриотизм и верноподданнические чувства русских; ответом на это были еврейские погромы, первым же сигналом послужил погром в посаде Клинцах. Во главе шаек громил были главари, носившие у местных жителей имена «Куропаткиных» и «Линевичей»; успеху же агитации способствовали ложное толкование манифеста 17 октября о свободе и ходившие нелепые слухи: «царь уехал за границу и дал до января сроку бить жидов и панов». Погромы производились в два приема: в первый — громили и буйствовали, во второй — грабили, увозили и жгли, что нельзя было увозить. Благодаря умелым действиям вице-губернатора Родионова[133], в северных уездах при помощи войск были прекращены беспорядки, хотя настроение населения оставалось возбужденным. Наиболее сильные проявления были в Новозыбковском уезде и тоже в Городнянском и Черниговском уездах. В этом районе агитации много способствовали председатель земской управы А. А. Свечин [134] и член управы Малявко, из среды учителей некий Теремец. Кроме того, подозрительно поведение земского начальника А. М. Селецкого [135] и некоторых священников, а также черниговского уездного предводителя Карвольского-Гриневского. [136] (Приложены к отчету фотографии с некоторых разгромленных и уничтоженных пожаром усадеб. * При вызванной реакции среди казаков и крестьян, самосудом убито до 50 человек громил из самых буйных.

В Нежинском и Козелецком уездах движение приняло полуаграрный, полуреволюционный характер. В селе Мринах сильно агитировал господин, особо одетый, называвший себя «главным контролером стачки» (разгрома). Непременный член Шрамченко с эскадроном драгун своей энергией восстановил порядок. В Нежине пришлось арестовать так называемых «демократов» (политических агитаторов), чтобы их спасти от толпы. В Конотопе движение было, главным образом, рабочее, а главный руководитель — агент московского стачечного союза Шор. В с. Гоголево, Остерского уезда, порядок был восстановлен, когда непременный член Шрамченко арестовал 41 зачинщика.

---

* В папке, где хранился конспект отчета, фотографий не оказалось.

Вообще ясно, что местное земство покровительствовало пропаганде; требование администрации в 1905 г. об удалении вредных лиц не удовлетворялось. 9 сентября в Москве «Всероссийский союз учителей» свои решения разослал с делегатами по губерниям.

В отношении войск Черниговская губерния была поставлена довольно удовлетворительно: большого недостатка, благодаря добавочным командированиям частей, не ощущалось. Острожский пехотный полк был в боевом составе, но власти опасались его посылать для прекращения разгромов, ибо он мобилизовался в момент разгара брожения умов. Тем не менее, генерал-адъютант Дубасов свидетельствует об отличном поведении этого полка, а особенно 9-й роты (капитан Август Табенецкий). Всего в губернии было $31^1/_2$ роты, 7 эскадронов и $7^1/_2$ сотен, не считая артиллерии и частей, специально назначенных для охраны железных дорог.

Генерал-адъютант Дубасов, убедившись, что безнаказанность крестьян мешала прекращению движения, просил министра юстиции усилить состав окружных судов, что и было частью исполнено. По совещании с местными властями генерал-адъютант Дубасов признал нужным воспользоваться законом, дающим крестьянским обществам право высылать в Сибирь вредных членов, но закон требует, чтобы это выселение делалось за счет самих обществ, что в некоторых случаях невозможно. Поэтому генерал-адъютант Дубасов просил министра внутренних дел разрешить этот расход принять за счет казны; сенатор Дурново ответил, что полностью это ходатайство он не может удовлетворить, но что предоставляется обществам в каждом отдельном случае, при неимении средств, о сем возбуждать особое ходатайство. Генерал-адъютант Дубасов с таким решением не согласен, ибо он, как царский посланный, это обещал крестьянам, и слову его должны верить. А посему он просит ваше величество, в виду важности вопроса, удовлетворить полностью его ходатайство.

В посаде Клинцы генерал-адъютант Дубасов объяснял местному еврейскому обществу, что оно своим вызывающим поведением само вызвало против себя народ, что оно должно помогать администрации, а не спорить с ней, что убытки если и будут возвращены правительством, на что мало надежд, то во всяком случае не скоро. В Суражском уезде он говорил с населением на сходах, увещевал их и пригрозил, если беспорядки не прекратятся, вернуться с войсками и стереть с лица земли мятежные селения. Толпа везде выказала покорность, в семи селениях выданы и постановлены приговоры о выселении 87 зачинщиков. Для прекращения порубок генерал-адъютант Дубасов приказал против непослушных войскам открывать сейчас же огонь. В Стародубе генерал-адъютант Дубасов словами успокоил царившую там панику. В Городнянском уезде (прилагаются

фотографии разгромленных имений) он добился выселения крестьянскими обществами 94 зачинщиков и полного раскаяния обществ.

В Чернигове созванные уездные старшины указали на желательность скорейшего созыва Государственной Думы, понижения искусственно вздутых цен на землю, жаловались на то, что ссылаемые в Сибирь с отпускными свидетельствами возвращаются и держат в страхе население и просили обратить внимание на бесчинства призванных на службу и временно уволенных по домам новобранцев. В Конотопе генерал-адъютант Дубасов имел случай убедиться, что толпа повинуется твердому и решительному обращению слова царского посланного. Благодаря назначению московским генерал-губернатором, генерал-адъютант Дубасов не мог докончить свою командировку в Курской губернии, где пробыл всего 4 дня. В Курской губернии положение было серьезное: разгромлено было до 45 экономий, войск было мало. К прибытию генерал-адъютанта Дубасова движение охватило почти все уезды губернии. Вице-губернатор,[187] оправдываясь болезнью, оставался дома и мало делал. Губернатор Гордеев принужден был дать самостоятельность исправникам и местной полиции и предоставил им даже передвижение войск. Всех разгромов было до 100, пропаганда шла страшно успешно на почве малоземелья, но, главным образом, революционная. Агитаторы всюду сеяли смуту; манифест 17 октября критиковался, ибо в нем не было упомянуто о главном вопросе для крестьян — о земле; манифест 3 ноября тоже, говорили, что позволили [?] покупать то, что уже взяли. К счастью, насилий над самими помещиками не было. Предотвратить беспорядки было очень трудно, ибо движение носило характер вспышек везде, а не в одной какой-либо полосе губернии. Требовались всюду войска, а их не было; было всего 1350 человек пехоты, 376 кавалерии и 474 казаков. Обоянский и Грайворонский пехотные полки, развернутые из резервных батальонов, стояли в Курске, но были ненадежны в виду массы запасных, которые и были удалены по ходатайству генерал-адъютанта Дубасова. Дабы произвести подавляющее впечатление на население, генерал-адъютант Дубасов разослал такое же воззвание, как и в Черниговской губернии, но прибавил, что, если повторятся погромы, он уничтожит мятежные села, и приготовился итти исполнить это с отрядом трех родов оружия. Отозвание его в Москву помешало ему выполнить этот план, — он не хотел связывать генерал-адъютанта Пантелеева, предоставив ему действовать по своему усмотрению, но все же генерал-адъютант Дубасов сожалел, что не довел начатое до конца, так как отозвание его могло быть истолковано с превратной стороны.

В Полтавской губернии генерал-адъютант Дубасов не успел побывать в виду железнодорожных забастовок и имел сведения лишь телеграфные. В Орловской губернии из личного доклада

губернатора[138] генерал-адъютант Дубасов усматривает, что движение было много слабее. Войск было 2 полка пехоты и 6 сотен казаков; кроме того, губернатор возлагал большие надежды на формируемую местную полицейскую стражу.

В заключение генерал-адъютант Дубасов говорит, что достигнутое успокоение есть только затишье. С наступлением весны беспорядки могут возобновиться. Необходимо, чтобы виновные крестьяне понесли кару, а невинно пострадавшим помочь восстановить свое хозяйство. Надо усилить воинские части и полицейские команды. Наблюдать за движением в глуши деревни. Разоренным помещикам надо по возможности вернуть убытки и хотя бы часть этого разложить на громивших крестьян. Крестьянский банк должен наблюдать за тем, что, покупая от разгромленного помещика землю, эта земля отнюдь бы не досталась громившим ее крестьянам, а такую землю надо продать другим крестьянам, не принимавшим участия в беспорядках, и для этого не останавливаться перед переселением. Это очень важно.

Чтобы пользоваться дарованными свободами, надо, чтобы крестьянство сперва поняло, что надо уважать чужую собственность наравне со своею.

Генерал-адъютант Дубасов свидетельствует об отличной деятельности при нем администрации Черниговской губернии и особенно губернатора Хвостова, вице-губернатора Родионова и непременных членов губернского по крестьянским делам присутствия Малахова[139] и Шрамченко — оба бывшие военные, которые много личной деятельностью способствовали успокоению.

Кроме того, генерал-адъютант Дубасов свидетельствует о безукоризненном исполнении долга присяги и поведении войск, которые, несмотря на всю пропаганду, не дрогнули ни разу и остались верны престолу и отечеству.

Туркестанский край.

РАПОРТ И ЗАПИСКА ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТА МАКСИМОВИЧА.[140]

1.

Его императорскому величеству

рапорт.

Командированный по высочайшему вашего императорского величества повелению в Туркестанский край, я прибыл в пределы Сыр-Дарьинской области 26 числа октября месяца и приступил, согласно полученным указаниям, к выполнению возложенного на меня поручения путем ознакомления со всеми

вопросами, касающимися управления краем, с обстоятельствами происшедших в нем событий, с современным положением дел и состоянием войск округа.

Затем с 6 ноября я объехал Закаспийскую, Самаркандскую и Ферганскую области, останавливаясь в Асхабаде, Мерве, Кушке, Байрам-Али, Чарджуе, Новой Бухаре, Катта-Кургане, Самарканде, Черняеве, Коканде, Новом Маргелане и Андижане.

Все войсковые части, расположенные в названных местах, которые за верную службу удостоились получить высочайшую вашего императорского величества благодарность, были представлены мне на парадах и везде с воодушевлением выражали свою радость, осчастливленные высокою милостью вашего императорского величества, проявляя при этом большой подъем воинского духа.

Отдельно от этих частей мною были осмотрены также и другие.

Счастлив доложить вашему императорскому величеству, что войска округа находятся в настоящее время вообще в хорошем состоянии. Бывшие же мятежные проявления между ними приходится объяснить временным расстройством внутреннего порядка и ослаблением дисциплины под влиянием упорной революционной пропаганды извне и недостаточным надзором со стороны начальствующих лиц в пережитое исключительно тревожное время.

Во всех пунктах остановок я смотрел казармы, госпитали, лазареты и офицерские собрания. Устройство и содержание их, в зависимости от денежных средств, находятся в удовлетворительном виде. Обращает, впрочем, внимание отсутствие до сего времени в Андижане казарм для 11-го стрелкового батальона, который и поныне размещен во временных землянках, устроенных после землетрясения 1902 г., уничтожившего старые казармы.

В тяжелом повсеместно положении находится и квартирный вопрос для офицеров, в виду отсутствия казенных квартир при казармах, дороговизны наемных и недостаточности отпускаемых квартирных денег по окладу 1869 г.

Заметным неблагоприятным условием для службы является недостаток офицеров в округе: из 2017 положенных по штату налицо к 1 сентября состояло всего 1237.

Учреждения гражданских ведомств и благотворительных обществ, как-то: гимназии, народные училища и школы, места призрения бедных, больных, престарелых, устроены очень заботливо и вызывают признательность русского общества, равно как и туземцев, к правительственной и частной деятельности на этой почве.

Имение вашего императорского величества в Байрам-Али производит впечатление самого культурного в сельскохозяйственном отношении места во всем крае.

Жизнь населения края вообще протекает, повидимому, нормально, особенно в массе туземцев.

Собрав материал к составлению записки, с обзором всех событий, имевших место с октября месяца 1905 г. в жизни края и в войсках округа, приемлю смелость эту записку всеподданнейше повергнуть на высочайшее вашего императорского величества благовоззрение.

Генерал-адъютант Максимович.

[Без даты.]

Приложение.

Проявления революционной пропаганды в пределах Туркестанского края до 1904 г. ограничивались отдельными случаями распространения, и то в незначительном количестве, подпольных изданий, привозимых с собою учащеюся молодежью, приезжавшею на каникулы к своим родственникам. Пропаганда эта, не выходя за пределы небольшого кружка интеллигентных лиц, не представляла серьезной опасности и стала угрожать общественному спокойствию и порядку лишь с того времени, когда в край прибыло большое число воспитанников высших учебных заведений, высланных из университетских городов за участие в происходивших там в 1904 г. студенческих беспорядках. Названные лица, стремясь к противоправительственным целям, поставили своею задачею систематическую пропаганду революционных идей, при чем преступную свою деятельность направили, главным образом, в среду железнодорожных служащих, как наиболее склонных к восприятию социалистических теорий. В этих видах подпольные агитаторы собирали рабочих на конспиративные сходки, знакомили их с сущностью социалистических учений, раздавали присутствовавшим на сборищах лицам противоправительственные издания и обучали их революционного содержания песням. Под влиянием такого рода агитации в начале 1905 г. в гор. Ташкенте образовались две самостоятельные группы: «социал-демократическая рабочая партия» и «партия социалистов-революционеров». Руководители означенных организаций стали выпускать в громадном количестве преступные воззвания, которые сначала изготовлялись на гектографе, а затем печатались в тайной типографии «ташкентской группы социал-демократической рабочей партии». Прокламации эти получили широкое распространение в среде железнодорожных рабочих по всей линии Средне-Азиатской дороги и настолько революционировали их, что уже 19 февраля того же 1905 г. служащие в ташкентских мастерских, а также во временных мастерских Оренбург-Ташкентской железной дороги, объявили забастовку и предъявили ряд требований экономического характера. Забастовка эта, во время которой рабочие выказали необычайную партийную дисциплину, продержалась несколько дней и, после удовлетворения большинства предъявленных требований, прекратилась без всякого вмешательства полицейской власти,

так как внешний порядок забастовщиками ни в чем нарушен не был. С этого времени представители революционного движения стали проявлять все большее и большее влияние на окружающую их среду, а благонамеренный элемент общества, ради популярности, начал заискивать перед ними и тем еще выше поднимать их значение в глазах толпы. Воодушевленные столь быстрыми результатами противоправительственной агитации в среде трудящегося населения, руководители преступной пропаганды задались целью привлечь на свою сторону также и войска. В этих видах они стали забрасывать нижних чинов прокламациями возмутительного содержания, выбирая при этом такие войсковые части, в коих надзор начальства был слишком слаб. Наиболее склонными к восприятию противоправительственных идей оказались железнодорожные батальоны, которые по характеру своей службы находились в постоянном общении с рабочими и не могли, конечно, не сочувствовать их стремлению к улучшению своего материального положения. Поддержанию и развитию революционного движения в крае в значительной степени содействовали местные органы периодической печати, издававшиеся в Ташкенте, Самарканде, Новом Маргелане и Асхабаде; редакции их стали положительно очагами преступной пропаганды и объединяли в своем составе всех «борцов» за так называемое «освободительное движение». Ответственным редактором издаваемой в Ташкенте газеты «Русский Туркестан» состоял дворянин Морозов, ближайшими же его сотрудниками были конторщик мастерских Средне-Азиатской железной дороги Гольберт, дворянин Борейша, сын надворного советника Мейер и именовавший себя инженером Саксагонский, отличавшиеся своими крайними убеждениями. Под влиянием такого рода агитации революционирование масс шло быстрыми шагами, и когда в Европейской России возникла всеобщая железнодорожная забастовка, то она не замедлила отразиться и на путях Туркестанского края. 16 октября 1905 г. все службы по линии Средне-Азиатской и Оренбург-Ташкентской железных дорог забастовали; движение прекратилось, и рабочие, захватив в свое распоряжение железную дорогу, пускали лишь поезда, развозившие по станциям воду и съестные припасы. Вечером 17 октября по городу Ташкенту ходили группы рабочих, предъявляя хозяевам магазинов, лавок и мастерских требование о прекращении занятий. 18 октября почти все торговые и промышленные заведения были закрыты. В этот же день утром толпа в несколько сот человек, состоявшая преимущественно из железнодорожных и городских рабочих, с красными и черными флагами, двинулась от вокзала по направлению к зданию тюрьмы с целью освободить политических арестантов, но близ тюрьмы была остановлена высланными навстречу казаками. К прибывшим вскоре на место сборища военному губернатору и прокурору окружного суда от толпы явились в качестве депутатов упоминавшиеся

выше Гольберт и Саксагонский, которые потребовали немедленного освобождения политических арестантов, утверждая, что таковые подлежат освобождению на основании высочайшего манифеста 17 октября. Требование их, однако, исполнено не было, и толпа, простояв у тюрьмы несколько часов и прослушав в течение этого времени ряд ораторов, произносивших самые возмутительные речи, в конце концов разошлась. Того же числа забастовщики прекратили движение городского трамвая и требовали закрытия нотариальных контор, но последнее исполнено не было. 19 октября толпа собралась у вокзала Средне-Азиатской железной дороги и решила закрыть общественные и правительственные учреждения и, кроме того, послать депутацию к прокурору судебной палаты с требованием об освобождении политических арестантов. Первое решение приведено в исполнение не было, а депутация к прокурору палаты была послана. В число делегатов вошли, между прочим, присяжные поверенные Закаменный и Кржижевский. Однако, в удовлетворении их домогательств действительным статским советником Шарыгиным[141] было отказано, и депутаты ушли, заявив, что они оставляют за собой «свободу действий». Около 5 часов вечера того же дня толпа в несколько сот человек собралась у здания городской думы; к этому же времени прибыл туда, с двумя сотнями казаков, губернатор, получивший приказание от исправлявшего должность начальника края генерала-лейтенанта Сахарова[142] разогнать скопище силою. Требованию разойтись толпа не подчинилась, вследствие чего пришлось открыть огонь. На месте осталось двое убитыми и двадцать шесть ранеными. 20 октября, с разрешения генерал-лейтенанта Сахарова, в здании цирка состоялось экстренное заседание городской думы. На заседание это собралась тысячная толпа, при чем в прениях принимали участие и лица, к составу думы не принадлежавшие. Дума, под влиянием толпы, постановила, между прочим, заменить городскую полицию собственной выборной милицией и ходатайствовать об удалении от должности военного губернатора Федотова[143] и немедленном освобождении всех политических арестантов. 22 октября состоялись демонстративные похороны убитых во время прекращения беспорядков 19 числа; погребальную процессию сопровождала многотысячная толпа, которая несла несколько венков, на одном из коих была надпись — «Вечная память борцам за свободу» и «Долой произвол». В последующие дни в помещении цирка почти ежедневно происходили так называемые «митинги». Председательствовали на них те же Морозов, Борейша, Мейер, Закаменный и другие, а организацию митингов взяло на себя особое «бюро», в состав которого, кроме перечисленных лиц, входили упоминавшийся выше Гольберт, инженеры Векслер, Преображенский и Пьет, старший контролер по постройке Оренбургской дороги Кистяковский, врачи Барановский, Рубинштейн и Чернобородов, присяжный поверенный Кржижевский, кандидат есте-

ственных наук Назаров, студент Бузанский и административно-высланный в край грузин Шавдия. Митинги эти посещали рабочие, ремесленники, мелкие торговцы, приказчики, а также нижние чины и чиновники всех ведомств. Начинались подобного рода собрания, привлекавшие массу народа открытою раздачею преступных воззваний, после чего произносились речи. Содержание последних было явно революционное, а настроение слушателей иногда оказывалось настолько повышенным, что толпа расходилась с криками «смерть врагам». Тут же собирались денежные пожертвования на нужды агитации и приобретение оружия. Командировавшиеся на эти митинги должностные лица, не проявляя необходимой энергии, ограничивались лишь представлением по начальству рапортов с изложением всего происходившего.

Только что начала затихать забастовка на Средне-Азиатской дороге, как новое событие—бунт в Ташкентской крепости, вспыхнувший в ночь на 16 ноября 1905 г., дало повод агитаторам возбудить к продолжению забастовки путем рассылки по линиям железной дороги заведомо ложных телеграмм с извещением о числе убитых и раненых при подавлении мятежа. К этому же времени распространилась и на Туркестанский край почтово-телеграфная забастовка, а по линии Средне-Азиатской железной дороги образовались «стачечные комитеты» с «центральными комитетами» в Ташкенте и Асхабаде. Всякое сообщение опять было прервано; железная дорога и телеграф всецело перешли в руки забастовщиков, и слухи один тревожнее другого передавались в публике, терроризованной и без того неуверенностью в войсках и участившимися грабежами.

Одновременно происходили такие же беспорядки и в других областях Туркестанского края. В качестве главных руководителей противоправительственного движения выступили: в гор. Самарканде чиновник управления министерства земледелия и государственных имуществ при местном областном правлении Позняков, состоявший в то же время редактором газеты «Самарканд», некоторые ее сотрудники и учителя гимназии Корчиц и Адриянов; в гор. Новом-Маргелане, Ферганской области, чиновник министерства земледелия Дроздов, издававший газету «Фергана», податной инспектор Клевщинский, бывший член окружного суда, ныне уволенный со службы, Леонас, инженер-технолог Синявский, доктор Мали, городской архитектор Аксентович, частный поверенный Голубков, аптекарский помощник Слуцкий, дворянин Алеев и мещане Мирошников и Гринберг, убивший впоследствии статского советника Курицына, [144] и, наконец, в городе Асхабаде, Закаспийской области,—делопроизводитель коммерческого отделения Средне-Азиатской железной дороги Воронец, частный поверенный Нестеров, присяжный поверенный Агапьев, бухгалтер службы движения Средне-Азиатской железной дороги Карпенко и поверенный фирмы «Братьев Нобель» Любимский, состоявший

недолго редактором местных газет «Асхабад» и «Средне-Азиатская Жизнь».

Названные лица, большинство коих находилось на государственной или общественной службе, устраивали противоправительственные демонстрации, выступали на митингах в качестве ораторов, помещали в органах периодической печати статьи крайне тенденциозного и преступного содержания и такими способами возбуждали рабочих и нижних чинов к неповиновению властям.

Усилившееся брожение в войсках и последовавшие затем в середине ноября 1905 г. события в крепости Кушка заставили, наконец, временно исполнявшего должность начальника края принять решительные меры к восстановлению порядка. По распоряжению генерал-лейтенанта Сахарова вокзалы железных дорог были заняты войсками, некоторые руководители революционного движения, а также председатели митингов и забастовочных комитетов были арестованы на основании положения об усиленной охране, при чем многие из них привлечены к судебной ответственности. Принятие означенных мер, в связи с решительными действиями генерал-майора Прасолова,[145] произвело благотворное впечатление на умеренные элементы общества и парализовало влияние крайних партий.

К концу декабря 1905 г. во всех городах края наступило относительное спокойствие, вследствие чего большинство из арестованных лиц было освобождено.

22 января 1906 г. в гор. Ташкент прибыл вновь назначенный туркестанским генерал-губернатором генерал-лейтенант Суботич. В ответ на приветствия представителей от местного и туземного населения, в присутствии высших должностных лиц, представлявшихся на вокзале новому начальнику края, генерал-лейтенант Суботич произнес речь, в которой высказал, что он признает за каждым гражданином безусловное право открыто исповедывать свои политические убеждения, каковы бы они ни были, пропагандировать и бороться за проведение их в жизнь всеми способами, допустимыми в культурном общежитии. Речь эта произвела на оппозиционно и революционно настроенную часть русского населения крайне ободряющее впечатление и была понята в том смысле, что генерал-лейтенант Суботич лично не только ничего не имеет против «освободительного движения», но в душе даже ему сочувствует. В Ташкенте и других городах Туркестанского края опять стали устраиваться митинги и чтения рефератов. Ораторами на этих собраниях выступали те же лица, которые агитировали и в 1905 г., а для чтения рефератов прибыл из Петербурга присяжный поверенный Быховский, выдававший себя за члена конституционно-демократической партии. Существовавшие ранее тайные кружки объединились в союз «туркестанских организаций социал-демократов и социал-революционеров», при чем преступную свою деятельность направили

преимущественно в ряды войск. В гор. Ташкенте в подпольной типографии «Союза» начала печататься газета под заглавием «Солдатский листок «Правда», получившая широкое распространение среди нижних чинов. Местный гарнизон положительно засыпался всевозможными прокламациями, призывавшими солдат к вооруженному мятежу, а легальная пресса сообщала самые невероятные известия. Одновременно с этим была сделана попытка к противоправительственной агитации и в среде туземного населения. 14 июня 1906 г. в гор. Ташкенте под редакциею татарина Измаила Габитова стала издаваться на сартовском наречии газета «Таракки», в которой мусульманское население края приглашалось принять участие в революционной борьбе с русским правительством, в видах ниспровержения существующего в империи государственного строя. Газета эта просуществовала, однако, недолго, так как определением судебной палаты 21 августа 1906 г. была приостановлена, а редактор привлечен к судебной ответственности. В течение лета возник ряд военных мятежей и между прочим бунт саперного батальона в Ташкенте. Произошел он при следующих обстоятельствах. 3 июля из местной тюрьмы отправлялись приговоренные к каторжным работам бывшие нижние чины, в числе 18 человек, принимавшие участие в ноябрьских беспорядках в Ташкентской крепости. По крайней нераспорядительности ныне уволенного уже начальника тюрьмы капитана Васильева, осужденные были доставлены на вокзал почти за десять часов до отхода поезда, при чем об отправке их начальник тюрьмы не предупредил ни полицейских, ни военных властей. По дороге на станцию партию арестантов сопровождала большая толпа народа. Прибыв на вокзал, арестанты потребовали, чтобы их накормили, так как перед тем они, объявив голодовку, не ели несколько дней. На платформу вынесли столы, и арестантам подали обед из вокзального буфета. Весь дебаркадер был переполнен публикою. Вызванные войска и казаки стояли в стороне. Явились ораторы, которые в своих речах превозносили «борцов за свободу». Возбуждение толпы росло, стали раздаваться возгласы: «долой кандалы». Решено было арестантов в особом вагоне отвезти на соседнюю станцию, но у ближайшего семафора толпа остановила поезд, отцепила вагон с арестантами и на руках вернула его на станцию. Тогда к бесчинствовавшим обратился с увещаниями редактор газеты «Руский Туркестан» Морозов, и толпа, послушав его, отхлынула. При второй попытке вагон, однако, также не удалось увезти, так как за семафором рельсы оказались разобранными; по исправлении пути приговоренные судом в каторгу, наконец, были увезены со станции. В это время получено было известие, что из лагеря для освобождения товарищей идут Туркестанский и Закаспийский саперные батальоны. Последние были встречены стрелками и казаками. Произошла перестрелка, и после огня из пулеметов батальоны бежали в лагерь. Накануне описан-

ного события происходили беспорядки в ташкентской тюрьме среди политических арестантов, потребовавшие также вмешательства воинских частей.

5 июля 1906 г. в гор. Новом Маргелане в помещении гражданского собрания был устроен многолюдный митинг, на котором дворянин Алеев и присяжный поверенный Быховский произнесли речи, призывая граждан сорганизоваться, привлечь на свою сторону войска, вооружиться и восстать против правительства. 12 того же июля в городе Коканде на вечере, состоявшемся в помещении общественного собрания, Аксентович и Алеев произнесли речи такого же революционного характера, при чем Алеев, после прочтения высочайшего манифеста о роспуске Государственной Думы, вошел в дерзкую критику этого акта монаршей воли и заявил, что настоящим правительством следует признавать только распущенную Думу. 14 июля в гор. Новом Маргелане, в гражданском собрании, приехавший из Коканда армянин Хундадзе, выступив в роли оратора, резко порицал существующий государственный строй и призывал население к вооруженному восстанию. После него в таком же революционном направлении высказались Аксентович и Тарарухин. * Одновременно «Маргеланская организация Российской Социал-Демократической Рабочей партии» и «Кокандская группа социалистов-революционеров» в интересах пропаганды собирали в глухих местах, преимущественно за городом, тайные сходки или так называемые массовки, привлекая к участию в них не только рабочих, но и нижних чинов. На этих собраниях распространялись среди присутствовавших в значительном количестве преступные издания, в которых рабочие и солдаты призывались к вооруженному восстанию и указывалось, что только «бомбы, пулеметы и ружейные залпы» могут освободить народ от произвола правительственной власти. Наконец, в целях достижения в крае полного террора и анархии, вожаки революционного движения приступили к совершению ряда посягательств не только на имущество, но и на жизнь должностных лиц. Так, 20 июня 1906 г. в гор. Коканде на перроне железнодорожного вокзала произведено было открытое нападение на артельщика Бондарева, сопровождавшееся похищением у него 14 тысяч рублей; 22 того же июня в гор. Андижане совершено неудавшееся покушение на убийство старшего городового Останина; на следующий день названный Останин был убит. 3 июля в гор. Коканде из склада при железнодорожном вокзале похищено со взломом 13 солдатских винтовок и 940 патронов. 23 июля в Коканде же совершено было покушение на убийство мирового судьи Олферова[146] и товарища прокурора новомаргеланского окружного суда Исаенко.[147] 26 июля в гор. Ташкенте

---

* Все поименованные лица привлечены к судебной ответственности но дела о них еще не разрешены. (Примечание в подлиннике.)

рабочими железнодорожных мастерских был ограблен транспорт с оружием для магазина Пугасова, при чем похищено 227 револьверов и 8 тысяч патронов. 27 июля там же убит начальник станции «Ташкент» Средне-Азиатской железной дороги подполковник Чернов. 3 августа в Коканде помощником кассира отделения Государственного банка Ниясовым похищено 130 тысяч рублей для революционных целей. 14 августа в том же Коканде было покушение на убийство городового Мирошниченко. 17 августа в гор. Новом Маргелане произведено покушение на убийство исправляющего должность помощника губернатора Пашкевича, с причинением ему выстрелами из револьвера тяжких ран. 27 августа в гор. Коканде убит старший жандармский унтер-офицер Никифоров. 6 сентября в Ташкенте, в своей камере, выстрелами из револьвера убит прокурор судебной палаты Шарыгин. 18 сентября в том же городе убит у себя в кабинете управляющий ветеринарною частью гражданского ведомства в Туркестанском крае Курицын, и, наконец, того же 18 сентября в гор. Асхабаде, во время судебного заседания военно-окружного суда по делу о бунте в 1-м Закаспийском железнодорожном батальоне, убит прокурор суда генерал-майор Рипкевич. [148]

Предварительным следствием по делу об убийстве статского советника Курицына установлено, что совершивший это преступление мещанин Юрий Гринберг принадлежал к «боевой дружине ташкентской группы партии социалистов-революционеров» и убил Курицына по выпавшему на долю злоумышленника жребию.

На ряду с этими террористическими актами, мятежное брожение усиливалось также и среди войск, а в уездах Сыр-Дарьинской и Ферганской областей участились грабежи, разбои и убийства. В период времени с 1 января по 20 октября 1906 г. у мировых судей Маргеланского и Кокандского уездов зарегистрировано 93 случая разбойных нападений. Туземцы, угнетенные постоянными убийствами и грабежами, требовали, чтобы дела о разбоях передавались на разбирательство народных судов, с применением к преступникам смертной казни по шариату. В гор. Коканде появились прокламации с оттиском печати «кокандского саратовского духовного общества» с призывом: «долой революционеров, долой жидов—через вас мы разорились», при чем среди туземного населения стало наблюдаться сильное озлобление против наступившей смуты. Столь тревожное положение в крае побудило временно исполняющего должность туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Мациевского [149] ходатайствовать об объявлении железнодорожной полосы отчуждения с прилегающими к ней городами в положении чрезвычайной охраны, после введения которого 25 сентября порядок постепенно стал восстанавливаться, и в настоящее время положение края можно считать относительно нормальным.

Беспорядки в частях войск Туркестанского военного округа и брожение среди нижних чинов стали проявляться, как было

упомянуто выше, с половины ноября 1905 г., совпадая со временем общих забастовок во внутренней России и Туркестанском крае, но в отдельных случаях замечались и ранее. Так, в июле месяце привлекался к ответственности поручик 19-го Туркестанского стрелкового батальона Голиев за возбуждение нижних чинов к ниспровержению существующего в империи государственного строя, пропаганду социалистических идей и чтение преступных прокламаций. В сентябре и октябре несколько нижних чинов обвинялись в составлении прокламаций, призывающих к бунту.

Из широко распространявшихся среди войсковых частей воззваний обращают на себя особое внимание изданные от имени «Российской Социал-Демократической Рабочей партии», в которых железнодорожные солдаты призывались взглянуть, как «кровь братьев льется повсюду, борцы за народное дело из края в край отстаивают грудью свободу слова, совести, неприкосновенности личности и жилищ». «Лишь мы, товарищи, — говорилось в прокламациях, — остались глухи и стоим в стороне. Уже много солдат перешло на сторону народа: Черноморский флот, Петербургский гвардейский корпус и другие части». В заключение нижние чины приглашались «сбросить иго самодержавия». В других воззваниях, изданных средне-азиатским союзом той же «Российской Социал-Демократической Рабочей партии», сообщалось об образовавшемся в гор. Асхабаде «солдатском социал-демократическом комитете» с целью «объединить всех нижних чинов в крепкий союз», для борьбы с «ближайшим их начальством» и «правительственным произволом», при чем заявлялось, что «дисциплиной и казарменным заключением из солдат сделали диких зверей, убивающих своего же трудящегося голодного брата», тогда как «мы, братцы, проснулись и нашли друг друга. Каждый из нас считает лучшим для себя умереть, чем быть палачом в руках правительства».

Первое массовое неповиновение проявили нижние чины ташкентского артиллерийского склада, мастерских этого склада и Ташкентского резервного батальона, расквартированные в Ташкентской крепости. Беспорядки выразились в форме вооруженного восстания, в ночь на 16 ноября 1905 г., при следующих обстоятельствах. Нижние чины, по выработанному заранее плану, бросились, после вечерней поверки, к оружию, разобрали его и, выйдя из казарм на двор крепости, стали криками и условными выстрелами призывать другие части к восстанию, предлагая им убить офицеров и арестовать высших начальников. Когда для подавления беспорядков пришли в крепость 1-й, 2-й и 3-й Туркестанские стрелковые батальоны, то взбунтовавшиеся приглашали их присоединиться, но, видя безуспешность своего призыва, начали в них стрелять. 1-м Туркестанским батальоном был открыт огонь по мятежникам, которые после этого разбежались, не сдаваясь, однако, до утра следующего дня, пока в кре-

ность не прибыла артиллерия. Следствием по этому делу установлено, что революционеры усиленно возбуждали солдат своими речами не только ранее этого печального происшествия, но даже и в ночь самого восстания.

Означенный случай прежде всего произвел впечатление на железнодорожные батальоны, где, как сказано выше, почва была уже достаточно подготовлена ко всякого рода беспорядкам. Ненормальное вообще положение этих частей на службе среди массы рабочих, в которой революционная пропаганда не только прочно утвердилась, но и приобрела вполне организованную форму, имело самые вредные для этих батальонов последствия. Кроме того, проявилось полное бездействие, даже попустительство и со стороны офицеров, служба которых проходит также при особенных условиях. Часть офицеров бригады командируется на дорогу для занятия должностей ревизоров, начальников станций, участков, службы пути, тяги и находится, поэтому, не при своих батальонах. Насколько железнодорожные части были деморализованы, можно судить из представления командовавшего 2-м корпусом начальнику края. Генерал-майор Коссаговский [150] доносил, что «железнодорожники—не войска, а рабочие команды в военной форме», и что «крайне неудовлетворительное состояние духа батальонов и упадок дисциплины, доходящий до полной распущенности, делают желательным расформирование этих воинских частей». В том же смысле докладывал о них начальник окружного штаба, инспектировавший батальоны в октябре сего года. В донесении своем командующему войсками округа, он заявляет, что упадок дисциплины в этих частях проявляется все с большей и большей интенсивностью и что виною этого преступного растления являлись командиры батальонов и весь офицерский состав.

В 1-м Закаспийском железнодорожном батальоне в ноябре 1905 г. беспорядки имели место во 2-й, 4-й и 6-й ротах и Казанжикской команде.

2-я рота (в Мерве) 16 ноября собралась, вместе с толпою, около казармы и дерзко требовала от командира выдать оружие, заявляя, что их могут ночью перерезать казаки, как это было в Ташкенте с резервистами. Успокоить толпу и нижних чинов ротный командир не сумел и решил выдать им более 100 винтовок. До 25 ноября нижние чины не выходили на работы и дозволили себе предъявить ротному командиру петицию, одним из пунктов которой было требование смены его же.

4-я рота (в Кизиль-Арвате) 17 ноября утром, собравшись на сходку, решила, в виде протеста по поводу происшедшего в Ташкенте, устранить офицеров от командования, не исполнять их приказаний, не отдавать чести и не титуловать. Постановление это было передано офицерам роты через выбранных из нижних чинов «делегатов». Несмотря на разъяснение взбунтовавшимся противозаконности их поведения, они остались при

своем решении и лишь 19 ноября постановили прекратить забастовку, сообщив об этом офицерам через тех же «делегатов».

6-я рота (в Иолотане), получив 16 ноября приказание от забастовочного комитета не передавать по телеграфу никаких депеш без подписи «военных делегатов», выбрала таковых и довела об этом до сведения командующего ротою, а затем самовольно разобрала винтовки, с целью оказать вооруженное сопротивление.

Казанжикская команда 17 ноября не явилась на работу и, по получении телеграммы о бунте в Ташкенте, объявила начальнику команды, что устраивает сходку, совместно с вольнонаемными служащими на железной дороге, для выражения своего негодования по поводу ташкентских событий. Кроме того, нижние чины предложили начальнику команды устраниться от исполнения его обязанностей и не мешать их действиям.

Судебное следствие о беспорядках в этих ротах и команде до настоящего времени не закончено.

Волнение во 2-м Закаспийском железнодорожном батальоне выразилось в том, что 16 ноября нижние чины, находившиеся в гор. Самарканде, подали командиру батальона подполковнику Угрюмову петицию об изменении порядка службы всех русских войск вообще и в частности относившегося к быту батальона. Требования эти были приняты и рассматривались подполковником Угрюмовым при участии «делегатов» от солдат, которые, кроме того, просили выдать им винтовки и патроны для ожидавшейся борьбы с казаками и стрелками; последняя их просьба была удовлетворена командиром батальона, разрешившим также нижним чинам присутствовать на панихиде по убитым в Ташкенте бунтовщикам.

5-я рота (в Черняеве) собралась 19 ноября на сходку, пригласила ротного командира капитана Бута, предъявила ему ряд требований и постановление «убрать капитана Бута из роты», с немедленным удалением его из Черняева; капитан Бут на другой же день уехал в Самарканд.

Судебное следствие об офицерах и нижних чинах 2-го батальона до настоящего времени также не закончено, но подполковник Угрюмов от должности устранен и предан суду.

Восстание в Ташкентской крепости, встреченное сочувственно по всей железной дороге, внесло волнение и в крепость Кушку. 16 ноября в ней начались митинги с участием солдат; телеграф перешел в полную власть мятежников, а на собрании 18 ноября, где присутствовало до 200 нижних чинов, ораторы открыто призывали к свержению всех военных властей крепости и послали по линии железной дороги телеграмму с требованием «немедленного удаления бюрократа - коменданта и его сподвижников». 19 ноября генерал Прасолов объявил крепость в осадном положении, арестовал главных возмутителей и энергическими дей-

ствиями подавил революционную вспышку не только в крепости, но и по всей линии на Мерв и Чарджуй.

Происшедшее в Кушке стало быстро известным по всей бастовавшей дороге и вызвало со стороны офицеров железнодорожной бригады проявление полного непонимания своего долга. 22 ноября субалтерн-офицеры Подгурский, Борисоглебский, Кондратьев, Антоновский, Доброхотов, Костромин, Рыхлинский и Скорблина послали командирам всех рот 2-го железнодорожного батальона телеграмму с предложением просить командующего войсками округа принять меры против действий коменданта крепости, а двое—Бисеров и Власов—отправили офицерам следующую депешу: «присоединяемся к мужественному почину товарищей, просим защитить неправильно схваченных лиц на Кушке от грозящей им смерти». Никто из этих офицеров, однако, к ответственности до сего времени не привлечен, за исключением Бисерова и Власова, подвергнутых дисциплинарному взысканию.

Изложенные ноябрьские события, повидимому, сильно повлияли на туркестанские войска и отразились на последовавших возмущениях.

Нижние чины Туркестанской понтонной роты в Ходженте. с целью добиться смещения начальников и изменения существующих порядков службы, 25 декабря нанесли побои своему фельдфебелю и унтер-офицерам, а затем дерзко предъявили различные требования ротному командиру; когда же узнали о вызове стрелковой роты для подавления беспорядков, то разобрали винтовки, патроны и, сделав из окон казарм несколько выстрелов, разбрелись по городу. 28 декабря в Ходжент прибыл начальник инженеров округа, который и прекратил волнения. Затем до июня 1906 г. среди войск крупных беспорядков не было, но революционные агитаторы продолжали засыпать войсковые части преступными прокламациями, призывая их к вооруженной борьбе, в видах ниспровержения существующего государственного строя.

13 июня во 2-м Закаспийском стрелковом баталионе (в гор. Асхабаде) судом были приговорены к отдаче в дисциплинарный батальон три нижних чина. Солдаты, недовольные приговором, с целью заставить командира батальона отменить таковой, вооружились винтовками и, вызвав к себе командира, заявили ему, что они не дадут товарищей подвергнуть наказанию. Кроме того, бунтовщики предъявили тридцать пять требований, касавшихся улучшения быта и облегчения службы, назначив срок исполнения их к 15 июня. Когда же к указанному времени требования эти не были удовлетворены, то они удалили из батальона командира и офицеров, заменив их выбранными из своей среды нижними чинами. Мятежники сдались только 18 июня, после того как в Асхабаде собрался отряд достаточной силы для их усмирения.

15 же июня также в Асхабаде произошло восстание в роте 1-го железнодорожного батальона. Собравшись, в ожидании стрел-

ков 2-го батальона, рота вызвала к себе батальонного командира, которому предъявила требование о немедленном изменении некоторых положений службы, с заявлением, что нижние чины решили добиваться вместе с народом исполнения всех постановлений Государственной Думы. Командир батальона напомнил солдатам о тяжкой ответственности за незаконную подачу петиции, советовал отказаться от их домогательств, разъяснив, что войска не могут заниматься политическими вопросами; тем не менее, нижние чины продолжали настаивать на своих требованиях На следующий день, 16 июня, к роте приехал командовавший корпусом генерал-майор Коссаговский, чтобы вразумить и успокоить ее. Однако, рота продолжала держать себя столь же дерзко даже и в его присутствии, при чем один из рядовых дозволил себе сказать корпусному командиру, что солдаты порицают действия правительства и вообще начальства, которое признало нужным арестовать нижних чинов, пославших телеграмму председателю Государственной Думы, с просьбою об изменении условий военной службы и полной амнистии всем пострадавшим за политические убеждения. По отъезде генерала Коссаговского, который ничего не сумел сделать с бунтовщиками, к железнодорожной роте прибыли вызванные для восстановления порядка две роты 3-го стрелкового батальона, но они также примкнули к мятежникам и общей толпою двинулись к вокзалу, напевая революционные песни и выкрикивая: «бей офицеров», «бей вампиров». Вскоре затем к ним присоединились и две роты взбунтовавшегося 2-го стрелкового батальона. Окончательно беспорядки прекратились, как было сказано выше, лишь 18 июня, когда нижние чины выразили готовность принести раскаяние. Волнения в асхабадском гарнизоне коснулись и кушкинской полевой железнодорожной роты, находившейся тогда в лагере под Асхабадом, обслуживая ветку Ферюзинской дороги. 16 июня нижние чины, прекратив, по взаимному соглашению, несение своих обязанностей, силою расхватали ружья и, вопреки приказанию ротного командира, не расходились, угрозами заставляя его и офицеров удалиться. Вслед за тем бунтовщики составили сообща ряд незаконных требований, предъявили их командиру и решили прекратить беспорядок лишь при условии, чтобы против них не принимались репрессивные меры, на что и получили согласие.

Того же 16 июня нижние чины асхабадского артиллерийского склада, сговорившись итти на солдатский митинг 2-го стрелкового батальона, потребовали от начальников прекращения работы, что и было им разрешено.

Волнения в асхабадском гарнизоне передались также 1-й, 2-й, 4-й и 6-й батареям 2-й артиллерийской бригады, расположенным в лагере в восьми верстах от Асхабада. 17 июня нижние чины названных частей, желая воспрепятствовать выступлению из лагеря казачьей батареи, которая вызывалась в город

для подавления беспорядков, собрались в парке и уговаривали казаков не исполнять приказаний начальства. 18 июня после неожиданного ухода ночью казачьей батареи в Асхабад, означенные части выразили раскаяние.

3 июля в гор. Ташкенте, как указывалось уже выше, произошел бунт в Ташкентском и Закаспийском саперных батальонах. Нижние чины, вооружившись винтовками, двинулись к вокзалу железной дороги, чтобы силою освободить осужденных товарищей. Когда саперы приблизились к станции, то к ним присоединилась рота 2-го Закаспийского железнодорожного батальона, после чего они вместе двинулись к вокзалу, где были встречены вызванными для их усмирения войсками ташкентского гарнизона. Несмотря на предупреждение, что в случае дальнейшего движения в них будут стрелять, бунтовщики продолжали идти к станции, и первые открыли огонь против высланных частей гарнизона; затем бросились с криком «ура» к вокзалу и остановились лишь после того, как были встречены стрельбой из ружей и пулеметов. К вечеру саперы возвратились в свой лагерь и на другой день были обезоружены.

15 июля в Новом Маргелане нижние чины 5-й роты Андижанского резервного батальона, имея намерение освободить арестованных на гауптвахте унтер-офицеров, бросились, по заранее условленному сигналу, к баракам соседних рот, вызывая их идти на выручку товарищей, но последние присоединиться не пожелали. Тогда бунтовщики, самовольно разобрав ружья, произвели несколько выстрелов и удержались от дальнейших беспорядков только по прибытии командира батальона, пообещавшего им освободить арестованных.

16 июля в Красноводске нижние чины 1-го Закаспийского железнодорожного батальона, узнав о прибытии поезда с осужденными в каторжные работы за участие в ноябрьских беспорядках в Ташкентской крепости, решили силою освободить их и не допустить к отправке в Европейскую Россию. Разобрав самовольно ружья, они двинулись в сопровождении толпы рабочих к казармам резервного батальона, в надежде, что последний присоединится к ним, но, увидев батальон выстроившимся в полной боевой готовности, возвратились в свою роту и сдали оружие.

Ряд военных мятежей не мог не возбуждать энергии главарей революционного движения, и войсковые части продолжались засыпаться преступными прокламациями, в которых, между прочим, говорилось: «Солдаты и казаки, пришло время, когда каждый честный русский гражданин должен твердо и ясно сказать и доказать не деле — с кем он хочет идти: с народом или против народа. Правительство желает опереться только на вас, солдаты, и вашими руками оградить себя от справедливого народного гнева. Вы обязаны не повиноваться вашим начальникам, когда они требуют, чтобы вы стреляли в народ. Решайте же, това-

рищи солдаты и казаки, с кем вы хотите итти: с народом или против народа». На ряду с этим, офицеры и нижние чины тех частей, которые участвовали в прекращении беспорядков, стали подвергаться на улицах открытым оскорблениям и получать письменные предупреждения о состоявшихся приговорах революционных комитетов лишить жизни многих из начальствующих лиц. Особенно часты были случаи оскорбления солдат 1-го и 3-го Туркестанских стрелковых батальонов, проявивших доблестную твердость при подавлении мятежей в Ташкентской крепости на вокзале железной дороги.

Изложенные обстоятельства свидетельствуют о том, что революционное движение в Туркестанском крае, охватившее исключительно часть русского населения, было навеяно событиями, происходившими одновременно в Европейской России. Поддерживалось же это движение преступною пропагандою сравнительно незначительного кружка интеллигентных лиц, а также органами местной периодической печати. Хотя параллельно существовали и тайные организации, но агитационная их деятельность, без поддержки названных выше групп, не могла бы достигнуть столь крупных результатов. Между тем, несмотря на полное спокойствие коренного туземного населения, составляющего 96% в крае, преступная пропаганда глубоко проникла в среду железнодорожных рабочих и настолько развратила нижних чинов некоторых частей, что вызвала ряд военных мятежей.

Причина столь быстрых успехов революционной пропаганды в 1906 г. кроется прежде всего в бездействии и попустительстве бывшего начальника края генерал-лейтенанта Суботича. Имея по своей должности полную власть и возможность прекратить в самом зародыше всякое мятежное проявление, генерал Суботич не только не сделал этого, но своими суждениями и распоряжениями создал вокруг себя такую атмосферу, что лица самых крайних убеждений видели в нем своего покровителя и защитника. Уже при вступлении в управление краем, в своей речи, произнесенной на ташкентском вокзале, генерал Суботич, не будучи еще знаком с действительным положением края, определил программу своей предстоящей деятельности в духе и направлении крайнего либерализма. Выставляя себя поборником всякого проявления самодеятельности общественных сил, он в то же время оставался совершенно безучастным и спокойным зрителем, когда эта самодеятельность, выходя за пределы законности, вступала в границы грубого своеволия, разнузданности и даже анархии. За все время пребывания в крае генерал Суботич по собственной инициативе и собственною властью не принял решительно ни одной меры, которая была бы направлена к подавлению смуты и успокоению края. Наоборот, играя в либерализм и как бы стараясь заслужить широкую популярность в глазах так называемых «освободителей», он тем самым до крайних пределов стеснил и ограничил власть губер-

наторов, лишив их инициативы в борьбе с революционерами. Как на примеры подобного отношения можно указать на следующие факты: 1) военный губернатор Ферганской области просил об увольнении со службы отъявленного революционера ново-маргеланского городского архитектора Аксентовича. Генерал Суботич, хотя и выразил готовность дать на это свое согласие, но при условии, если поводом к удалению Аксентовича будут выставлены причины не политические, а общеслужебного характера; 2) приказом временно исполнявшего обязанности генерал-губернатора генерал-лейтенанта Сахарова учителя мужской и женской гимназии в гор. Самарканде Адрианов и Корчиц были уволены со службы за революционную пропаганду среди учащейся молодежи. Об удалении Корчица, между прочим, ходатайствовали родители воспитанниц, а также старшая надзирательница, все учительницы и классные дамы женской гимназии. Главный же инспектор училищ Туркестанского края дал о нем следующий отзыв: «Не может и не должен иметь места ни в одном учебном заведении». Тем не менее, генерал Суботич, по просьбе названных учителей, восстановил их в прежних служебных правах и своим отзывом на запрос министерства торговли и промышленности содействовал Корчицу в получении разрешения на открытие в гор. Коканде восьмиклассного частного коммерческого училища; 3) по распоряжению начальника Средне-Азиатской железной дороги генерал-майора Ульянина[151] 30 мая текущего года было объявлено о закрытии ташкентских мастерских и увольнении всех рабочих за произведенные ими беспорядки, закончившиеся наброскою мешка из-под угля на начальника мастерских инженера Шорохова. Рабочие сейчас бросились с жалобою к генералу Суботичу, который принял сторону бесчинствующих и в тот же день обратился к министру путей сообщения с ходатайством о немедленном открытии мастерских и принятии всех рабочих без исключения; 4) политические заключенные в ташкентской тюрьме пользовались полною свободою. Содержались они вместе с обще-уголовными арестантами, при чем, по распоряжению генерала Суботича, им было разрешено чтение газет и журналов за текущий год, доставлявшихся непосредственно в тюрьму, личные переговоры по телефону с должностными и частными лицами и общий собственный стол; 5) по требованию генерала Суботича, дело об убийстве 6 сентября 1906 года прокурора судебной палаты Шарыгина, по окончании предварительного следствия, было представлено ему утром 8-го числа. 12 сентября дело это было возвращено и. д. прокурора палаты с уведомлением, что генерал-лейтенант Суботич, за истечением 10 сентября срока действия положения об усиленной охране, не признает возможным собственною властью передать дело на рассмотрение военного суда и одновременно входит по этому поводу с представлением на высочайшее имя. Телеграмма военному министру об изъятии этого дела из ведения граждан-

ского суда была послана, однако, не 12, а 13 сентября и оканчивалась следующими словами: «Но обязываюсь доложить, что Бодрицкий (убийца) несовершеннолетен, имеет восемнадцать с половиною лет от роду и, по моему мнению, подлежал бы предварительному испытанию в состоянии умственных способностей». Между тем, в предварительном следствии решительно не было никаких указаний на психическое расстройство Бодрицкого и впоследствии военно-окружной суд присудил его к смертной казни через повешение, каковое наказание, согласно ходатайства суда, заменено генерал-лейтенантом Мациевским ссылкою в каторжные работы на двадцать лет.

Признавая в борьбе с революционной пропагандой единственно законным средством привлечение виновных к судебной ответственности, генерал Суботич в течение всего времени управления краем ни разу не воспользовался правами, предоставлявшимися ему положением об усиленной охране, и даже препятствовал подчиненным ему губернаторам в принятии мер административного характера, тогда как немедленный арест немногочисленных агитаторов, известных полиции и обществу, высылка их в определенную местность, как, например, форт Александровский, закрытие типографий и воспрещение митингов и собраний могли бы прекратить преступную пропаганду и водворить в крае необходимый порядок. Равным образом, начальник края мало обращал внимания на деятельность жандармской железнодорожной полиции, в ведении которой находится громадная полоса отчуждения, захватывающая все мастерские и железнодорожные депо. Территория эта требовала особо бдительного надзора, так как преступная пропаганда свила себе гнездо именно в среде железнодорожных служащих. Между тем, деятельность чинов жандармской полиции, за отсутствием внутренней агентуры даже между рабочими, проявлялась преимущественно в наружном наблюдении за порядком на станциях. Офицеры, за редким исключением, недостаточно были осведомлены о том, что происходило в мастерских и железнодорожных депо, и совсем не были посвящены в планы и намерения подпольных агитаторов. Начальники жандармских полицейских управлений, проживая один в Оренбурге, а другой в Асхабаде, точно так же не были ознакомлены с общим положением и не могли по этому поводу давать руководящих указаний. Ташкент же — центр революционеров — не имел и до сих пор не имеет такого жандармско-полицейского органа, который, будучи хорошо осведомлен о замыслах главарей движения, мог бы своевременно поставлять об этом в известность начальников отдельных районов и таким путем направлять и объединять розыскную их деятельность. Рассматривая затем действия генерала Суботича как командующего войсками в Туркестанском округе, приходится констатировать, что значение и авторитет его власти стояли в глазах воинских чинов слишком слабо. За все время его командования, войска могли лишь убеждаться, что

решительные меры свыше к совершенному подавлению восстаний и беспорядков отсутствовали, или были безрезультатны, ибо военные бунты повторялись один за другим в течение целого года. В некоторых же отдельных случаях взгляды генерала Суботича на службу и поведение воинских чинов могли даже подрывать уважение к его высокому званию. Так, например, когда рота 3-го Туркестанского стрелкового батальона, 1-я пулеметная рота и оренбургские казаки, с честью для войск округа, исполнили 3 июля возложенное на них поручение — остановить взбунтовавшихся саперов, при нападении последних на ташкентский вокзал, командир корпуса генерал-лейтенант Шпицберг[152] доложил командующему войсками о том, что их желательно было бы, в интересах службы, поблагодарить в приказе по округу или по корпусу. Генерал Суботич высказал, что это может привлечь внимание местного общества и потому едва ли удобно; на письменном же докладе положил следующую резолюцию: «Лучше бы объехать их генерал-лейтенанту Шпицбергу и благодарить на местах поротно». (Слово «поротно» в резолюции подчеркнуто.) Затем, незадолго до отъезда генерала Суботича из Ташкента в Петербург, произошел следующий факт. Общество офицеров 1-го Туркестанского стрелкового батальона и 2-й вьючной пулеметной роты получило сведения о готовящихся покушениях на жизнь командира батальона полковника Бердяева[153] и некоторых других лиц. Убийство прокурора Шарыгина и попытка привести в исполнение такое намерение относительно полковника Бердяева подтверждали достоверность этих сведений. А потому общество офицеров этого батальона, в видах самозащиты, постановило: в случае покушения на жизнь командира батальона или кого-либо из членов батальонной семьи — офицеров, нижних чинов и их семей, — употребить все меры, какие признает нужным к возмездию и к прекращению в будущем возможности всякого нарушения личной неприкосновенности кого-либо из своей среды. Общество офицеров предупреждало, что не остановится ни перед какими препятствиями и жертвами для наказания «руководителей», не будет входить в обсуждение степени виновности, возлагая вину одного на всех лиц, известных обществу офицеров, и свое решение приведет в исполнение без пощады и замедления. Об этом постановлении офицеры просили своего командира доложить командующему войсками округа. Генерал Суботич, приняв полковника Бердяева и двух офицеров батальона, высказал им, между прочим, что он считает честью для армии такое заявление офицеров и разрешил послать главарям революционных партий предупреждение, но в газетах не печатать. Помимо офицеров, постановление их, однако, проникло в печать и вызвало в газете «Туркестан» по этому поводу «открытое письмо к генералу Суботичу», в котором тенденциозно критиковался его поступок как генерал-губернатора и командующего войсками. 15 сентября и. д. начальника

окружного штаба генерал-майором Марковым [154], по приказанию генерала Суботича, были отправлены редакторам газет «Средне-Азиатская жизнь» и «Туркестан» официальные требования поместить, на основании 138 ст. Уст. ценз. печати, опровержение следующего содержания: «К командующему войсками округа депутация от офицеров не явилась, вопрос о самообороне (самозащите) предусмотрен нашим законодательством и не подлежит санкции, генерал-лейтенант Суботич не давал никому санкции на какие-либо противозаконные действия и давать их не мог». 17 сентября генерал Суботич при необычайной обстановке оставил Ташкент.

Туркестанский край, присоединенный к империи силою оружия и имеющий особое политическое значение, населен многомиллионным иноверным народом, который понимает значение власти только при условии, если она сильна. Масса туземцев осталась вне происшедших волнений, но полагаться на ее непоколебимую преданность России все-таки нельзя. Престиж России в Средней Азии стоит высоко; бывшие события, находившиеся в связи с действиями врагов нашего отечества и в других местностях империи, не поколебали русского могущества в Туркестане; тем не менее, он настоятельно нуждается в сильной и твердой власти, несколько ослабленной за последнее время, а также в поддержании военных сил округа на должной высоте, так как последние, главным образом, обеспечивают спокойствие в крае и на его внешних границах.

Генерал-адъютант Максимович.

Прибалтийский край.

РАПОРТЫ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА МЕЛЛЕР-ЗАКОМЕЛЬСКОГО.

1.

«Перешлите военному министру».

Приписка П. А. Столыпина «Собственною его величества рукою написано: «*Перешлите военному министру*». 4 декабря 1906 г. В Царском селе. Председатель Совета министров Столыпин».

Ваше императорское величество!

Пользуясь всемилостивейшим разрешением писать непосредственно вашему величеству, всеподданнейше доношу о положении края, [155] как оно представляется мне после месячного пребывания, за время которого я, по возможности, ознакомился с общим положением дел, побывав также в Митаве, Либаве, Ревеле, Виндаве, Усть-Двинске, Вольмаре и других менее значительных пунктах.

Вообще, в крае заметно успокоение. Со времени моего приезда не было ни одного случая убийства кого-либо из администрации, войск или землевладельцев. Между жителями бывают случаи убийств; на-днях убили одного пастора (латыша) недалеко от гор. Риги, но его убийцы были на другой же день обнаружены и схвачены. Но это наружное спокойствие в большой мере обязано военному положению, полевым судам и присутствию в крае довольно значительного числа войск и, в особенности, кавалерии. Рига с ее уездом, как все большие города, является, конечно, одним из центров революционного движения. Полицеймейстер Нилендер (эстонец) очень смелый и энергичный человек, и под его умелым руководством полиция начала работать молодецки. За последнее время арестовано много революционеров, убийц и грабителей, тайных типографий, складов бомб, оружия, патронов. Более опасным пунктом является Либава. Полиция в Либаве слаба и качеством и количеством, скопление массы неблагонадежных элементов, рабочих портовых и фабричных, эмигрантов, жидов, матросов береговых команд и отряда минных крейсеров. Даже такой лихой офицер, как начальник этого отряда капитан I ранга Эссен [156] (бывший командир «Новика» и «Севастополя») не может, по совести, вполне поручиться за своих матросов.

Наконец, и крепостная артиллерия, саперы и минеры не вполне надежны. Комендант крепости генерал-лейтенант Васильев [157] не соответствует своему важному, ответственному посту. Он постоянно пререкается с гражданскими властями, непомерно требователен к полиции, в то же время отказывая ей в содействии войск, груб, резок, но энергией не обладает и вообще человек отживший. Я просил о смене его военного министра и писал министру внутренних дел. При таком начальнике вряд ли можно рассчитывать на скорое водворение порядка в Либаве. В крепости Усть-Двинск при коменданте генерал-майоре Петровиче [158] царила полная распущенность среди гарнизона, едва не окончившаяся явным бунтом артиллеристов, сапер и минеров, и только тогда был сменен комендант, хотя о необходимости его удаления писал много ранее мой предместник генерал-лейтенант Соллогуб и военному министру, и командующему войсками виленского военного округа. С назначением в Усть-Двинск комендантом генерал-майора Рогоза [159] водворился полный порядок. Признаю необходимым заменить генерал-лейтенанта Васильева в Либаве, в виду особой важности этого пункта, генералом не по старшинству кандидатского списка, свежим, энергичным, какими, например, представляются мне генералы Рогоза и Вендт, начальник сообщений Виленского военного округа, к тому же знакомым уже с местными условиями. Вполне надежным элементом в крае является немецкое население, не говоря уже о дворянстве, все его классы, не исключая учащих и учащихся. К сожалению, нельзя того же сказать о всех других народностях. Из русских, латышей и эстонцев большинство учащихся, многие из учащих,

интеллигенции и лиц либеральных профессий, рабочих, безземельных крестьян явно или тайно сочувствуют революции и крайним левым партиям. Евреи, как и везде, крайне ненадежный и вредный элемент. Для возможно полного успокоения края весьма желательно скорейшее введение реформы внутреннего строя, земского самоуправления и увеличение числа крестьян-собственников. Виденные мною войска, как пехота, так и драгуны и казаки (2-й очереди), несмотря на тяжелую службу, караулы, патрули, наряды в помощь полиции, конвои, разъезды, имеют бодрый и молодцоватый вид. По заявлению начальников частей, эта ответственная служба, нередко сопряженная с опасностью, много способствовала развитию в нижних чинах находчивости, сообразительности, самостоятельности и решимости в нужных случаях пускать в ход оружие. Случаи, чтобы арестованные, весьма склонные к побегам, ушли живыми,— весьма редки. Число частей, расположенных в крае, довольно значительно. Но численный их состав, особенно в пехоте, весьма слаб. За выделением из рот разных команд — учебной, при штабе полка, учителей молодых солдат и проч.—для несения службы, до постановки новобранцев в строй, остается не более 25 — 30 человек. Но в общем число войск достаточно для немедленного подавления всяких беспорядков. Учебный унтер-офицерский батальон в гор. Риге выдается своим прекрасным видом. Недавно сформированная полицейская стража имеет хороший воинский вид, но прескверно вооружена — старыми берданками и негодными револьверами. Революционеры и разбойники имеют карабины и пистолеты Маузера и другие новейшего образца. Вооружение сторон слишком неравное. Необходимо вооружить всех урядников и стражников, конных и пеших, 3-линейной драгунской винтовкой и револьвером Нагана. Употреблю все усилия к скорейшему прекращению смуты.

Вашего императорского величества верноподданный
А. Меллер-Закомельский.

2 декабря 1906 г.
Гор. Рига.

2.

Ваше императорское величество!

Приношу всеподданнейшую благодарность вашему величеству за всемилостивейшее разрешение съездить за границу, повидаться с дочерью, которая, несмотря на мои убеждения, пожелала вернуться со мной в Россию.

Невольно опасаюсь за нее, вспоминая о бедной искалеченной дочери Столыпина. [160]

Счастлив был, находясь далеко, мало знать и слышать о преступной деятельности Думы, большинство которой оказалось недостойным оценить благие и великодушные намерения ваши

на пользу и величие нашей бедной России. Сегодня мы все радуемся, что вы соизволили положить этому конец. [161]

Возвратившись, я нашел положение в крае несколько ухудшившимся, благодаря, главным образом, революционной деятельности Думы: возобновились убийства и грабежи, одно время прекратившиеся. Особенно тревожно настроение землевладельцев и лойяльных крестьян-собственников в Курляндии; в короткое время убиты граф Кейзерлинг и два дворохозяина. В Дондангенской волости помощником уездного начальника Адольфи захвачена целая революционная организация, оружие, переписка и снаряжение для бомбы: первый случай нахождения их в сельской местности, прежде их находили только в городах. В числе бумаг найден проскрипционный список лицам, осужденным к смерти революционерами, и во главе этого списка стояли граф Кейзерлинг и дворохозяева, уже убитые.

Приезжавший ко мне курляндский губернатор, предводитель дворянства князь Ливен [162] довольно тревожно смотрит на будущее.

Как известно вашему величеству, революционеры энергично и настойчиво ведут пропаганду в войсках, поняв, что, пока войска останутся верны своему долгу, они бессильны сделать что-либо серьезное. К сожалению, эта подпольная упорная работа не встречает везде достаточно энергичного и разумного противодействия. Не малое зло составляет недостаток офицеров в частях, а некоторые из них, и даже из начальников частей, не стоят на высоте своего трудного положения.

Сознавая важное значение армии в настоящее смутное время, не могу не сожалеть, что стою несколько далеко от нее. По имеющимся сведениям, пропаганда в войсках имеет некоторый успех в Либаве.

Считаю долгом свидетельствовать перед вашим величеством о самоотверженной службе чинов рижской городской, лифляндской и курляндской уездных полиций. Много из них уже поплатилось жизнью за честное исполнение долга, но это не останавливает остальных от несения их тяжелой, опасной службы. Нельзя не проникнуться полным уважением к таким отважным, смелым людям, как рижский полицеймейстер Нилендер, многие из приставов, чины уездной полиции, барон Раден, два брата фон-Бредрих, Адольфи и др. Между нижними чинами попадаются просто герои. Недавно городовой рижской полиции, сам вызвавшийся задержать опасного грабителя, несмотря на серьезную рану, преследует ранившего его злодея, пока не падает обессиленный. Слава богу, не перевелись еще в России храбрые и преданные долгу люди.

Вашего императорского величества до конца жизни преданный верноподданный

А. Меллер-Закомельский.

3 июня 1907 г.
Гор. Рига.

3.

Ваше императорское величество!

Отъезжая на некоторое время с милостивого соизволения вашего величества из вверенного мне края, имею счастье доложить, что утверждение порядка и спокойствия в крае сделало заметные успехи. Общественной безопасности больше, чем, может [?], во всей остальной России, не говоря уже о Кавказе и Царстве Польском, где по сие время злоумышленники безнаказанно убивают солдат и чинов полиции. Грабежи и убийства стали у нас столь редким явлением, так [?] что недавнее убийство околоточного в Митаве произвело впечатление чего-то, от чего начали отвыкать, но и тут один из двух убийц был застрелен на месте, а другой будет разыскан. За последнее время не было случая обращения к содействию войск. Мною были возвращены в постоянные места квартирования последние батальоны войск Виленского военного округа, и в крае остались только постоянно квартировавшие полки: 20-го армейского корпуса в гор. Риге и Курляндии, 24-й пехотной дивизии в Лифляндии и 23-й в Эстляндии, все на своих постоянных местах, кроме двух рот, занимающих печальной памяти гор. Тукум.[163] Из кавалерии я нахожу необходимым оставление четырех полков, 24 эскадронов, вместо бывших еще недавно 41 эскадрона и сотен. 2-й лейб-уланский Курляндский, 3-й уланский Смоленский и 3-й гусарский Елизаветградский находятся тут в полном составе и, сверх того, еще 9 эскадронов и сотен шести различных полков. Признаю безусловно необходимым, в видах пользы службы, заменить эти 9 разрозненных частей одним цельным полком, но встречаю к тому препятствия со стороны командующего войсками Виленского округа. Весьма желательно оставление в крае нескольких кавалерийских полков на постоянное квартирование. Города Рига, Митава, Либава и другие изъявляют готовность построить казармы для кавалерии. Водворению и поддержанию порядка и безопасности, главным образом, способствовали военное положение, военные суды, в особенности рижский, председатель которого генерал-майор Кошелев[164] отличается редкой твердостью убеждений и характера, а также энергические и разумные действия местной полиции, в особенности рижской городской и уездной курляндской. Бывший до последнего времени самым беспокойным местом, гор. Либава приведен также в полный порядок назначенным мною полицеймейстером корпуса жандармов подполковником Подушкиным,[165] человеком редкой энергии и способностей к полицейскому делу. За последнее время во всей русской печати, с редким единодушием, как в патриотической, так и жидовской, поднялась усиленная травля немцев вообще и прибалтийских в особенности. Председатель Совета министров П. А. Столыпин препроводил мне статью в «Окраинах России» какого-то корреспондента из гор. Газенпота,

рекомендующего заменить в крае всю полицию и чиновников всех ведомств русскими, раздать казенные земли в Курляндии русским и т. п., при чем предлагает мне принять соответствующие в этом направлении меры. Я ответил председателю Совета министров, что не нахожу возможным принимать какие-либо подобные меры до получения точных указаний высшего правительства. По этому поводу осмеливаюсь доложить вашему величеству, что прибалтийская уездная полиция, в особенности курляндская и лифляндская, по своим служебным и нравственным качествам выше таковой в остальной России. Уездные начальники и их помощники почти все из бывших офицеров или местных дворян; нельзя их сравнивать с большинством исправников и становых; подкуп и взятки не существуют. Для чинов полиции необходимо знание латышского или эстонского языка, поэтому очень много урядников и стражников из латышей, эстонцев и литовцев и немало этих инородцев убито и изувечено злоумышленниками при самоотверженном исполнении служебного долга. Конечно, никакой инородец не может служить вам и России с такою любовью и верностью как истинно-русский не по одной фамилии, но и с русской душой. Поэтому инородцы могут быть нежелательны на высших ответственных постах, но на средних и низших они безвредны и даже полезны своим знанием местности, языка и нравов населения. Раздача казенных земель русским переселенцам не принесла бы им пользы, так как вряд ли они сумели бы приспособиться к интенсивной, единственно возможной в крае, культуре, и раздражила бы латышское население, сильно нуждающееся в земле. Все революционное движение в крае было, в сущности, аграрное: истребить или изгнать немцев и завладеть их землями. Масса крестьянского населения, конечно, мало интересовалась образованием каких-то латышских и эстонских республик. Представляется желательным не только все свободные казенные земли в крае уступить местным крестьянам, но и облегчить им возможность приобретать земли в других местностях империи, например, в губерниях Царства Польского у майоратных владельцев. Мою памятную записку по этому вопросу ваше величество соизволили оставить у себя. Образование всякого рода обществ и союзов разрешено законом, и закрытие таковых допускается только при явно обнаруженной вредной или преступной их деятельности, а потому нет оснований и возможности препятствовать образованию и немецких союзов. За последние годы у всех народностей заметно сильное пробуждение национального чувства и желание сохранить свою народность, свой язык. С образованием могущественной Германской империи это чувство усилилось и у немцев. В давние времена много немцев, попадавших в Россию, становились чисто русскими; мой прапрадед, генерал-фельдцейхместер и генерал-аншеф при императрице Екатерине II, был лютеранин, а два его внука, генерал-адъютанты императора Александра I, уже

были православными. В настоящее время вряд ли немец сделается русским, но и до настоящего времени они всегда были верноподданными вашего величества и оскорблять их излишним недоверием вряд ли желательно. Что касается русского населения края, верней, его интеллигентного класса, многих чиновников всех ведомств, учителей и рабочих, поведение их в смутное время было весьма прискорбным. Вместо того, чтобы встать на защиту угрожаемой целости русского государства, все это участвовало в революционных митингах и собраниях, вступало в союзы и блоки с социал-революционерами — латышами и жидами. Достоверно установлено, что за избранных от гор. Риги депутатов в Государственную Думу, Озоля [166] и Предкальна [167], было подано немало русских и чиновничьих голосов.

Пароходы Добровольного флота, [168] занимающиеся перевозкой эмигрантов из Либавы в Америку, имеют весьма неблагонадежный в политическом отношении личный состав не только команды, но и офицеров, о чем я сообщал морскому министру и контрадмиралу Нидермиллеру. [169] Установлено, что контрабандный ввоз оружия и вывоз из Либавы беспаспортных и государственных преступников производился преимущественно пароходами русского торгового флота вообще и Восточно-Азиатского общества и Добровольного флота в особенности (пароходы «Корея», «Саратов» и «Москва»). Против всего этого приняты некоторые меры.

Беспредельно преданный вашему императорскому величеству
верноподданный
А. Меллер-Закомельский.

22 февраля 1908 г.
Гор. Рига.

4.

Ваше императорское величество!

17 апреля я возвратился в гор. Ригу из всемилостивейше разрешенного мне отпуска, пробыв несколько лишних дней в дороге из-за поломки автомобиля. Имею счастье всеподданнейше донести вашему величеству, что за все время моего отсутствия в вверенном мне крае не совершено ни одного преступления, имеющего какую-либо политическую революционную окраску. Вообще в Прибалтийском крае полное спокойствие. Не смею утверждать, чтобы это означало окончательное успокоение. Революционеры продолжают свою подпольную работу, образуя революционные комитеты, существование которых обыкновенно непродолжительно, благодаря успешной деятельности начальника охранного отделения корпуса жандармов подполковника Балабина. [170] Забастовка в день 1 мая н. ст., несмотря на появившиеся к этому дню прокламации, о которых давно не было слышно, не удалась. В Риге не работало в этот день около 10 тыс. рабочих из общего числа их около 100 тыс. В Либаве все работали, не было и тени

забастовки, что я приписываю выдающимся способностям и энергии полицеймейстера корпуса жандармов подполковника Подушкина, в сравнительно короткое время сделавшего неузнаваемым это, недавно еще революционное гнездо. Из пехотных частей в крае остались только постоянно квартирующие полки Петербургского и Виленского военных округов. Из кавалерийских частей, которых еще недавно было 42 эскадрона и сотни, остается в настоящее время только 18 эскадронов, 2-й уланский Лейб-курляндский, 3-й гусарский Елизаветградский и 8-й уланский Смоленский полки, в полном составе. Полки эти считаются в командировке, так как, по нормальной дислокации войск, кавалерии в крае не полагается, и до 1905 г. не было ни одного эскадрона. Представляется весьма желательным оставление в крае трех или двух полков на постоянное квартирование на случай повторения все еще возможных беспорядков, для быстрого подавления которых кавалерия незаменима. При разрешении этого вопроса в желательном смысле, казармы для этих полков будут построены частными предпринимателями, например, гор. Рига и другими [?]. Городские и уездные полиции привыкли справляться без помощи войск, которых давно не тревожили, но, несмотря на полное наружное спокойствие и безопасность, состоятельное благонамеренное население все еще с тревогой относится к возможности снятия военного положения, упразднению генерал-губернаторства и ухода всей кавалерии.

Осмеливаюсь всеподданнейше принести вам поздравление с днем тезоименитства ее императорского величества государыни императрицы.

Вашего императорского величества глубоко преданный верноподданный

А. Меллер-Закомельский.

23 апреля 1908 г.
Гор. Рига.

Финляндия.

ДОКЛАДЫ ФИНЛЯНДСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА.

1.

Его императорскому величеству
финляндского генерал-губернатора

рапорт.

Всеподданнейше повергаю пред вашим императорским величеством нижеследующее мое донесение о бывшей в Финляндии общей забастовке и сопровождавших ее событиях.

Толчок к политической забастовке был дан тем движением, которое происходило в империи в первой половине октября сего

года. [171] Это движение в Финляндии встретило сочувствие, главным образом, среди двух групп населения: рабочих и политиканствующей интеллигенции, связанной с революционными партиями в империи. Рабочие, организовавшиеся по всей Финляндии в союзы, за последнее время заметно поддались агитации крайних социалистов, особенно в виду того, что последний Сейм отказался от рассмотрения пропозиции вашего величества об изменении закона об избирательном праве в смысле приближения к всеобщему и равному голосованию. С другой стороны, революционные элементы и партия конституционалистов задумали воспользоваться беспорядками в империи с целью добиться не только уступок со стороны правительства, но и низложения стоящей в крае у власти партии старофинноманов.

Сведения о серьезных размерах забастовки в империи и слухи о предстоящем даровании ей либеральной конституции, свободы слова, союзов и собраний — побудили обе эти партии решиться на активные действия, для чего они решили соединиться с рабочими корпорациями, обещая последним в Сейме поддержку их желаний.

Первыми предвестниками движения явились депутации и ряд телеграмм, посланных разными кружками к служащим на петербургском участке финляндских казенных железных дорог с требованием примкнуть к общеимперской забастовке.

Для предотвращения сего вечером 15 октября были командированы в Выборг два директора железнодорожного управления, тем не менее 16-го вечером толпа народа задержала отходящий в Петербург почтовый поезд, а ночью забастовка распространилась и на Карельскую линию.

К 1 часу дня 17 октября были созваны рабочие сходки во всех городах Финляндии, на которых было постановлено созвать общую сходку в Гельсингфорсе в 2 часа дня 18 октября, в целях установления дальнейших агрессивных мер, в зависимости от степени удачи забастовки по всему краю. Решение забастовать было принято единогласно. Такое решение произвело сильное впечатление, в виду чего возбуждение и без того взволнованного населения достигло крайнего напряжения.

Этим обстоятельством революционеры и конституционалисты решили воспользоваться для осуществления своих намерений на следующий день, 18 октября.

Между тем, в 2 часа ночи на 18 октября я в телеграммах Российского телеграфного агентства прочел об издании высочайшего вашего императорского величества манифеста от 17 октября о расширении прав Думы, ответственности перед ней правительственных органов и расширении избирательного права, вместе с дарованием свободы печати, собраний и союзов, т. е. манифест удовлетворял именно тем требованиям, которые выставлялись рабочими и конституционалистами. Предвидя, что отсутствие в манифесте, который уже на следующее утро получит общую извест-

ность, указаний на предоставление подобных же прав финскому народу вызовет при современном состоянии края острое брожение, я решил созвать на следующее утро Сенат[172] для обсуждения сего вопроса и, хотя официально и не получал еще текста манифеста, но не сомневался в том, что права, всемилостивейше дарованные сим манифестом всему русскому населению, могут быть распространены и на великое княжество Финляндское.

С утра 18 октября началась полная забастовка. Кроме забастовавших еще накануне железных дорог и фабрик, в течение дня забастовали: трамвай, извозчики, телефон, газовое и электрическое освещение, торгово-промышленные заведения, магазины, лавки, * учебные заведения, даже большинство правительственных учреждений. Единодушие забастовки объясняется тем, что агитаторы стали усиленно распространять слух, что высочайший манифест от 17 октября не есть милостивое дарование вашим императорским величеством прав своим верноподданным, а лишь государственный акт, к изданию которого правительство было вынуждено забастовщиками, и что всеобщая забастовка заставит правительство и в Финляндии сделать такие же уступки. Доверие к распространяемому агитаторами слуху оказало несомненное влияние на принятые во время дальнейших сходок решения добиться осуществления всех политических требований минувшего Сейма, тем более, что таковые не только не превышали дарованных населению империи прав, но даже оказывались далеко ими превзойденными.

В 11 часов утра агитаторы явились в императорский Финляндский Сенат и заявили сенаторам, чтобы они немедленно прекратили свои занятия и безотлагательно подали в отставку, о чем мне и доложил явившийся ко мне вице-председатель хозяйственного департамента Стренг.[173] Так как к этому времени забастовали и экспедиции императорского финляндского Сената, то я поручил сенатору Стренгу собрать Сенат в генерал-губернаторском доме к трем часам дня. Кроме того, так как для меня было очевидно, что высочайший манифест от 17 октября, устанавливающий начало ответственности правительственных органов перед народным представительством, неминуемо вызовет перемены в составе Сената, не пользовавшегося доверием большинства земских чинов минувшего сейма, я пригласил к себе вице-канцлера Александровского университета Даниельсона[174] и ректора барона Вреде,[175] двух наиболее ярких представителей старофинноманской и конституционной партии, для совещания о положении дел. Прибывшие ко мне гг. Даниельсон и Вреде обещали посетить меня вечером снова совместно с наиболее влиятельными из своих сторонников, с которыми они считали необходимым предварительно посоветоваться.

---

* За исключением торгующих съестными припасами. (Примечание в подлиннике.)

К двум часам дня на площади перед железной дорогой собралась многочисленная толпа, а затем в доме пожарного общества собрались представители конституционной партии вместе с представителями от рабочих.

В 3 часа дня я открыл в своем доме общее собрание департаментов Сената и, по прочтении телеграммы с текстом высочайшего манифеста от 17 октября, предложил Сенату обсудить вопрос о тех ходатайствах, кои надлежало возбудить в целях согласования широких гражданских и политических прав, дарованных вашим императорским величеством 17 октября всем вашим верноподданным, с особенностями правового положения Финляндии и желаниями ее населения, и вместе с сим выработать подлежащее всеподданнейшее представление.

Между тем, состоявшаяся на железнодорожной площади сходка приняла, под влиянием крайних революционеров, ряд резолюций противоправительственного характера, после чего толпа совершенно неожиданно двинулась к Сенату. Проходя мимо полицейского управления, толпа заняла его и, обезоружив полицейских, предоставила рабочим корпорациям организовать собственную стражу.

Одновременно забастовала почти вся полиция (до 90%), * о чем и сообщила полицеймейстеру через особую депутацию.

В виду упомянутых событий городские уполномоченные, собравшиеся в заседание, выразили свое сочувствие забастовкам и поручили магистрату сформировать для охраны города особую стражу.

Узнав, что сенаторы, по моему приглашению, заседают у меня, толпа двинулась к моему дому, имея с собою большие красные флаги с финляндским гербом. Все это произошло в несколько минут; некоторые из толпы предложили подняться на крышу моего дома и заменить поднятый на нем российский флаг одним из принесенных толпою флагов, но попытка эта не была приведена в исполнение. Флаги с финляндским гербом были подняты на станции железных дорог, магистрате, сенате, университете, сеймовом доме, статс-архиве, финляндском банке, рыцарском доме.

Как только мне стало известно о приближении толпы, штабу корпуса было сообщено, что может немедленно возникнуть надобность в войсках, а затем и губернатором была послана записка, чтобы войска были в полной готовности. Между тем, толпа, дойдя уже до 15 тысяч человек, совершенно преградила возможность сообщения с моим домом. Начальник финляндского жандармского управления, [176] узнав о таковом положении вещей, дал об этом знать командиру корпуса. [177] Последний, как потом ока-

---

* На сенатской площади полицейские чины разоружились, сняли форму и при кликах «Элякен» присоединились к забастовщикам. (Примечание в подлиннике.)

залось, направил в находящиеся недалеко от моего дома гвардейские казармы полусотню казаков, которая, якобы, должна была поступить в мое распоряжение, а между тем я об этом не был даже извещен военным начальством, не потрудившимся установить со мною связи, несмотря на последовавшие сообщения о серьезности положения; в виду чего, в течение последующих трех часов, когда толпа начала угрожать насилием, представитель вашего императорского величества находился в совершенно беспомощном и изолированном положении, в доме, находящемся однако не более 10 минут ходьбы от мест расквартирования большинства частей гарнизона.

Выделившаяся из толпы депутация, состоявшая, как оказалось, из крайних революционеров, потребовала прекращения заседания Сената и моего выхода к ней. После настоятельного требования, по ходатайству губернатора, я принял ее в комнате, соседней с залом заседания. Депутация эта заявила, что она уполномочена народом требовать выхода в отставку всего Сената и моего выезда из края. На мое указание депутации, что таковой отъезд генерал-губернатора, представителя вашего императорского величества из края, равносилен объявлению военного положения, последовал ответ: «да, это война, но только без оружия», после чего депутация требовала допуска к сенаторам.

Не обратив внимания на мое запрещение и мой протест, она все-таки ворвалась в зал заседания, чему, за отсутствием вооруженной силы, я воспрепятствовать не мог. Сенаторам депутацией было предъявлено требование о немедленной их отставке.

В это время прибыла другая депутация от лица многочисленного соединенного собрания конституционалистов и рабочих. * Депутация эта требовала безотлагательного удовлетворения большой петиции, немедленной отставки моей, министра статс-секретаря[178] великого княжества Финляндского, и сенаторов, предания местному суду уже осужденного военным судом Прокопе, ** увольнения финских членов из состава комиссии действительного тайного советника Таганцева[180] и немедленного созыва чрезвычайного сейма для рассмотрения двух вопросов: об урегулировании бюджета и о всеобщей, равной и прямой подаче голосов, с преобразованием управления краем на демократических началах, при ответственном перед Сеймом правительстве и с установлением свободы печати, собраний, союзов и личной неприкосновенности. Я ответил депутации, что, в виду издания всемилостивейшего манифеста от 17 октября, Сенат как раз занят обсуждением тех вопросов, которые служат предметом их требований, почему их приход ко мне только мешает окончанию начатой работы.

---

* Гг. Бонсдорф, Ионас Кастрен, Свинхувуд, Георгий Шауман, Ренваль, барон Котен, капитан Фразер и г-жа Текля Хультин. (Примечание в подлиннике.)

** Убийца жандармского подполковника Крамаренко.[179] (Примечание в подлиннике.)

Затем, когда я вновь открыл заседание Сената, эта депутация просила меня вызвать одного из сенаторов из заседания. К ней вышел сенатор Вуоренхеймо,[181] и она просила его убедить Сенат немедленно подать в отставку и о своем решении сообщить собравшейся толпе, в целях ее успокоения. Так как тем временем в заседании были рассмотрены все главнейшие вопросы, я передал председательствование вице-председателю, сенатору Стренгу, а сам спустился в нижний этаж своего дома, дабы, приняв доклады находившихся там лиц, лучше выяснить обстановку. Между тем, как оказалось, сенатор Вуоренхеймо вернулся в заседание и уговорил сенаторов немедленно привести в исполнение уже ранее принятое ими решение выйти в отставку, о чем сейчас же объявить народу. Без моего ведома, сенаторы открыли двери на балкон, выходящий на улицу, и сообщили толпе о подаче ими в отставку. Раздалось громкое «Элякен», и с пением патриотических песен толпа стала расходиться. Сенат же, по моему настоянию, продолжал заседание у меня в доме до двух часов ночи.

Скоро после ухода толпы ко мне явились гг. Вреде и Даниельсон с приглашенными ими представителями конституционалистов, гг. Мехелин и Гротенфельт, и представителями старофинноманов, гг. Доннер, Гебхарг и Брандер. Обменявшись с ними мнениями о современном положении Финляндии и сообщив о работе Сената, я просил их и с своей стороны указать на те меры, которые, по их авторитетному мнению, могли бы послужить к успокоению страны и к распространению на нее тех начал, которые манифестом 17 октября были всемилостивейше обещаны всем вашего императорского величества верноподданным. Свою работу эти господа мне обещали принести на следующий день.

Затем я принял меры к возможному выяснению происшедших событий и осведомился о положении телеграфного сообщения, которое, как оказалось, одно только работало исправно и в этот день оставалось вне сферы влияния забастовщиков.

Из всего состава гельсингфорсской полиции остались верными своему долгу только три обер-констабля и семнадцать констаблей. Из них была сформирована особая команда под начальством моего чиновника для особых поручений Дидрихса,[182] и ею охранялся внутри все время мой дом и дом, где помещались моя канцелярия и квартиры большинства русских служащих. Среди вышеупомянутых чинов полиции считаю долгом особо отметить обер-констабля Тимберга, который в этот день, несмотря на толпу, все время простоял на улице пред дверью моего дома. Полицеймейстер же подполковник ав-Энегельм оказался в невозможности нести свою службу, при чем за все время дневных происшествий не сделал ни одной попытки к удержанию своей власти.

Как только курьеру удалось выйти из дому, мною был вызван взвод казаков для посылок и пехотный внутренний караул для охраны.

Весь город был погружен во мрак, улицы были сравнительно пусты. Обе стражи, как организованная из рабочих корпораций и присвоившая себе затем громкое имя «национальной гвардии», так и стража, образованная муниципалитетом, с фонарями в руках, поддерживали порядок. [183]

Так прошел первый и самый знаменательный день общей забастовки.

Утром 19 октября мною был приглашен командир 22-го армейского корпуса с его начальником штаба, которых я ознакомил с положением дела, после чего предложил им следующие вопросы: первый — могу ли я рассчитывать, что гарнизон Гельсингфорса справится с мятежным населением города, имея в виду, что в движении участвуют, кроме прочих, 20 000 организованных рабочих. На это начальник штаба генерал Преженцев [184] ответил, что перед толпою в 20 тыс., да еще частью вооруженной, гарнизон по малочисленности своей может только отступить, и что элементы, которыми за последнее время усилили численность гарнизона, не только не увеличили его действительную силу, но даже ослабили ее. Второй — могу ли я заменить забаставшую полицию полицейской службой войск, на что как корпусным командиром, так и его начальником штаба было признано, что замена полиции и патрулирование города войсками также непосильны относительно слабому гарнизону, который может быть только усилен своею же частью, стоящей в Тюсьбю и состоящей всего из двух батарей и одной роты стрелков. Выслушав категорические заявления о бессилии войск оказать мне активное содействие к подавлению крамольного движения, а также имея в виду, что с забастовкой полиции я не могу быть уверен в своей осведомленности, я пришел к убеждению, что при возможности агрессивных действий толпы не буду в состоянии гарантировать неприкосновенность мирного населения, почему должен избрать способ действий без расчета на содействие местного гарнизона. Придя к такому заключению, заявил командиру корпуса, что надеюсь получить содействие отряда судов Балтийского флота, который уж раз был послан лично вашим величеством в Гельсингфорс на случай возникновения там беспорядков, и что, в виду того, что в Гельсингфорсе нет, собственно, русских учреждений, кроме моей канцелярии, жандармского управления, государственного банка, казначейства и помещений, занятых самими войсками, то, при бессилии гарнизона действовать активно и возможности нападения на самые войска, разбросанные в городе малыми единицами, я, для упрощения задачи войск, признаю необходимым перенести свою канцелярию в Свеаборгский порт (Свеаборгский порт находится в самом городе Гельсингфорсе, в местности, называемой Скатуден). Таким образом исчезнет необходимость охранять генерал-губернаторский дом и канцелярию, касса же казначейства, государственного банка, равно как и жандармское управление, могут быть перенесены в кре-

пость Свеаборг. Следовательно, главная задача войск будет заключаться в охране самих себя. При этом надо иметь в виду, что так как железные дороги находятся в руках забастовщиков, что массовый привоз оружия в крае установлен фактами и что в крае имеется до 400 офицеров и несколько тысяч нижних чинов всего четыре года тому назад расформированных финских войск, возможно появление в городе вооруженных частей, почему, в случае действительного появления таковых в тылу войск, по мнению моему, надо войскам сосредоточиться в одном месте, которое было бы в связи с крепостью, и такое место именно и есть порт на Скатудене, снабженный перевозочными средствами. Такое действие необходимо еще и потому, что если город будет занят мятежниками, то нужно иметь развязанные руки, чтобы ставить мятежникам условия и, в случае их непринятия, действовать по городу с эскадры. Если же войска останутся разбросанными по казармам и будут там окружены, то эскадра и крепость не будут в состоянии им оказать немедленную помощь, боясь поражать с мятежниками и своих. Не опровергая ни одного из моих доводов, генералы барон Зальца и Преженцев заявили о невозможности для войск сосредоточиться на Скатудене, так как в казармах хранятся неприкосновенные запасы, которые они бросить не могут, и, наконец, их могут упрекнуть в трусости. На это я возразил, что они не хотят по приведенным доводам оставить казармы, а между тем могут быть вынуждены оставить их в каждую минуту по желанию любого забастовщика, который прервет водопровод, и что если действительно будет мятеж, то за испорченные казармы и неприкосновенный запас страна заплатит.

Из подробного изложения моих переговоров ясно, что опираться на войска, расположенные в крае, мне уже не представлялось возможным, тем более, что гарнизоны всеобщей забастовкой были совершенно друг от друга разобщены и что войсковые начальники не предпринимали ничего, чтобы восстановить с ними связь. После этого я обратился телеграммой к главному командиру в Кронштадт [185] с просьбой о присылке в Гельсингфорс отряда броненосцев.

В виду отказа военных властей поддерживать порядок рассылкой патрулей по городу и забастовки полиции, я немедленно по уходе командира корпуса вызвал бургомистра [186] и заявил ему, что не прибегну к участию войск по несению полицейской службы и согласен на поддержание порядка городской добровольной стражею, но с тем непременным условием, чтобы она была объединена под одним начальством и находилась в постоянной связи с губернатором и со мною. Бургомистром были к тому немедленно же приняты меры, но, так как обе стражи не согласились подчиниться общему начальнику, начальник муниципальной стражи отказался от несения своих обязанностей, и последняя вскоре перестала действовать. Зато отставной капитан Кок, [187] начальник

стражи, организовавшейся из рабочих корпораций, изъявил полную готовность поддержать связь с магистратом, губернатором и мною, и не могу не отдать должной справедливости этому энергичному человеку, — он блестяще при помощи своей стражи, так называемой «национальной гвардии», сумел поддержать порядок, принимая все мною и губернатором даваемые указания к руководству.

Поднятые на разных зданиях красные флаги с финляндским гербом этой стражей были немедленно убраны, и за все время забастовки в городе Гельсингфорсе не было ни одного случая проявления какого-либо насилия или беспорядка, что при событиях такого рода является большой редкостью. По отношению к русским жителям эта стража проявила изысканную предупредительность и сделала все возможное для их безопасности. Все питейные заведения были ее распоряжением закрыты, в ресторанах же в известные часы разрешалось подавать завтрак и обед, но без крепких напитков. Зато, когда в русском офицерском собрании не хватило запасов пива, капитан Кок не только допустил продажу необходимого количества из складов пивоваренного завода, но даже, за забастовкой извозчиков, распорядился присылкой его на подводе.

После полудня ко мне явился профессор Даниельсон с некоторыми единомышленниками и заявил, что он, согласно данному мне обещанию, сделал все возможное для выработки совместно с конституционалистами программы мероприятий по успокоению края и применению к нему начал высочайшего манифеста 17 октября, но что он и его друзья старофинноманской партии увидали полную невозможность совместной работы с конституционалистами. Вместе с тем он, как от своего имени, так и от имени своих друзей, высказал суждение, что, по их убеждению, в настоящее время одна только партия конституционалистов имеет возможность внести успокоение в крае, так как она в общественном мнении края пользуется наибольшим доверием, и, кроме того, само применение провозглашенного высочайшим манифестом 17 октября начала ответственности правительственных органов пред народным представительством вызывает необходимость призыва этой партии к работе в Сенате, так как эта партия представляет несомненное большинство Сейма.

Затем ко мне явилась депутация от студентов, социал-демократов, и в очень корректной форме заявила, что она очень сожалеет, что г-н Мерне и другие лица накануне ворвались в мой дом, уверяя, что [они] депутаты от народа, в то время как никто их не уполномочивал. Вместе с тем депутация ознакомила меня с требованиями организованных рабочих-социалистов. Требования эти сводились к следующему:

Предоставление свободы слова, печати, собраний и союзов и созыв учредительного собрания на основании равной, всеобщей подачи голосов для разработки новой формы правления Финляндии.

После этого ко мне явилась депутация от союза рабочих в лице председателя и вице-председателя союза и капитана Кока. Разговор мой с этой депутацией длился около двух часов, при чем я старался выяснить истинные желания рабочих. Они оказались тождественными с высказанными мне студентами-социалистами. Тогда я постарался выяснить рабочим, что их желания законно невыполнимы, что созыв учредительного собрания, помимо Сейма, есть государственный переворот, что ваше императорское величество не может отступить от утвержденного вашим величеством, с согласия земских чинов, основного сеймового закона. Такое действие не могло бы не вызвать недовольства среди огромного большинства сельского населения, строго придерживающегося законности, и привело бы к нареканиям на рабочих. С другой стороны, я разъяснил рабочим, что, раз только им будет предоставлено право всеобщего и равного голосования, они на равных правах с остальным населением войдут в состав Сейма и на самом законном основании, не насилуя чужого права, могут добиваться осуществления своих желаний, и что с точки зрения практической политики такая тактика для их же целей наиболее выгодна. Из ответов депутатов я вынес впечатление, что наиболее спокойные элементы организованных рабочих будут удовлетворены созывом Сейма и предоставлением последнему выработать новую форму правления, но с непременным условием обязательного включения в предложение Сейму начала всеобщей и равной подачи голосов.

Затем депутация высказала мне свое сожаление по поводу впечатления, произведенного стачкой на некоторых русских, главным образом военных, полагавших, что стачка направлена именно против них. Стачку эту устроили они, рабочие; конституционалисты же и некоторые революционные элементы только к ним примкнули. Рабочие не имеют и не могут иметь каких-либо сепаратистических тенденций. Раз в России признано равное и всеобщее голосование, и раз всему народу предоставлено полное самоопределение, наиболее тесное сближение с коренной Россией может лишь послужить к упрочению мира и тишины и совместной дружной работы, к достижению всеобщего благополучия.

После ухода представителей рабочего союза ко мне вновь пришел г. Даниельсон со своими сторонниками — старофинноманами и сообщил, что, по их мнению, можно будет согласиться на созыв учредительного собрания, которого требуют рабочие, путем высочайшего предложения Сейму о созыве такого собрания и законной передачи Сеймом своих полномочий собранию.

Я не счел нужным останавливаться на этих соображениях, так как вообще не мог ходатайствовать о созыве учредительного собрания, а тем более о составлении подобного высочайшего предложения, которое к тому же рисковало не быть принятым конституционным большинством Сейма и в таком случае значительно лишь обострило бы отношения Сейма с партией рабочих

Вечером ко мне явился г. Мехелин со своей программой, которая мною и была представлена вашему императорскому величеству через министра статс-секретаря, вместе со всеподданнейшим ходатайством Сената. В эту программу он полагал включить отмену русского языка в делопроизводстве Сената и особый рескрипт о скорейшем замещении местными уроженцами должностей, занятых уроженцами империи, но мною ему было указано на все неудобство этих вставок, и он от них отказался.

Ознакомившись, таким образом, со взглядами разных партий и убедившись в невозможности составить смешанный Сенат и смешанную политическую программу, я решился на представление вашему величеству программы конституционалистов и согласился на составление ими списков Сената, так как эта партия, как выше было упомянуто, представляла собою большинство Сейма, пользовалась в крае наибольшим доверием, и сами старофинноманы, в лице своих наиболее выдающихся представителей, заявили, что они уступают ей свое место, в уверенности, что эта партия лучше сумеет удовлетворить желания населения, при чем даже умеренные из организованных рабочих помирились бы с этой партией в виду включения ею в свою программу начала общего и равного права голоса. Хотя г. Мехелин и его друзья еще недавно были признаны политически опасными и даже были высланы из пределов Финляндии, но я решился все же остановиться на них, так как они одни могли внести удовлетворение, и к тому же новые начала, провозглашенные во всемилостивейшем манифесте вашего величества, отнимали у деятельности означенных лиц противоправительственный ее характер, и сами эти лица публично заявили о своей полной лойяльности. В действительности же означенные лица являются по существу наиболее консервативными элементами в крае, и, по моему глубокому убеждению, их силою и авторитетом в настоящее время следует воспользоваться, с целью затормозить слишком быстро несущиеся передовые течения социалистов и демократов. В настоящее время, когда старофинноманы перешли на сторону демократов, — созыву учредительного собрания в Финляндии могут воспрепятствовать либо русские штыки, но лишь в значительно большем количестве против теперешнего, либо объединенные в лице конституционального Сената авторитетные консервативные элементы края. Между тем, само собой разумеется, что созыв учредительного собрания, нарушающий всякую преемственную связь в историческом развитии Финляндии, при мирном сельском населении, чтущем свои традиционные обычаи и законы, был бы большим бедствием, не говоря о тех роковых последствиях, которые он имел бы для империи, где революционные элементы, конечно, не упустили бы случая воспользоваться такими примерами и еще с большей настойчивостью стали бы требовать созыва такого же собрания в России. Эти веские причины и привели меня к решению вечером 19 октября остановиться на программе г. Мехелина и поручить ему составить

список будущего Сената, который мною затем был передан министру статс-секретарю для представления вашему величеству.

Вечером в тот же день в Гельсингфорс через Або прибыл камергер Стояновский [188] на лоцманском пароходе. Так как он следовал курьером к вашему императорскому величеству, то мною был задержан крейсер «Азия» для дальнейшего его следования.

Воспользовавшись тем, что камергер Стояновский, по его заявлению, отправлялся непосредственно к вашему императорскому величеству, я ознакомил его вкратце с положением дела. Не имея сведений о том, что камергер Стояновский имел счастье доложить вашему величеству, я, однако, не могу умолчать о появлении в периодической печати корреспонденций, составленных на основании рассказов Стояновского и настолько расходившихся с истиной, что вынудили даже несколько официальных опровержений.

20 октября ко мне опять явился ряд депутаций от разных кружков и партий, обещая сделать все от них зависящее для предупреждения беспорядков, которые бы вынудили необходимость действия войск. То же самое обещали посетившие меня в тот же день г. Даниельсон, бургомистр Гартман и капитан Кок, при чем, однако, все трое считали положение крайне серьезным, так как агитаторы, прибывшие на локомотиве из Таммерфорса, сообщили о мобилизации и вооружении рабочих разных городов для направления их поездами в Гельсингфорс.

В виду сего и дабы войска не подвергались врасплох нападению по частям, я повторил командиру корпуса совет приготовиться к сосредоточению всего Гельсингфорского гарнизона на Скатудене. Как и ранее, предложение это не встретило, однако, сочувствия. Так как прибытие поездов с рабочими могло произойти неожиданно, и первой целью их движения, очевидно, явился бы опять дом, в котором жил представитель власти в крае, я решил свое пребывание на следующий день перенести в управление порта на Скатудене и туда же перенести свою канцелярию и управление губернатора, чем освобождал войска от обязанности охранять меня, губернатора, и мою канцелярию и предупреждал возможность повторения событий 18 октября. На Скатуденском же полуострове даже самые большие толпы народа не могли бы окружить меня и отрезать от сообщения с военными властями и крепостью. Кроме того, порт был соединен военным телефоном со Свеаборгской крепостью, где была телеграфная станция, единственная, действия которой забастовщики не могли бы остановить, что было особенно важно, так как накануне забастовщики явились в находящуюся рядом с моим домом городскую станцию телеграфа и заявили, что разрешают ей работать при условии контроля всех проходящих через нее телеграмм. Признав неудобным лично быть в зависимости от добровольной стражи капитана Кока, несмотря на данные заверения, я одновременно сделал распоряжение о перенесении цен-

ностей государственного банка и казначейства в Свеаборг, куда накануне переехал весь наличный состав жандармов во главе с генералом Фрейбергом.

Тогда же поручил и. д. главного директора финляндских казенных железных дорог церемониймейстеру графу Бергу[189] сделать, по обстоятельствам, все возможные попытки к предотвращению прибытия поездов с вооруженными рабочими. При помощи гельсингфорской добровольной стражи, по ее собственному заявлению, возможно было надеяться поддержать порядок в городе, если не прибудет чужой беспокойный элемент из других городов Финляндии, где, как, например, в Таммерфорсе, имелось до 40 000 рабочих.

На железных дорогах тем временем образовался свой особый забастовочный комитет, который подчинился общему финляндскому забастовочному комитету. Как оказалось, в первый день в него были выбраны интеллигентные конституционалисты, но уже на следующий — их всех заставили уйти, и были выбраны простые рабочие-социалисты. Этот комитет явился в управление железных дорог, потребовал немедленного прекращения занятий и заявил, что железнодорожная забастовка не кончится, пока не будет удален ряд служащих, которые им были неугодны. С этого момента всякая работа управления прекратилась, и железные дороги оказались в руках комитета, который никого не допускал на вокзал, а сам не был в состоянии справиться с сложным для него механизмом отправления поездов для надобностей стачечного комитета и потому обратился за содействием к директорам управления. Этим воспользовался и. д. главного директора. Собрав заседание правления 20 октября вечером в моем доме, он обрисовал директорам серьезность положения, указал им, что от них зависит предотвратить возможное кровопролитие, и поручил употребить все свое влияние к тому, чтобы войти в связь с стачечным комитетом и через него предотвратить прибытие в Гельсингфорс поездов с рабочими. Должен отдать справедливость директорам, что эту задачу они исполнили с большим тактом и умением; они добились того, что стачечный железнодорожный комитет циркулярно по всем дорогам сделал распоряжение, чтобы никакие поезда не отправлялись без телеграфного распоряжения, подписанного одним из настоящих директоров. Давая разрешение на отправку поездов для следования членов стачечного комитета из одного города в другой, они заявили, что не дадут разрешения на отправку поездов с рабочими, и хотя целый большой поезд с крайне беспокойными элементами уже готовился к отбытию из Або в Гельсингфорс, стачечный комитет заявил по телеграфу в Або, что, в случае выхода поезда, полотно дороги будет испорчено, благодаря чему удалось этот поезд задержать, и дальнейших попыток в этом направлении ни в Або, ни в других городах после этого сделано не было.

Таким образом, за невозможностью захватить железные дороги в свои руки при помощи войск, все-таки удалось предотвратить массовый привоз революционных элементов путем непосредственного воздействия на стачечный комитет.

В 8 часов вечера с директором лоцманского и маячного ведомства генерал-майором Шеманом[190] на яхте «Элекеен» мною было отправлено к министру статс-секретарю великого княжества Финляндского для доклада вашему императорскому величеству всеподданнейшее ходатайство Сената о распространении на Финляндию основных начал, провозглашенных всемилостивейшим манифестом 17 октября.

На следующий день должен был праздноваться день восшествия на престол вашего императорского величества, в виду чего я призвал капитана Кока и предложил ему озаботиться, чтобы на всех правительственных зданиях на следующее утро подняты были русские флаги, и чтобы были приняты меры к ограждению порядка во время следования войск к церковному параду.

С утра 21 числа приказания эти были в точности исполнены; по городу расклеены были объявления, предупреждающие жителей об имеющемся состояться параде и артиллерийском салюте по случаю высокоторжественного дня. По пути следования в собор порядок везде был образцовый, а на тротуарах была масса публики, при чем капитан Кок просил у корпусного командира извинения за то, что Торговую площадь, по которой проходили войсковые части, не успели еще вымыть после утреннего базара.

По окончании торжественного молебствия и церковного парада я поехал в управление порта, куда пригласил и все находившееся в соборе военное начальство. На совете в порту, изложив снова обстоятельства современного положения, я указал на возможность всяких случайностей и, следовательно, необходимость принять меры к тому, чтобы не быть отрезанными от порта и крепости, войти в сношение с разбросанными гарнизонами в стране и остановить тыловое движение по железным дорогам, где это будет возможно. С приходом же эскадры, которую я с часу на час ожидаю и на успокоительное воздействие которой рассчитываю, все же надо иметь в виду, на случай действий, необходимость сосредоточить сухопутные войска в одном месте, чтобы дать возможность эскадре принять участие в общих действиях без риска поражать своих.

По окончании заседания, согласно принятому накануне решению, я остался в управлении порта, куда к этому времени переехал нюландский губернатор и была перенесена моя канцелярия.

В 5 часов дня на рейд Гельсингфорса прибыла эскадра, в составе броненосцев «Александра II», «Славы» и крейсера «Память Азова» под начальством капитана 1 ранга Цывинского.[191]

Из бесед моих с должностными лицами и многими жителями Гельсингфорса легко было заметить то сильное впечатление, которое произвел на местное население приход эскадры. Явилась уверенность, что с приходом этой военной силы вряд ли может произойти вооруженный мятеж и нападение на сухопутный гарнизон.

Около 8 часов вечера я приехал на флагманский броненосец «Александр II», куда вызвал коменданта Свеаборгской крепости [192] для совместного совещания с начальником отряда и тут же вручил коменданту известную сумму денег для нужд переехавших в Свеаборг русских семей, главным образом жандармских.

Во время совещания моего на броненосце «Александр II» с комендантом крепости и начальником отряда судов, было передано командиром порта генерал-майором Клеопиным, [193] что им в 8 часов получено письмо от барона Зальца следующего содержания: «С часу на час ожидается нападение на войска. Прошу вытребовать две роты из Свеаборга, сообщить на эскадру с просьбой осветить город и приготовить десант. Гвардейские финские казармы мною приказано очистить. Предполагаю действовать в окрестностях нюландских и абоских казарм. Вам посылаю в порт четыре орудия. Пришлите паровой катер к нюландским казармам».

Не имея возможности войти в оценку сведений и обстоятельств, которыми руководствовался корпусный командир к принятию упомянутых мер, так как он не счел даже нужным меня о сем уведомить, я, тем не менее, просил начальника отряда немедленно осветить город прожекторами, а коменданта крепости — выслать просимые роты. Между тем, распоряжение барона Зальца заставило командира порта снять станцию беспроволочного телеграфа, находящуюся при его доме в другой части города, при помощи которого возможно было сообщение с Ревелем, а при содействии одного из судов эскадры — и непосредственно с Кронштадтом. То же распоряжение около 10 часов стало известно в городе и породило страшную панику в русских семьях, последствия которой с большим трудом были предотвращены состоящими при мне для особых поручений чиновниками. По моему приказанию, еще 19 октября были составлены списки всем семьям русских служащих, для предоставления им возможности переехать в крепость Свеаборг в случае действительной опасности. Выждав окончание инцидента, вызванного действиями корпусного командира, и приказав связать броненосный корабль «Слава» телефонами с портом и крепостью, я переехал в 1 час ночи на этот корабль, где по распоряжению начальника отряда мне и моей семье было предоставлено помещение. Брейд-вымпеля, присвоенного должности генерал-губернатора, не поднимал, так как на корабле имел лишь ночлег, а остальное время находился в порту. Утром 22 октября к стоящей на рейде эскадре присоединился крейсер «Адмирал

Корнилов». Проверив обстоятельства, которые послужили основанием к ночной тревоге, мне стало известным, что главным поводом были слухи о прибытии в город по железной дороге членов стачечного комитета, и хотя, как было вышеупомянуто, с ним состоялось соглашение о неотправлении поездов с иногородними рабочими без согласия одного из правительственных директоров, но такое соглашение могло каждый час измениться, почему, после переговоров с магистратом, я счел нужным еще раз письменно обратиться к командиру корпуса с запросом — заняты ли войсками железнодорожные узловые станции, а в виду ночного страха, охватившего и часть иностранной колонии, — просил о командировании в каждое консульство военных постов для успокоения консулов. Нюландским же губернатором [194] было заготовлено успокоительное объявление к русскому населению, которое к 4 часам дня удалось напечатать в типографии финляндской газеты, при помощи одного не забастовавшего наборщика, и распространить через оставшихся при мне чинов полиции. От забастовочного комитета было также распространено объявление, успокаивающее русских обывателей.

В тот же день к и. д. главного директора финляндских казенных железных дорог явилась депутация от железнодорожного стачечного комитета с ходатайством о возобновлении выдачи служащим жалования, выдача которого была прервана в самом начале забастовки. Этим обстоятельством граф Берг воспользовался, чтобы водворить в управление тех служащих, увольнения которых первоначально потребовал комитет. Явившись в заседание стачечного комитета, он объявил, что охотно исполнит эту просьбу, в случае, если они дадут обещание признать всех служащих управления и предоставят последним возможность приступить к исполнению своих обязанностей. Обещание это было дано, и все служащие в управлении, не исключая тех, кто силой был вначале удален, получили возможность вернуться к своим занятиям, хотя общая забастовка еще не кончилась.

В шестом часу пополудни генерал-майором Шеманом были доставлены мне от министра статс-секретаря Линдера высочайшие вашего императорского величества манифест от того же 22 октября и грамота о созыве чрезвычайного Сейма.

«Элекеен» пристал у городской пристани и, за неимением извозчиков, генерал-майор Шеман пешком пришел в управление порта. За ним немедленно образовалась большая толпа, ожидавшая его приезда. Неизвестно, кем было доложено начальнику отряда в порту, что идет толпа силою в один батальон, вооруженная ружьями. Была пробита тревога, артиллерия выехала вперед, и взвод казаков поскакал навстречу толпе. В это время я со своим адъютантом гулял на улице, ведущей в управление порта, и во-время успел остановить несущихся вперед казаков, благодаря чему и было избегнуто столкновение, которое при абсолютной темноте на улицах могло бы иметь серьезные последствия.

Немедленно по получении высочайшего манифеста я разослал приглашения сенаторам и всем лицам разных партий, бывших у меня в эти дни, явиться для ознакомления с манифестом на броненосец «Слава», и в торжественном заседании в присутствии начальника отряда и командиров судов, бывших в парадной форме, прочел собравшимся всемилостивейший манифест вашего императорского величества. Но вместе с этим заявил им, что этот манифест не может быть объявлен в крае, охваченном беспорядками, в городе, где толпа может совершить насилие над Сенатом. На это мне сенаторы заявили, что они на следующее утро тайно соберутся в частном доме, где и заслушают манифест; напечатание же его произведут при помощи двух вольных наборщиков из частной типографии. Такое предложение меня крайне удивило, и я, конечно, отвергнул его. Знаменательно, что лица, составлявшие правительство последних лет, признавали возможным в тайном заседании заслушать и объявить волю вашего величества, а бывший сенатор Л. Мехелин восстал против такого порядка и сказал, что манифест вашего величества не может быть заслушан иначе, как в торжественном общем собрании императорского Сената.

Так как бургомистр объявил мне, что он сейчас не может ручаться за поддержание порядка в случае общего собрания Сената, то я объявил, что официально передам манифест в Сенат лишь тогда, когда будет полная гарантия сохранения в городе порядка.

В четвертом часу ночи ко мне явились представители рабочих. Ознакомившись с текстом манифеста, они заявили, что, вероятно, не согласятся на прекращение забастовки, так как рабочие желают созыва учредительного собрания. Вместе с тем они мне представили список лиц, которые, по их выбору, должны были бы получить от высочайшей власти санкцию на управление краем впредь до созыва учредительного собрания. В списках этого, так ими именуемого, «временного правительства», избранного приблизительно по числу сенаторов, значились лица всех партий. Несмотря на мои убеждения о невозможности в настоящее время представить на усмотрение вашего величества такой список для назначения новых сенаторов и необходимости прекращения политической забастовки, рабочие стояли на своем. Тогда я предложил им пригласить ко мне нескольких из перечисленных в списке лиц и решил попытаться воздействовать на рабочих через лиц, ими же выбранных и пользующихся их доверием.

В эту же ночь были изготовлены магистратом литографированные листки с воззванием о прекращении забастовки и о возвращении к порядку, а утром они были расклеены и распространены по городу.

К двум часам дня 23 октября опять состоялось большое собрание на Железнодорожной площади. Резолюция, предложенная забастовочным комитетом на усмотрение собрания, заключа-

лась в предложении отложить разрешение вопроса — продолжать или не продолжать забастовку — до следующего дня, по выяснении результата совещания, назначенного мною на тот же вечер с лицами, выбранными рабочими в кандидаты «временного правительства».

С утра еще комитетом забастовщиков были разосланы телеграммы в разные города Финляндии, вызывающие этих лиц приехать с экстренными поездами в Гельсингфорс, и в тот же вечерко мне явились наиболее крайние элементы из числа кандидатов на «временное правительство», вместе с издателем газеты «Гельсингин Саномат», передовым младофинноманом и бывшим издателем подпольной газеты «Вапайта Лехтия», Эро Эрке. Разговор мой с этой депутацией длился более трех часов. Мною приложены были все усилия к разъяснению положения дела и его значения для Финляндии, так как я чувствовал, что от этой беседы будет зависеть вопрос об опубликовании, при подобающих условиях, на следующий день всемилостивейшего манифеста вашего императорского величества и прекращении всеобщей забастовки.

Я спросил депутатов, удовлетворены ли их желания высочайшим манифестом, на что они мне ответили, что рабочие им не могут удовлетвориться. Манифест объявляет о созыве Сейма для разработки новой формы правления, между тем рабочие не доверяют Сейму. Более 20 лет они обращались к Сейму о предоставлении им права голоса, но напрасно. Конституционалисты им неоднократно обещали свою поддержку при выработке формы представительства и каждый раз обманывали их. У них не имеется никаких гарантий, что представители привилегированных сословий Сейма одобрят однопалатную камеру, избираемую на основании равной и всеобщей подачи голосов. Но теперь они не дадут себя обманывать. Они требуют немедленного созыва учредительного собрания помимо Сейма, в противном случае они будут продолжать борьбу до крайности, не прекратят забастовки и чувствуют в себе достаточно силы, чтобы достигнуть победы, лишь бы генерал-губернатор обещал не вмешиваться в их партийную борьбу.

Высказав им все то, что мною ранее было сказано депутации рабочего союза, я добавил, что дальнейшая забастовка явилась бы протестом против самого манифеста и была бы весьма опасна как им самим, так и всем. Пока стачка имела целью заявление желания свободы слова, печати, союзов и собраний, восстановление прежнего порядка, о котором единогласно ходатайствовали земские чины, право голоса рабочим, равноправность и другие современные идеалы, — все партии, весь финляндский народ сочувствовал забастовке и безропотно нес тягости и убытки, которые она ему причинила. Но когда все это манифестом дано и забастовка продолжается, симпатии народа несомненно резко изменятся в отношении партии рабочих. Продолжение же забастовки при этих условиях может вызвать и другие нежела-

тельные последствия. Порядок до сего времени сохранялся образцовый, но это положение, особенно с увеличением нужды, может измениться. Разного рода люди легко могут воспользоваться забастовкой для всяких бесчинств и грабежей, и тогда придется прибегнуть к вмешательству вооруженной силы. Если же по этой причине беспорядки разовьются, начнутся насилия над мирными жителями, которых местными силами нельзя будет прекратить, то через двадцать минут артиллерийского огня с эскадры город превратится в кладбище. Желают ли они взять на себя ответственность за ту кровь, которая, в случае продолжения забастовки, весьма возможно, потечет, ибо я ни в коем случае не допущу насилий? Когда основными законами края установлено, что воля народа выражается законным Сеймом, от государя императора нельзя ожидать незаконного созыва учредительного собрания. Воля его величества ясно выражена в манифесте, и раз этот манифест его величеством подписан, он никоим образом не может быть изменен, и никакие стачки не заставят меня ходатайствовать о подобных изменениях. При таких условиях продолжать забастовку было бы, по моему мнению, безумно. Раз высочайшим манифестом провозглашен принцип равного и всеобщего права голоса, — рабочие в свое время войдут в Сейм и законно проведут там свои желания; что же касается кандидатов в так называемое «временное правительство», то их можно пригласить в ту предсеймовую комиссию при Сенате, которая будет вырабатывать проект нового закона.

Мои слова неожиданно для меня самого возымели действие: встал Эро Эрке и, обращаясь к своим товарищам, заявил, что он поражен и радуется тому, до какой степени генерал-губернатор хорошо понял положение края и взаимное отношение партий, и, в свою очередь, стал убеждать лиц, оказавших ему доверие, прекратить стачку.

Весьма характерно, что не успела эта депутация уйти, как ко мне явился отставной капитан Фразер, принадлежащий к партии конституционалистов и член той депутации, которая в первый день беспорядков требовала моей отставки. Он, от имени своей партии, просил разрешения сочленов ее, под предводительством офицеров л.-гв. 3-го Финского стрелкового батальона, вооружиться ружьями, обуздать рабочих и заставить их прекратить забастовку. Разрешения на это я, конечно, не дал, указав Фразеру, что функции войск никому передаваемы быть не могут, и посоветовал успокоить членов конституционной партии, так как у меня есть основание надеяться, что с наступающим днем забастовка кончится, и порядок не будет нарушен без всякого содействия его партии.

С утра 24 октября начали открываться магазины, заработала электрическая станция и некоторые другие промышленные заведения.

В 11 часов утра в порт явился в парадной форме референдарий-секретарь Сената и доложил мне, что Сенат собрался на торже-

ственное заседание и ждет получения манифеста. Я передал манифест референдарий-секретарю, который, в сопровождении моего чиновника особых поручений Дидрихса, подъехал к парадному подъезду Сената, перед которым собралась огромная толпа. Немедленно по заслушании манифеста официальные издания его на местных языках были розданы народу.

Радостная весть разнеслась по городу и была по телефону передана по всему краю. Собравшийся на Сенатской площади народ выслушал с непокрытыми головами русский национальный гимн, а на ступени трона в Сенате были возложены цветы. Ко мне явились депутации, выражавшие благодарность от разных слоев населения и политических групп, просившие повергнуть свои верноподданнические чувства перед вашим императорским величеством. Те же чувства я был счастлив засвидетельствовать перед вашим величеством от имени императорского финляндского Сената. При наступлении сумерек была зажжена иллюминация. Не было во всем городе окна, перед которым не горели бы свечи.

Организованные рабочие не нарушили общего настроения. Сходка их приняла, согласно предложенной мною формуле, резолюцию, в которой было сказано, что хотя не все желания рабочих удовлетворены, но для общего блага они соглашаются на уступки и прекращают забастовку.

На следующий день капитан Кок и его добровольная стража сложили с себя свои обязанности и передали их законному полицеймейстеру.

Так кончилась шестидневная всеобщая забастовка.

Не могу не засвидетельствовать перед вашим императорским величеством о преданной долгу деятельности в описанные тяжелые дни директора моей канцелярии Зейна, [195] нюландского губернатора Львовского, чиновников особых поручений: Шабельского, Дидрихса и в д. церемонийместера графа Берга, из которых последний одновременно исполнял должность главного директора финляндских казенных железных дорог и помощника делопроизводителя графа Кронгельма.

Со дня проявленного уличной толпой насилия в моем доме над Сенатом, военная власть, как было вышеупомянуто, не оказала мне никакого содействия, чем в последующие дни невольно заставила прибегнуть к содействию местных политических партий для поддержания порядка. За это время я на опыте убедился, что общий порядок не только в городе, но и во всей стране может быть восстановлен при умелых действиях и без участия войск, одной только силой и престижем верховной власти, так как верность ей финского народа наглядно подтверждалась в эти тяжелые дни.

Все происшедшее движение было направлено не против монарха и России, а лишь против строя последних шести лет, обещанного к отмене в прочитанной при открытии последнего Сейма речи

вашего императорского величества и окончательно отмененного вашим императорским величеством 22 октября. Между тем, большинство русских служащих людей Финляндии, пережившие в ней годы борьбы, отожествляли ненависть к себе и своим делам с ненавистью, будто бы, к государю и России и стали громко кричать о мятеже финляндцев и необходимости залить всю Финляндию кровью. Окруженный этими лицами и встречая пассивное сопротивление со стороны военных властей, недовольных уничтожением при моем назначении военного округа, я нашел поддержку лишь в немногих. Большинство корреспонденций в телеграфные агентства и русскую прессу были полны инсинуаций и заготовлялись не без участия служащих у меня лиц. Отчасти этим обстоятельством я только и мог себе объяснить, что в самый момент зажжения иллюминации в Гельсингфорсе и полного ликования на пути умиротворения края, с Свеаборгской крепости раздался первый пушечный выстрел, извещавший приближавшемуся пароходу о вступлении крепости на военное положение, объявленное не в установленном законом порядке и даже без моего ведома. Подобные действия военных властей и явное нарушение вверенных мне законом ответственных прав не имели роковых последствий лишь благодаря удачно сложившимся обстоятельствам.

Публично оскорбленный перед всеми военными и гражданскими властями вверенного моему управлению края сомнением августейшего главнокомандующего в верности моей долгу и присяге вашему величеству, я, очевидно, не мог больше с пользой нести службу, почему и был вынужден ходатайствовать перед вашим императорским величеством о замене меня другим лицом. Ныне единственным утешением себе поставляю возможность доложить вашему величеству, что успокоение последнего волнения Финляндии произошло без пролития крови, при полном сохранении достоинства верховной власти и без изменения положения великого княжества в составе Российской державы.

Оставляю свой пост с высочайшего вашего императорского величества соизволения с сознанием свято исполненного долга перед вами, всемилостивейший государь, и Россией.

Финляндский генерал-губернатор
князь Иван Оболенский.

13 ноября 1905 г.
Гор. С.-Петербург.

2.

В ночь на 18 июля 1906 г. в крепости Свеаборг нижние чины расположенных в крепости минных рот и крепостной артиллерии подняли мятеж, [196] к которому утром 18 июля присоединились некоторые нижние чины расположенной на полуострове Скатуденс в гор. Гельсингфорсе свеаборгской флотской

роты, а также принадлежащие к так называемой «красной гвардии» рабочие из местных уроженцев. Последние вместе с возмутившимися матросами, вооружившись захваченными ими казенными винтовками с боевыми патронами, переехали на казенном пароходе на находившийся в руках мятежных солдат Михайловский остров и, вместе с названными нижними чинами, участвовали в обстреливании оставшихся верными правительству войск, пока мятеж не был подавлен 20 июля при помощи прибывших в гор. Гельсингфорс военных судов.

Будучи затем арестованы — в количестве свыше восьмидесяти человек, вышеназванные рабочие-финляндцы, по высочайшему вашего императорского величества повелению от 26 июля 1906 г. переданы были местному суду для суждения их по финляндским законам.[197]

Полицейское дознание по настоящему делу, произведенное под наблюдением гельсингфорского городского фискала Альбрехта, было первоначально препровождено нюландским губернатором в Абоский гофгерихт, так как фискал в своем заключении признавал, что преступление, в котором обвиняются Юхо Мюнтинен и остальные 85 человек рабочих, подходит под понятие вооруженного восстания, направленного к ниспровержению существующего государственного строя, т. е. под понятие государственной измены (landsförräderi), предусмотренной § 2 главы II Угол. улож. великого княжества Финляндского, а дела об означенном преступлении должны рассматриваться на основании п. 6 ст. 2 главы VIII Отд. о судопр. общ. улож. Финляндии гофгерихтом в качестве суда первой инстанции.

Абоский гофгерихт, приняв в соображение, что финские участники свеаборгского бунта должны ответствовать по тем же обвинениям, какие были предъявлены временным военным судом в Свеаборге к участвовавшим в этом деянии воинским чинам, и усмотрев из постановленного 28 июля 1906 г. названным судом приговора, что последние были судимы не за государственную измену, а за мятеж (uppror), т. е. преступление, караемое XVI главой Угол. улож. великого княжества Финляндского, подсудное ратгаузскому суду, постановил: дело возвратить нюландскому губернатору для направления в гельсингфорский ратгаузский суд.

Означенный суд, рассмотрев дело о финских участниках свеаборгского мятежа в заседаниях 29 сентября, 3, 11, 17, 25 октября, 1, 15, 22 и 29 ноября 1906 г. и 3 января 1907 г., приговором от 3 января сего года нашел доказанным, что, когда часть гарнизона Свеаборгской крепости 17/30 июля 1906 г. произвела вооруженное восстание, с намерением завладеть означенной крепостью и таким образом принудить русское правительство к выполнению требований трудовой партии в России «о земле и воле», и затем для достижения этой цели завладела частью принадлежащих к крепости островов и обстреливала из ружей,

пулеметов и пушек главную крепость, — то обвиняемые, вместе с несколькими также возмутившимися матросами частей военного флота, расположенных в казармах на полуострове Скатудене, — были перевезены в ночь на 18/31 июля на одном из казенных пароходов, находившихся в руках мятежников, на Михайловский остров, где они присоединились к возмутившимся воинским чинам и участвовали в обстреливании оставшихся верными правительству войск, пока мятеж не был подавлен 20 июля (2 августа) при помощи прибывших на усмирение военных судов.

Находя, затем, что Юхо Мюнтинен и прочие обвиняемые соучастием своим в описанном мятеже, — во время которого некоторые офицеры и нижние чины оставшихся верными долгу службы войск частью убиты, частью ранены, а принадлежащее русской казне имущество было повреждено или истреблено, — явно намеревались содействовать достижению незаконными средствами ниспровержения государственного порядка и образа правления в Российской империи и великом княжестве Финляндском и вместе с тем воспрепятствовать осуществлению власти государя императора и великого князя финляндского, — ратгаузский суд, согласно с заключениями обвинителя по настоящему делу, городского фискала Альбрехта, и представителя со стороны военного ведомства, подпоручика Аслизлова, — решением от 3 января сего года признал вышеупомянутых подсудимых виновными в государственной измене, а потому согласно § 2 главы VIII Отд. о судопр. постановил настоящее дело, как ему неподсудное, представить на рассмотрение Абоского гофгерихта.

По передаче гофгерихтом этого дела на заключение состоящего при названном суде адвокат-фискала Сунеля, последний в обвинительном акте от 1 февраля сего года признал выясненным, что Юхо Мюнтинен и остальные преданные суду финские соучастники мятежа принимали в возникших 17/30 июля 1906 г. в крепости Свеаборге беспорядках такое участие, какое им приписывается в приговоре ратгаузского суда от 3 января 1907 г., и что представителем военного ведомства названные лица обвиняются в том, что они участвовали в означенных беспорядках с целью совершения преступления против верховной власти, каковое деяние, по мнению адвокат фискала, предусмотрено § 2 и § 6 главы II Угол. улож. великого княжества Финляндского и карается заключением в смирительном доме пожизненно, или от 8 до 12 лет, с лишением доверия граждан.

В виду означенных выводов обвинительного акта Абоский гофгерихт 12 марта 1907 г. приступил к допросу обвиняемых, при чем, согласно заключению адвокат-фискала Шюбергсона от 24 апреля сего года, присоединил к настоящему делу и рассмотренное гельсингфорским ратгаузским судом в заседании 3 января 1907 г. дело по обвинению финляндских уроженцев Иоганна Аланко и Александра Свердлова в том, что они, находясь 18/31 июля 1906 г. на Скатудене и будучи вооружены при-

надлежащими русской казне винтовками, принимали участие в происходивших на названном полуострове беспорядках, каковое деяние, по мнению ратгаузского суда, заключает в себе признаки преступления, предусмотренного II главой Угол. улож., а потому также подсудно Абоскому гофгерихту, как суду первой инстанции.

В нескольких заседаниях гофгерихта были затем допрошены обвиняемые по обоим вышеупомянутым делам, выслушаны показания потерпевших — управления коменданта Свеаборгской крепости и управления Свеаборгского военного порта, — в лице их поверенного, подпоручика Аслизлова, допрошено несколько свидетелей, после чего гофгерихт передал дело на окончательное заключение адвокат-фискала Шюбергсона.

Последний, в отзыве своем от 29 июля 1907 года, нашел доказанным, что подсудимые, сообща с русскими мятежниками, участвовали в деяниях, направленных к насильственному принуждению русских военно-должностных лиц к совершению противных их долгу службы действий, при чем обвиняемые учинили насилие по отношению к находившемуся на Скатудене и в Свеаборге и принадлежащему русской казне имуществу. Деяние это, по мнению адвокат-фискала, подходит под понятие восстания (uppror), а не государственной измены (landsförräderi), и предусмотрено § 1 и § 5 главы XVI Угол. улож., вследствие чего адвокат-фискал Шюбергсон полагал настоящее дело, как неподсудное Абоскому гофгерихту, возвратить в гельсингфорсский ратгаузский суд для постановления нового приговора.

Абоский гофгерихт в заседании 18/31 августа 1907 г., рассмотрев настоящее дело в полном его объеме, признал доказанным, что вечером 17/30 июля 1906 г. возникли беспорядки среди Свеаборгского гарнизона, при чем беспорядки эти заключались, между прочим, в том, что участвовавшие в них воинские чины, собравшись вместе, произвели насилие над своим начальством и завладели, а частью уничтожили принадлежащее русской казне имущество. Иоганн Аланко, Александр Свердлов, Юхо Мюнтинен и остальные 85 обвиняемых изобличаются в том, что, сознавая цель вышеозначенных беспорядков, принимали в описанных насильственных действиях участие, при чем они, вооружившись принадлежащими русской казне винтовками, примкнули к восставшим нижним чинам и отправились вместе с ними, в ночь на 18/31 июля 1906 г., на казенном русском пароходе на один из находившихся в руках мятежников островов близ крепости Свеаборга, где они присоединились к нарушителям спокойствия, обстреливавшим артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем части крепости, не находившиеся в их руках. При этом гофгерихт нашел, что по сему делу не приведено достаточных по закону доказательств к тому, что возмутившиеся воинские чины учинили вышеупомянутые преступные деяния с целью совершения преступления против верховной вла-

сти; равным образом не доказано, что подлежавшие суду гофгерихта подсудимые содеяли вмененные им в вину преступления с означенной целью.

Вследствие сего, по мнению гофгерихта, совершенные воинскими чинами деяния должны быть отнесены к преступлениям, предусмотренным § 4 и § 5 главы XVI Угол. улож. Финляндии, при чем наказаниям, указанным теми же статьями, подлежат и настоящие подсудимые.

Вместе с сим гофгерихт нашел, что хотя вышеуказанные преступления и не подлежат рассмотрению и решению гофгерихта в качестве суда первой инстанции, тем не менее, является вполне совместимым с законными формами судопроизводства, если гофгерихт, приступив к производству следствия по настоящему делу в предположении, что подсудимые окажутся виновными в преступлении против верховной власти, затем, по выяснении следствием, что в данном случае означенное преступление не может быть вменено подсудимым в вину, — приступит к непосредственному разбирательству виновности подсудимых и к определению наказания каждому из них.

На основании изложенных соображений и руководствуясь указанными в §§ 4 и 5 главы XVI Угол. улож. наказаниями, Абоский гофгерихт присудил вышеназванных Иоганна Аланко, Александра Свердлова, Юхо Мюнтинен и остальных 85 финских участников свеаборгского мятежа, — как виновных в совершении сообща насилий против должностных лиц и насильственных действиях против казенного имущества, — наказанию за восстание, а именно [к] заключению в смирительном доме на срок от 4 до 6 лет, при чем некоторым обвиняемым, в виду несовершеннолетия их, наказание это заменено заключением в тюрьму на срок до 3 лет, а также, в виду продолжительного содержания под стражей, подсудимым сокращен срок пребывания в смирительном доме и тюрьме на время от 4 до 5 месяцев.

Приговор гофгерихта может быть обжалован подсудимыми в судебный департамент императорского Финляндского Сената, при чем срок на обжалование такового истекает 18/31 октября 1907 г.

Назначенное гофгерихтом большинству финских участников свеаборгского мятежа наказание, а именно смирительный дом, по тяжести своей соответствует ссылке в каторжные работы.

Как видно из приговоров временного военно-окружного суда в крепости Свеаборге от 28 июля, 12/19 августа и 31 августа 1906 г., постановленных над возмутившимися воинскими чинами, последние признаны виновными в участии в явном восстании с целью завладеть Свеаборгской крепостью, чтобы заставить правительство исполнить требования трудовой партии о «земле и воле», каковое деяние предусмотрено 110 ст. кн. XXII Воинск. уст. о нак.

и карается в мирное время ссылкой в каторжные работы без срока, а в военное время — смертной казнью, которая и была применена к некоторым из осужденных, в виду объявления крепости Свеаборга 18 июля 1906 г. на военном положении.

Финляндский генерал-губернатор **Герард.**

14 октября 1907 г.

III.

ТЕЛЕГРАФНЫЕ ПРИКАЗЫ НИКОЛАЯ II О ПОДАВЛЕНИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ. *

1.

Лошагоу.—Главнокомандующему генерал-адъютанту Линевичу. [198]

Продолжающаяся смута и сопротивление законным властям служащих на Сибирской магистрали ставят армию и государство в ненормальное положение и задерживают эвакуацию войск.

В устранение столь исключительных обстоятельств повелеваю: безотлагательно возложить на генерал-лейтенанта Ренненкампфа [199] восстановление среди всех служащих на Забайкальской и Сибирской железных дорогах полного с их стороны подчинения требованиям законных властей. Для достижения этого применить все меры, которые генерал Ренненкампф найдет необходимым для исполнения поставленной ему обязанности.

Мятежный дух среди части телеграфно- и железнодорожных служащих, необходимость обеспечить и вывести армию из ее тяжелого положения побудят доверенного мною генерала не останавливаться ни перед какими затруднениями, чтобы сломить дух сопротивления и мятежа.

Повелеваю вам выделить в распоряжение генерала Ренненкампфа необходимую ему надежную вооруженную силу, в размере по его усмотрению. В его же распоряжение назначьте инженера и офицера генерального штаба и лиц по его выбору.

Деятельность генерала Ренненкампфа, направленная, главным образом, к [?] железнодорожным служащим, должна быть согласована с деятельностью в этом направлении начальника тыла армии и главного начальника Сибирского военного округа, но в случаях, не терпящих отлагательства, действия по восстановлению законного порядка на линии и подчинения их требованиям властей должны быть им принимаемы вполне самостоятельно, руководствуясь стремлением обеспечить армии и правительству беспрепятственное пользование железною дорогою и телеграфом.

* Большинство подлинных приказов не датировано.

Всякое вмешательство постороннего и законом не установленного влияния на железнодорожных служащих и телеграфистов должно быть устраняемо быстро и с беспощадной строгостью всяческими мерами.

Передайте Ренненкампфу, что я и Россия ожидаем от него энергичной деятельности, быстрого и окончательного выхода из тяжелого и ненормального положения, в котором находится в настоящее время эта важнейшая государственная линия благодаря смуте железнодорожных служащих и подстрекательств извне. Мои повеления приведите в исполнение безотлагательно.

Николай.

[До 24 декабря 1905 г.]

2.

Рига. — Генерал-губернатору Соллогубу.

Подавите беспорядки в Феллинском и Перновском уездах. Вообще желательно проявление отдельными отрядами большей инициативы деятельности и самостоятельности.

Николай.

19 декабря 1905 г.

3.

Рига. — Генерал-губернатору.

Гнусное нападение на драгун в Риге обязывало вас, вместо переговоров с бунтовщиками, проявить полную энергию в действиях, с применением к мятежникам и их единомышленникам самой решительной репрессии на месте совершения злодейского преступления. *

Николай.

4.

Тифлис. — Генерал-адъютанту графу Воронцову-Дашкову.

Признаю настоятельно необходимым теперь же вернуть 33-ю дивизию с артиллерией в Киевский округ, как для восстановления состава войск этого округа, так и для сохранения в рядах дивизии прежнего отличного состава офицеров и сверхсрочных унтер-офицеров, которые стремятся уйти в случае дальнейшего оставления дивизии на Кавказе. Не сомневаюсь, что, при дальнейшем правильном употреблении войск, остающихся сил будет достаточно для восстановления порядка. Дробление войск, назначение их в помощь полиции, для окараууливания

---

* Текст телеграммы зашифрован. Слова: «на месте» подчеркнуты.

учреждений в городах и железнодорожных линиях, являясь пассивною обороною, лишь утомляет и портит войска. Успеха можно ожидать лишь при сосредоточении войск и решительных сильных действиях против нарушителей порядка. Немедленно составьте соображения о порядке и сроках отправки в Киевский округ частей 33-й дивизии и представьте их мне по телеграфу. *

Николай.

[2] августа 1906 г.

5.

Елизаветполь. — Наместнику его величества.

Надеюсь, что сделанные вами распоряжения ускорят умиротворение враждующего между собою разноплеменного населения Баку. [200] Необходимы самые решительные меры для предотвращения мятежного движения и беспорядков. Искренно благодарю войска за их усердную службу.

Николай.

[После 25 августа 1925 г.]

6.

Москва. — Генерал-губернатору. [201]

Действуйте по совести на основании существующего закона.

Николай.

7.

Тифлис. — Наместнику.

Министр юстиции доложил мне телеграмму из Тифлиса о том, что вами была разрешена выдача 500 винтовок революционерам, занявшим, вместо полиции, охрану города, следствием чего была схватка между армянами и татарами. Отказываюсь верить этому невероятному известию. ** [202]

Николай.

[После 22 ноября 1905 г.]

8.

Москва. — Генерал-губернатору.

Когда вы думаете отпустить Семеновский полк? Прошу его не задерживать в Москве. Сумма в 100 тысяч рублей отпущена в ваше распоряжение для раздачи исключительно мирному населению, пострадавшему при подавлении мятежа. Сообщите мне точные сведения о потерях в войсках и полиции. ***

Николай.

[После 19 декабря 1905.]

---

* Текст телеграммы зашифрован.

** Текст телеграммы зашифрован

*** Первые две фразы телеграммы зашифрованы.

9.

Тифлис. — Наместнику графу Воронцову-Дашкову.

С чувством полного удовлетворения прочел я ваше последнее телеграфное донесение о мерах, принятых вами для подавления мятежного движения на Кавказе. Знаю, как трудна ваша задача и как тяжело вам в ваши годы оружием расчищать путь к умиротворению враждующих народностей, к внутреннему устроению края и упрочению государственной связи его с империею. Но я верю вам и полагаюсь на вашу служебную опытность и личные качества и уверен, что господь благословит ваш труд и гражданский подвиг. Поэтому не могу согласиться на вашу просьбу, выраженную вами в письме, о замене вас другим лицом. Ради любви вашей к России и блага Кавказа и ради преданности вашей мне, прошу вас, граф, остаться и продолжать работать на вашем ответственном боевом посту. Я помогу вам назначением вам более молодых, крепких и предприимчивых сотрудников по вашему выбору. Если состояние вашего здоровья требует в настоящее время лечения и отдыха для восстановления сил и бодрости духа, разрешаю вам воспользоваться отпуском, как только вы сочтете возможным возложить временное исполнение ваших обязанностей на вашего помощника по военной части. Желаю вам успеха и здоровья.

Николай.

28 декабря 1905 г., в 5 часов пополудни.

10.

Москва. — Генерал-губернатору.

Лейб-гвардии Семеновский полк [203] подлежит возвращению в Петербург 31 декабря.

Николай.

26 декабря 1905 г.

11.

Тифлис. — Главнокомандующему.

Разделяю ваше мнение относительно предания суду 39 главных зачинщиков второго Урупского полка. [204] На всех остальных следует наложить строгие дисциплинарные взыскания. *

Николай.

---

* Текст телеграммы зашифрован.

12.

Саратов. — Губернатору Столыпину.[205]

Осведомившись через министра внутренних дел о проявленной вами примерной распорядительности, выразившейся в посылке по личной инициативе отряда войск для подавления беспорядков в пределах Новоузенского уезда, Самарской губернии, и издавна ценя вашу верную службу, объявляю вам мою сердечную благодарность.

Николай.

4 января 1906 г.

IV.

ТЕЛЕГРАММЫ НИКОЛАЮ II

относительно подавления революционного движения от генерал-губернаторов, кавказского наместника и специально командированных лиц.

1.

От генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова, отправленная из Тифлиса 7 июня 1905 г. в 9 час. 5 мин. пополудни.

Тифлис, 7 июня. Проявившееся во всех классах населения на пространстве почти всей империи недовольство правовыми и экономическими условиями проникло и в духовную среду Закавказья. Вытекавшие из сего недоразумения между грузинским духовенством и экзархом [206] сильно обострились вследствие вызывающего образа действий ректора семинарии архимандрита Никандра. [207] Между тем, последний, без предварительного сношения со мною, назначен вторым викарием Карталино-Кахетинской епархии, епископом бакинско-александропольским. Признавая нежелательным дальнейшее пребывание в крае епископа Никандра, стоящего не на высоте своего положения, я просил обер-прокурора святейшего Синода о перемещении этого духовного лица в одну из епархий вне Кавказа. Всеподданнейше донося о сем вашему императорскому величеству, считаю долгом доложить, что экзарх Грузии архиепископ Алексий, человек весьма достойный, но слабой воли, поддавшись решительному влиянию бывшего ректора семинарии, вступил с подведомственным духовенством в такие отношения, что во избежание возможных серьезных осложнений, заменение его другим лицом представляется мерою крайней необходимости. Из иерархов, лично мне известных, я бы полагал наиболее соответствующим посту экзарха Грузии при настоящих обстоятельствах архиепископа тверского Николая Налимова. [208]

Граф Воронцов-Дашков.

2.

От наместника на Кавказе генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова из Тифлиса, от 25 июня [1905 г.].

23 июня в Тифлисе, около помещения шестой сотни Полтавского казачьего полка, во время сбора этой сотни на вечернюю зорю, в музыкантскую команду из стоявшей вблизи публики была брошена бомба, к счастью, не разорвавшаяся. По случаю темноты, бросившего бомбу нельзя было усмотреть, и сомнительно, чтобы он оказался в числе задержанных. 24 июня в разных частях города были брошены три бомбы; первая, брошенная с крыши дома, близ которого стоял казачий патруль Полтавского полка, разорвалась, смертельно ранив двух казаков, вскоре скончавшихся; погибли также две лошади. Из бывших на крыше этого дома задержаны трое туземцев, обвиняемых в бросании бомбы. Того же числа около девяти часов вечера на Майдане была брошена бомба в полицейского пристава; он и околоточный ранены не тяжело; по случаю темноты определить бросавшего не удалось. В то же время в казачий разъезд полтавцев, на выезде из Тифлиса, брошена со скалы неразорвавшаяся бомба. Казаками задержан туземец, бежавший с места преступления. Была неудавшаяся попытка зажечь керосиновый склад в центре города; преступники задержаны. В виду тревожного состояния, прошу высочайшего вашего соизволения объявить Тифлис и его уезд на военном положении. [209] № 88.

Граф Воронцов-Дашков.

3.

От генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова, отправленная из Кисловодска 25 августа 1905 г. в 1 час 45 мин. пополудни.

В Баку на усиление гарнизона послано три батальона, сотня и батарея. Из этих частей один батальон прибыл по последней телеграмме генерала Фадеева. [210] Перестрелка в городе прекратилась. Убытки не выяснены, но, несомненно, очень велики, в особенности на Балаханских промыслах. Зачинщики, несомненно, революционеры-террористы; к ним с целью грабежа присоединились жители четырех татарских селений, прилегающих к промыслам, и праздношатающийся бакинский люд. Фадееву предписано не думать об успокоении, а наказать примерно. Елизаветпольская губерния в восстании, Кутаисская — очень тревожна; везде

требуются войска, а войск мало. Телеграфировал военному министру, прося мобилизации 2-го корпуса и двух кубанских казачьих полков. № 125.

Генерал-адъютант граф Воронцов-Дашков.

4.

От генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова, отправленная из Тифлиса 19 октября 1905 г. в 3 час. 37 мин. пополудни.

Тифлис 19 октября. В виду терроризации населения Горийского и Душетского уездов, не позволяющей ставить на суд дела о многих преступниках, мною выслано во внутренние губернии значительное число лиц, задержанных по показаниям населения. Немедленное возвращение их обратно произведет смуту. Поэтому ходатайствую перед вашим императорским величеством не распространять предполагаемой амнистии на высланных с Кавказа с предоставлением мне права применять амнистию по мере успокоения населения. *

Граф Воронцов-Дашков.

5.

От генерала-от-инфантерии графа Кутайсова,[211] отправленная из Иркутска 19 октября 1905 г. в 5 час. дня.

Положение отчаянное; войск почти нет; бунт полный,[212] всеобщий; сообщений ни с кем. Опасаюсь подкрепления бунтовщиков прибывающими железнодорожными рабочими. На усмирение надежд пока мало. Прошу разрешения объявить военное положение, дав мне лично самые обширные права телеграфом. **

Граф Кутайсов.

6.

От генерала-адъютанта Сахарова,[213] отправленная из Пензы 15 ноября 1905 г. в 10 час. 15 мин. утра.

Объехал некоторые селения Петровского и Кузнецкого уездов, Саратовской губернии, и Пензенского, Нижне-Ломовского и Керенского уездов, Пензенской губернии. Становится спокойнее;

---

* Текст телеграммы зашифрован.
** Текст телеграммы зашифрован.

нельзя еще сказать, чтобы разгромы совершенно прекратились, но они уже принимают более единичный характер. Провинившиеся крестьяне выражают раскаяние, но местами уклоняются от возвращения расхищенного. Последнее время получено тревожное сведение о возникновении беспорядков в северной части Камышинского уезда, где до сих пор было покойно. *

Генерал-адъютант Сахаров.

7.

От генерал-майора Прасолова, отправленная из Кушки 24 ноября 1905 г. в 2 час. 40 мин. пополудни. Получена в Царском Селе 27 ноября в 9 час. 10 мин. пополудни.

Всеподданнейше доношу вашему величеству: в виду пропаганды среди войск некоторыми гражданскими лицами, состоящими на правительственной службе, направленной на митингах свержению властей крепости, я объявил оную осадном положении, о чем первое подробное донесение послал тайно. Прикосновенных пропаганде лиц арестовал. Все исполнено согласно присяге. **

Генерал-майор Прасолов.

8.

От генерал-майора Прасолова, отправленная из Кушки 25 ноября 1905 г. в 5 час. 15 мин. пополудни.

Всеподданнейше доношу: начиная с 13 ноября, открылись митинги железнодорожных служащих на кушкинском вокзале вожаками крайнего направления, которые стремились привлечь к своей революционной пропаганде не только гражданских обывателей, но и военно-служащих. Утром 16 ноября начальник почт доложил мне о всеобщей забастовке телеграфных линий. Послать донесения начальству не мог. Вечером 16 ноября я арестовал телеграфной роты подпоручика Андреева, сознавшегося в личном произношении политических речей. Делегаты митинга, дважды являвшиеся ко мне, во второй раз — 17 ноября — категорически потребовали снятия ареста с подпоручика Андреева, что мною было решительно отклонено, с предложением отнюдь не привлекать к митингам нижних чинов. 17 ноября утром самозванные распорядители закрыли некоторые магазины, объявили забастовку же-

* Текст телеграммы частично зашифрован.
** Текст телеграммы частично зашифрован.

лезнодорожных служащих, прекратили разгрузку и выдачу всех привезенных товаров и материалов, частных и казенных. Железнодорожный телеграф, оказавшийся в полной власти механиков, сообщил на Кушку лишь сенсационные известия. Утром 18 ноября мною была получена пропущенная шифрованная телеграмма генерала Коссаговского не шифрованная [?]. Мой ответ не был принят. На митинге 18 ноября, состоявшемся на перроне вокзала, с 8 часов утра до 5 часов вечера, под открытым небом, присутствовали, не взирая на формальное мое запрещение, до 200 нижних чинов. На этом последнем митинге ораторами было открыто возвещено о свержении всех военных властей крепости и замене новым составом с указанием главных заместителей из среды заговорщиков. Вечером 19 ноября я подписал приказ с объявлением крепости в осадном положении. На рассвете 19 ноября арестовал трех главных возмутителей: инженера путей сообщения Леонида Соколова,[214] инженерного десятника Морозова и Лазаренко и назначил над ними дознание. 20-го же числа был пойман и самый главный скрывавшийся заправила Симонов — телеграфный монтер, заявлявший о своей революционной деятельности в Петербурге. Комендант и гарнизон императорской крепости исполнили и всегда будут твердо исполнять святой долг присяги, данной головой, сердцем и душой. Крепко верим, что наградой будет нам служить царствие небесное, уготованное людям благой чести и доброго порядка.

Комендант крепости Кушки,
генерал-майор Прасолов.

Верно: Начальник штаба крепости
полковник Довгирд.

9.

От генерал-майора Прасолова, отправленная из Кушки 28 ноября 1905 г. в 10 час. 10 мин. пополудни. Была задержана в Ташкенте.

Всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству: железнодорожное и телеграфное сообщение с Мервом восстановил 27 ноября. Сообщения Мерва с Асхабадом прерваны. Буду мирным порядком открывать сообщения железнодорожное и телеграфное на Асхабад и Ташкент. Мервский гарнизон подчинил себе на правах командира отдельного корпуса. В Мервском оазисе с 29 ноября объявляю военное положение. В Кушке спокойно. № 2262. *

Комендант крепости Кушка,
генерал-майор Прасолов.

---

* Текст телеграммы зашифрован.

10.

От генерал-адъютанта Максимовича, отправленная из Саратова 28 ноября 1905 г. в 4 час. 55 мин. пополудни.

В уездах Саратовской губернии, где происходили беспорядки, в настоящее время острый период миновал; в Камышинском же и Царицынском уездах до сих пор совершенно спокойно, в последние дни были отдельные случаи насильственного увоза хлеба и сена, а также рубки лесов, приостановленной своевременно принятыми мерами. Настроение сельского населения всей губернии крайне приподнятое, главным образом вследствие продолжающейся усиленной революционной пропаганды, а также полного неурожая и недостатка земли у крестьян. Теперь центром агитации является город Саратов, где действуют несколько организованных фракций революционной партии. Для более скорого и успешного содействия администрации по прекращению неожиданно возникающих беспорядков, покойный генерал-адъютант Сахаров сделал распоряжение о разделении губернии на военные участки, соответствующие уездам. В каждый участок назначен особый начальник, которому подчинены командированные в участок войска. Сегодня выезжаю в Пензу для ознакомления с общим положением и объезда губернии, после чего возвращусь в Саратов для посещения наиболее беспокойных уездов. О чем всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству.

Генерал-адъютант Максимович.

11.

От генерал-адъютанта Максимовича, отправленная из Ртищева 29 ноября 1905 г. в 5 час. 9 мин. пополудни.

Получив донесение о беспорядках в селе Дурныкино, Балашовского уезда, вчера вечером выехал туда с губернатором. По прибытии на место выяснилось, что 27 ноября на сельском сходе, созванном для убеждения крестьян возвратить похищенный у местного землевладельца лес, под начальником казачьего разъезда, хорунжим Федоровым, внезапно последовавшим выстрелом убита лошадь. После чего хорунжим было приказано 9 казакам разъезда открыть огонь по толпе, последствием чего было 4 убитых и 10 раненых крестьян. Происхождение выстрела остается пока невыясненным, но есть некоторое основание предполагать, что выстрел произведен случайно неосторожно обращавшимся с револьвером хорунжим. Все потерпевшие принадлежат к совер-

шенно спокойной части населения, не принимавшие [?] участия в аграрных беспорядках. Семьям убитых именем вашего величества выдано пособие. Делу дан законный ход. Вырубленный лес возвращен владельцу. Еду в Пензу. О чем всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству.

Генерал-адъютант Максимович.

12.

От генерала Поппен,[215] отправленная из Риги 30 ноября 1905 г. в 5 час. пополудни.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу: Рижский и Венденский уезды объяты полным восстанием; не евшие[?] отряды конницы понесли значительные потери, держаться более не могут; усадьбы помещиков большею частью сожжены; за малочисленностью гарнизона Риги в уезды войск выслать не могу; в Курляндской губернии восстание усилилось. Генерал Бекман из Митавы пока выехать не может, почему военное положение Лифляндской губернии не объявлено.*

Генерал Поппен.

13.

От генерал-адъютанта Максимовича, отправленная из Пензы 30 ноября 1905 г. в 10 час. 20 мин. вечера.

Саратовский губернатор доносит, что войска царицынского гарнизона предъявили требования начальству; самовольно при оружии, с музыкой, ходят по городу; положение опасное. В Царицыне стоит штаб и шесть рот Бобруйского полка. В Царицын командировал отряд в составе одной роты Дубненского полка, одной сотни оренбургских казаков и двух взводов пулеметов. Ходатайствую перед военным министром о командировании одного мобилизованного казачьего полка с Дона или другой крупной части. Выезжаю завтра, 1 декабря, в Царицын. О чем всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству.**

Генерал-адъютант Максимович.

---

* Текст телеграммы зашифрован.
** Текст телеграммы зашифрован.

14.

От генерал-майора Прасолова, отправленная из Чарджуя 3 декабря 1905 г. в 6 час. 11 мин. пополудни.

Всеподданнейше доношу, что божьею помощью восстановил добрый русский порядок на железнодорожных дорогах Кушка — Мерв — Чарджуй и Теджен. Была выпущена одна пуля против меня. До последней капли крови верный слуга своему природному государю.

Генерал-майор Прасолов.

15.

От генерала-адъютанта Максимовича, отправленная из Царицына 3 декабря 1905 г. в 9 час. 26 мин. пополудни.

30 ноября гарнизон города Царицына в составе штабных команд и пяти рот Бобруйского полка самовольно выступил из казарм и в строевом порядке при оружии и с музыкой под командой унтер-офицеров прошел по городу на полковой двор. Вскоре туда же прибыли командир полка полковник Высоцкий[216] и офицер полка. От лица всех нижних чинов вольноопределяющийся подал командиру полка письменные требования, состоящие из 7 пунктов политического характера. Командир полка имел слабость не только принять эти требования для представления начальству, но и обещать подателю их полную безнаказанность. После этого нижние чины возвратились в казармы и в течение 1 и 2 декабря вели себя совершенно спокойно, при чем во всех ротах и командах происходили обычные занятия. 2 декабря днем прибыл начальник 57-й пехотной резервной бригады генерал-майор Лисевич,[217] а вечером прибыл и я. Сегодня, 3 декабря утром, начальник бригады объезжал казармы, после чего доложил мне, что во всех частях полка настроение спокойное, и что нижние чины поняли свое заблуждение и обещали впредь служить по присяге, но что он не решился арестовать до выяснения следствием предполагаемых зачинщиков, в виду возможности возобновления беспорядков, для подавления которых нет достаточно сил. Командированный по распоряжению военного министра донской казачий полк еще не прибыл. Имеется только одна рота Дубненского полка в 50 человек слабого состава, сотня оренбургских казаков и два взвода пулеметов. В 3 часа я произвел смотр гарнизону. Нижние чины имели вид бодрый и громким ответом обе-

щали мне служить по присяге. Завтра, 4 декабря, генерал Лисевич приведет к присяге весь гарнизон.[218] О чем всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству. *

Генерал-адъютант **Максимович.**

16.

От генерала Малахова, отправленная из Москвы 4 декабря 1905 г. в 1 час 40 мин. пополудни.

Всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству: волнение в Ростовском полку[219] прекращено во всех ротах. Люди восторженно кричат «ура» державному вождю.

Генерал **Малахов.**

17.

От генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова, отправленная из Тифлиса 5 декабря 1905 г. в 7 час. 40 мин. пополудни.

Тифлис, 4 декабря. Всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству: 18 ноября совершенно неожиданно для местных властей в Елизаветполе вспыхнула армяно-татарская резня, получившая жестокий характер благодаря нахлынувшим в город вооруженным шайкам обеих национальностей из соседних селений. Мною был командирован туда генерал Малама,[220] которому удалось прекратить резню и установить более или менее миролюбивые отношения, хотя за прочность их ручаться нельзя. Бывший временный елизаветпольский генерал-губернатор заменен мною другим лицом. Под впечатлением елизаветпольских событий армянским населением Тифлиса овладела паника. Оно начало вооружаться и организовало самооборону, которая выступила на улицу и по ночам производила осмотры всех прохожих и проезжих, якобы с целью задержания всех подъезжающих из соседних селений вооруженных татар. В организации этой самообороны приняли участие, кроме армянской революционной партии, также отдельные домовладельцы всех национальностей и равно грузинские революционные партии. Словом, по приблизительному подсчету на улицах появилось до 6500 вооруженных лиц, насильственное разоружение которых было невозможно, так как полиция забастовала, а войсками приходилось ограждать город главным образом от двигавшихся со стороны Борчалинского уезда вооруженных татарских шаек, да и самый приступ к разо-

* Текст телеграммы частично зашифрован.

ружению вызвал бы, несомненно, кровопролитное сопротивление. В то же время, начиная с ночи 22-го, в азиатской части города шла ожесточенная перестрелка между армянами и татарами, в которой более страдали последние, благодаря выгодному расположению армянской части по горе. Войсками приходилось снимать с гор отдельные отряды вооруженных армян. При таких обстоятельствах, в виду просьб мирного населения о создании такой обороны, при которой все самовольно вооружившиеся удалились бы с улиц в дома, и невозможности действовать среди тесных улиц азиатской части города войсками, подвергавшимися обстрелу, я решил выдать 500 ружей рабочей партии чистых социал-демократов меньшевиков, вызвавшейся, в отступление от своего принципа, не пользоваться оружием при преследовании партийных целей, содействовать умиротворению армян и мусульман, встав с ружьями по границе местопребывания враждующих национальностей. Последующие обстоятельства показали целесообразность принятой меры. Два дня с половиной перестрелки между татарами и армянами не было. Но затем татары не выдержали и напали на эту охрану; она отступила с потерями и убитыми и ранеными от передовых позиций, которые заняли войска. На следующий же день произошел от поджога в азиатской части города пожар, уничтоживший несколько армянских и татарских домов. Вслед за выдачей мною ружей мирной рабочей партии, все остальные, самовольно вооруженные организации постепенно ушли с улицы. Вместе с тем рабочая партия выяснила, что резня в Тифлисе была вызвана самими армянами. Это выяснение разделило объединившиеся ранее революционные партии, обвинявшие прежде единогласно чинов низшей администрации в провокаторстве. Теперь в Тифлисе внешне спокойно, и рабочая партия, получившая от меня ружья на честное слово только для умиротворения армян и татар, возвращает их. Однако, мера, принятая мною, смутила умы многих лиц тифлисского русского общества, усмотревшего в ней вооружение туземцев против русских. Распространились слухи, что вооружены армяне, хотя в действительности ружья получили только русские и грузины, члены партии, которой я доверился. Я ехал, ваше величество, на Кавказ с мирными задачами, которые надеялся выполнить, опираясь на лучших людей туземного населения. Революционное движение, охватившее империю, отражается и на Кавказе, при чем я прежде всего стремился и с ним бороться мирным путем, пока нахожу это возможным. Выдерживать это направление в данное время, стараясь избежать лишних репрессий, могущих вызвать по моему мнению, кровопролитное восстание страны, вооружившейся под влиянием репрессий же еще при моем предшественнике, требует крепких нервов. Последние события подорвали мое здоровье, и в данное время я лежу, хотя и принимаю доклады по наиболее важным делам. Это обстоятельство в связи с тем, что быть может ваше величество не находите мою политику на

 *

Кавказе отвечающей современным требованиям, побуждает меня, государь, предложить вам отозвать меня с моего поста, на котором я до сих пор старался быть полезным вашему величеству и России в мере своих сил и разумения [221]. № 292. *

Генерал-адъютант граф Воронцов-Дашков.

18.

От генерал-майора Прасолова, отправленная из Кушки 9 декабря 1905 г. в 12 час. 20 мин. ночи.

Всеподданнейше доношу: В Тахтабазаре напали несколько афганцев на купца-армянина; поранили его и джигита нашего. Прежде в Пенде проживало не более четырехсот, а теперь увеличилось до тысячи афганских выходцев; настроение там тревожное. Приказал выслать из Кушки туда полторы роты, два орудия, четыре пулемета, взвод казаков и взвод сапер в качестве авангарда. Из Мерва потребовал батальон, батарею, две сотни и роту сапер, в виде главных сил, и еду сам. Мера эта, ради обеспечения железной дороги Кушка — Мерв, безусловно необходима. Требую от афганских властей выдачи преступников. В виду перерыва сообщения Кушка — Петербург, думаю, с помощью божией, по соглашению с округом, действовать энергично, что будет способствовать быстрому умиротворению Авганистана, вероломного соседа. Войска вашего императорского величества гарнизонов Кушки и Мерва — молодецкие. Перейду государственную границу только в крайности. № 2336. **

Комендант крепости «Кушка» Прасолов.

19.

От генерал-майора Прасолова, отправленная из Тахтабазара 10 декабря 1905 г. в 8 час. пополудни.

Всеподданнейше доношу: в Тахтабазаре прибытие [кушкинского авангарда подействовало успокоительно; отряд из Мерва отменил; [в] Бала-Мургабе афганский отряд в две роты, четыре сотни, шесть горных пушек. Начальник этого отряда Абдул-Расул-Хан стал относиться предупредительно к пендинскому приставу. 11 сего декабря, возвращаясь в Кушку обратно, оставил в Тахтабазаре взвод стрелков в дополнение к бывшему там

---

* Текст телеграммы зашифрован.
** Текст телеграммы частично зашифрован.

взводу казаков. Ак-Тепо, бывший опорный пункт афганской позиции 1885 г., считаю необходимым укрепить. Получится отличный форт-застава, обстрел по Мургабской и Кушкинской долинам. Оставляю в Ак-Тепо три четверти роты и один пулемет. По окончании постройки редут Ак-Тепо можно занимать очередным на неделю взводом с пулеметом. Афганцем из-за кровавой мести тяжело ранен приказчик-армянин Бахши-Душгит-Бек-Мурад, ловивший преступника, умер. Также случайно убит афганец. Задержано двое причастных к преступлению; главный виновник не разыскан. Маленький кушкинский отряд, благодаря своему превосходному настроению, сердечной верности своему родному государю, представляет внушительную силу. Туркмены-сарыки просят повергнуть к стопам вашего императорского величества чувства беспредельной преданности и крепкой верности.

Генерал-майор Прасолов.

20.

От генерал-адъютанта Пантелеева, отправленная из Курска 11 декабря 1905 г. в 5 час. 32 мин. пополудни.

Сегодня войскам, находящимся Курске, мною объявлена дарованная им указом 6 сего декабря царская милость. [222] После громового «ура» отслужено на плацу при торжественной обстановке молебствие о здравии и долгоденствии державного вождя. Войска, воодушевленные непоколебимою преданностью и беззаветною любовью, повергают к стопам вашего императорского величества их несокрушимую преданность долгу службы и присяге.

Генерал-адъютант Пантелеев.

21.

От генерал-адъютанта Дубасова, отправленная из Москвы 13 декабря 1905 г. в 9 час. 10 мин. пополудни.

Москва, 13 декабря. Всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству, что Ладожский полк прибыть не может, потому что все железные дороги, кроме Николаевской, бастуют. Убедительно прошу немедля выслать из Петербурга бригаду пехоты, при помощи которой ручаюсь быстро подавить мятеж; иначе положение сделается тяжелым. *

Генерал-адъютант Дубасов.

---

* Текст телеграммы зашифрован.

22.

От генерал-адъютанта Максимовича, отправленная из Саратова 16 декабря 1905 г. в 8 час. 25 мин. пополудни.

Вследствие отсутствия известий в последние дни революционные агитаторы распускали по городу ложные слухи об успехах революции в Москве. Слухи эти вызвали брожение между забастовавшими рабочими. Вчера, 15 декабря, большая толпа собралась на главной улице и двинулась к тюрьме с видимою целью освободить арестованных агитаторов и зачинщиков железнодорожной забастовки, но была разогнана казаками без употребления оружия. Сегодня, 16 декабря, толпа забастовщиков собралась в местности около института. Для ее рассеяния были вызваны казаки и две роты пехоты. Когда казаки подъехали к толпе и предъявили к ней требования разойтись, то были встречены выстрелами, при чем был ранен один казак и одна лошадь. Беспорядочная стрельба со стороны толпы продолжалась некоторое время, не причинивши дальнейших потерь казакам, которые, спешившись, открыли огонь, и толпа рассеялась. До сих пор выяснено, что у мятежников 6 убитых и 15 раненых. В настоящее время беспорядков в городе нет, но настроение рабочих тревожное. О чем всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству.

Генерал-адъютант **Максимович**.

23.

От вице-адмирала Чухнина, отправленная из Севастополя 17 декабря 1905 г., в 12 час. 41 мин. дня.

9 декабря был послан «Днестр» для перевозки пластунов из Новороссийска в Батум. Возвратившись 16 декабря, командир донес: «Поручение не исполнил, пластуны отказались ехать, в городе полная анархия, власть захватили революционеры, начальствующих лиц нет, вице-губернатор [223] без власти». *

Вице-адмирал **Чухнин**.

---

* Текст телеграммы зашифрован.

24.

От генерал-лейтенанта Соллогуба, отправленная из Риги 19 декабря 1906 г. в 3 час. 33 мин. пополуночи.

18 декабря. Выехав из Петербурга 12 декабря, 13 прибыл Двинск. Утром этого дня двинский узел Риго-Двинской дороги прекратил работу в виду угроз незначительных, вооруженных револьверами, партий частью железнодорожных рабочих, а преимущественно евреев из города. Так как высшие железнодорожные агенты и большинство низших не сочувствовали забастовке, то при некотором усилении охраны главнейших станционных сооружений, командированными из Вильны двумя ротами, работа двинского узла восстановилась без затруднений. Забастовка в городе Двинске прекратилась 15 декабря. Одновременно с прибытием моим в Двинск, отряд генерала Орлова сосредоточился в Валке. Отряд генерала Вендта, в составе трех батальонов до 700 штыков, трех эскадронов, одной сотни — 390 шашек, двух пеших, четырех конных орудий, двух пулеметов, сосредоточился в окрестностях Крейцбурга и восстановил законное управление в Якобштадте, арестовав нескольких вожаков противогосударственного движения. Войска снабжены были теплою одеждою и на восемь дней продовольствием. Только 15 декабря прибыл в Двинск первый эшелон мариупольских драгун; на следующий день прибыли следующие эшелоны и взвод 7-й конной батареи; тогда же выяснилось, что назначавшиеся тоже в отряд генерала Мейнарда четыре эскадрона Екатеринославского полка ошибочно оказались уже в пути на Митаву. О времени прибытия предназначавшихся в тот же отряд пехотных частей сведений до сего дня не имею. Прибывшему 16 декабря генералу Мейнарду предложено приступить к действиям, не ожидая пехоты. Вместо четырех эскадронов екатеринославцев в отряд Мейнарда переданы один эскадрон и одна сотня из отряда Вендта. Сего числа отряд Мейнарда сосредоточился в Штоксмангофе; тотчас снарядил два эскадрона в ближайшую волость Саусен, 20 верст к северу от Штоксмангофа, а завтра, 19-го, весь отряд выступит в экспедицию для восстановления порядка первоначально в волостях южной части Венденского уезда к западу от узкоколейной дороги Штоксмангоф — Валк. Отряд Вендта, ослабленный возвращением в Двинск одного батальона 62-й дивизии и передачей в отряд Мейнарда одного эскадрона, одной сотни, сего числа продвинулся до станции Ремерсгоф, оставляя охрану на станциях и производя попутно в нескольких местах аресты заправил беспорядков. Отряд Орлова остается пока в Валке, производя экспедиции в окрестные волости. С одной

ротой отряда Вендта я сегодня к вечеру прибыл в Ригу. Мороз по ночам доходит до 15 градусов. Об изложенном всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству. № 29. *

Генерал-лейтенант Соллогуб.

25.

От генерал-адъютанта Дубасова, отправленная из Москвы 19 декабря 1905 г. в 7 час. 45 мин. пополудни.

Москва, 19 декабря. Всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству, что при действиях войск против мятежников неизбежно пострадало мирное верноподданное население столицы, потерявшее убитыми и ранеными членов семей — мужчин, женщин и даже детей, а также оставшееся без крова вследствие уничтожения или повреждения многих жилищ артиллерийским огнем. Для общественного настроения данной минуты было бы в высшей степени желательным показать столичному населению, что правительство, суровою рукою карающее преступников, полно отеческой заботы о невинно пострадавших. [224] Осмеливаюсь поэтому усердно просить ваше императорское величество повелеть мне объявить обывателям Москвы, что правительство придет теперь же на помощь пострадавшим и облегчит их тяжелое положение в форме и размере, какие благоугодно будет вашему императорскому величеству указать. Число жертв приводится в известность. Для первой же безотлагательной помощи пострадавшим позволяю себе просить о повелении перевести в мое распоряжение хотя бы 100 тысяч рублей. **

Генерал-адъютант Дубасов.

26.

От генерал-лейтенанта Соллогуба, отправленная из Риги 20 декабря 1905 г. в 1 час 35 мин. пополудни.

Сведения об ожидаемых погромах имений как в Феллинском и Перновском, так и других эстонских уездах поступают ко мне с разных сторон. В виду недостаточности в Прибалтийских губерниях войск для одновременных действий как во всех угрожаемых, так и уже охваченных беспорядками местах, приходится приступать к восстановлению порядка порайонно возможно самостоятельными отрядами, начиная с местностей, где беспо-

* Текст телеграммы частично зашифрован.
** Текст телеграммы частично зашифрован.

рядки уже разразились и приняли наиболее опасный характер. Данных о начавшихся уже погромах имений в уездах Феллинском и Перновском пока еще нет. Ближайшим к названным уездам является отряд генерала Орлова, лишь недавно начавший действия против латышских шаек в окрестностях Валка и предполагавший затем перейти в район Вольмар—Венден. Генералу Орлову вместе с сим препровождаю депешу вашего величества на случай, если он признает возможным распространить ныне свои действия, хотя бы отчасти, на Феллинский и Перновский уезды. Необходимость проявления возможно большей энергии при подавлении беспорядков особо подчеркнута начальникам отрядов, коим в районах их действия предоставлена полная самостоятельность и права военных губернаторов с полным подчинением им гражданских властей. Об изложенном всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству. № 36. *

Генерал-лейтенант Соллогуб.

27.

От генерал-адъютанта Дубасова, отправленная из Москвы 23 декабря 1905 г. в 4 час. 45 мин. пополудни.

Москва, 22 декабря. Всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству, что операциями последних дней силы мятежников сломлены и рассеяны. Руководители и главари их обратились в бегство, многие из них задержаны и, таким образом, организованный мятеж представляется сейчас разбитым; но, отступая, мятежники, с одной стороны, постарались и успели быстро удалить [за] пределы досягаемости избранных главарей, с другой стороны—они оставили на театре действия, хотя и рассеянных, но самых непримиримых и озлобленных бойцов, которые, заранее обрекая себя на жертву преступной борьбы, видимо, решились продолжать ее, хотя бы и одиночными силами, до последней крайности. Эти бойцы укрываются еще в некоторых квартирах города, предательски стреляя по войскам и полиции, и поэтому полное успокоение не наступило. Я твердо решил достигнуть этого успокоения до праздников, для чего сегодня и завтра путем одновременного оцепления некоторых кварталов войсками и обыска их полицией будут изъяты из города последние остатки рассеянных шаек мятежников. Всеми ранее принятыми и этими последними мерами я надеюсь достигнуть возможность дать населению Москвы провести спокойно великий праздник рождества Христова. Но оценивая общие результаты

* Текст телеграммы частично зашифрован.

беспримерной прискорбной борьбы, совершавшейся в эти тяжелые дни, я не могу признать мятежное движение совершенно подавленным: главные руководители его, почувствовав близость поражения, рассеялись и бежали, унося нити заговора и намерение продолжать свое преступное дело. Часть таких беглецов скрылась в тайниках, окружающих Москву, и эта часть может снова выступить, если почему-либо почувствует себя сильною. Чтобы считать дело конченным, надо очистить эти тайники, для чего понадобится целый ряд отдельных экспедиций, которые и намерен предпринять в ближайшем будущем, как только цели ясно обозначатся. Надо также принять общую меру преследования и задержания всех бежавших из Москвы в другие отдаленные местности. Надо надеяться, что такие лица будут обнаружены умелым розыском и опросом задержанных мятежников. В виду изложенного, почитаю долгом доложить вашему императорскому величеству, что ослабление московского гарнизона отозванием Семеновского полка было бы мерою нежелательною, и что, в интересах полного и окончательного подавления мятежа, я не могу не возвратиться к моей усерднейшей просьбе, или оставить полк на праздники и долее на необходимое время, или теперь же заменить его другим полком в таком же составе. Позволяю себе пояснить, что до прихода Семеновского и Ладожского полков гарнизон располагал для активных действий лишь 1350 штыков, и этою силою можно было удерживать только положение, занятое в центре города, оставляя все станции железных дорог и все окраины города открытыми. Эти станции и эти окраины были заняты благодаря прибытию новых 1200 штыков, и благодаря этому же прибытию сопротивление мятежников было сломлено, а все главные скопища их отброшены за пределы столицы. С отозванием семеновцев численность гарнизона снова упадет до 2150 штыков, и это не может не поощрить преступных замыслов и намерений уцелевших мятежников. Кроме этого, совершенно бедственным для Москвы наследием потухающего мятежа является наводнение города голодающими бродягами, составляющими ужасные остатки отступившей мятежнической армии; при крайней малочисленности полиции и совершенно неудовлетворительной ее организации, охранение обывателей от насилий этих бродяг, впредь до их выселения из города, только и возможно при усиленных нарядах войск, численность которых необходимо сохранить без всякого ослабления. Доношу вашему императорскому величеству, что потери в войсках за все время подавления мятежа выразились следующими цифрами: московского гарнизона офицеров убит 1; бомбой тяжело ранен 1, легко ранено 2; нижних чинов убитых 7, тяжело раненых 10, легко раненых 30; жандармского дивизиона нижних чинов убитых 4, раненых 5; л.-гв. Семеновского полка нижних чинов убитых 2, легко раненых 8; в составе полиции, с того времени как против нее начались насильственные действия

мятежников, убиты: начальник сыскной полиции, 3 околоточных надзирателя и 10 городовых, ранены 2 помощника пристава, 4 околоточных надзирателя и 16 городовых. *

Генерал-адъютант Дубасов.

28.

От вице-адмирала Бирилева, отправленная из Петербурга 23 декабря 1905 г. в 11 час. 40 мин. пополудни.

Второй батальон морских команд под командою капитана 1-го ранга Ферзена [225] прибыл в Нарву. Полубатальон под командою капитана 2-го ранга Зеленого [226] сего числа в 2 часа дня на ледоколе «Ермак» отправился на остров Эзель. Первый батальон под командою капитана 2-го ранга Рихтера действует к западу от Тапса, разбив батальон на роты и полуроты. О чем всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству.

Вице-адмирал Бирилев.

29.

От генерал-лейтенанта Соллогуба, отправленная из Риги 24 декабря 1905 г. в 1 час 55 мин. пополуночи.

Всеподданнейше доношу, что, по соглашению с лифляндским губернатором, полномочия, указанные в статье 19-й Постановлений о местностях, объявленных на военном положении, переданы мною: генерал-майору Орлову в районе его действий, командиру 2-й бригады 24-й дивизии генерал-майору Клоченко [227] — в Юрьевском и Феллинском уездах, в остальных же частях Лифляндской губернии, за отъездом генерал-лейтенанта Бекмана в Митаву,— лифляндскому губернатору тайному советнику Звегинцеву [228]; в Юрьевском и Феллинском уездах, по заявлению командира 18-го корпуса, войска будут им усилены из Пскова. Генерал князь Орбелиани [229] лично не мог принять на себя обязанностей военного генерал-губернатора в вышеназванных двух уездах по нездоровью. № 77.

Генерал-лейтенант Соллогуб.

---

* Текст телеграммы частично зашифрован.

30.

От генерал-адъютанта Максимовича, отправленная из Саратова 24 декабря 1905 г. в 6 час. 30 мин. пополудни.

В городе Саратове совершенно спокойно; жизнь идет обычным порядком. Забастовка окончилась, и сегодня возобновилось правильное движение по железной дороге. Сегодня же я мог выехать в Саратовский уезд для посещения двух селений. В одном из них, Николаевском городке, были в ноябре крупные беспорядки. Под влиянием местных революционеров, учеников Мариинского земледельческого училища, и в настоящее время настроение не совсем спокойное. На сельском сходе, к которому были вызваны и сходы трех ближайших селений, крестьяне обещали мне впредь не производить беспорядков, бесчинств и уважать чужую собственность. В другом, посещенном мною, селении Ельшанке никаких беспорядков не было, и крестьяне не поддались агитации, возбуждавшей их к насилиям и грабежу. Сельский сход мне подтвердил, что и впредь они будут жить мирно, как живали в старину. О чем всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству.

Генерал-адъютант Максимович.

31.

От вице-адмирала Чухнина, отправленная из Севастополя 26 декабря 1905 г. в 4 час. 10 мин. пополудни.

Губернатор Новороссийска [230] сообщает: революционеры овладели городом, выбрав свое правительство; имеют 300 вооруженных ружьями, 700 — револьверами; обложили городских жителей налогами. Правительственные учреждения прекратили деятельность. Губернатор с кассою банка укрылся в помещении казачьей сотни, которая осталась верна; остальные разошлись самовольно по станицам. Помощи ниоткуда не ждет вследствие беспорядков в казачьих полках. 20 декабря «Три святителя» послал в Феодосию для поддержки местных войск, а затем, если в нем нужды не будет, итти в Новороссийск для той же цели, куда он и прибыл 24-го. Получил донесение, что силы у губернатора нет и до прибытия войск содействие ему ничем не может быть оказано, кроме нравственного впечатления на мятежников. «Три святителя» возвратился 26-го. Нового ничего не добавил. О вышеизложенном всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству. № 408. *

Вице-адмирал Чухнин.

---

* Текст телеграммы зашифрован.

32.

От генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова, отправленная из Тифлиса 26 декабря 1905 г. в 6 час. 55 мин. пополудни.

Тифлис, 25 декабря. Всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству: под влиянием отрезанности от России почтово-телеграфной забастовкой и ложных слухов, распускаемых крайними партиями, революционное движение в Закавказьи всюду обострилось. Железнодорожная забастовка окончательно отрезала Тифлис от всего края. Революционеры, захватившие дорогу, пускали поезда только по своему выбору. В Тифлисе они объявили забастовку всей торговли и пытались устроить забастовку в правительственных учреждениях. В виду этого я объявил Тифлис, с его уездом, на военном положении, возложив обязанности временного генерал-губернатора на своего помощника по военной части генерал-лейтенанта Маламу до прибытия из Гори генерала-майора Алиханова, [231] который теперь и принял должность генерал-губернатора. Эта мера вызвала объединение крайних партий. Они организуют нападения с бомбами на отдельные части войск, офицеров и чинов полиции. Удалось открыть несколько складов бомб, и произведены аресты некоторых агитаторов. Одновременно с Тифлисом объявлена на военном положении Закавказская железная дорога. По карской и эриванской линиям уже ходят воинские поезда. Отправленный из Тифлиса воинский поезд в Баку прошел уже Елизаветполь, производя аресты агитаторов и забастовщиков; на днях должен прибыть в Баку. Надеюсь оттуда доставить в Тифлис муку и керосин, которых недостаточно. Замолкшее было аграрное движение в Горийском и Душетском уездах снова, под влиянием общего революционного состояния, возобновилось, вследствие чего я объявил эти уезды на военном положении, назначив генерал-губернатором начальника местных войск генерал-майора Бауера. [232] Сравнительно спокойно только в Дагестане, Баку, Эриванской губернии и Карсской области. Кажется, успокоилось в Батуме, под влиянием объявления вновь осадного положения. Состояние Кутаисской губернии, в виду ее полной отрезанности, неизвестно, а также неизвестно о положении дел в Сухумском округе и Сочинском округе Черноморской губернии, откуда перед забастовкой были получены тревожные известия. В Елизаветпольской губернии столкновения армян с татарами продолжаются. Тревожно и в Закавказском округе. Почтово-телеграфная забастовка окончилась, члены местных забастовочных бюро арестованы, и сообщение откроется на днях по исправлении испорченной сети, кроме северного Кавказа. О последнем, равно о военном положении, телеграфирую воен-

ному министру для всеподданнейшего доклада. После составления этой телеграммы получены сведения: станции Ростов и Минеральные Воды взяты войсками с бою. Все станции от Ростова до Беслана также заняты войсками, большинство руководителей забастовки арестованы. Поезда из Ростова пропущены, управление дороги вступает в исполнение обязанностей. Здоровье мое поправилось. № 305. *

Генерал-адъютант граф Воронцов-Дашков.

33.

От генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова, отправленная из Тифлиса 27 декабря 1905 г. в 6 час. 1 мин. пополудни.

Тифлис, 27 декабря. Доношу вашему императорскому величеству, что на Георгиевск, где хранятся большие артиллерийские склады, напало многочисленное скопище революционеров; нападение отбито местным батальоном и присланным генерал-майором Колюбакиным [233] отрядом из одной роты, взвода казачьей артиллерии и 300 казаков, набранных по ближайшим станицам. В Тифлисе после уничтожения артиллериею и огнем двух домов, из коих были брошены бомбы и стреляли в войска, спокойно. Производятся аресты главарей. В революционерных [?] партиях разлад. Генерал Алиханов завтра вступит в исполнение обязанностей временного тифлисского генерал-губернатора. № 306. **

Генерал-адъютант граф Воронцов-Дашков.

34.

От генерал-от-инфантерии барона Каульбарса, отправленная из Одессы 28 декабря 1905 г. в 3 час. 30 мин. пополуночи.

Сегодня прибыло в Одессу два нарочных: штаб-офицер и рядовой с настойчивым призывом подать помощь захваченному революционерами Новороссийску. В виду того, что, благодаря энергии, решительности и неутомимости войск Одесского округа, которым, с объявлением военного положения, развязаны руки, ныне наступило у нас почти повсеместное успокоение, я решил сегодня выслать в Новороссийск морем отряд в составе около 400 штыков, двух пулеметов и двух орудий. Главный командир обещает дать военные суда для прикрытия и содействия. Пред-

* Текст телеграммы зашифрован.
** Текст телеграммы частично зашифрован.

писано принять самые решительные меры и по возможности скорее вернуться, так как недостаток войск у нас сильно ощущается. О чем вашему императорскому величеству имею счастье донести. № 651. *

Генерал барон Каульбарс.

35.

От генерал-адъютанта Максимовича, отправленная из Петровска 28 декабря 1905 г. в 6 час. 15 мин. пополудни.

Объехал самые беспокойные селения Саратовского и Петровского уездов, Саратовской губернии. Настроение крестьян нехорошее: жалуются на недостаток земли, неурожай настоящего года, обеднение и уклоняются от платежа повинностей. В большинстве сел, где были разгромы, выражают раскаяние и обещают впредь не повторять беззакония, а в одном селе сход встретил меня на коленях, с иконами, портретом вашего величества, и торжественно поклялся не слушать более смутьянов и жить мирно. В настоящее время в Саратовской губернии крупных беспорядков и разгромов нет, но местами повторяются отдельные поджоги и хищение хлеба и кормов. Революционная пропаганда в деревнях не утихает, вследствие чего местные власти не доверяют наружному спокойствию и опасаются повторения беспорядков весною, о чем всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству.

Генерал-адъютант Максимович.

36.

От генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова, отправленная из Тифлиса 29-го декабря 1905 г. в 6 час. 59 мин. пополудни.

Тифлис, 29 декабря. От души благодарю вас, государь, за милостивую и подбодрившую меня телеграмму. Я нуждался в ней. Время было очень тяжелое и болезнь подломила мою энергию, но теперь я здоров, и за последние дни положение, видимо, улучшается. Останусь здесь, сколько вы прикажете. Душою вам преданный. [234] № 310. **

И. Воронцов.

---

* Текст телеграммы частично зашифрован.
** Текст телеграммы зашифрован.

37.

От генерал-адъютанта Пантелеева, отправленная из Полтавы 30 декабря 1905 г. в 10 час. 35 мин. пополудни.

Считаю долгом всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству о настоятельной необходимости немедленно принять меры против лиц правительственной и общественной службы, нарушивших присягу и явно поддерживающих крамолу. Только путем исключения со службы таких недостойных и вредных чиновников, которые позорят свои ведомства и служат соблазном для слабых и нерешительных и ведут пропаганду против правительства, возможно внести упорядочение в столь ныне трудное и ответственное служение вашему величеству в России. Издание высочайшего повеления, карающего забывших свой служебный долг перед вами, государь, и родиной, остановит колеблющихся и слабовольных, на которых пагубно действует оставление безнаказанно в их среде изменников. Всеподданнейше доношу, что в развитие настоящего ходатайства одновременно телеграфирую председателю Совета министров. *

Генерал-адъютант Пантелеев.

38.

От вице-адмирала Чухнина, отправленная из Севастополя 30 декабря 1905 г. в 4 час. 55 мин. пополудни.

Командир броненосца «Двенадцать апостолов» телеграфирует из Новороссийска: все спокойно, сухопутный десант командируется Туапсе и Сочи. О чем всеподданнейше доношу вашему величеству. № 15.

Вице-адмирал Чухнин.

39.

От генерал-адъютанта Максимовича, отправленная из Ртищева 30 декабря 1905 г. в 7 час. 55 мин. пополудни.

Объехал одиннадцать селений Сердобского и Балашовского уездов, Саратовской губернии. Настроение крестьян в Балашовском уезде тревожное, в Сердобском же более спокойное. Жалуются, как и во всех уездах, на малоземелье, голодовку и обнищание, заявляют о безусловной необходимости приобретения земли на

* Текст телеграммы зашифрован.

возможно льготных условиях. Повсеместно крестьяне обещают жить мирно и не допускать бесчинств и разгромов, которые в некоторых волостях и не могут повториться, так как все помещичьи усадьбы уже уничтожены. Губернатор выражает мнение, что порядок в Балашовском и других наиболее пострадавших уездах поддерживается исключительно присутствием войск, с удалением которых можно ожидать возобновления аграрных беспорядков, особенно весной. Окончив обзор Саратовской губернии, переезжаю в Пензенскую губернию. О чем всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству.

Генерал-адъютант Максимович.

40.

От генерал-адъютанта Пантелеева, отправленная из Полтавы 2 января 1906 г. в 1 час 2 мин. пополуночи.

Сегодня в 2 часа дня, когда черниговский губернатор действительный статский советник Хвостов с супругою возвращался из дворянского собрания, неизвестным евреем в карету была брошена бомба. Губернатор ранен в лицо и глаз, раны неопасны; супруга губернатора невредима. Преступник задержан. О чем всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству.

Генерал-адъютант Пантелеев.

41.

От генерал-лейтенанта Меллер-Закомельского, отправленная из военно-походного телеграфа генерала Меллер-Закомельского 2 января 1906 г. в 5 час. 50 мин. пополуночи.

Испрашиваю соизволения объявить Сызрань на военном положении. *

Меллер-Закомельский.

42.

От генерал-адъютанта Максимовича, отправленная из Пензы 2 января 1906 г. в 10 час. 28 мин. пополуночи.

В Пензенской губернии спокойно; аграрное движение прекратилось; бывают только отдельные случаи мелких лесных порубок и насильственного увоза и сжигания кормов. По словам губерна-

* Текст телеграммы зашифрован.

тора[235], революционная пропаганда в деревнях продолжается, но присутствие войск в наиболее беспокойных местностях действует успокаивающе на население и способствует поддержанию тишины и порядка. О чем всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству.

Генерал-адъютант Максимович.

43.

От епископа Ашот, отправленная из Шуши 2 января 1906 г. в 12 час. 53 мин. пополудни.

Испытания, ниспосланные карабагскому гайканскому народу, тяжелы и удручающие. С августа месяца повсюду в Шушинском, Зангезурском, Джеванширском, Джебраильском и Арешском уездах происходят массовые резни, ограбления, поджоги армянских селений. Город Шуша превращен в груды развалин, значительная часть города уничтожена татарами, и много тысяч семейств остались без хлеба и приюта. Жители селения Минкенд подверглись поголовной резне татарами, под главенством полицейского пристава—татарина Миликасланова; герой резни на свободе. Уничтожены селения Сенсулан, Ярмджа, Саров, Казанджи и другие; жители этих селений частью перерезаны, частью же, лишенные крова близких, бродят по нагорным селениям. Осквернены монастыри, божии храмы; монастырь Григория Просветителя, священное место для всего Карабага, разграблен, осквернен татарскими полчищами под предводительством полицейского пристава, татарина Аскерханова, который продолжает пользоваться полной свободой. Город Шуша отрезан от всего мира; тракт Шуша — Евлах с августа закрыт для армян. На этом тракте, соединяющем город с железнодорожной станцией Евлах, происходили массовые резни пассажиров-армян, женщин, детей; пассажиры подвергались ограблению, задержанию в присутствии властей: управляющего губернией и уездного начальника. Доставка предметов первой необходимости не допускалась, и все товары с августа месяца сделались добычею татар. Власть бездействовала и не принимала никаких мер к открытию тракта для предупреждения голода в городе и нагорных армянских селениях. В августе, во время резни армян в городе Шуше, ворвались в город татарские полчища. Этого же домогались татары дней двадцать пять тому назад, напав на нагорные селения в окрестностях Шуши и около Аскарана, одновременно оперируя с гор полчищами курдов и со стороны Аскарана агдамской и джеваншинской конницами. Эти нападения были отбиты с большими жертвами со стороны армян, и аскаранские армяне, ради предупреждения вторжения полчища в город, как было в августе, заняли для самозащиты Аскаранские высоты. Бездействие вла-

стей за все время татарских бесчинств ободряло татар и озлобляло армян. Потеряв всякую надежду на помощь, оставленные на произвол татарских диких полчищ, армяне пришли к убеждению, что единственная мера к прекращению массовой резни армян — это борьба с дикой ордой вооруженной силой. С августа месяца для армян прекратилась доставка по тракту предметов первой необходимости: тракт был закрыт татарскими полчищами, и власть не принимала никаких мер к обезопасению тракта. Занятие Аскарана, как доложено выше, и для татар прекратило подвоз съестных припасов, это и заставило татар хлопотать об открытии тракта, на котором они хозяйничали с августа месяца, присваивая все армянские транспорты муки, сахару и транспорты агентств компании «Надежда», «Российского общества» и «Кавказ и Меркурий» на много миллионов рублей. Татары, хозяйничая по тракту с августа месяца, не могли примириться с тем отпором, который они встретили с занятием Аскарана армянами; это оскорбляло их сущий хищнический и разбойничий инстинкт, и они решили силой, под прикрытием вооруженных полчищ, провести транспорт через Аскаран; завязалась перестрелка, полчища пустились в бегство, и транспорты их сделались добычей ими же доведенных до голода жителей нагорных аскаранских армянских селений. Великий государь, скорблю душой, что мирный народ, тщетно искавший защиты и доведенный до отчаяния, прибег к самозащите в борьбе с полчищами теми же средствами, которые применялись татарами в течение многих месяцев. Останови, великий государь, властным голосом все эти бесчинства, резни и кровавые бойни. Прикажи положить конец этим ужасным испытаниям гайканского народа, оплота русского дела на Кавказе. Ведь вся твердыня Кавказа обагрена кровью армян, ведь этот народ жертвовал своими детьми, достоянием в борьбе с врагами во время покорения края русскими. Ведь именно эта преданность к русскому делу вызвала в татарах Кавказа, Турции и Персии ненависть к армянам. Не секрет, что война с Японией ободрила татар и вселила мечты к соединению с Турцией. Не секрет, что за все время здесь работали и работают агенты Турции, ободряя татар восстать, и вот, чтобы достигнуть этой взлелеянной панисламизмом мечты—иметь великую мусульманскую державу под главенством султана, татарам необходимо было сначала уничтожить армянский народ, этот оплот христианства и русского дела на Кавказе. Во имя многотысячных жертв, невинно зарезанных детей и женщин обращаюсь совместно с моей паствой к вашим стопам, великий государь, с мольбою — положи конец всем этим испытаниям. Вместе с паствой возносим молитвы к всевышнему о даровании вам и всему царскому дому сил и здоровия на благо отечества. Повергаю к стопам вашего императорского величества верноподданнические чувства моей паствы.

Смиренный богомолец епископ Ашот.

44.

От генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова, отправленная из Тифлиса 2 января 1906 г. в 4 час. 17 мин. пополудни.

Получив телеграмму военного министра о назначении военным губернатором Батума генерала Васильева, считаю долгом всеподданнейше доложить, что, благодаря объявлению Батума осадном положении и энергичных мер, принятых местными властями, полное спокойствие города уже давно установлено. Губернатор Батума генерал Паркау [236] — дельный и энергичный генерал; кроме того, туда уже давно командирован начальник артиллерии округа генерал Решетин. [237] В виду этого осмеливаюсь всеподданнейше ходатайствовать не командировать пока генерала Васильева. Вопрос о несоответствии некоторых начальников мною уже выяснен, и я не замедлю о том, государь, вам всеподданнейше донести. *

Генерал-адъютант граф **Воронцов-Дашков.**

45.

От генерал-адъютанта Максимовича, отправленная из Пензы 2 января 1906 г. в 7 час. 15 мин. пополудни.

Всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству, что сегодня в 7 час. вечера тремя выстрелами из револьвера убит начальник 78-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Лисовский, [238] шедший пешком по глухой улице города Пензы. Злоумышленник скрылся.

Генерал-адъютант **Максимович.**

46.

От генерал-адъютанта Пантелеева, отправленная из Полтавы 3 января 1906 г. в 6 час. 40 мин. пополудни.

Всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству, что в Орловской губернии аграрное движение уменьшается, и население успокаивается; обостренные отношения существуют еще в Ливенском, в Кромском и в Мценском уездах. Во время моего пребывания в Курской губернии наружное спокойствие,

* Текст телеграммы частично зашифрован.

за исключением Путивльского уезда, не нарушалось, но брожение еще существует под влиянием агитации Крестьянского союза. Попытки разгрома имения в Новооскольском уезде были предупреждены. В Рыльском уезде были случаи сопротивления при арестовании. Глубокие корни пустила революционная пропаганда в уездах Путивльском и Льговском, в первом — смежном с Конотопским. Движение крестьян и рабочих началось одновременно 10 декабря, на политической почве; выразилось в сходах по набату, в снимании властей и экономических рабочих, в избиении станового и старшины и убийстве урядника. Командированными мною тотчас двумя сотнями только что прибывшими в Курск донцов и чинами полиции произведены обезоруживание и многочисленные аресты, в том числе сельские комитеты; власти восстановлены, теперь спокойно. В Льговском уезде, несмотря на ранее произведенные аресты, обнаружилось 30 декабря массовое движение: разграблена усадьба предводителя дворянства и избит пристав; выслана сотня со взводом артиллерии, а для выяснения положения и принятия мер выехал туда губернатор, которому я предложил арестовать председателя уездной земской управы, явного агитатора. Был лично в этом уезде, но вследствие забастовки железных дорог не мог продолжать дальнейший объезд более тревожных мест. Мои воззвания крестьянам разосланы повсеместно. В Полтавской губернии, вследствие особого малоземелия и пребывания издавна антиправительственных деятелей, агитация революционная очень сильна. Недостаток войск и полиции не дает возможности действовать одновременно, но летучие отряды постепенно очищают уезды. В Пирятинском и в Прилукском уездах погромы прекращены, награбленное возвращено, главари выданы населением. В Миргородском уезде при освобождении арестованного крестьянами пристава зверски убит помощник исправника; высланными казаками водворен порядок с человеческими жертвами, зачинщики арестованы, убийца предан военному суду. Теперь очищается Лохвицкий уезд — главное гнездо революционеров; много арестовано земских служащих, в том числе исполняющий должность председателя и член управы; в губернии вообще сильное брожение, снятие рабочих, непризнавание властей, местами смещение их и неуплата повинностей. Старшинам и старостам шести уездов лично подробно разъяснял преступность насилий и развивающейся пропаганды Крестьянского союза. Мои воззвания разосланы во все поселения губернии; чины полиции, особенно войска, несут службу вашего императорского величества, при крайне тяжелых условиях, самоотверженно. Войска мною распределены по уездам для возможно быстрого и успешного подавления беспорядков, но таковых совершенно недостаточно в губерниях Полтавской и Черниговской, вследствие чего просил министров военного и внутренних дел, а также председателя Совета министров о скорейшей присылке в эти губернии хотя

лишь по три сотни казаков. Тюрьмы всюду переполнены; необходимо разрешить высылки опасных агитаторов в отдаленные места. В Черниговской губернии, после некоторого затишья, вновь положение ухудшилось, и особенно тревожно. В некоторых уездах в войске большой недостаток, вследствие чего дерзость грабителей растет, оказывают сопротивление полиции и даже войскам, пытаясь освобождать арестованных. В Сосницком уезде разграблены две экономии, оказано сопротивление драгунам, из числа мятежников есть убитые и раненые. Кавалерийским отрядам и конной страже преподано совершать частые объезды, передвигаясь в места более угрожаемые. После очистки арестами станции Конотоп и уезда, наружный порядок водворен, и жандармский генерал Рудов командирован с войсками в Новозыбковский и в Суражский уезды для водворения порядка. Покушение на жизнь губернатора вызвало всеобщее негодование и ходатайствую о предании злодеев военному суду; к счастью, раны не серьезны, но есть опасения за целость глаза. Выезжаю сегодня в Чернигов. *

Генерал-адъютант Пантелеев.

47.

От генерал-лейтенанта барона Меллер-Закомельского, отправленная из Уфы (походный телеграф) 4 января 1906 г. в 11 час. 26 мин. пополудни.

Прискорбно военному сердцу вид большинства эшелонов запасных, утративших всякий воинский вид. Водворяю по возможности порядок. Самаро-Златоустовская дорога [239] наружно в полном порядке. Движение в обе стороны беспрепятственно; телеграф действует. Комитеты управлений дорог приносят пользу. Сожалею, что не был послан двадцатью днями раньше, мог бы устранить много. № 18. **

Меллер-Закомельский.

48.

От генерал-майора барона Каульбарса, отправленная из Одессы 4 января 1906 г. в 11 час. 59 мин. пополудни.

Ночью с 3 на 4 января прибыл с Дальнего Востока первый пароход «Бирма» с 1850 запасными. Сегодня, 5-го, удалось посадить всех этих людей в поезда и отправить по назна-

* Текст телеграммы частично зашифрован.
** Текст телеграммы зашифрован.

чению. Все обошлось спокойно. Прибыв на пароход до отправления первого поезда, я поздравил людей с возвращением на родину, при чем провозглашение здравия и благоденствия вашему императорскому величеству вызвало неописуемый восторг запасных, и мощное русское «ура», сливаясь со звуками народного гимна, вырвалось из груди не только вернувшихся на родину воинов, но и густой толпы народа, окружившей место высадки; шапки летели на воздух, глаза у многих были влажны; картина была глубоко потрясающая; настроение запасных прекрасное — приподнятое. О чем имею счастье всеподданнейше донести вашему императорскому величеству. № 26.

Генерал-майор барон Каульбарс.

49.

От генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова, отправленная из Тифлиса 6 января 1906 г. в 7 час. 23 мин. пополудни.

Тифлис, 6 января. Всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству: получив сведения, что рота Тенгинского полка, расположенная на станции Ципа за Сурамским тоннелем, находится в тяжелом положении благодаря отсутствию сообщения с Кутаисом, я приказал направить две роты эриванцев, сотню пластунов и сотню ейцев для выручки тенгинцев. Отряду пришлось двигаться железной дорогой, медленно, исправляя путь, местами испорченный, местами разоренный. Близ одного из мостов на пути к Михайлову отряд имел перестрелку с небольшой группой мятежников. На станции Михайлово произведено несколько арестов, при чем обнаружено, что лишь незадолго до прибытия отряда в Михайлове держались довольно большие банды мятежников, которые с прибытием отряда отошли к Сураму. В Сураме отряд имел перестрелку, несколько мятежников убито, несколько захвачено, один из которых оказался матросом из Севастополя. Дальнейшим движением отряд вошел в связь с ротою в Ципе и вывел ее по сю сторону тоннеля. На Сурамском перевале отряд имел довольно серьезную перестрелку с большим скопищем мятежников, задача которых преграждать доступ в Кутаисскую губернию. Сотня ейских казаков, делая обход станции Ципа, в перестрелке с мятежниками потеряла трех убитыми и одного казака раненым и семь лошадей убитых. Освободив тенгинцев, отряд вернулся к Михайлову, где тенгинцы были присоединены к другой роте своего полка. Тоннель оказался загроможденным впущенным мятежниками туда паровозом. Видя явно мятежное действие банд со стороны Кутаисской губернии и не имея никаких сведений от губернатора, я вчера уже направил передовой отряд для открытия

сообщений на Кутаис, а на этих днях отправляю главные его силы для захвата всей линии железной дороги и для восстановления нормального порядка в губернии. № 4. *

Генерал-адъютант граф Воронцов-Дашков.

50.

От вице-адмирала Бирилева, отправленная из Петербурга 8 января 1906 г. в 7 час. 45 мин. пополудни.

Четвертый морской батальон, под командой капитана 2-го ранга Протопопова, [240] и пятый под командой капитана 2-го ранга Пекарского, [241] выступили в Лифляндию через Двинск на Крейцбург по распоряжению Соллогуба. Шестой батальон готовится в Кронштадте с командой судов практической эскадры и седьмой батальон готовится в Либаве, чтобы следовать, когда на то будет повеление вашего императорского величества. Батальон на острове Эзель действует очень удачно, успешно ведя дело примирения. № 126.

Вице-адмирал Бирилев.

51.

От генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова, отправленная из Тифлиса 9 января 1906 г. в 11 час. 7 мин. пополуночи.

В виду непрекращающихся в Елизаветпольской губернии нападений вооруженных шаек армян и татар на мирное население, сопровождающихся убийствами, грабежами и разгромом целых селений, я командировал в эту губернию летучий отряд всех родов оружия, под начальством генерала Голощапова [242], с указанием принять самые решительные меры к восстановлению порядка, уничтожению вооруженных банд и наказанию виновных; что же касается Кутаисской губернии, то успех принятых на северном Кавказе энергичных мер дал мне возможность теперь же положить конец ненормальному состоянию Гурии, Мингрелии и Имеретии, для чего губернию эту объявил на военном положении, отозвал губернатора Старосельского [243] и назначил генерала Алиханова временным генерал-губернатором, указав ему ряд суровых репрессивных мер. Вместе с тем в Кутаисскую губернию направил сильный отряд из Тифлиса и отряд из Батума, а на днях будут отправлены из Поти два батальона пластунов из Кубанской области. Голова отряда из

---

* Текст телеграммы частично зашифрован.

Тифлиса очистила тоннель, восстановила железную дорогу и заняла все станции до Квирил включительно. Под влиянием движения тифлисского отряда железнодорожнослужащие в пределах Кутаисской губернии стали на работу, и движение восстанавливается до Поти и на Батум, за исключением участка Нотанеби-Кабулеты, где путь разобран. По полученным, но еще не выясненным сведениям, рота тенгинцев, шедшая из Белогор в Квирилы, подверглась нападению из засады. Ротный командир убит, нижние чины мятежниками обезоружены. В Квирилах рота тенгинцев подверглась ночному нападению в казармах, рядовой убит, трое ранено, остальные обезоружены. В квирильском казначействе захвачено мятежниками двадцать тысяч рублей. Тифлисскому отряду приказано занять Квирилы, требовать выдачи виновных, оружия и похищенных денег. Репрессию за нападение на войско и разгромление казначейства распространю на всю губернию. В Тифлисской губернии волнения в Горийском и Душетском уездах, почти совершенно подавленные принятыми мною мерами, с возвращением в силу амнистии арестованных, снова возгорелись, но, по объявлении обоих уездов вновь на военном положении и благодаря уже состоявшемуся аресту нескольких главарей, и в этих уездах заметно успокоение, которое установится совершенно, когда скажутся результаты предпринятых мною мер в Кутаисской губернии. На берегу Черного моря вчера одна сотня пластунов 16-го батальона высажена в Туапсе. Сегодня другая сотня того же батальона высажена в Сочи, где наступило спокойствие. Сопротивлявшиеся жители селения Сочи сдали оружие. Агитаторы арестованы. Две сотни пластунов на «Днестре» пошли в Адлер. В Тифлисе все спокойно.

Генерал-адъютант граф Воронцов-Дашков.

52.

От полковника Думбадзе, отправленная из Севастополя 9 января 1906 г. в 7 час. 40 мин. пополудни.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что сего числа около 4 часов пополудни матрос 33-го флотского экипажа Иван Кириллов, содержащийся под арестом в здании 31-го экипажа и обвиняемый в числе других мятежников-матросов, задержанных вверенным мне полком в ночь 15 ноября, пользуясь редкой железной решеткой, вылез на подоконник второго этажа. На неоднократные требования часового, ефрейтора 2-й роты тоже вверенного мне полка, Алексея Зайцева, войти внутрь, матрос Кириллов отвечал площадной бранью, говоря: «вы кровопийцы, за 15 копеек суточных и рюмку водки

убиваете своего брата». Зайцев, видя, что слова не действуют, произвел в него выстрел, пуля попала в рот и убила Кириллова наповал. Убитый матрос Кириллов отправлен мною в морской госпиталь. № 181.

Командир Брестского полка полковник Думбадзе.

53.

От вице-адмирала Бирилева, отправленная из Петербурга 9 января 1906 г. в 10 час. 10 мин. пополудни.

Капитан 2-го ранга Зеленый, командующий батальоном на острове Эзель, доносит, что «обошел восточную и северную часть острова и с нашим появлением все успокаивается». О чем всеподданнейше доношу. № 136.

Вице-адмирал Бирилев.

54.

От свиты вашего величества генерал-майора Орлова, отправленная из Вендена 9 января 1906 г. в 11 час. 35 мин. пополудни.

Всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству, что отряд своим прибытием в Валк задержал революционное движение в Валкском и Верроском уездах. Железная дорога заработала на следующий день прихода отряда. Высылаемые с 13 декабря экспедиции восстановляли законные власти в волостях, захватывая все большие районы. 19 декабря открыто движение железной дороги Валк — Пернов — Феллин. Высланный 17 декабря 5-й уланский пятидневным набегом на Мариенбург — Верро окончательно остановил брожение эстов Верроского уезда, что передалось и на север уезда. Вспыхнувшее восстание в Эстляндии побудило меня двинуть два отряда на Пернов и Феллин. 2-й уланский направлен был на север от Пернова от залива на 150 верст по границе Эстляндии. Результат отличный. 27 декабря 5-й уланский и отряд графа Граббе [244], вышедший на Альт-Шваненбург, оперировали по линии железной дороги Мариенбург — Штокмансгоф. 29 декабря поезд дошел до Штокмансгофа. 2 января открыто пассажирское движение сквозное Валк — Штокмансгоф. Вошел в связь с генералом Мейнардом. 3 января из Пернова двинут отряд на Гайнаш — Салисмюнде, обстреливавший эти местечки. 4 января двинулись отряды из Салисмюнде, Лемзаль, Салисбурга в район Лодигер

и далее между заливом и железной дорогой из Альт-Шваненбурга, Сесвегена на Сербен, Альт, Пебальг и далее на Ригу. Штаб отряда 6 января перешел в Венден. С 8 января движение отрядов медленное. Для общей очистки восставшей местности узловой пункт Валк охраняется отрядом. Казаки гарнизонов назначаются теперь в отряды. Действие отрядов в некоторых местах южнее Рижского шоссе карательное. По сегодня убито 22, расстреляно 78, много подвергнуто экзекуции; сожжено строений 70; пироксилином взорвано строение, где было в октябре нападение на войска. С 12 декабря, в районе действий отряда, сожжено восставшими одно имение и дом урядника. Отряд графа Граббе, выполнив задачу, прибыл сегодня в Венден; завтра расформировывается. Вчера на его место выслан сильный кавалерийский отряд. Заболевшие сибирской язвой от полушубков, вследствие сделанной во-время операции, поправились. Умер лишь один вахмистр 5-го эскадрона, бывший далеко в экспедиции, где операции произвести нельзя было. Дезинфекция полушубков произведена, воротники отрезаны; полагаю, больше случаев язвы не будет. Больных в отряде тринадцать, все легко. *

Свиты вашего величества генерал-майор Орлов.

55.

От генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова, отправленная из Тифлиса 11 января 1906 г. в 6 час. 15 мин. пополудни.

Всеподданнейше доношу вашему величеству: начальник Сухумского округа [245] донес мне, что с начала почтово-телеграфной забастовки мятежники намеревались захватить власть в Сухуме и овладеть казначейством, но им это не удалось: город был объявлен на положении усиленной охраны и часть агитаторов арестована. С 22 декабря жизнь вошла в нормальную колею, шайки рассеяны, абхазцы держат себя похвально; новороссийский губернатор доносит, что в Новороссийске и Туапсе порядок восстановлен, в Сочи и Сочинском округе командированными войсками порядок восстановляется. Войска, командированные мною вдоль линии железной дороги, заняв Кутаис, восстанавливают путь между Нотанеби и Кабулеты под Батумом. № 12.

Генерал-адъютант граф Воронцов-Дашков.

* Текст телеграммы частично зашифрован.

56.

От генерал-адъютанта Пантелеева, отправленная из Чернигова 12 января 1906 г. в 8 час. 40 мин. пополудни.

Всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству, что из Орловской губернии сведений об изменившемся общем положении не поступало. В Льговском уезде, Курской губернии, при личном присутствии губернатора, с войсками и артиллерией, водворен полный порядок; тысячные сходы на коленях молили прощения, представили приговоры, выдали зачинщиков. Арестовано 71 человек. Обнаружены главари образовавшегося местного Крестьянского союза,[246] крайне опасного для населения. Сделано распоряжение об их аресте. 9 января выехал губернатор в Суджинский уезд, откуда получены тревожные сведения. В остальных уездах губернии без перемен. В Полтавской губернии очистка Лохвицкого уезда еще не закончилась, многочисленные аресты земских служащих продолжаются; в общем население уезда усмирилось и приведено в раскаяние. Тяжелее водворялся порядок в Хорольском уезде. Сосредоточенный мною летучий отряд встретил упорное сопротивление со стороны крестьян, бросившихся ему навстречу; среди мятежников 12 раненых. В Константиноградском уезде начинавшееся было брожение также прекращено, и порядок восстановлен. Теперь еще один отряд двинут в Кобелякский уезд, где внезапно возникли серьезные беспорядки вследствие ареста земского врача; полиция неожиданным нападением мятежников обезоружена и избита. В Кременчугском уезде военное положение поддерживает спокойствие; продолжаются энергичные обыски, обезоруживание и аресты. По заявлению временного генерал-губернатора генерал-майора Штерича, снятие военного положения в ближайшем будущем еще нежелательно. Большой процент ареста земских служащих в этой губернии обращает на себя особое внимание. В остальных уездах без перемен. За недостатком войска не представляется возможным произвести немедленно все необходимые аресты, и приходится ограничиться принятием лишь некоторых охранных мер. В Черниговской губернии общее положение тревожное: во многих уездах производятся массовые порубки и хищения леса. Неудовлетворительный состав полиции, при неготовности еще конной стражи, не в силах предотвратить порубки, и лишь с появлением конницы возвращается похищенное, и производятся аресты грабителей. Начавшееся в некоторых местностях Новозыбковского уезда революционное движение, куда с войсками командирован был начальник губернского жандармского управления генерал-майор Рудов, теперь подавлено; сельские власти восстановлены, выданы и арестованы

зачинщики. В настоящее время генерал-майору Рудову поручено водворение порядка в Суражском уезде. Восстановление спокойствия в этой губернии, как и в Полтавской, встречает особое затруднение, как вследствие давно существующей и гнездящейся здесь революционной агитации, беззаконно развивавшейся в последнее время при содействии еврейской здесь оседлости, так и по крайнему недостатку войск, предоставленных в распоряжение губернатора для подавления смуты. Переполнение всех тюрем и мест заключения создает непреодолимые затруднения для размещения значительного числа ежедневно арестуемых. Необходимы скорейшие меры со стороны министерств внутренних дел и юстиции. В случае возникновения аграрных беспорядков весною и летом Черниговская губерния поставлена неминуемо будет в особо неблагоприятные условия, потому что за перемещением в 1895 г. 5-й пехотной дивизии в Волынскую губернию по мирной дислокации войск, здесь квартирует ныне лишь один полк 42-й пехотной дивизии. Постоянное присутствие и нравственное воздействие внушительной военной силы представляется для населения этой губернии неотложно необходимым. Для выполнения особых полномочий, повелением вашего императорского величества на меня возложенных по этой губернии, вследствие отъезда и тяжкой болезни губернатора, равно отсутствия и перевода других лиц администрации, просил министра внутренних дел о замещении их лицами опытными и уже ознакомленными с положением губернии, без чего деятельность моя, при настоящих условиях, задерживается отсутствием необходимых сведений. *

Генерал-адъютант Пантелеев.

57.

От генерал-адъютанта Максимовича, отправленная из Рузаевки 13 января 1906 г. в 8 час. 25 мин. пополудни.

Объехал некоторые селения Пензенского и Мокшанского уездов. Настроение населения вполне мирное, но местами под влиянием революционной пропаганды волнуется крестьянская молодежь, на что горько жалуются старики. Как и везде, крестьяне заявляют о малоземельи и неудобствах чересполосицы, крепко рассчитывают, что скоро им будет предоставлена возможность приобретения земли на льготных условиях. Села производят хорошее впечатление, избы и надворные постройки в порядке, о чем всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству.

Генерал-адъютант Максимович.

---

* Текст телеграммы зашифрован.

58.

От генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова, отправленная из Тифлиса 14 января 1906 г. в 3 час. 57 мин. дня.

Тифлис, 14 января. Всеподданнейше вашему величеству доношу: высланный из Тифлиса отряд занял Квирилы, Рион, вошел в связь с Кутаисом, а передовые его части восстановили железно-дорожное сообщение на Поти—Батум. Исправив здесь участок Нотанеби—Кабулеты, два батальона заняли Чиатуры — гнездо революционеров. К двум батальонам навагинцев в Озургетах подошел отряд полковника Крылова, [247] направленный мною из Батума. Генералы Шишковский, [248] Старосельский и Кипнидзе отозваны мною в Тифлис. Относительно случая обезоружения революционерами двух рот тенгинцев, поручил произвести предварительное расследование особо назначенной комиссией под председательством генерал-лейтенанта Янушковского. [249] С появлением тифлисского отряда в пределах Кутаисской губернии и прибытием туда временного генерал-губернатора генерала Алиханова банды революционеров бегут; для преграждения им доступа в Аджарию и Поти приняты меры. Несколько революционеров убито на станции Квирилы. Четверо весьма важных главарей захвачены на станции Рион. К генералу Алиханову явились многочисленные депутации Кутаисского и Шаропанского уездов с портретом вашего величества, с просьбою о помиловании и с готовностью исполнить все требования. Войска производят обыски, требуя выдачи оружия. Захваченные в Квирилском казначействе 200 000 взыщу. Приказал требовать возвращения ружей тенгинцев. Рассчитываю, что принятыми мерами нормальный порядок в Кутаисской губернии будет скоро водворен. Отряд генерала Голощапова прошел на Ханкенды, на пути обстреляны артиллерийским огнем два армянских селения, виновных в нападении на транспорт 26 декабря. От Шуши потребовано прекращение всяких распрей, еще до прибытия отряда. № 18. *

Генерал-адъютант граф Воронцов-Дашков.

59.

От камергера Курлова, [250] отправленная из Минска 14 января 1906 г. в 6 час. 40 мин. пополудни.

Всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству, что сего числа в 12 1/2 час. дня, когда я с офицерами местного гарнизона выносил из кафедрального собора гроб скончавшегося

---

* Текст телеграммы зашифрован.

начальника местной бригады генерал-майора Курча, [251] неизвестным злоумышленником из толпы была брошена бомба, оцарапавшая мне голову и безвредно упавшая к моим ногам. Счастлив, что, по воле божьей, могу продолжать служить своему государю. Соучастница задержанного злоумышленника несколько раз стреляла в полицеймейстера, у которого прострелен воротник пальто и мундира. Полицеймейстер невредим. Оба преступника задержаны. Оскорбление религиозных чувств войск, бывших в почетном конвое, который несомненно пострадал бы со всеми высшими представителями духовной, военной и гражданской власти, окружившими гроб, считаю беспримерным. Всеподданнейше испрашиваю соизволения вашего величества судить виновных военно-полевым судом.

Исправляющий должность минского губернатора,
двора вашего императорского величества камергер
Курлов.

60.

От генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова, отправленная из Тифлиса 16 января 1906 г. в 11 час. 46 мин. попол.

Сейчас убит бомбой генерал-майор Грязнов. [252] Убийца задержан.

Граф Воронцов-Дашков.

61.

От генерал-адъютанта Максимовича, отправленная из Пензы 16 января 1906 г. в 12 час. 15 мин. пополудни.

Посетил некоторые селения Городищенского, Саранского Инсарского и Наровчатского уездов, чем и закончил объезд Пензенской губернии. Хотя настроение крестьянского населения еще не вполне нормально, но спокойствие и порядок нигде не нарушаются, и аграрное движение в губернии можно признать прекратившимся. Во всех посещенных мною уездах крестьяне обращались ко мне со словесными и письменными заявлениями о крайнем недостатке земли и тяжелых жизненных условиях. О чем всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству.

Генерал-адъютант Максимович.

62.

От генерал-майора фон-дер Лауница, [253] **отправленная из Тамбова 16 января 1906 г. в 3 час. 16 мин. пополудни.**

Доношу вашему императорскому величеству, что сегодня на станции Борисоглебск командированный для ликвидации революционного комитета советник губернского правления Луженовский [254] ранен пятью пулями. Преступница, назвавшаяся гимназисткой Александровой, прибывшая из Тамбова, арестована.

Управляющий губернией, генерал-майор
Владимир фон-дер Лауниц.

63.

От генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова, отправленная из Тифлиса 16 января 1906 г. в 5 час. 14 мин. пополудни.

Всеподданнейше доношу вашему величеству: получил донесение генерал-майора Алиханова: «Сегодня вблизи Квирилы, в присутствии всех офицеров отряда и местных гражданских чинов, принимал восьмитысячную толпу представителей 12 сельских обществ Шаропанского уезда с духовенством и дворянством во главе. С высоко поднятыми портретами вашего величества, с массой национальных флагов и икон, это безмолвное сборище с обнаженными головами представляло картину, поразившую всех. Выслушав чтение и перевод, депутации громогласно выразили полную готовность беспрекословно исполнить следующие общие требования, предъявленные населению всей губернии, и представили о том постановления обществ: прекращение всякого рода беспорядков, возвращение к мирным занятиям, восстановление всех правительственных и общественных учреждений, представить в казну к 1 февраля казенные и земские денежные сборы, возвращение захваченного оружия и патронов, немедленное исполнение воинской повинности, удовлетворение помещиков надельными повинностями, выдача главарей, возмущающих население, и дезертиров, возвращение имущества и денег, захваченных в казенных учреждениях и у частных владельцев. После этого духовенство привело народ к присяге на верное подданство вашему величеству. Военный оркестр сыграл гимн, сопровождавшийся раскатами «ура». Полковник Крылов, из Озургет, доносит, что часть жителей ушла в горы, боясь репрессий, другая произвела с целью грабежа ряд пожаров, при чем взорвалась масса патронов и бомб. Отряд приступил

к выполнению своей задачи. От четырех обществ Шаропанского уезда получил следующую телеграмму: лица всех сословий и состояний в числе более пяти тысяч, собравшись в Сачхарах, во главе священников [?], с портретом вашего величества, перед чудотворной иконой божьей матери коленопреклоненно припяли присягу на верноподданность вашему величеству, поклялись выдать всех зловредных государству членов своих. Ходатайствуют об усилении административной охраны, при чем умоляют личного прибытия генерал-майора Алиханова. Батальоны произвели аресты. Суд прибыл. Уже выданы нападавшие на тенгинцев. Генерал-лейтенант Янушковский, командированный мною для расследования по делу обезоружения двух рот, донес, что комиссия приступила к следствию на станции Квирилы. № 21.

Генерал-адъютант граф **Воронцов-Дашков.**

64.

От генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова, отправленная из Тифлиса 16 января 1906 г. в 6 час. 57 мин. пополудни.

Мусульманское население Аджарии на тысячном сходе в селении Аджарис-Цхали, в присутствии военного-губернатора, вознеся молитву всевышнему о здравии и благоденствии вашего императорского величества, просило повергнуть к стопам вашим, государь, чувства беспредельной преданности и готовности исполнить верноподданнический долг по поддержанию спокойствия и порядка в крае, не щадя своей жизни до последней капли крови. Об этом счастлив донести вашему императорскому величеству.

Генерал-адъютант граф **Воронцов-Дашков.**

65.

От генерала Дукмасова,[255] отправленная из Екатеринодара 18 января 1906 г. в 1 час 15 мин. пополудни.

Всеподданнейше доношу: Пластуны 17-го батальона обещались загладить увлечение честною службою. Винтовки выданы только одной сотне для охраны железной дороги, теперь выдаются другой сотне. Через неделю батальон организуется и будет охранять Владикавказскую дорогу; новый командующий батальоном офицер надежный; 14-й и 15-й батальоны в разброде по станицам. Послано приказание собираться в Майкоп и ста-

ницу Славянскую. Надеюсь 25-го кончить осмотр этих батальонов. Второй Урупский полк в неопределенном состоянии, некоторые станицы, переполненные иногородними, в брожении. К 25 января выяснится результат усилий к приведению на путь долга урупских казаков. № 4. *

Генерал Дукмасов.

66.

От генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова, отправленная из Тифлиса 18 января 1906 г. в 3 час. 3 мин. пополудни.

Всеподданнейше доношу вашему величеству содержание телеграммы генерал-майора Алиханова из Квирил: Покончив дела Шаропанского и части Кутаисского уездов, имею честь донести, что многотысячная депутация от 36 сельских обществ, явившаяся с портретами вашего величества, иконами и национальными флагами, выслушав предъявленные им требования, представила свои постановления о безусловном их исполнении в определенный срок. Являются с повинной дезертиры и арестанты. Деньги начнут вносить через три дня. Ждут назначения набора. Выдано оружие роты [?] тенгинцев. В этой части спокойствие полное, о том же получил донесение из Гурии, где полковник Крылов действует превосходно. Белогорах патруль наткнулся на двух вооруженных милиционеров, один убит, другой ранен, взяты ружья, револьверы, кинжалы. Разбросанные перемешанные войска губернии урегулировал четырьмя отрядами определенной цели, кутаисский губернский, охранный для железных дорог и летучий, усиленный для действий, где понадобится. № 28.

Генерал-адъютант граф Воронцов-Дашков.

67.

От генерала Меллер-Закомельского, отправленная из его походного телеграфа 19 января 1906 г. в 2 час. 40 мин. пополудни.

Сибирской и Забайкальской дороги все высшие служащие, телеграфисты, рабочие почти сплошь революционеры. Более надежные кондуктора и чернорабочие. Необходимы строгие меры. На станции Мысовой расстрелял трех телеграфистов,

---

* Текст телеграммы зашифрован.

двух членов комитета и двух пропагандировавших революцию среди эшелонов запасных. По просьбе генерала Ренненкампфа еду на Читу. № 98.*

Меллер-Закомельский.

68.

От генерал-адъютанта Пантелеева, отправленная из Чернигова 19 января 1906 г. в 10 час. 50 мин. пополудни.

Всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству, что в Орловской губернии, в уездах Брянском и Севском, происходят еще порубки лесов, но мерами полиции и стражи награбленное возвращается владельцам, и производятся аресты виновных. В Орловском уезде, под влиянием большого числа возвращающихся с заводов и шахт рабочих, а также запасных нижних чинов, замечается неспокойное настроение. В городе Судже, Курской губернии, исправник по оплошности допустил два митинга и насильственное освобождение из тюрьмы арестованных. Исправник уволен, освобожденные заключены в тюрьму. Других выдающихся событий в губернии не произошло; в Путивльском и Льговском уездах теперь заметно спокойнее. В Лохвицком уезде, Полтавской губернии, летучий отряд, арестуя вожаков, заканчивает свою деятельность. В Хорольском и Кобелякском уездах порядок водворен. Вновь начинавшиеся аграрные беспорядки в Константиновском уезде прекращены, зачинщики выданы. В Золотоношском уезде продолжаются еще беспорядки по насильственному снятию рабочих; для прекращения забастовки губернатор выслал в экономии для работ арестантов под сильным конвоем. В остальных уездах затишье, но в общем в губернии продолжается брожение, главным образом, под влиянием местных революционных газет, вследствие чего издание трех крайне вредных газет мною приостановлено. В Кременчуге и в уезде арестованы важные агитаторы, настроение сдержанное, военное положение представляется необходимым продлить. Вчера, в 2 часа дня, на главной улице Полтавы убит из револьвера советник Филонов, [256] один из выдающихся деятелей по прекращению беспорядков; преступник скрылся. По Черниговской губернии тревожных донесений не поступало, и заметно, в общем, успокоение. В некоторых местах производятся еще порубки лесов, но мерами, принимаемыми полицией, при содействии войск, награбленное возвращается, и виновные арестовываются. В настоящее время наиболее беспокойным представляется еще Суражский уезд, в котором в течение продолжительного времени усиленно и без-

---

* Текст телеграммы зашифрован.

наказанно работали агитаторы Крестьянского союза. Для полного водворения в этом уезде порядка и ареста агитаторов командировал начальника губернского жандармского управления с отрядом войск. В городе Конотопе и уезде спокойно. Поезда проходят без задержек, железнодорожные мастерские открыты 16 января. В случае правильного в них хода работ и ожидаемого успокоения рабочих, представится возможность снятия военного положения. *

Генерал-адъютант Пантелеев.

69.

От свиты вашего величества генерал-майора Орлова, отправленная из Сегеля 22 января 1906 г. в 1 час 30 мин. пополудни.

Всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству, что шесть эскадронов вверенного мне отряда 12-го подошли к Риге, заняв Манусгоф, Нелинсгоф, Берсгоф, Стопингоф и Куртенгоф. 21-го встали так, что могли бы воспрепятствовать всякому движению из Риги, если решены были бы аресты; получив извещение, что аресты не будут произведены, и дальнейшие инструкции, даю трехдневный отдых эскадронам, сделавшим за все время 4600 верст. После чего кавалерия идет тремя колоннами на восток, оставляя в известных местах, для действий, порайонно, эскадроны. Сегодня войска вверенного мне отряда [?] находятся: 2-й кирасирский, 5 уланских, полусотня, два орудия, 2-я стрелковая и саперная роты — у Риги; 2-й уланский — в Зегевольде; четыре орудия — в Вендене; 1-я стрелковая и 4-й кирасирский — в Валке; 3-я и 4-я с пулеметами — в Юрьеве. Больных — 12. Конский состав в отличном состоянии. № 265. **

Свиты вашего величества генерал-майор Орлов.

70.

От генерала Меллер-Закомельского, отправленная из Читы (походный его телеграф) 22 января 1906 г. в 6 час. пополудни.

Чита сдалась без боя. Еду обратно. № 125.

Генерал Меллер-Закомельский.

---

* Текст телеграммы зашифрован.
** Текст телеграммы зашифрован.

71.

От генерал-лейтенанта Меллер-Закомельского, отправленная с его походного телеграфа 23 января 1906 г. в 12 час. 30 мин. пополудни.

Генерал Холщевников своим преступным попустительством довел Забайкальскую область до положения очень серьезного. Поднял казаков на аграрной почве, объявив им, что кабинетские и казенные земли должны принадлежать им, казаки примкнули к читинской революции. Потворствовал всем действиям революционеров, приказал выдать оружие, посещал митинги нижних чинов и рабочих, сбил с толку многих офицеров гарнизона своим распоряжением, что читинское собрание для них представляет законную власть теперь, до созыва учредительного собрания. Подрывал дисциплину, выпуская арестованных нижних чинов, даже таких, которые оскорбили своих начальников действием. Для подавления читинской революции необходимы самые строгие, беспощадные меры. Сейчас, хотя они все были сильно вооружены, но в виду движения Ренненкампфа и меня с двух сторон, побросали оружие, вооруженного восстания не поддержали. Генерал Ренненкампф просил меня помощи, ожидая серьезного отпора. Так как рисковать неудачей, могущей отразиться крайне пагубно на всей армии и в государстве, нельзя было, то я не решился итти со своим малым отрядом и захватил с собой в Инокентьевской посланный генералом Сухотиным [257] отряд, в составе Омского сибирского полка — 50 человек, Томского сибирского — 85, казаков сибирского войска — 30, пулеметный взвод и сапер — 18, под начальством подъесаула Алексеева, и из Верхнеудинска — триста человек Верхнеудинского полка. Они все выказали себя молодцами, самоотверженно неся службу; считаю нужным засвидетельствовать о выдающемся по своей энергии и распорядительности подъесауле Алексееве. Генерал Казбек своим постыдным малодушным поведением во Владивостоке сильно подорвал дисциплину в войсках гарнизона, теперь уже идет брожение в 8-й Восточно-Сибирской дивизии. Генерал-адъютант Линевич все время входил в переговоры со стачечными комитетами, находил нужным принимать их объяснения, объясняться с ними; начальники армии в резких письмах осуждали его поведение и указывали на падение дисциплины, но генерал Линевич отвечал, что это влияние духа времени. Отправка запасных произведена им вопреки настояния и мнения всех генералов. Генерал Путята [258] просил генерала Линевича уволить начальника Благовещенской почтово-телеграфной конторы, как [не?] примкнувшего к забастовке, и генерал Линевич это исполнил. Генерал Линевич явно потворствует Холщевникову, просит Ренненкампфа относиться снисходительно к нему и всем читинцам

и телеграфистам. Министр внутренних дел требует самого строгого наказания. Линевич ставит всех в двойственное положение. Начальник забайкальской местной бригады, командующий Читинским полком, временно командующий 1-й Сибирской дивизиею генерал Румшевич [259] своими речами и бездействием власти вводят полный разврат, благодаря чему Читинский, Нерчинский, Сретенский полки деморализованы, и один только Верхнеудинский полк, как мог судить, надежен. Осмеливаюсь по долгу службы и по крайнему убеждению донести вашему величеству, что терпимость в армии генералов, подобных Линевичу, Казбеку, Холщевникову, Путяте и Румшевичу, должна повести к полному упадку дисциплины, вносит полную деморализацию, последствием чего являются все эти бунты и волнения в войсках, и может грозить безопасности государства. Зная решительность Ренненкампфа, и, так как он не нуждается в моей помощи, еду обратно, чтобы восстановить на Сибирской дороге движение грузов на восток. Программа стачечного комитета состоит в том, чтобы заморить голодом армию и не допустить ее возвращения в Россию. Предполагаю, что такие начальники дорог, как Ивановский и выказавший полную неспособность как помощник, после назначенный на Самаро-Златоустовскую, — Штукенберг, вряд ли поставят должным образом это дело. В виду особого значения Сибирской дороги и для обеспечения от повторения подобных забастовок, полагал бы необходимым сделать эту дорогу военной. Из иностранных сведений: Япония не давала сообщения с армией, ожидая общей революции в России, и открыла сообщения, только когда мой поезд выехал на Сибирскую дорогу. Высочайшая депеша, полученная генералом Линевичем 24 декабря, передана только 29-го Ренненкампфу. № 129. *

Меллер-Закомельский.

72.

От генерал-лейтенанта Ренненкампфа, отправленная с его походного телеграфа 23 января 1906 г. в 4 час. 5 мин. дня.

Открытое революционное движение в Забайкальи началось в январе 1905 г. Последний акт вооруженного восстания должен был разыграться на днях как в Чите, так и в деповских станциях. Зараза проникла глубоко в войсковые части, расположенные в области. Я усматривал в высокой степени преступное бездействие власти со стороны генерала Холщевникова, которого, по выезде моем в область, приказал арестовать, но теперь после обыска освободил, ибо пока нельзя установить в его действиях явного злого умысла. Собранный материал дает доста-

* Текст телеграммы зашифрован.

точно данных для передачи дела суду, который необходим для поддержания престижа власти. Устранив от должности генерала Холщевникова, предписал ехать ему в Петербург в распоряжение министра. Революционеры захватили здесь около 25 000 трехлинейных винтовок, орудийные снаряды и взрывчатые вещества; в настоящее время в Чите-городе и мастерских производится отобрание оружия, но часть его еще не разыскана, или уничтожена, или скрыта. Розыски продолжаем. Революционеры предполагали оказать мне сильное вооруженное сопротивление. Перед моим приездом, прибывший сутками ранее генерал Сычевский [260] был в мастерских и увещевал подчиниться моим требованиям. Появился раскол в партиях, затем началась паника от распространившихся слухов о моих действиях, и вчера Чита-город и рабочий поселок с мастерскими были заняты без кровопролития; не было даже оказано малейшего сопротивления. Главные виновники все арестованы, но некоторые скрылись. Предполагаю судить их учрежденным мною временным судом. Пришлось арестовать почти всех нижних чинов 3-го резервного железнодорожного батальона, мятеж в котором достиг предела; при аресте убит мятежниками офицер того же батальона подпоручик Иващенко. Членов образовавшегося здесь Военного союза наличных арестовал, отсутствующих разыскивают. Газеты революционного направления во всей области приказал закрыть, типографии запечатать, редакторов и издателей арестовать. В восточной части Забайкалья угрожает голод; запасов муки нет; необходимы экстренные меры; что возможно — здесь делается. Предполагая сильное сопротивление, предложил генералу Меллер-Закомельскому прибыть на разъезд № 58, но, в виду [отсутствия?] вооруженного сопротивления, он собирается сегодня уехать в направлении к Иркутску. Для окончательного успокоения края просил генерала Линевича послать еще одну дивизию в область; часть войск направлю в Иркутск. Подвигаюсь не особенно быстро, так как произвожу основательную очистку железнодорожной линии. Прибывшие войска 5-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии исполнены желанием исполнить свой долг по присяге. О вышеизложенном всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству. № 243.

Генерал-лейтенант **Ренненкампф.**

73.

От генерал-лейтенанта Ренненкампфа, отправленная с его походного телеграфа 23 января 1906 г. в 5 час. 10 мин. дня.

Сегодня генерал Сычевский получил телеграмму министра внутренних дел, в которой он упрекает Сычевского, будто он вошел в переговоры с представителями революционеров. Доношу

что ничего подобного не было. Наоборот, благодаря действиям генерала Сычевского, избегнуто ненужное совсем кровопролитие. Мятежники дискредитированы в конец, и всем стало ясно, что за ними нет сил, и обманутые выдают главарей, которых арестовано значительное число. Нужно быть на месте, чтобы решить вопрос, когда приступить к действию оружием. Генерал Сычевский человек храбрый и честный, ни на какие компромиссы с революционерами не может итти; если его действия, давшие уже благоприятные результаты, будут на первых шагах резко порицаться, то правительство не найдет верных, храбрых, решительных и честных слуг. Невозможно за семь тысяч верст указывать, когда приступать к действию оружием. В Забайкальи авторитет власти вполне восстановлен. Беспредельно преданный вашему императорскому величеству и России, я считаю себя обязанным откровенно всеподданнейше донести о вышеизложенном. № 245.

Генерал-лейтенант Ренненкампф.

74.

От генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова, отправленная из Тифлиса 25 января 1906 г. в 2 час. 4 мин. пополудни.

Всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству: генерал Алиханов доносит, что 23 января, в присутствии начальника отряда полковника Крылова, жители города Озургеты и прилежащих селений во главе всего духовенства отслужили молебен за драгоценное здоровье вашего императорского величества и, коленопреклоненные, приняли торжественно присягу на верноподданство вашему императорскому величеству. Собравшимся народом были выражены чувства беспредельной преданности Вам, государь, и уверения, что большинство населения всегда были верными слугами вашего императорского величества. Виновниками всех смут и несчастия народ считает агитаторов и подстрекателей, большинство которых — недоучившаяся молодежь. После молебствия портрет вашего императорского величества, сопровождаемый духовенством с хоругвями и народом с национальными флагами, обнесен был по всему городу с пением народного гимна. Отряд генерала Голощапова, командированный в Елизаветпольскую губернию, по его донесению, освободил тракт Шуша—Евлах, снабдил город Шушу продовольствием и установил, повидимому, примирение между враждующими нациями. Для той же цели он двинул особую колонну в уезд Зенгезурский. Мною командирован сейчас еще в Казахский уезд особый летучий отряд, под начальством командира 80-го Кабардинского имени вашего величества полка полковника Левицкого.[261] № 2971.

Генерал-адъютант граф Воронцов-Дашков.

75.

От контр-адмирала Григоровича,[262] отправленная из Севастополя 27 января 1906 г. в 4 час. 12 мин. пополудни.

Всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству: сегодня на приеме около половины второго часа дня главный командир Черноморского флота ранен четырьмя выстрелами из революцера браунинга просительницей, назвавшейся дочерью адмирала Челеева. Положение серьезно, один выстрел в левое плечо, другой в правое, по одному выстрелу в каждую ногу. Адмирал в полном сознании. Преступница убита караулом. № 197.*

Начальник штаба контр-адмирал Григорович.

76.

От генерал-адъютанта Пантелеева, отправленная из Чернигова 28 января 1906 г. в 2 час. 20 мин. пополудни.

Всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству, что за истекшую неделю из Орловской губернии донесений о проявлении аграрных беспорядков не поступало. Заметно спокойнее становится и в Курской губернии. Попытка разгрома усадьбы в Рыльском уезде, благодаря своевременному прибытию войск, во-время остановлена. В Лохвицком уезде, Полтавской губернии, порядок вполне восстановлен. В Золотоношском уезде производятся аресты агитаторов. Получено тревожное донесение из Борисполя, Переяславского уезда, и сделано тотчас соответствующее распоряжение. Настойчивыми и последовательными распоряжениями временного кременчугского генерал-губернатора водворено спокойствие. В настоящее время генерал-майор Штерич объезжает весь уезд. Уполномоченные съезда землевладельцев представили мне ходатайство о продлении военного положения. 20 января вновь совершено в Полтаве убийство, из засады, начальника мастерских железной дороги инженера Литвинова;[263] убийца скрылся. В этой губернии, как наиболее зараженной преступной пропагандой, настроение вообще еще беспокойное. Начальник черниговского губернского жандармского управления генерал-майор Рудов вернулся в Чернигов, совершив с войсками обширный проезд по Суражскому уезду. После примерного наказания некоторых разбойничьих гнезд, везде сходы на коленях молили о пощаде. По просьбе могилевского губернатора генерал-майором Рудовым восстановлен поря-

* Текст телеграммы зашифрован.

док в пяти пограничных селениях. Теперь поступают донесения о возобновившихся взносах податей, перевозке обратно помещикам срубленного леса и награбленного имущества. В Кролевецком уезде, при розыске награбленного имущества, толпа оказала полиции сопротивление; при этом из числа крестьян один убит и три ранено. В Новгород-Северском уезде была попытка освободить конвоированных драгунами арестованных. Нападение отражено, при чем из нападавших один убит и три ранено. В остальных уездах беспорядков не было. На станции Конотоп спокойно; в мастерских возобновились работы, вследствие чего временный генерал-губернатор генерал-майор Свидзинский[264] ходатайствует о снятии военного положения. Для проверки действительно прочного успокоения и возможности в непродолжительном времени снятия военного положения, признал необходимым предварительно и постепенно уменьшить количество войск, расположенных на станции и окрестностях. Деятельно организуется конная и пешая полицейская стража, губернаторам даны мною общие указания и сделано распоряжение о привлечении строевых офицеров, находящихся в уездах, для обучения и подготовки к действиям команд стражников. Многознаменательные слова, которыми вашему императорскому величеству благоугодно было всемилостивейше выразить царскую волю депутации от крестьян Щигровского уезда, Курской губернии, ныне по отпечатании разосланы в села и деревни. *

Генерал-адъютант Пантелеев.

77.

От генерал-майора Байцурова, отправленная из Сестрорецка 30 января 1906 г. в 3 час. 20 мин. пополудни.

Доношу вашему императорскому величеству, что 29 января в 10 часу вечера, при объезде постов, ротмистр Редикульского отряда пограничной стражи Бернард-де-Граве был ранен в левую руку навылет револьверным выстрелом, в расстоянии около 100 саженей от станции Дюны Приморской железной дороги, при возвращении к Редикульскому посту. Стрелявший в партикулярном платье, по одежде рабочий. Ротмистр ехал один. Стрелявший не обнаружен. № 654.

Начальник Сестрорецкого гарнизона генерал-майор
Байцуров.

---

* Текст телеграммы зашифрован.

78.

От генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова, отправленная из Тифлиса 30 января 1906 г. в 6 час. 43 мин. пополудни.

Всеподданнейше доношу вашему величеству: генерал Алиханов доносит, что в Лечхумском уезде отряд полковника Гаврилова [265] встречается населением с духовенством, с иконами, изъявляют полную покорность и приносят присягу на верность вашему величеству. Вся южная Гурия приведена к присяге. В Зугдиди прибыл отряд полковника Ходзынского. [266] Все сельские общества выразили полную готовность выполнить предъявленные требования. Часть арестантов возвращена, а также винтовки стражников. Ограбленное квирильское казначейство почти пополнено. В Озургетах оружие сдают. Часть новобранцев и дезертиров отправлены в Батум.

Генерал-адъютант граф **Воронцов-Дашков.**

79.

От генерал-лейтенанта барона Меллер-Закомельского, отправленная с походного телеграфа сего 31 января 1906 г. в 11 час. пополудни.

3 февраля прибуду Челябинск. Испрашиваю разрешения вашего величества вернуться в Петербург. На Сибирской и Забайкальской дорогах до Читы восстановлен порядок; грузы, теплушки начали двигаться на восток. Паровозы отогреваются и исправляются, уголь подвозится. Революционные элементы дороги устраняются, арестуются, увольняются, часть бежала. Дорога охраняется надежными войсками 4-го Сибирского корпуса. Желательно скорейшее прибытие из армии еще одной дивизии для усиления гарнизонов Иркутска, Красноярска и Томска, где много революционеров. Вверенный мне отряд просит всеподданнейше ходатайствовать иметь счастье представиться вашему величеству в Царском Селе. Осчастливьте разрешением проехать из Москвы в Варшаву через Петербург. № 150. *

Меллер-Закомельский.

80.

От генерал-лейтенанта Ренненкампфа, отправленная с походного телеграфа 2 февраля 1906 г. в 10 час. 45 мин. пополуночи.

2 февраля 1906 г. Законный порядок между железнодорожными и телеграфными служащими на Забайкальской дороге

* Текст телеграммы зашифрован.

и телеграфистами Забайкальской области водворен. Благодаря тому, что войска безусловно преданы вашему императорскому величеству и России, было возможно без кровопролития заставить мятежников беспрекословно покориться законной власти. К половине февраля окончится следствие, и виновные понесут вполне заслуженную кару. Работа Забайкальской дороги уже значительно улучшилась. Есть надежда в половине февраля довести пропускную ее способность до десяти пар воинских. Выполнив волю вашего императорского величества относительно Забайкальской дороги со Сретенской веткой, отправляюсь в Иркутск, откуда немедленно вернусь в Читу для суждения виновных в мятеже. Испрашиваю дальнейших повелений вашего императорского величества. № 423.

Генерал-лейтенант Ренненкампф.

81.

От капитана 1-го ранга Барщ,[267] отправленная из Шербурга 8/21 февраля 1906 г. в 2 час. утра.

Довожу вашему императорскому величеству, что нынешней ночью матрос Ганин, будучи «нетчиком», возвращался с берега в сильно нетрезвом виде на большом парусном боту «Луизи». Не доходя сажен ста до «Авроры», выбросился за борт и, несмотря на принятые меры, утонул. Дознание производится. № 7.

Командир крейсера «Аврора» капитан 1-го ранга Барщ.

82.

От генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова, отправленная из Тифлиса 8 февраля [1906 г в 8 час. 31 мин. пополудни.

156-й пехотный Елизаветпольский полк, носитель достославного имени генерала князя Цицианова, [268] знаменуя молитвой нынешний день 9 февраля, столетнюю годовщину геройской смерти этого достойного вождя Кавказа, просит меня всеподданнейше повергнуть перед вашим императорским величеством чувства беспредельной любви полка к своему обожаемому монарху и уверения в готовности верно и беззаветно до потери жизни служить вашему императорскому величеству и дорогой родине. Доношу вашему величеству, что служба Елизаветпольского полка вполне отличная. № 4653.

Генерал-адъютант граф Воронцов-Дашков.

83.

От генерал-майора Вендта, отправленная из Крейцбурга 9 февраля 1906 г. в 10 час. 50 мин. пополуночи.

Всеподданнейше доношу: 8 февраля около 8 час. вечера, близ станции Ремерсгоф, Риго-Орловской железной дороги, при поисках ранен латышом в правую лопатку навылет командир морской роты лейтенант князь Путятин [269]; рана врачом признана неопасной. № 1185.

Начальник отряда генерал-майор Вендт.

84.

От генерал-лейтенанта князя Одоевского-Маслова, отправленная из Новочеркасска 12 февраля 1906 г. в 12 час. 13 мин. пополудни.

Искони преданное своим государям войско Донское, собравшись, по древнему казачьему обычаю, в войсковой круг, с благоговением выслушало высочайше пожалованную ему грамоту, торжественно прочитанную генерал-адъютантом князем Голицыным. Высокомилостивые слова вашего императорского величества преисполнили сердца верных донцов великою радостью и безграничною благодарностью возлюбленному монарху. Вознеся господу богу усердные молитвы о здравии и благоденствии вашего императорского величества, государынь императриц, августейшего атамана наследника цесаревича и всего августейшего семейства вашего, а также о ниспослании мира и спокойствия нашему дорогому отечеству, войско Донское повергает к стопам вашим, всемилостивейший государь, чувства беспредельной любви и преданности.

Войсковой наказный атаман генерал-лейтенант
князь Одоевский-Маслов.

85.

От генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова, отправленная из Тифлиса 16 февраля 1906 г. в 10 час. 45 мин. пополудни.

Всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству, что в Кутаисской губернии порядок восстановлен. Генерал Алиханов из Лечхумского уезда доносит, что сельские общества встречают его хлебом-солью, подати внесены полностью, оружие

доставляется арбами, агитаторы-дезертиры выдаются, большинство помещиков удовлетворено. Исполнение воинской повинности, при всей готовности населения уезда, встретит некоторое препятствие в уничтожении всех дел уездного управления. Население уезда, как и всех остальных Кутаисской губернии, о которых я ранее докладывал, уверилось, что имело несчастие поверить злоумышленникам, и вполне искренно обещало сплотиться в своих же интересах для борьбы с ними и выдачи всех вредных членов. В Тифлисской губернии население равным образом успокоилось, подати уплачиваются, повинности, и в том числе воинская, исполняются. В Елизаветпольской губернии армяно-татарская распря, повидимому, затихает, я отовсюду имею благоприятные сведения. В Кубанской области пластунский 14-й батальон, также три сотни Урупского полка приведены в порядок, принеся безусловную покорность и раскаяние и повергая свою участь к священным стопам вашего величества. В Баку вторая рота местного экипажа отказалась от караульной службы, но по аресте 33 матросов приведена в порядок. Сегодня десять злоумышленников в Батуме напали на ехавшую на вокзал почту, ранили сопровождавшего городового и, взяв 7232 рубля, бежали. № 3053.

Генерал-адъютант граф Воронцов-Дашков.

86.

От генерала-от-инфантерии Гродекова,[270] отправленная из Харбина 20 февраля 1906 г. в 12 час. пополудни.

Приговорами временного военного суда на станции Хилок, утвержденными генералом Ренненкампфом, 18 февраля восемь человек казнены смертью, одиннадцать человек осуждены в каторжные работы, на сроки от четырех лет до бессрочных, двое — к тюремному заключению. Все осужденные из числа рабочих и служащих Забайкальской железной дороги. № 141.

Генерал-от-инфантерии Гродеков.

87.

От генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова, отправленная из Тифлиса 20 февраля 1906 г. в 12 час. 42 мин. пополудни.

Всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству телеграмму, полученную от генерал-майора Алиханова из Они. По пути его проезда торжественно представлялись населения всех 23 сельских обществ Рачинского уезда, наиболее куль-

турного и зажиточного в губернии. Впечатление превосходное, раскаяние вполне искреннее, требования исполняются беспрекословно, деньги в казну внесены полностью, помещики удовлетворяются, виновные выдаются, или сами являлись и представляли оружие — сдана масса винтовок и револьверов. Наиболее провинившиеся общества на коленях приводились к новой присяге. Возложил на общества сохранение порядка и ответственность за преступление в своих районах. При чем с вооруженными людьми, обирающими народ, разрешил поступать как с разбойниками. Приговор над убийцей пристава Каболиани исполнен.

Генерал-адъютант граф Воронцов-Дашков.

88.

От временно-командующего 1-м Верхнеудинским полком Забайкальского казачьего войска, войскового старшины Куклина, отправленная из Владивостока 21 апреля 1906 г. в 3 час. 25 мин. пополудни.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что сего 21 апреля, в 5 час. пополудни, канонир 1-го Владивостокского крепостного полка 4-й роты Василий Соловьев, находясь в нетрезвом состоянии, выстрелом из винтовки ранил вверенного мне полка обозной команды казака Ивана Петрова— в левое бедро тяжело и 2-й сотни казака Иокинфа Воложапина— в правую икру легко. Помощь подана. № 1765.

Временно-командующий 1-м Верхнеудинским полком Забайкальского казачьего войска войсковой старшина

Куклин.

89.

От генерала-от-кавалерии барона Каульбарса, отправленная из Одессы 21 апреля 1906 г. в 3 час. 40 мин. пополудни.

Всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству, что все части 15-й пехотной дивизии прибыли с Дальнего Востока во вверенный мне округ. Все прибывшие эшелоны торжественно встречаются; настроение людей было радостное и приподнятое, и, при высадке на родной берег, восторженное «ура» прибывающих и встречающих покрывало тосты о здравии и благоденствии вашего императорского величества и дорогой родины. № 535.

Генерал барон Каульбарс.

V.

СВОДКА ИЗ ГОДОВЫХ ОТЧЕТОВ ГУБЕРНАТОРОВ

о революционном движении 1905 года.

И. д. бакинского губернатора статского советника Алышевского.[271]

Февральские беспорядки и резня между татарами и армянами в Баку начались с убийства несколькими армянами в центре города близ армянской церкви зажиточного и весьма влиятельного мусульманина Бабаева.

Жертвами этой резни были несколько сот армян и татар и разгром нескольких лавок и частных квартир.

Во время августовского столкновения между армянами и татарами число человеческих жертв было сравнительно невелико, но материальные убытки были громадны.

Варшавского губернатора гофмейстера Мартынова.[272]

С начала года возникла смута; постепенно разрастаясь, она распространилась по всей губернии, принимая все более и более «возмутительный, ожесточенный характер».

«Фанатическое настроение польского общества и враждебность к русским приняли размеры, никогда раньше небывалые»,* и польские патриоты-шовинисты, рассчитывая на происшедшие внутри России раздоры и смуты и на временное ослабление русского государства неудачною войною с Япониею, «поставили себе главною задачею внушить темным народным массам сумасбродную мысль — добиваться совокупными силами самостоятельного управления, воз-

* Набранное разрядкой, кроме подзаголовков, подчеркнуто в оригинале. Слова и фразы, заключенные в кавычки, — выдержки из подлинных отчетов.

можного при возрождении Польского королевства». Всюду рассылались сотнями тысяч революционные брошюры и воззвания; ксендзы и клерикальные элементы вели устную пропаганду; специальные агенты объезжали города и деревни и «возбуждали непримиримую вражду ко всему, что только носило хотя бы малейший отпечаток русского имени». Печать, получив свободу слова, разжигала страсти и указывала на революцию как на единственное средство, могущее вывести поляков из «русской темницы» и освободить от «невыносимого ига русских варваров».

«Агитация шла из двух партий, между собою враждебных, стремящихся к различным целям и идущих разными путями, но всю энергию свою направивших на возбуждение смуты и анархии, на борьбу с русскою властью». Одна из этих партий — великопольская национально-демократическая и другая — социально-революционная.

В самом начале своего развития народное возмущение и беспорядки не встретили «сколько-нибудь серьезного отпора со стороны властей» и, начавшись сперва в городах, перешли на фабрики и заводы, перекинулись на помещичьи фольварки и, наконец, возникли в гминах среди самого консервативного элемента — крестьянского. Обнародование манифеста 17 октября, истолкованного в ложном свете, «не произвело умиротворяющего действия, а, напротив, вызвало настолько выдающиеся, серьезные события, что гор. Варшава и Варшавская губерния представляли собою один общий мятежнический стан».

На улицах и площадях устраивались митинги, на которых ораторы призывали к бунту; в городах, посадах и селах, часто при участии и по личной инициативе католического духовенства, устраивались многолюдные патриотические «демонстративные шествия, с пением революционных песен, с несением хоругвей, красных и черных флагов, на которых изображались польские белые орлы, разные другие польские эмблемы и революционные надписи». Вся польская шляхта энергично способствовала крайним организациям в их работе по деморализации крестьянской среды. На гминных сходах, при непосредственном участии помещиков, составлялись приговоры революционного и сепаратистического содержания, с угрозою в ожидании реформ не платить податей, не посылать детей в училища и не отбывать воинской повинности. В некоторых местах эти угрозы отчасти приводились в исполнение, при чем в школах рвали русские учебники и уничтожали портреты высочайших особ и преследовали тех из учителей и гминных должностных лиц, которые еще оставались верными служебному долгу и русскому правительству. Начались забастовки: приостанавливались фабрики и заводы, врачи отказывались лечить больных, а аптеки — отпускать лекарства.

Лишившись источников пропитания, рабочие стали образовывать вооруженные шайки грабителей. Сперва разбою придавали политический характер, но когда казенные учреждения обзаве-

лись охраною, грабеж перешел на частных лиц. В одном лишь Варшавском уезде в 1905 г. было совершено 28 убийств частных лиц и 19 земских стражников.

«Невольно рождается вопрос, как допустила все это местная власть, почему не была раздавлена крамола при самом ее возникновении. Местные жители, вспоминая крутые меры правительства в 1863 г. и беспощадное подавление мятежа, недоумевали, что стало с энергией и решительностью русской власти. Они были правы. Власть оказалась растерянной, колеблющейся, непоследовательной, при полном отсутствии программы. Последний недостаток ощущался и при нормальном положении края, а потому, в зависимости от взглядов главного начальника его, дело государственного объединения окраины с центром подвигалось более или менее успешно, бывали даже эпохи регресса, правда, кратковременные. Каждый служащий в крае русский чиновник, как бы скромно ни было его служебное положение, ясно сознает, для чего мы сюда присланы, и чего от нас Россия ждет, и потому русское государственное дело, хотя и с остановками и временными уклонениями, но все же подвигалось путем, предопределенным исторически сложившимися условиями. В настоящее же время стало очевидно, что с коренным преобразованием государственного строя России рушится и режим, коим управлялся Привислянский край со времени повстания. Чем будет заменен упраздненный порядок, еще не установлено, но уже изданы отдельные мероприятия; удовлетворены некоторые домогательства, до того вызвавшие движение, подавляемое местными властями. Сознание последними непроизводительности потраченных ими усилий не могло не отразиться на энергии дальнейшей их деятельности. Должно считаться и с тем обстоятельством, что за истекший (1905) год переменилось три руководителя центрального управления и столько же местного края,[273] видоизменялись господствовавшие течения, в зависимости от коих вводилось и отменялось военное положение, наполнялись тюрьмы заключенными и вновь от них освобождались. Лишь с конца ноября стали получаться из министерства внутренних дел вполне точные указания, началась эра энергической борьбы с крамолой, результат ее не подлежит никакому сомнению».

Неблагоприятно отражается на успехе подавления революционного движения еще и то обстоятельство, что законоположения, регулирующие управление краем при военном положении, имеют в виду производство военных действий, когда во главе всего дела стоят военные начальники, которым гражданская власть оказывает лишь содействие; между тем, военное положение введено теперь в крае совершенно с другими задачами, и военным начальникам, поставленным как во главе губерний, так и во главе районов, на которые каждая губерния разбивается, приходится действовать в сфере, совершенно им чуждой. Не находясь ни

в каких служебных отношениях к губернатору, военные начальники дают ближайшие указания местной администрации и полиции, и, таким образом, начальник уезда может по тому же делу получить противоречивые приказания от своего военного и гражданского начальства, а может случиться и так, что то и другое уклонится от дела, сваливая ответственность один на другого.

Существование трех необъединенных под общим руководством видов полиции — общей, жандармской и железнодорожной жандармской — тоже очень неудобно. Необходимо образование розыскной части.

Служба русских людей, заброшенных на эту окраину, была в отчетном году чрезвычайно трудна и полна опасностей. В особенности тяжело приходилось земским стражникам, которые живут «впроголодь по деревням губернии среди явно неприязненного к ним населения, не находя ни в ком ни поддержки, ни утешения». «Нельзя не относиться с чувством особенного уважения к этим простым людям».

И. д. варшавского обер-полицеймейстера полковника Мейера.[274]

Летом 1905 г. революционное движение и разнузданность черни, «подпавшей всецело под влияние агитаторов-революционеров», приняли крайние пределы; обстановка заметно начала изменяться к лучшему лишь в августе, когда город был объявлен на военном положении, и к октябрю наступило некоторое успокоение. Но период после манифеста 17 октября, совпавший с отменой военного положения, «был отмечен непрерывным рядом уличных демонстраций, многочисленными митингами всевозможных политических партий и более всего резким пробуждением затаенных националистических стремлений всех слоев польского населения. Во всех общественных собраниях и всеми органами польской печати открыто высказывались сепаративные стремления нации, и пропагандировалось ограничение русской государственности и возрождение самобытных форм народной жизни. Явно бойкотировались не только русский язык, русская школа, русская народность, но и русская власть, которую та же печать беспощадно подвергала поруганию и незаслуженной клевете».

«Совпавшие с этим периодом времени события в Финляндии еще более укрепили польское население не только в решении во что бы то ни стало настаивать на введении в управление краем автономных начал, с особым сеймом в гор. Варшаве, но и в мечтаниях о полном отделении царства Польского от России. На почве этих домогательств не только социалистические, но и народнические партии стали прибегать к явно революционным способам достижения своих целей, насильственно уничтожая русский текст вывесок, разгоняя учеников из правительственных школ с пре-

подаванием на русском языке и прибегая к террору для искоренения этого языка в общественных и даже некоторых правительственных учреждениях».

«1905 год завершился вторичным объявлением 9 декабря Варшавы на военном положении, совпавшим с периодом наибольшего подъема революционного настроения рабочих масс в крае и усиленного стремления всех консервативных и буржуазных элементов к отпадению от России».

Борьба с революционным движением затрудняется ограниченностью материального обеспечения городовых, получающих всего 15 рублей в месяц жалования в то время, когда в главных центрах Империи жалование их доведено до 30 рублей в месяц. Это обстоятельство, связанное с опасностью несения полицейской службы и бойкотированием населения, имело следствием некомплект городовых в августе 1905 г. в 300 человек. За 1905 и 1906 г. чинов варшавской полиции убито 72 и ранено 158 человек.

Витебского губернатора камергера барона Гершау-Флотова.[275]

«Революционная деятельность разного наименования подпольных организаций, состоящих в Витебской губернии исключительно из еврейской молодежи, в минувшем году достигла небывалого развития». Манифест 17 октября был понят революционерами, «как победа над правительством», и они «в первый же день по получении манифеста проявили себя в актах возмутительного своеволия; встретив отпор со стороны администрации, они принялись за агитацию по деревням, пока без значительного успеха, вследствие недоверия крестьян к евреям. Но все же борьба с агитациею в деревнях и революционными проявлениями восставших латышей потребовала чрезвычайного напряжения всех сил крайне малочисленной сельской полиции», и только благодаря введению в губернии полицейской стражи явилась возможность предупреждать и подавлять беспорядки без вызова войск.

Беспорядки в Двинском уезде, вызванные сокращением площади частновладельческих лесов, выдвигают на первую очередь вопрос о переходе от древесного топлива к другому и о замене леса иными строительными материалами. Выполнение этой задачи могло бы взять на себя земство, но для этого необходимо реформировать его, распространив на Витебскую губернию общее земское положение.

Владимирского губернатора действительного статского советника Сазонова.[276]

С самого начала 1905 г. начались волнения среди фабричных и заводских рабочих, доходившие до вооруженных столкновений

с полицией и войсками. К маю месяцу наступило успокоение, но в октябре снова начались забастовки, и в ноябре бастовали «почти все фабрики губернии, до того не принимавшие участия в рабочем движении». В большинстве случаев забастовки носили мирный характер и отличались своей кратковременностью, за исключением забастовки с 29 октября по 25 ноября в м. Никольском 7900 рабочих т-ва С. Морозова с-н и К-о, являвшейся продолжением одновременного московского рабочего движения. Такого же характера были беспорядки на Александровских фабриках, начавшиеся 7 декабря арестованием местной полиции. «9 декабря фабрикант Баранов с несколькими рабочими, ворвавшись в уездное казначейство, обезоружил и. д. исправника, двоих полицейских надзирателей и городовых и отправил их к себе на фабрику. Беспорядки прекратились с прибытием казаков, и когда командир квартирующего в гор. Александрове резервного саперного батальона, по требованию губернатора, арестовал Баранова и освободил полицию».

Революционное движение выразилось и в беспорядках почтово-телеграфных и железнодорожных. Были случаи вооруженного столкновения с войсками.

«Если и удалось поддержать в губернии в это тревожное время порядок, то, главным образом, благодаря содействию, оказанному войсками, преимущественно же полками 1-й бригады 3-й гренадерской дивизии, а равно и расположенными в пределах губернии донскими казачьими частями».

Волынского губернатора действительного статского советника барона Штакельберга. [277]

«Еврейские погромы в губернии стоят несомненно в связи с тем революционным движением отчетного года, в котором еврейская молодежь приняла столь видное участие». Молодежь эта, как выяснилось из судебного разбирательства по делу о погроме в м. Троянове, держит себя крайне бестактно и оскорбительно для русского национального чувства.

В числе неблагоприятных обстоятельств для развития земледельческой культуры «главнейшие: шаткость крестьянского земельного правопорядка, неразвитость массы крестьянского населения, наличность сервитутных прав крестьян в помещичьих угодьях, чересполосность их наделов с землями помещичьими и дробность и чересполосность надельных крестьянских земель между собою». Необходимо, в первую очередь, поставить «пересмотр правовых норм, определяющих порядок крестьянского землепользования, и уничтожение сервитутов».

Земская реформа по закону 2 апреля 1903 г. «не оправдала возлагавшихся на нее надежд», и «земское хозяйство Волынской губернии могло бы стать на более правильный путь с введением

в губернии земских учреждений на основаниях общих с такими же учреждениями в губерниях внутренней России».

Воронежского губернатора действительного статского советника Бибикова.[278]

Аграрное движение явилось «прямым последствием преступной пропаганды» агентов двух земских организаций: воронежской губернской земской управы и общеземской организации:

«Воронежское земское собрание сессии 1904 г., предвидя возможность появления в губернии холерной эпидемии, ассигновало губернской управе 220 тыс. рублей для мероприятий по борьбе с эпидемией. На эти средства губернская управа открыла в разных сельских местностях врачебные и продовольственные пункты, устроила бараки для больных и в конце апреля пригласила дополнительный штат медицинского персонала, свыше 200 человек, в состав которого вошли врачи, фельдшера, студенты-медики и слушательницы медицинских курсов. Эпидемия, для борьбы с которой были приглашены эти лица, вовсе не появлялась, но врачебные пункты и столовые, привлекавшие народ, были открыты. Врачебный персонал, не имевший, в сущности, никаких определенных обязанностей, занимался исключительно политической агитацией: в столовые собирался народ; студенты и курсистки разъезжали по селениям с целью подачи будто бы медицинской помощи в разных болезнях; устраивались сходки и раздавались крестьянам газеты самого крайнего направления, вполне заменявшие собою прокламации». «В пропаганде приняли участие почти все земские служащие: врачи, фельдшера, агрономы и народные учителя; возбуждение в среде населения под влиянием прочитанного и внушений агитаторов быстро росло».

Продолжением такой преступной агитации явилась деятельность общеземской организации, принявшей участие в деле воспособления пострадавшим от недорода в 1905 г. «На средства этой организации местным комитетом ее были открыты столовые во многих сельских местностях с целью снабжения крестьян горячей пищей. Для заведывания столовыми приглашались особые уполномоченные, в состав коих вошли преимущественно лица крайнего направления. Продовольствие населения имело для них второстепенное значение и служило лишь благовидным предлогом для сближения с народом в целях политической агитации и проведения в крестьянскую среду вредных тенденций. Столовые открывались даже в таких местностях, где население не нуждалось ни в какой помощи, и агитация велась иногда до того открыто, что для прекращения ее приходилось принимать против виновных административные меры и закрывать столовые».

После объявления манифеста 17 октября «почти повсеместно, как в городах, так и в селениях, устраивались тайные и открытые сходки и митинги под руководством служащих в земстве учителей и, к сожалению, в некоторых местностях даже священников». «Возбуждение населения против властей росло с каждым днем, и в некоторых случаях, в особенности же при арестах агитаторов, дело доходило до вооруженного столкновения с отрядами полицейской стражи».

Результаты такой пропаганды сказались по всей губернии, за исключением двух уездов. Крестьяне начали открыто нападать на владельческие усадьбы, грабить и приводить в негодность движимое имущество, разрушать, а в некоторых имениях даже жечь дома и другие строения. Отдельных случаев погромов и грабежей в течение года было 109, убыток, причиненный владельцам, превышает миллион рублей.

Объявление в декабре 1905 г. Воронежской губернии в положении усиленной охраны и меры, принятые в силу этого положения, «сочувственно были встречены обществом, что подтверждается, между прочим, постановлениями воронежской городской думы и губернского земского собрания, отклонившими предложения некоторых гласных относительно возбуждения ходатайств о снятии усиленной охраны».

И. д. вятского губернатора церемониймейстера князя Горчакова.[279]

Противоправительственная агитация «исстари» свила в «губернии прочное гнездо». «Главными же распространителями среди народа вредных учений выступали прежде, выступают и теперь, в смутное, тревожное время земства, как уездные, так, в особенности, губернские, располагающие целой армией преданных идее революции агентов». После же обнародования манифеста 17 октября 1905 г. земские и отчасти городские учреждения «открыто примкнули к революционному движению», действуя, главным образом, путем распространения в крестьянской среде, через своих служащих, нелегальных изданий, брошюр, прокламаций и т. п. «На подобного рода агитационную деятельность земство не останавливается ни перед какими расходами»; так, например, издание «Вятской Газеты», крайнего направления, обходится губернской земской управе до 12 000 рублей в год. Сколько же тратится вообще на подпольную пропаганду, сказать с точностью нельзя, «так как земские расходы не подлежат общему контролю правительственному», но, во всяком случае, такая деятельность обходится дорого; образцом подпольной пропаганды может служить выпущенное губернскою земскою управою, в сотнях тысяч экземпляров, сейчас же после 17 октября 1905 г., воззвание к народу под заглавием: «Шире дорогу — свободная Русь идет». Воззвание

это, а равно три выходящие в гор. Вятке и пользующиеся как нравственной, так и материальной поддержкой земства газеты «Вятский Край», «Крестьянская газета» и «Епархиальные Отголоски», все три возмутительно вредного направления, вносят изо дня в день деморализующие начала в сознание темной массы населения.

«Одним из самых больных мест административной деятельности является судебное ведомство, оставшееся, повидимому, глухим к призыву, от имени вашего императорского величества, министра юстиции, выраженному в циркуляре от 19 июля 1906 г.». «Если бы судебное ведомство держалось точного исполнения изложенной в указанном циркуляре программы, то административная деятельность не встречала бы на каждом шагу препятствия, не приходилось бы так часто прибегать к исключительным мерам в порядке охраны» и при солидарности в действиях властей, административной и судебной, результаты могли бы быть лучшие.

Дагестанского военного губернатора генерал-лейтенанта Тиханова.[280]

В печальный 1905 год, пережитый Россиею, коренное население области осталось верным долгу верноподданных, и смута имела лишь слабый отголосок среди пришлого населения в приморских городах, лежащих по железной дороге.

Возбужденный генерал-адъютантом графом Воронцовым-Дашковым вопрос о введении земских учреждений в области не везде встретил сочувствие, и население некоторых округов, не понимая значения и цели этих учреждений, отказалось даже выбрать своих представителей для участия в областном совещании для обсуждения этого вопроса.

Елизаветпольского губернатора действительного статского советника Калачова.[281]

Борьба с татаро-армянскими столкновениями и разбоями указала на несоответствие действующих штатов полиции, которая, к тому же, вооруженная винтовками системы «Бердана», не может успешно конкурировать с разбойниками, вооруженными скорострельными винтовками новейших систем, не исключая и трехлинейных.

Казанского губернатора Стрижевского.[282]

В подробном очерке революционного движения в губернии и в самой Казани указывается на выдающуюся роль в деле пропаганды революционных идей: 1) местной интеллигенции (врачей, учителей, учительниц и даже священников), 2) перио-

дической печати и 3) местных высших учебных заведений. Борьба с развращающим влиянием печати крайне затруднительна, вследствие особого отношения Казанской судебной палаты к преступлениям печати. Почти все случаи наложения ареста на газеты по ст. 9 высочайше утвержденных вашим императорским величеством 24 ноября 1905 г. правил, распоряжением Казанской судебной палаты отменены, а редакторы газет, привлеченные к ответственности, оправданы судом. Пример: в № 159 издающейся в Казани газеты «Вечернее Эхо» от 10 июля 1906 г. было напечатано:

«Граждане! Правительство распустило Думу — последнюю надежду мирного исхода революции. Этим актом нанесено тягчайшее оскорбление всему русскому народу. Со вчерашнего дня правительство стремится снова закрепить за собою власть, чтобы снова пить кровь народа, растлевать его жен и детей, хищнически грабить страну. Граждане, все мирные пути испытаны — они более не годятся. Остается борьба — будьте все на своих местах».

Судебная палата вынесла редактору оправдательный приговор.

Значение высших учебных заведений в истории революционного движения в Казани особенно стало сильно после издания высочайшего акта о даровании автономии высшим учебным заведениям, «откуда открыто и смело начали распространяться вредные идеи социального учения, публично подрывавшие всякое уважение к законности и порядку». Первый митинг с участием массы посторонних лиц состоялся в университете 16 сентября 1905 г., и затем такие митинги стали повторяться ежедневно «при постоянном сокращении числа студентов и постепенном увеличении посторонней публики, в составе которой начали появляться люди интеллигентные, преимущественно лица свободных профессий, а также много евреев обоего пола». Администрация тщетно обращала внимание как ректора и нескольких профессоров университета, так и попечителя округа на необходимость принятия мер к восстановлению силы распоряжения совета университета от 20 сентября о запрещении доступа на студенческие собрания посторонней публики, — митинги продолжались, и на них открыто указывалось «на неотложную необходимость немедленного свержения монархического образа правления и замену его республиканским на началах социал-демократических», требовалось приступить к «немедленной организации всеобщего народного вооруженного восстания», и собирались денежные пожертвования «на оружие и бомбы». 18 и 22 сентября были устроены два демонстративных шествия с красными флагами и революционными песнями. Из отчета не видно в этом случае, чтобы администрация приняла меры для недопущения подобного открытого проявления революционного

движения. Начались забастовки, и только 27 сентября университет был закрыт до 6 октября, но 29 сентября состоялось постановление совета университета, в котором «не могло не быть усмотрено открытого признания желательности и полной целесообразности превращения университета в общедоступную народную политическую аудиторию, к чему все время стремились и представители крайних партий». Совершенно обратно поступил совет ветеринарного института, проявивший «твердость, подобающее достоинство и прямоту». 6 октября университет был открыт, и студентам было предложено устроить курсовые сходки, но взамен их была организована общая сходка, на которую явился ректор университета и «объявил студентам, что безопасность их в стенах университета он гарантирует своею жизнью», а затем добавил, что о насилии над студентами со стороны полиции, распорядившейся 27 сентября рассеять их на Воскресенской улице после митинга, он принесет жалобу. С 6 же октября начались опять ежедневные митинги, при чем «для всех стало ясно», что университетское начальство «главным образом», стремится удовлетворить побуждения крайних партий студенчества.

Революционное движение разрасталось все сильнее и сильнее, и, наконец, 16 октября проявилось в вооруженном столкновении засевшей в университете молодежи (около 300 чел.) и собравшейся перед университетом публики с полицией и взводом уральских казаков, в которых стреляли и кидали камнями. «Убитых и раненых в этот день не было, ударами же камней нескольким городовым и казакам, а также лошадям их причинены легкие ушибы». После залпа, сделанного полицейскими в ответ на револьверные выстрелы из университета, собравшиеся там «обратились к полицеймейстеру за разрешением выйти со двора, а затем разошлись, не нарушая порядка». Затем начались столкновения с полицией и войсками в разных частях города, при чем 17 октября стрельба продолжалась семь часов; были ранены 4 нижних чина и 1 городовой. Из публики убито 6 человек и ранено 28. Задержано с оружием в руках 6 человек.

19 октября открылось чрезвычайное заседание городской думы с участием «всех видных представителей революционной партии», и на нем было решено «разоружить всех нижних чинов полиции». Разоружение произведено было успешно, и «дерзость революционеров достигла таких пределов, что на пути они пытались обезоружить даже воинский пост у здания окружного штаба», что не удалось сделать вследствие твердости стоявшего на посту нижнего чина (тяжело ранившего студента еврея, пытавшегося его обезоружить) и начальника окружного штаба. Пять полицейских частей из шести были обезоружены, и оружие роздано студентам и другим лицам, пожелавшим вступить в ряды милиции.

Таким образом, 19 и 20 октября город фактически находился в руках революционеров. Такое положение дел возмутило большинство населения, и жители Казани 21 октября устроили патриотическую манифестацию и шествие, разоружая по пути «милицию». Революционеры на обратном шествии патриотической толпы (достигавшей 15 тыс. чел.) собрались на площадке против городской думы, открыли огонь по манифестантам и затем заняли здание городской управы. Немедленно прибыла рота юнкеров, которая с помощью нескольких рот местных войск, открыв огонь по мятежникам, принудила их сдаться. Стрельба продолжалась час. Было вытребовано орудие. Начальствовал всеми войсками полковник Геништа.[283] Арестовано 130 человек. 22 октября патриотическая манифестация повторилась. В ней участвовало более 50 000 человек, вечером было «несколько случаев насилий, проявленных преимущественно подонками населения над евреями, учащимися и некоторыми городскими деятелями, принимавшими наиболее близкое участие в устройстве милиции».

Происшедшие «насильственные действия нельзя считать особенно значительными в виду того настроения, которое было вызвано оскорблением патриотического, национального и религиозного чувства благомыслящей части населения; последнее поэтому относилось совершенно равнодушно к происходившим разгромам и не оказывало содействия ни полиции, ни войскам при прекращении возникших беспорядков».

Калишского губернатора в должности егермейстера Новосильцева.[284]

«1905 год в Калишской губернии, по сравнению с другими губерниями Привислинского края, прошел относительно спокойно».

Крестьянское население, несмотря на усилия агитаторов, вообще очень мало интересуется политикой, наглядным доказательством чего является очень незначительный интерес к бывшим (первым) выборам, «при чем в одной гмине Велюнского уезда крестьяне отказались выбирать выборщиков, приводя, как причину, что они довольны существующими порядками и нового ничего не желают».

Карсского военного губернатора генерал-лейтенанта Самойлова.[285]

Серьезных поводов для возникновения между армянами и татарами неприязненных действий нет, но вследствие мелких обид со стороны армян и, главным образом, со стороны приписанных к области армян-беженцев, позволявших себе останавливать мусульман в пути, обыскивать их с целью обнаружения

оружия и нередко отбирать вещи и деньги, мусульманское население, волнуемое к тому же чувством затаенной обиды за своих единоверцев, пострадавших от насилий армян в разных местностях Кавказа, «может перейти пределы благоразумия и совершить над армянами кровавую распрю[?]».

И. д. керчь-еникальского градоначальника действительного статского советника Васильева.[286]

Действию революционной пропаганды поддались «местные: почтово-телеграфное отделение, железнодорожное ведомство и городское общественное управление, служащие которых бастовали; некоторые же служащие последнего открыто принимали участие в пропаганде революционных идей».

Большинство населения было терроризовано и «не могло оказать сколько-нибудь активного сопротивления», но когда 28 июля 1905 г. толпа в несколько сот человек, состоящая, главным образом, из еврейской молодежи, устроила противоправительственную демонстрацию с красными флагами и песнями, население на другой же день ответило патриотической манифестацией. «Некоторые злонамеренные лица воспользовались настроением манифестантов» и учинили еврейский погром, во время которого убито двое и несколько ранено и причинены убытки на сумму до 90 тысяч рублей.

«Открытое противодействие революционированной толпе со стороны верной своему долгу части населения несколько ослабило деятельность последней».

И. д. киевского губернатора генерал-майора Саввича.[287]

«Необходимость изъятия из среды обществ лиц, поддавшихся разлагающему влиянию преступных партий и сообществ, выдвинула острый вопрос о полном несоответствии тюрем условиям переживаемого времени».

Все места заключения в губернии рассчитаны на 1864 арестанта, содержалось же арестантов почти вдвое больше.

Особенно не удовлетворяет современным требованиям размещения и содержания арестантов киевская тюрьма, в которой, за недостатком места, администрация тюрьмы не имеет возможности «помещать в отдельные камеры арестантов, замеченных в дурном влиянии на других заключенных и подстрекательстве их к бунтам и неповиновению». Очень тесна также тюрьма в гор. Черкассах, и отличается особенной ветхостью липовецкая уездная тюрьма. Вследствие недостаточности получаемого содержания «почти невозможно иметь порядочный состав тюремной стражи, которая дорожила бы службой и честно относилась бы к своим обязанностям».

Ломжинского губернатора камергера барона Корфа.[288]

К вопросу о даровании автономии царству Польскому население губернии относится неодинаково.

Крестьяне и большая часть мелкой шляхты к политической автономии царства Польского относятся безразлично; те же крестьяне, которые уразумели, что такое политическая автономия, убеждены в том, что с наступлением автономии вернется и прежняя «панщизна», при которой все мелкие землевладельцы и в особенности безземельные будут в полной зависимости от помещиков; вместо политической автономии, они ожидают в самых широких размерах местного самоуправления и свободы обучения детей. Более же крупные землевладельцы из мелкой шляхты и помещики, число которых в губернии незначительно, «помышляют только об одном — об автономии Польши; все другое их не интересует, так как они мечтают, что с установлением автономии они сумеют доставить родине высокое положение и благополучие; но эта категория преисполнена традиций старой Польши, в которой властвовали и пользовались благополучием только одни паны, весь же народ был в совершенном порабощении». Поэтому предоставление царству Польскому автономии, при которой дело земельного устроения малоземельных сельчан будет вестись без всякого контроля со стороны общеимперских властей, «повлечет за собою в самом непродолжительном времени большие аграрные беспорядки, которые, в конце концов, будут гибельны для всех, стремящихся к такой автономии».

Городское польское население стремится к политической автономии Польши, которой предполагается достигнуть хотя бы вооруженным восстанием, но за 1905 год во всех уличных демонстрациях польского городского населения губернии толпа никогда не проявляла насильственных действий; вызываемым войскам не приходилось прибегать к оружию. Еврейское население резко разделяется на два лагеря: старое и новое поколение, ведущие борьбу в весьма резкой форме из-за разногласия в политических взглядах. Но «как отцы, так и дети в своих вожделениях имеют одно общее: это забота о благополучии исключительно еврейского населения, не колебля тех основ, узаконенных талмудом, которыми «с искони руководилось еврейское население при достижении сего благополучия, проживая в христианских государствах». Разница лишь в выборе путей для достижения указанной цели, при чем молодежь отдает преимущество насильственным действиям».

«Полное отсутствие солидарности между евреями и коренным польским населением губернии во взглядах на местное и общегосударственное устроение, существовавшее всегда, в последнее

смутное время стало далеко нагляднее, чем прежде. Так, казалось бы, что при общем в среде польской политическом возбуждении, направленном исключительно против порядка управления, евреям нечего было опасаться за спокойное существование; между тем с самого начала тревожного настроения начали поступать заявления евреев из всех пунктов их жительства с ходатайством об ограждении их от возможного наступления погромов». И, действительно, только посылка в такие местности усиленных нарядов полиции и даже войск предупреждала погромы. Вообще, если бы не антагонизм между поляками и евреями и склонность еврейской молодежи, руководимой «Бундом», к возбуждению всякого рода беспорядков, то Ломжинская губерния не нуждалась бы не только в военном положении, но даже и в усиленной охране.

Земельное устроение сельского населения, уничтожение чересполосицы, разверстание сервитутов и т. п., составляет неотложную задачу, но в населении Ломжинской губернии искони твердо укоренилось понятие о неприкосновенности права собственности, а потому издание закона, не соответствующего и даже прямо противоречащего таковому народному разумению, внесло бы во весь склад народных понятий об основах общественной и государственной жизни разлад и привело бы лишь к хищениям и анархии. Но принудительное за справедливое вознаграждение отчуждение земель майоратных владельцев было бы справедливым, так как владельцы эти у себя в имениях не живут, а сдают их в аренду.

Люблинского губернатора в звании камергера Менкина.[289]

«Отчетный 1905 год был годом постепенного, но упорного развития в Люблинской губернии и в целом крае социально-революционных и националистических беспорядков. Уже задолго до активного проявления смуты край был наводняем прокламациями и заграничного, и местного издания, призывавшими рабочих к забастовкам, а народ к полонизации края, к ослушанию власти и закона. Польские партии различных наименований, деятельно поддержанные Бундом, «стремятся, несмотря на вражду между собою, к одинаковой для всех них цели»—восстановлению польской государственности в первоначальных ее пределах. Автономия ставится только временным этапом на этом пути, только средством к объединению и мобилизации сил и средств».

«Подпольной прессой и беспрерывною агитацией народ был ошеломлен, и все минувшие благодеяния русской власти были забыты». На гминных сходах 1904 и 1905 гг. был уже возбужден вопрос о полонизации школ и гминных

управлений. Только объявление военного положения приостановило «открытый и мятежный протест, угрожавший принять серьезные формы».

«В 1905 г. начальные школы еще функционировали, но в недалеком будущем этим заведениям предстоит тяжелая борьба, успешный исход которой представляется весьма сомнительным», так как с разрешением преподавания на польском языке, установлением явочного порядка для открытия частных училищ и разрешением учреждения польской школьной матицы, открывшей уже более трехсот отделений, в крае нанесен русской школе и русскому делу «неотвратимый удар».

«Все это, вместе взятое, с неустойчивою деятельностью средних учебных заведений, с расстройством жизни русского университета в Варшаве, самое существование которого поколеблено,— все это указывает, что влиянию русской науки, поддерживавшей в народе престиж русской государственности, предстоит полное падение. На смену выступает тенденциозное влияние польской школы, воспитывающей юношество в превратных понятиях о прошлом, в ненависти ко всему русскому, в опасных иллюзиях о славных судьбах восстановленной Польши».

Одною из мер к достижению заветной цели руководящие польские партии считают распространение в крае земского и городского самоуправления; поэтому указанную реформу необходимо провести в таких рамках, «которые исключали бы всякую мысль о возможности дальнейшего развития самоуправляющихся учреждений в смысле приближения края к автономии, а затем и к полному политическому освобождению. К сожалению, существующие ныне проекты самоуправления, по мнению моему, не отвечают этому условию государственной важности».

Всегда отожествляя полонизм с католицизмом, поляки и ныне прибегают к религии для борьбы с русской народностью: так, католическое духовенство, пользуясь актом о веротерпимости и свободе совести, нередко прибегало к насилиям для совращения православных, а католические епископы при объезде ими своих епархий встречаются шумными сборищами людей, «одетых в национальные костюмы, с флагами национальных цветов и белым орлом — эмблемою Польского королевства».

«В виду такого положения дела осмеливаюсь думать, что вопрос о выделении Холмщины и Подлясья из пределов царства Польского настолько уже назрел, что откладывать решение его было бы опасно. Последствия реформы земского самоуправления могут закончиться торжеством польского дела, порабощением латинством искони русского народа и поглощением польской государственностью земель древней Галицкой Руси».

И. д. московского губернатора флигель-адъютанта Джунковского.[290]

Во всеподданнейшем отчете о состоянии Московской губернии за 1904 г. егермейстер Кристи[291] указывал на «выдающееся участие» в социал-революционной деятельности земских служащих; деятельность эта в отчетном году достигла особенного развития. «Земские выборные исполнительные органы подчинились воздействию служащих в земстве наемных лиц, вся деятельность которых сводилась преимущественно к противоправительственной пропаганде среди населения». Масса видных земских деятелей всецело ушла в политику, и «хозяйственная жизнь земства остановилась». Борьба умеренных земских элементов с таковою дезорганизациею была чрезвычайно трудна и «носила характер чуть не подвига». Среди таких лиц, сумевших «необычайной силою воли сохранить должный порядок в земских хозяйствах» и не дать третьему элементу получить преобладающее значение, выделились председатели уездных земских управ: московской — Николай Рихтер,[292] можайской — граф Федор Уваров[293] и богородской — Гавриил Ломакин.[294]

«Совершенно иной отзыв следует дать о деятельности в 1905 г. городских управлений Московской губернии. Эти управления, всегда консервативные, остались таковыми и в тревожное время 1905 г.

При проявлении непреклонной воли подавить революционное движение при наличности силы для охраны против революционеров замечалось, что рабочие и население содействовали, со своей стороны, как, например, в Богородском уезде, к прекращению преступного движения и захвату боевых дружин».

Деятельность полиции «во время борьбы оставалась выше всякой похвалы». Если же эта борьба не всегда увенчивается успехом, то вина лежит в тех ненормальных условиях, в которые поставлены представители полиции.

«Особо тяжелым условием является крайняя недостаточность получаемого ими содержания, вынуждающая искать других источников дохода. Наиболее распространенным из таковых является незаконное обложение сдаваемых в прописку паспортов, о чем свидетельствовал еще бывший московский губернатор гофмейстер Булыгин. Как яркий пример ненормального положения чинов уездной полиции, можно привести становых приставов Московского уезда, получающих в год около 1900 рублей (в этом числе на канцелярские расходы 786 рублей) и обязанных при этом тратить на одно делопроизводство до двух тысяч рублей».

Николаевского градоначальника контр-адмирала Зацаренного.[295]

Арестантские помещения в городе совершенно недостаточны. В городской тюрьме, рассчитанной на 58 человек, помещается ежедневно до 200 человек.

Чувствуется недостаточность классных и нижних полицейских чинов, находящихся к тому же с материальной стороны в крайне неблагоприятном положении. «Недостаточность же вознаграждения, в связи с тяжестью и необходимостью полицейской службы в настоящее время, породила такое нежелательное явление, как взгляд на службу в полиции лишь как на временную, до приискания более выгодного и спокойного занятия. С нижними полицейскими чинами дело обстоит еще хуже. Штат городовых более или менее заполняется только зимою, во время безработицы».

Новгородского губернатора гофмейстера графа Медема. [296]

«После опубликования манифеста 17 октября 1905 г. «агитаторами крайних партий», главным образом, учителями земских школ и другими земскими служащими, были напряжены все усилия к самому превратному истолкованию его населению». Результатами такой агитации явились волнения среди крестьян, порубки казенных и частновладельческих лесов и проч. «Борьба с пропагандой в деревне вообще представляется в высшей степени трудной», она усложняется при этом в виду нарождения в 1905 г. мелкой радикальной прессы, так как «к сведениям, вычитанным из газет, крестьянин относится вообще с большим доверием, не придавая часто никакого значения подпольным прокламациям». Необходимо широкое распространение «Сельского Вестника» «путем бесплатной рассылки его не только по всем волостным правлениям, но и во все сельские общества». Противодействие развращающему влиянию еврейской прессы могло бы быть оказано также путем распространения в народе партийной литературы существующих монархических организаций. Особым успехом среди крестьянского населения губернии пользуется брошюра г-жи Муретовой «Горит Россия»; в ней крестьянин находит, видимо, живой отклик волнующим его чувствам любви к царю и родине, которыми он всегда был проникнут. Те волости Валдайского уезда, где получили распространение издания «Союза русского народа», благодаря отрезвляющему их влиянию, значительно менее подпали действию революционной печати, в силу чего в этих именно местностях было заметно спокойнее, чем в других частях губернии и даже прочих волостях того же уезда.

«Борьба с проявлениями революционного движения значительно отягчалась недостойным поведением некоторых из состоящих на государственной службе должностных лиц, усвоивших крайние политические воззрения и, несмотря на свое положение органов правительственной власти,

выступавших нередко с открытой противоправительственной пропагандой. Между тем, ходатайства мои об удалении означенных лиц с занимаемых ими должностей или, по крайней мере, переводе в другую губернию, за несколькими исключениями, оставались безрезультатными. Особенно в этом отношении проявили себя некоторые должностные лица, служащие по ведомству министерства народного просвещения, при чем со стороны этого министерства наблюдалось особо снисходительное отношение к таким своим служащим».

Также в значительной мере затрудняла борьбу с проявлениями революционного движения «недостаточно скорая и иногда слишком снисходительная оценка такого рода деяний судом».

Необходимо усиление наказаний по ним и «направление таких дел в наивозможно скором порядке».

Но, несмотря на все усилия революционеров, «широкие массы населения остаются пока нетронутыми пропагандой» и, «конечно, не отзовутся на социалистические теории фанатиков революции, если правительственная власть будет действовать в духе народном, твердо и последовательно, и оградит население от разлагающего еврейского влияния, самым вредным образом отражающегося на всех сторонах народной жизни».

Олонецкого губернатора действительного статского советника Протасьева. [297]

«Пока Олонецкая губерния служила для ссылки, главным образом, лиц, опороченных по суду, ссыльный элемент, по сравнительной своей малочисленности, не мог заметно дурно влиять на местную среду. Но в последнее время при наплыве в губернию административно-высланных по приговорам обществ за порочное поведение и по распоряжению правительства за политическую неблагонадежность в порядке охраны, в население постепенно проникает влияние этих дурных, развращенных элементов, число которых ныне превышает 1000 человек».

«Нравственная зараза от пришлого ссыльного элемента ярко сказалась» при объявлении манифеста 17 октября 1905 г. «О вредном влиянии ссыльного элемента на местное население я уже сделал соответствующее представление министру внутренних дел и усиленно ходатайствую о невысылке в Олонецкую губернию ссыльных.

Организовавшиеся по распоряжению министра внутренних дел в конце года губернский и уездные комитеты для водворения порядка и законности оказали ценную услугу в смысле успокоения населения».

«Земские учреждения в действиях своих идут рука об руку с администрацией».

Орловского губернатора камергера Андреевского. [298]

Политическое настроение в губернии осложнилось с начала октября. «Противоправительственная агитация с 17 октября, по освобождении из мест заключения множества неблагонадежных лиц, приняла угрожающие размеры на почве ложного толкования манифеста 17 октября». Борьба с революционной пропагандой была для полиции непосильна вследствие отсутствия ясных и определенных законоположений; стражники, сведенные в небольшие отряды, принесли большую пользу.

18 и 19 октября, вследствие убийства во время революционной демонстрации одного мальчика-мастерового, выразившего несочувствие революционерам, едва не произошел погром евреев и некоторых агитаторов из партии народной свободы.

Октябрьская железнодорожная забастовка началась 8 октября и имела свое начало и поддержку из Москвы, откуда 8 октября «получилась депеша, подписанная начальником дороги инженером Добровольским [299] с приказанием прекратить движение». Юго-восточные железные дороги во время октябрьской забастовки не прекращали в пределах губернии движения, во время же декабрьской — указанные дороги прекратили было движение, но оно было восстановлено после арестов членов районных забастовочных комитетов.

Вообще, «благодаря быстрым арестам главарей и подстрекателей и высылке их из пределов губернии, мятежные проявления затихли».

Пензенского губернатора действительного статского советника Хвостова.

Манифест 17 октября 1905 г. «послужил, к великому сожалению, в руках революционеров могучим средством для внесения в население смуты». Беспорядки начались 18 октября и продолжались на другой день. Но воззвание губернатора к населению, предпринятые предупредительные меры и воспрещение всякого рода манифестаций — прекратили дальнейшие проявления уличных беспорядков, «вызывавших озлобление среди мирных граждан, местных торговцев и войска, и грозивших перейти в погром и избиение демонстрирующих интеллигентов, учащихся и евреев».

Вообще, при возникновении беспорядков немедленно принимались меры к подавлению их в самом начале, и революционное движение имело в Пензенской губернии, «по сравнению с другими, наименьший успех». Так, например, во время всеобщей почтово-телеграфной забастовки почта и телеграф в губернии действовали без перерыва.

Несмотря на то, что тревожное настроение городской жизни требовало от всех чинов полиции напряженной работы, «пензенское городское управление, отпускавшее в течение многих лет пособие местной полиции в размере 2280 рублей, с 1905 г. в выдаче такового отказало». Главной причиной этого отказа «являлось желание некоторых гласных, недовольных строгим охранением полицией законного порядка, оказать давление на последнюю и поставить ее, таким образом, в зависимое от себя положение». Согласно ходатайства губернатора Государственный Совет назначил на пособие пензенской полиции указанные выше 2280 рублей, но лишь на 1905 и 1906 гг. «Таким образом, с 1 января 1907 г. чины пензенской городской полиции будут лишены получаемого ими дополнительного пособия, а это, несомненно, вредно отразится на личном составе служащих, так как при усиленном труде и уменьшенном вознаграждении едва ли возможно рассчитывать на удержание на полицейской службе или привлечение на нее хороших и годных чиновников».

Аграрные беспорядки, причинившие убытки на полмиллиона рублей, были вызваны агитацией сельских учителей, учительниц, семинаристов, студентов, земских врачей, фельдшеров, разных служащих в земстве, адвокатов и даже некоторых священников. действовавших под влиянием «Крестьянского союза».

«Заключение под стражу всех лиц, замеченных в агитации, увольнение от должностей состоящих на службе в земстве и высылка этих лиц из пределов губернии внесли в крестьянское население некоторое успокоение, поэтому возвращение на родину высланных является в настоящее время крайне опасным для общественного спокойствия».

И. д. пермского губернатора в звании камер-юнкера Болотова. [300]

Успеху революционного движения способствовало, главным образом: «1) преступная деятельность служащих земских учреждений, 2) возвращение из административной ссылки главарей революционного движения, 3) сочувствие этому движению и попустительство со стороны чинов судебного ведомства и 4) периодическая печать, столичная и местная».

Так называемый «третий элемент в земстве» и раньше выдавался своею крайнею неблагонадежностью; в отчетном же году преступная деятельность земских служащих приняла более напряженный и открытый характер, главным образом, в виду того, «что многие из наиболее вредных земских служащих, в свое время удаленные и подвергнутые административной каре в порядке положения об усиленной охране, были возвращены по распоряжению бывшего министра внутренних дел князя Святополк-Мир-

ского из ссылки и своим появлением оживили нерешительную деятельность сотоварищей».

«Уверенность в достижении революционных целей» поддерживалась «довольно странным, чтобы не сказать более, отношением к этому делу многих чинов судебного ведомства», которые «проявляли положительное противодействие» администрации и «не скрывали своего сочувствия современному революционному брожению и политическим преступникам, постоянно допускали потворство заключенным арестантам, при малейшей возможности с формальной стороны немедленно давали распоряжения об освобождении политических преступников от тюремного заключения и даже от суда, результатом каковых действий явилась медлительность и затяжка в производстве следствий по политическим делам и полное освобождение многих из явных преступников от следствия и суда. В такой противозаконной деятельности особенно проявил себя прокурор Екатеринбургского окружного суда Казицын, [301] относительно которого с положительностью установлено, что он принимал участие в частных собраниях, носивших революционный характер, и здесь, в среде революционерствующих сослуживцев, наравне с другими, распевал революционные песни». Такое настроение многих чинов судебного ведомства сильно затрудняло борьбу и с революционной печатью, дошедшей с отменою цензуры «до крайней степени разнузданности». Нет противодействия революционному движению и со стороны местного духовенства, стоящего не на высоком уровне нравственного и духовного развития. «В Екатеринбургской епархии духовенство еще сдерживается твердым и строгим управлением епископа Владимира, [302] но в Пермской, с назначением в начале 1905 г. епископа Никанора, [303] человека недеятельного, маловольного и бесхарактерного», духовенство совершенно распустилось и не только не противодействовало революционному движению, но, в лице некоторых из своих представителей, принимало в нем активное участие, устраивало под личиною пастырских собраний митинги с нарочно приглашаемыми ораторами социал-революционной и социал-демократической партий. Бездеятельность преосвященного Никанора вынудила губернскую власть самой вмешаться, «чтобы положить конец политической распущенности духовенства».

Революционное движение отразилось печально и на учебно-воспитательном деле. Здесь также распущенность учащихся не встречала часто нужного противодействия со стороны начальства средне-учебных заведений, которое «никаких решительных мер к устранению зла не предпринимало, предоставив все совершавшееся на его глазах естественному течению». Были даже случаи «потворства чинимым учащимися безобразиям». Были лица и в среде преподавателей революционно-настроенные; в особенности таких преподавателей было много в низших учебных заведениях,

главным образом, в земских школах, в которых учителя занимались «не столько учебным делом, сколько пропагандой среди крестьян крайних социалистических и даже революционных учений».

В подробном очерке современного экономического положения края указывается на то, что горнозаводская промышленность на Урале находится в угнетенном состоянии и упадке, что грозит не только разорением горнопромышленников, но и ухудшением материального благосостояния 578 тыс. горнозаводского населения обоего пола, которое «в земельном отношении далеко еще не устроено» и вообще в земельном отношении обеспечено «весьма слабо». Поэтому, в целях избежания в близком будущем «превращения рабочего заводского населения в голодный пролетариат», следует приступить к «возможно скорейшему землеустройству горнозаводского населения при лучшем, чем нынешнее, земельном его обеспечении и вне всякой зависимости от того, сокращаются ли на заводах работы, прекращаются ли таковые вовсе, или заводы продолжают пока еще свою деятельность в прежних размерах».

Подольского губернатора в звании камергера Эйлера. [304]

«В начале января среди крестьян пограничных уездов появились в большом количестве изданные в Галиции, во Львове, на местном малорусском наречии, брошюрки под названием «Стройк и бойкот». В этих брошюрках доказывалась необходимость мирных забастовок для увеличения заработной платы». Забастовка охватила сперва три уезда: Углицкий, Каменецкий и Проскуровский, а с июня распространилась на все уезды и отличалась мирным характером: крестьяне сами охраняли помещичьи усадьбы, «и за все время забастовок не было ни одного случая не только грабежа, но даже простой кражи». «Самоуправства же и насилия выражались лишь в снятии с работ поденных, годовых и пришлых рабочих». При объезде селений как мною, так и членами губернского присутствия, был собран обширный материал по предъявленным крестьянами претензиям к местным землевладельцам, «при чем по многим селениям претензии крестьян оказались вполне основательными». Многие из указанных претензий были удовлетворены, но в некоторых случаях соглашение не было достигнуто в виду «запутанности земельных отношений». «Отсутствие прямых законодательных норм по разверстанию крайне осложняет отношения с крестьянами и не дает возможности администрации удовлетворить законные требования обеих сторон. Необходимость издания закона о разверстании чересполосных имений и уничтожения сервитутов крайняя».

В день издания манифеста 17 октября «в большинстве городов и многих местечках губернии, главным образом, еврейской молодежью, были устроены манифестации с красными флагами и произнесением революционных речей. В некоторых городах в тот же день, и в других на следующий, народ, раздраженный противоправительственными речами революционеров, устроил еврейские погромы, которые удалось прекратить в самом зародыше только в тех городах и местечках, где имелись поблизости войска». «Отпор, данный христианами еврейскому населению, на первое время ошеломил еврейскую революцию, но затем, чувствуя себя в большей безопасности, вследствие принятых администрацией мер предупреждения погромов, они вновь усилили свою деятельность, обратив ее на агитацию в деревнях, возбуждая население возможностью получить даровую землю». «В этой агитации особенно деятельное участие приняли учителя церковно-приходских и министерских школ»; «к ним примкнуло и несколько врачей сельских земских лечебниц».

Указанная агитация имеет почву в действительном малоземельи населения: на душу приходится 0,8 десятины полезной земли, и в некоторых селениях число безземельных достигает 20% числа домохозяев.

По некоторым причинам, введенное в губернии положение об управлении земским хозяйством не приобрело сочувствия населения; «все более и более стало заметно охлаждение гласных к исполнению своих обязанностей, почему с трудом удавалось получить законное большинство для того, чтобы состоялось заседание комитета. Необходимость введения земства на началах выборного управления все более и более дает себя чувствовать».

К особым нуждам губернии необходимо отнести учреждение второго окружного суда в Виннице и постройку рельсового пути для соединения города Каменца с общей сетью железных дорог.

Псковского губернатора в должности шталмейстера графа Адлерберга. [305]

«При крайней невежественности крестьян и плохом составе учительского персонала губернии противоправительственная пропаганда среди населения в отчетном году значительно усилилась и оказала заметно свое вредное влияние, но в общей массе население попрежнему оставалось верным престолу и отечеству». В дни же всеобщей почтово-телеграфной забастовки губерния «пользовалась все время благами почтово-телеграфного сообщения вследствие гражданского мужества, проявленного местными чинами почтово-телеграфного ведомства, не примкнувшими к общей забастовке, что нельзя не поставить им в особую заслугу перед государством».

«В числе мероприятий, направленных к поднятию общего экономического уровня населения губернии, губернское земство в последнее время обратило серьезное внимание на осушку болот». Обширное пространство, расположенное в восточной части губернии, в уездах: Холмском, Великолуцком и отчасти Порховском, Новоржевском и Торопецком, в бассейнах рек Ловати и Полисти, заключает в себе около 675 000 десятин, из коих около 150 000 десятин, или почти 1/4, находится под болотами.

«Обращение огромных болотных пространств в удобные земельные угодья должно иметь громадное значение для развития местной сельскохозяйственной культуры и может обеспечить землею десятки тысяч крестьянских семей.

Поэтому представляется весьма желательной помощь земству со стороны правительства в этом отношении». «В некоторых местностях губернии производилась уже осушка болот и дала вполне благоприятные результаты, повысив ценность земли в 15 — 20 раз».

«В настоящее время в особенности необходима организация общественных работ по осушке болот, в виду испытываемых населением данной местности за последние годы страшных бедствий от необычайно продолжительных и частых разливов рек». «Такой способ воспособления нуждающемуся населению, по своему нравственно-воспитательному значению, несравненно полезнее обычной выдачи продовольственных ссуд, отучающей население от сознательного и самостоятельного труда и неблагоприятно влияющей на его нравственные качества».

Рязанского губернатора действительного статского советника Левашова.[306]

Происшедшие в октябре 1905 г. еврейские погромы в городах Рязани и Егорьевске были вызваны революционерами, которые противоправительственными манифестациями, процессиями с красными флагами и пением революционных песен «естественно нервировали и приводили в негодование спокойную и благомыслящую часть общества». Особенное возбуждение против себя вызывали евреи, выступавшие с речами на митингах; вместе с ними пострадали те из горожан, «которых общественное мнение относило к числу революционных агитаторов».

Железнодорожные и почтово-телеграфные забастовки «возникали исключительно под давлением московских центральных забастовочных комитетов», и, напротив, «деятельность телеграфа внутри губернии все время почти не прерывалась».

Крестьянские волнения «явились следствием преступной пропаганды злонамеренных лиц и революционных союзов и сообществ, а также разнузданности периодической печати, позволяющей себе с отменой прежних цензурных правил разжигать народ-

ные страсти, а иногда и прямо призывать к насилию». При подавлении и для предупреждения аграрных беспорядков оказались весьма полезными введенные в конце года конные стражники.

К концу года [волнения?] «везде более или менее улеглись, но ожидания прирезки земли и дарования воли, в смысле снятия всякой опеки с крестьян, под влиянием газет и нашептывания всяких непрошенных друзей народа, возросли до такой степени, что стали единственной и непременной темой разговоров всякого собрания крестьян. В настоящее же время, после известного освещения этого вопроса в Государственной Думе, в крестьянстве прямо сложилось убеждение, что право на всю землю принадлежит им, чья бы она ни была, должна перейти к крестьянам». Борьба с этим убеждением и «составляет в настоящее время ту тяжелую сторону работы администрации, которую ей приходится нести».

Вр. и. д. севастопольского градоначальника капитана 1-го ранга фон-Море[н]шильдта. [307]

Малочисленный штат полиции далеко не соответствует требованиям данного времени. «Кроме того, получаемое полицией содержание не дает возможности привлечь на службу людей, могущих отвечать действительной потребности полицейской службы в настоящее серьезное время».

Представление о новом штате полиции направлено к министру внутренних дел в мае 1906 г.

Смоленского губернатора в звании камергера Суковкина. [308]

«После издания 17 октября манифеста вашего императорского величества революционное движение городского и сельского населения очень резко усилилось». По деревням стали разъезжать агитаторы и подстрекатели к волнениям и беспорядкам; главнейший контингент этих лиц «представляла еврейская молодежь, являвшаяся в городах и деревнях руководителем движения. Значительное число пропагандистов было также из состава учителей народных школ и служащих в земстве. К сожалению, и представители православного духовенства не чужды были участия в роли руководителей преступного движения».

Во время общей почтово-телеграфной забастовки в ноябре 1905 г. «я командировал для занятий на почте часть подведомственных мне чиновников, а также служащих из других ведомств, и почтовые операции по отправке и получению простой корреспонденции были немедленно восстановлены».

Принятые затем статс-секретарем Дурново решительные меры «положили начало к прекращению общего бесчинства». Опре-

деление прав и обязанностей полиции и прибытие в губернию двух сотен казаков значительно изменили к лучшему общее положение.

Хотя нужда в земле и наблюдается в некоторых сельских обществах, но нет оснований утверждать, что беспорядки получили развитие там, где существует острая нужда в земле, так как «случаи беспорядков имели место нередко и среди крестьян тех селений, которые, кроме надельной, имеют вполне достаточное количество купленной земли». «Смуту в деревнях поддерживала, главным образом, местная молодежь; население среднего возраста относилось более или менее индиферентно к движению, а старики, в большинстве случаев, даже несочувственно. Поэтому достаточно было изъять из деревни двух-трех главарей, чтобы все остальное население образумилось».

И. д. седлецкого губернатора в звании камергера Волжина. [309]

«О тяжком безвременьи, переживаемом древле-православным русским Подляшьем после издания указа 17 апреля 1905 г. о свободном и невозбранном выборе вероисповедания, я всеподданнейше доносил вашему императорскому величеству в дополнение к отчету за 1904 г. Изложенные мною в круге первого полугодия события бледнеют перед картиной страданий православно-русского люда, которые готовила ему судьба в дальнейшем. Как бы в ответ на открытие 8 сентября самостоятельной Холмской епархии, люблинский римско-католический епископ Ячевский, [310] под предлогом закладки нового костела в гор. Седлеце, предпринял обозрение своих приходов в тех именно местностях губернии, где православная вера еще теплилась в сердцах русского народа, с явною и злою целью задуть пламя ненавистного ему православия. Это не было посещение пастыря доброго, а триумфальное шествие горделивого представителя римской церкви, окруженного так называемыми бандериями, т. е. конными отрядами в национальных польских костюмах, состоявшими из изменнически настроенных помещиков, из дворян и городских разночинцев. Под шум неистовых виватов этих бандерий как бы сметалось с лица земли и самое воспоминание всего того, что с такими трудами, любовью и самоотвержением насадили незабвенные деятели в области возрождения русского самосознания в несчастной Холмской Руси. 17 октября 1905 г., принеся свободу политическую, окончательно развязало руки воинствующему католицизму, вступившему в неразрывный союз с многочисленными организациями, поставившими ближайшею своею целью автономию Польши, а конечною — восстановление независимого польского королевства от моря до моря. Перед оста-

вшимся твердым в вере предков и нелицемерно преданным престолу русским народом встала дилемма: или без борьбы уступить натиску полонизации, или в борьбе, но без поддержки, стать все-таки, в конце концов, жертвою могущественных враждебных сил. Возникшая мысль о сплочении русских осуществилась в конкретной форме образования «Союза русских людей» Седлецкой губернии, удостоившегося впоследствии всемилостивейшего внимания вашего императорского величества. Но союз этот, сильный нравственно, лишен, к сожалению, материальных средств, которые помогли бы ему стать на защиту угнетенных».

Большую пользу русскому делу могли бы сослужить майораты, но, в большинстве случаев сданные своими владельцами в аренду полякам, они обратились «в очаги польской пропаганды и католического прозелитизма».

Распродажа этих майоратов православным крестьянам Гродненской и Волынской губерний «несомненно разрешила бы без потрясений и с бо́льшим успехом, чем административные мероприятия, религиозный и этнографический вопрос, в смысле слития бывших униатов с непоколебимыми в православии сородичами на Подляшьи. Существующие же в губернии Вировский и Леснинский женские и Яблочинский мужской монастыри сияли бы тогда крестами своих церквей селениям мирных русских сельчан, а не кладбищам русской народности, как ныне. Поэтому, предпринятые епископом холмским и люблинским преосвященным Евлогием [311] первые усилия изыскать способы переселения на земли все чаще распродаваемых владельцами майоратов тех групп русских землепашцев из вверенной ему паствы, которым не в моготу уже стало жить в соседстве ненавидящих их фанатиков католиков, а еще более — перешедших в католичество униатов, заслуживают самого серьезного внимания и поддержки».

«В непосредственной связи с религиозною неурядицею находится и неурядица в учебно-воспитательной области, питаемая все тем же стремлением: «долой русских». В 37 школах уничтожены царские портреты, в 59 были прекращены занятия».

Гминное самоуправление, под влиянием демагогов из разных слоев польского общества и при содействии и сочувствии революционного еврейского Бунда, функционировало неправильно.

Введенное 29 октября военное положение произвело некоторое отрезвляющее воздействие на бунтовщические элементы польского и еврейского населения.

И. д. сувалкского губернатора камер-юнкера Стремоухова. [312]

В борьбе с революционной пропагандой особенно много принесла пользы самоотверженная деятельность администратора Сейнской римско-католической

епархии прелата Антоновича; [313] о лойяльности подчиненного ему духовенства докладывалось во всеподданнейшем отчете за 1904 г. Окружное послание прелата Антоновича приходскому духовенству, объявленное с церковных амвонов, полное чувства преданности законному правительству и обличающее революционеров, «произвело глубокое впечатление на более зрелую часть населения, не утратившую религиозного чувства, но тем самым озлобило до крайности революционеров». Литовские социал-демократы распространили по всей губернии пасквильное воззвание, направленное против Антоновича, и даже созвали особый суд, рассматривавший вопрос о предании его смерти как изменника, при чем незначительным большинством голосов было решено воздержаться от осуществления этой меры до выяснения дальнейшей деятельности обвиняемого.

«Несмотря на угрозы революционеров, прелат Антонович не сошел со своего пути и, работая в том же направлении, всегда идет навстречу видам правительства, поддерживая дух лойяльности в подведомственном ему духовенстве».

«Испытанная преданность правительству этого духовного лица делает его особенно желательным кандидатом на вакантную поныне, с 1902 г., кафедру сейнского епископа, к чему, однако, по известным мне сведениям, римская курия, будто бы, встретила препятствия, в виду данной прелату Антоновичу поляками-епископами аттестации крайнего литвомана».

Манифест 17 октября, о содержании которого «Бунд, повидимому, был осведомлен ранее властей», был отпразднован «манифестациями и шествиями с красными флагами, национальными эмблемами и шумными митингами, под руководством Бунда и социалистов польской и литовской партии». «Бундисты заговорили о пролетарской республике, поляки — об автономии Польши, с сеймом в Варшаве, а литовцы — об автономной Литве с сеймом в Вильне».

«Предел разгоревшимся страстям взбудораженного революционерами населения положило объявление губернии 30 октября 1905 г. состоящею на военном положении». «Снятие военного положения, последовавшее на основании указа от 18 ноября 1905 г. придало вновь смелости затихшим было вожакам и агитаторам революционного движения. Постепенно усиливаясь, беспорядки в литовских местностях дошли до небывалых размеров, приняв новую форму доселе не практиковавшихся разгромов гминных управлений и гминных судов и уничтожения в них портретов, дел, книг и даже мебели».

Усилению революционного движения способствовали, главным образом, резолюции литовского съезда, происходившего в гор. Вильно 22 ноября 1905 г., на котором участвовало и по одному представителю от каждой литовской гмины.

К концу ноября выяснилась полная невозможность бороться средствами мирного времени с «революционным вихрем», про-

нестимся над литовскими уездами, и потому, «чтобы не дать пожару разгореться», по ходатайству и. д. губернатора, 4 декабря 1905 г. были объявлены на военном положении четыре уезда губернии, а 9 декабря и остальные. С того времени пароксизм революционного движения стал постепенно ослабевать.

Преобладающее по губернии литовское крестьянское население (52%) придает губернии особый характер в ряду других губерний Царства Польского, и «последние выборы в Государственную Думу подтвердили, что хозяевами положения здесь являются литовцы. Между тем, относясь ныне весьма враждебно ко всему польскому и питая особенную подозрительность к попыткам поляков найти исходные точки для сближения польских и литовских интересов, несомненно, во вред общегосударственным интересам, литовское население Сувалкской губернии, во главе со своим духовенством (в противоположность духовенству соседних губерний, Виленской и Ковенской, проявляющему склонность к полонизации литовцев), идет впереди движения за самобытность Литвы. При умелом отношении к этому движению правительства, оно может быть использовано как противовес польским вожделениям и как средство к прекращению смуты».

Отчет подробно останавливается на тех справедливых экономических и национальных пожеланиях литовского населения, скорейшим удовлетворением которых будет достигнуто «сближение народа с правительством, представляющих собою ныне как бы два враждебных лагеря». Вместе с тем по отношению к проявлениям революционной деятельности необходимо применение «быстрых и самых суровых мер, в форме ли военного положения или даже более исключительных, направленных к безусловному подавлению смуты».

Тамбовского губернатора действительного статского советника Янушевича.[314]

Худшая часть сельского населения, сбитая с толку пропагандою революционеров и последователей Крестьянского союза, обещавших крестьянам в раздел землю помещиков, проявила в октябре 1905 г. грубое стихийное насилие, сопровождавшееся поджогом и разграблением имений, на сумму до трех миллионов рублей. «Мятеж был подавлен вооруженной силой».

В отчетном году население губернии было постигнуто тяжкими бедствиями: почти полным неурожаем хлебов и трав и частыми пожарами. Сгорело на сумму 5 394 757 руб. 24 379 дворов, за которые земствами выдано страхового вознаграждения 1 505 931 руб.

Несмотря на такие бедствия, к которым присоединились тяжести перенесенной войны, «потребление населением крепких напитков значительно увеличилось по сравнению с предыдущими годами», и валовая выручка по винной монополии превысила таковую же за 1904 г. на 1 419 963 руб. «Причины подобного

ненормального явления заключаются, с одной стороны, в том, что с весны 1905 г. крестьяне доканчивали избытки хорошего урожая 1904 г., с другой стороны, осенью сбывался награбленный при погромах хлеб, и шла полная распродажа своего хлеба в урожайных селах в надежде на огульную выдачу правительственных продовольственных ссуд. К тому же нельзя не отметить и того факта, что за последнее время деревня почти не платит государственных и земских повинностей. Наконец, увеличению пьянства способствовало самое психологическое состояние населения, вызванное беспокойным революционным временем, и те надежды на близкий раздел земли и обогащения, которыми полна деревня».

«Населению, пострадавшему от неурожая, была оказапа широкая правительственная помощь; к ней присоединилась полезная деятельность «Тамбовского отдела Общеземской организации» чрез организованные им уездные попечительства. Помощь была разнообразна и выразилась в устройстве столовых, в выдаче печеного хлеба, муки, пшена, корма для скота и топлива».

Тверского губернатора в должности гофмейстера Бюнтинга. [315]

Состояло недоимок по выкупным платежам:

в 1904 г. — 893 395 рублей,
в 1905 г. — 2 094 749 »
более, чем в предыдущем году, на 1 201 353 рубля.

Получено сбора от продажи казенного вина и спирта:

в 1904 г. — 8 608 379 рублей,
в 1905 г. — 9 402 237 »
более, чем в предыдущем году, на 793 858 рублей.

И. д. херсонского губернатора в звании камергера Малаева. [316]

«Время деятельности Государственной Думы было тяжелым периодом испытания населения в исконной его преданности и верности вашему императорскому величеству и постановленным от вас правительственным властям, авторитет которых стремились всеми способами расшатать многие члены Думы. И это великое смущение народное хотя и окончилось с роспуском Думы, но оставило по себе глубокий, надолго неизгладимый след тлетворного влияния на крестьянские массы, ослабив в них авторитет и уважение к его ближайшим законным властям, чего особенно, повидимому, домогались члены бывшей Государственной Думы».

Благоприятное впечатление роспуск 1-й Государственной Думы произвел и на еврейское население губернии, «дерзкий задор» которого «в отношении правительства от явно вызывающего обратился в приниженно искательный». Крестьянским же населением манифест о роспуске Думы был принят «вполне сознательно, совершенно спокойно и с явным неодобрением деятельности ее членов».

Учреждение землеустроительных комиссий было встречено населением сочувственно, но мера эта «может привесть к глубокому разочарованию население не только под влиянием пропаганды, но и вследствие отсутствия практического значения комиссий, лишенных права решающего голоса в деле определения нормальной стоимости земли». Количество продающихся в данное время частновладельческих имений удовлетворило бы спрос на землю со стороны крестьян, но стремление Крестьянского банка понижать стоимость земель до степени невозможности для большинства владельцев согласиться на них без явного для себя убытка часто расстраивает состоявшиеся уже добровольные соглашения помещиков с крестьянами.

«В уездных городах места заключения находятся в совершенно неудовлетворительном состоянии как по неустройству и ветхости помещения, так и по качеству надзора».

В Тираспольской тюрьме арестанты руками без помощи инструментов разобрали каменную стену. Для улучшения состава тюремного надзора полезно ассигновать в распоряжение губернатора наградную сумму.

«Беззаветно самоотверженная служба» чинов полиции так же требует поощрения и награждения вне очереди и срока.

Эстляндского губернатора действительного статского советника Башилова. [317]

Революционная агитация, проникнув в сельские местности, увлекла за собою, главным образом, безземельных крестьян, но учиненные ими грабежи и погромы помещичьих усадеб не имеют ничего общего с аграрным движением, существующим в крае, «которое развивается совершенно другим путем — путем мирных домогательств освобождения от экономического господства помещика — и сводится к стремлению упрочить за собою владение землею на правах собственности и к обеспечению участия крестьян в общем земском деле».

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1] Доклады гр. С. Ю. Витте частично опубликованы в журн. «Красный Архив» 1925, т. IV — V (XI — XII), стр. 145 — 158.

[2] Мехелин Лео (1839 — 1914), финляндский политический деятель, профессор государственного права в Гельсингфорсском университете. Принимал (начиная с 1872 г.) деятельное участие на всех сеймах. В 1903 г., по распоряжению генерал-губернатора Н. И. Бобрикова, изгнан из Финляндии. В 1905 г. при восстановлении конституции был назначен вице-президентом хозяйственного департамента Сената.

[3] Финляндия, по присоединении к России, заняла совершенно исключительное положение сравнительно с другими частями б. империи. Александр I в манифесте 5 (17) июня 1808 г. обещал «религию, коренные законы, права и преимущества, коими каждое сословие сего княжества, в особенности и все подданные, оное населяющие, от мала до велика, по конституциям их доселе пользовались, хранить оные в ненарушимой и непреложной их силе и действии». Этот манифест, повторяемый всеми преемниками Александра при восшествии на престол, являлся основным актом, определявшим политическое положение Финляндии. Но, однако, эта грамота отнюдь не мешала царскому правительству постоянно посягать на автономные права Финляндии. Особенно резко обрусительную политику в Финляндии повело русское правительство с конца XIX в.; высочайшим манифестом 3 февраля 1899 г. признано, что Финляндия вошла «в состав Российской империи» и все привилегии, предоставлявшие ей известную самостоятельность, могут быть отменены «по усмотрению верховной власти».

Годы 1899 — 1904 — эпоха генерал - губернаторства Н. И. Бобрикова (убит 16 (29) июня 1904 г. финляндцем Евг. Шауманом)—связана с временем энергичного проведения в управлении краем политики обрусения и административного объединения Финляндии с империей путем исключительных законов, изданных без содействия Финляндского сейма.

[4] Оболенский Иван Михайлович (род. в 1853 г.), в качестве харьковского губернатора проявил необыкновенную жестокость при подавлении аграрного движения в 1902 г., подвергая целые селения нещадным экзекуциям, после чего на его жизнь было сделано покушение членом боевой дружины с.-р. Ф. К. Качурой. Назначенный на место убитого Бобрикова финляндским генерал-губернатором, Оболенский ничем себя не проявил. 19 октября 1905 г., фактически лишенный власти революционным финляндским правительством, он навлек на себя нарекания правящих сфер за «бездеятельность», проявленную во время всеобщей забастовки, хотя, благодаря его вынужденной обстоятельствами пассивности, финляндская забастовка обошлась без человеческих жертв. В начале 1906 г. Оболенский был уволен от должности. О его генерал-губернаторстве см. воспоминания Як. Аренберга, напечатанные в журн. «Голос Минувшего» 1916, № 10, стр. 155 — 183.

[5] Линдер Константин Карлович (род. в 1836 г.), егермейстер высочайшего двора; с 1900 г. — вице-председатель Финляндского Сената; с 1905 г. — министр статс-секретарь по делам Финляндии.

[6] Армфельдт (Армфельт) Карл Густавович, граф. С 1896 г. — секретарь статс-секретариата Финляндии; в 1900 — 1901 гг. (при Плеве) — товарищ статс-секретаря.

[7] Плёве Вячеслав Константинович (1846 — 1904), состоял в 1899 г. министром статс-секретарем великого княжества Финляндского и в этой должности явился энергичным сторонником руссификации и объединения вел. княжества с империей. При его непосредственном участии был издан манифест о введении русского языка в делопроизводстве Сената и административных учреждениях края, усилено влияние генерал-губернатора на решение производящихся в Сенате дел. Убит Егором Сазоновым в 1904 г.

[8] Октябрьские события, развернувшиеся в России, немедленно отозвались в Финляндии. Железнодорожная стачка на линии Петербург — Гельсингфорс, имевшая целью оказать поддержку движению, быстро превратилась во всеобщую политическую забастовку, охватившую не только пути сообщения, промышленные и торговые заведения, но и школы, от народных училищ до университета включительно. Для поддержания порядка немедленно организовалась милиция из рабочих («Красная гвардия»). Начальник Красной гвардии, капитан И. И. Кок, был в течение нескольких дней диктатором Гельсингфорса. Лозунгами забастовки были: отмена всех распоряжений бобриковского времени, созыв учредительного собрания и установление так называемых «гражданских свобод». 22 октября 1905 г. был издан высочайший манифест, приостановивший действие манифеста 3 февраля 1899 г., «пока затронутые в нем вопросы не будут урегулированы законодательным порядком», и отменивший все постановления бобриковского времени. Вскоре Сенат вышел в отставку; в новый состав Сената вошли общественные деятели, члены конституционного блока, в том числе некоторые, высланные из Финляндии при Бобрикове (Л. Мехелин и др.).

[9] Витте по поводу телеграммы Линевича в своих воспоминаниях писал: «После 17 октября как-то я получаю телеграмму от главнокомандующего Линевича приблизительно такого содержания: «В действующую армию прибыло из России 14 (хорошо именно помню эту цифру — четырнадцать) анархистов - революционеров для того, чтобы производить возмущение в армии»... Сказанную телеграмму я представил его величеству и получил ее обратно с резолюцией: «Надеюсь, что они будут повешены». Я сообщил об этом военному министру. Телеграмму же с резолюцией государя я вернул его величеству после оставления мною поста председателя Совета вместе с другими бумагами». См. С. Ю. Витте, Воспоминания, т. II. М.—П., 1923, стр. 121.

[10] Линевич Николай Петрович (1838 — 1908), генерал-от-инфантерии, генерал-адъютант, участвовал в кампаниях 1859, 1860 — 1864, 1877 — 1878, 1888, 1900—1901 гг. В 1904 г. — командующий войсками Приамурского военного округа. В начале войны с Японией принял должность командующего 1-й манчжурской армией; 3 марта 1905 г. назначен главнокомандующим сухопутными и морскими вооруженными силами, действовавшими против Японии. В феврале 1906 г. уволен от последней должности. Находился в течениие восьми месяцев под следствием за непринятие им мер против стачечников-революционеров в Сибири.

[11] Казбек Георгий Николаевич (род. в 1840 г.) генерал-лейтенант, комендант крепости во Владивостоке.

[12] 30 октября во Владивостоке было выступление запасных, вызванное задержкой эвакуации их на родину. Был разгромлен ряд магазинов и офицерских квартир. О владивостокских событиях см. М. Кудржинский, Владивосток в 1905 г., в журн. «Минувшие Годы» 1908, кн. 4, 5—6, 7.

[13] Надаров Иван Павлович (род. в 1851 г.), гененерал-лейтенант, главный начальник тыла Манчжурской армии.

[14] Петров Григорий Спиридонович (род. в 1867 г.), священник-пу-

блицист. Сочинения и речи Петрова создали ему репутацию «неблагонадежного». В 1903 г. он был отставлен от места настоятеля и преподавателя в Михайловском артиллерийском училище.

[15] В декабре 1905 г. общее собрание всех отделов управления и мастерских Рязанско-Уральской железной дороги решило продолжать забастовку. Из 4 000 служащих приступило к работе 90.

[16] В Москве 15 ноября был объявлен открытым съезд делегатов от почтово-телеграфных организаций. Съезд решил немедленно перейти к обсуждению вопроса о забастовке. Бюро доложило о предварительном совещании 14 ноября, на котором было решено послать телеграмму С. Ю. Витте с требованием принять обратно уволенных товарищей. Срок для ответа был назначен 15 ноября в 6 часов вечера, в каковой срок обещано приступить к общей забастовке. В виду того, что к назначенному сроку ответа получено не было, съезд перешел к забастовке. Единогласным решением по всем линиям была послана следующая депеша: «Ответа от Витте о принятии уволенных не получено. Бастуйте». В провинции по получении известия из Москвы началась всеобщая забастовка. Почтово-телеграфная забастовка охватила всю Россию. См. Туннель, Накануне суда. М., 1908.

[17] Дубасов Федор Васильевич (1845—1912), генерал-адъютант, адмирал. Участвовал в турецкой кампании 1877—1878 гг., с 1897 г. — командующий Тихо-океанской эскадрой, в 1901 г. — председатель технического комитета морского министерства; в 1905—1906 гг. — генерал-губернатор Москвы, по должности которого руководил подавлением восстания в декабре. С апреля 1906 г. — член Государственного Совета.

[18] Малахов Николай Николаевич (1827—1908), генерал-от-инфантерии. С 1905 г. — командующий войсками Московского военного округа; в 1906 г. назначен состоять в распоряжении военного министра.

[19] Проект правил, выработанный главным военным прокурором В. П. Павловым, о применении военно-полевых судов открывал, по словам Витте, «полный произвол администрации в применении смертной казни». Министерство Витте единогласно признало этот закон в порядке ст. 87 Осн. зак. (т. е. без санкции Гос. Думы). См. С. Ю. Витте, Воспоминания, 1923, т. II, стр. 248; Н. Ольшанский, Юстиция крови, в журн. «Красная Летопись» 1925, № 2 (13), стр. 134 и сл.

[20] Государственный Совет высказал следующие соображения, получившие высочайшее утверждение, относительно применения войсками огнестрельного оружия при призыве войск «для содействия гражданским властям»: «Стрельба вверх (боевыми патронами) отнюдь не может быть допущена. Такая стрельба, не поражая бунтующей толпы, при дальнобойности современных ружей, может причинить неисчислимый вред лицам, не только не участвующим в беспорядках, но и находящимся в далеком от места их совершения расстоянии». Равным образом, по мнению Государственного Совета, должна быть воспрещена законом и стрельба холостыми патронами. «В сем отношении надлежит иметь в виду, что при употреблении такой стрельбы, в особенности, если она сделается обычным приемом при подавлении беспорядков, всякие меры увещания и предупреждения утратят действие. Мало того, самая стрельба холостыми патронами, как мера предупреждения, не может быть признана целесообразной. Отсутствие в законе прямого воспрещения стрельбы холостыми зарядами не исключало бы, конечно, возможности для военного начальства, в случае надобности, отдать приказание действовать сразу боевыми патронами. Но при таком изложении закона население не было бы надлежащим образом поставлено в известность о неизбежности серьезных последствий при употреблении войсками оружия. Поэтому действие сразу боевыми патронами может оказаться для бунтующей толпы неожиданным и будет сопровождаться бо̀льшим числом жертв, чем в том случае, если бы она знала, что войска всегда обязаны стрелять боевыми патронами. Нельзя также рассчитывать на более благоприятные результаты и в тех случаях, когда первые залпы в толпу будут сделаны холостыми патро-

нами, так как, заметив недействительность открытого против нее огня, толпа может ожидать повторения холостых залпов и не только не прекратит беспорядков, но сделается еще более настойчивою в своих действиях... Издание закона, запрещающего войскам употреблять холостые патроны, и неуклонное исполнение этого закона скоро приучит население видеть в войсках грозную силу, а не только средство устрашения. При таких условиях одно появление перед бунтующей толпою войск окажет на нее устрашающее действие и заставит многих отказаться от участия в беспорядках... Не следует упускать из вида, что сами воинские части могут подвергнуться серьезной опасности от нападения вооруженной толпы, если их ружья заряжены холостыми патронами. Невозможность сделать своевременно боевой залп может повести к тому, что войска подвергнутся нападению толпы и при многочисленности ее могут быть обезоружены. По всем этим основаниям, Государственный Совет находит необходимым, в видах как поддержания порядка, так и возможного уменьшения числа жертв при подавлении беспорядков, определительно указать в законе, что стрельба вверх и холостыми патронами воспрещается». (Собр. узак. и расп. правительства, отд. I, № 34, от 17 февраля 1906 г., стр. 465—467.)

[21] В первых числах декабря возобновилась забастовка на Екатерининской железной дороге. Остановилось всякое товарное движение. Вагоны стояли на путях, преграждая дорогу поездам. Фабрикам и заводам угрожал угольный голод. См. С. Анисимов. Дело о восстании на Екатерининской железной дороге. М. — Л., 1926 и ст. И. Сливкина, Вооруженное восстание на Екатерининской жел. дороге в журн. «Пролетарская Революция» 1905, № 10 (45).

[22] Ренненкампф Павел Карлович, генерал-лейтенант. В 1905 г. состоял в распоряжении главнокомандующего, командовал 7 Сибирским армейским корпусом; в 1906 г. — командир 3 Сибирского армейского корпуса; в начале 1906 г. стоял во главе карательной экспедиции на Забайкальской железной дороге. 30 октября 1906 г. в Иркутске было сделано на него неудачное покушение со стороны с.-ров. Совершивший покушение Николай Коршун был повешен.

[23] Николай Николаевич, великий князь (род. в 1856 г.), в 1905 г. — председатель Совета государственной обороны и главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа.

[24] Палицын Федор Федорович (род. в 1851 г.), генерал-лейтенант. С 21 июля 1905 г. — начальник генерального штаба.

[25] Редигер Александр Федорович (род. в 1853 г.), генерал-лейтенант, военный министр — с 15 июля 1905 г.

[26] Дурново Петр Николаевич (1844 — 1915). В 1905 г. — министр внутренних дел после А. Г. Булыгина; перед созывом Гос. Думы отставлен от должности.

[27] Герард Николай Николаевич (род. в 1838 г.). В 1864 г. — мировой судья в Петербурге, позже — председатель мирового съезда, обер-прокурор 4-го деп. Сената, сенатор; в 1884—1886 гг.— главноуправляющий учреждениями императрицы Марии. В 1905—1908 гг. — финляндский генерал-губернатор. С 1908 г. — член Государственного Совета.

[28] Шипов Иван Павлович (род. в 1861 г.). С 28 октября 1905 г. по 26 апреля 1906 г. был министром финансов в кабинете С. Ю. Витте.

[29] Книпович Федор Михайлович, директор канцелярии финляндского генерал-губернатора.

[30] Сипягин Дмитрий Сергеевич (1853—1902), министр внутренних дел. Убит членом боевой дружины с.-р. С. В. Балмашевым 2 апреля 1902 г. — Речь идет, повидимому, о пребывании С. В. Балмашева в Выборге. См. «Дело Гершуни или так называемой боевой организации». Спб., 1904, изд. В. Врублевского, стр. 5.

[31] Медем Михаил Петрович, барон, тит. сов., вр. исп. должность выборгского губернатора.

[32] Соллогуб Василий Устинович (род. в 1848 г.), генерал-лейтенант.

С 4 декабря 1905 г. по 17 октября 1906 г. состоял временным прибалтийским генерал-губернатором. При Столыпине вышел в отставку и был членом правления Восточно-Китайской железной дороги.

[33] Фредерикс Владимир Борисович, барон, министр императорского двора и командующий главной квартирой его имп. величества.

[34] В декабре 1905 г. Витте возбудил вопрос об изменении дислокации войск, в связи с участием последних в подавлении революционных выступлений. Николай II 24 декабря 1905 г. поручил это дело особому совещанию под председательством Витте, при участии вел. кн. Николая Николаевича, военного министра, его помощника А. А. Поливанова, начальника генерального штаба Ф. Ф. Палицына. На совещании этом были выработаны основания новой дислокации войск.

[35] В Харьков «на усиление местного гарнизона» прибыли по одному батальону 46 Днепровского и 73 Крымского полков. Харьков был объявлен на военном положении в октябре 1905 г. Временным харьковским генерал-губернатором был назначен командующий 68 пехотной дивизией генерал-лейтенант Сенницкий, Викентий Викентиевич (род. в 1847 г.). — См. статьи: М. А. Яковлева, Харьковское лихолетье в журн. «Истор. Вестник» 1910, № 12, стр. 1010 сл., и К. Бессалько (Дальнего), Революционное движение в Харькове в 1905—1906 гг., в журн. «Летопись Революции» 1924, № 1 (6), стр. 119 сл.

[36] Одоевский-Маслов Николай Николаевич (род. в 1849 г.), войсковой наказной атаман войска Донского.

[37] 22 декабря революционное выступление в Ростове-на-Дону было подавлено; число убитых и раненых среди революционеров весьма значительно. Производились массовые аресты. Уезд объявлен на положении усиленной охраны. — См. статью Г. Крамарова, Декабрьское восстание в Ростове на Дону в 1905 г., в журн. «Пролет. Революция» 1923, № 2, стр. 16, и воспоминания А. Водолазского, Вооруженное восстание в Ростове на Дону в 1905 г., в журн. «Каторга и Ссылка» 1927, №№ 7—8 (36 — 37).

[38] Новороссийск в течение 20 дней (8—28 декабря) находился во власти революционных организаций. См. статью В. И. Невского в журн. «Пролетарская Революция» 1923, № 11 (23), стр. 12—41, и книгу Н. Янчевского, Новороссийская и Сочинская республика в 1905 г. Ростов-на - Дону, Истпарт Сев.-Кавк., 1926.

[39] Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837 — 1916), генерал-адъютант, генерал-от-кавалерии, министр импер. двора при Александре III. С весны 1905 г. — наместник е. и. в. на Кавказе и главнокомандующий войсками Кавказского военного округа.

[40] Одинцов Дмитрий Александрович, генерал-лейтенант, начальник области и наказной атаман Кубанского казачьего войска; в начале 1900-х годов был бакинским губернатором.

[41] По предложению Витте, через посредство начальника Генерального штаба Ф. Ф. Палицына, было решено подавить революционное движение на Сибирской жел. дороге путем посылки двух карательных экспедиций: одной, двигающейся из Харбина по направлению в Россию с генералом П. К. Ренненкампфом во главе, другой — из России по направлению к Харбину, с А. Н. Меллер-Закомельским во главе. Оба эти генерала произвели массовые расстрелы, после чего, как говорит Витте, «съехались в Чите, исполнив заданную им задачу, но дело не обошлось без жертв».

[42] Сухотин Николай Николаевич (род. в 1847 г.), генерал-лейтенант, генерал-губернатор Степного края, командующий войсками Сибирского военного округа.

[43] Октябрьская забастовка 1905 г. вспыхнула в Красноярске 13 октября. В этот день, по инициативе местного соц.-дем. комитета, состоялось многолюдное собрание рабочих жел.-дор. мастерских и депо, постановившее примкнуть к всеобщей забастовке. В последующие дни, митинги, на которых выступали, главным образом, соц.-дем. ораторы, происходили ежедневно. Наступившее в двадцатых числах октября контр-революционное

движение охватило и Красноярск. Революционные выступления были временно подавлены. В конце ноября революционное движение, в котором приняли участие и солдаты, вспыхнуло с еще большей силой. Начались митинги, на которых выступали в качестве ораторов представители соц.-дем. партии, рядовые рабочие и солдаты. На митинге, состоявшемся 5 декабря, солдаты 2-го железнодорожного батальона предъявили требования, аналогичные требованиям солдат читинского и иркутского гарнизонов: 1) немедленное увольнение запасных, 2) обеспечение семейств убитых и раненых, 3) вежливое обращение с солдатами, 4) отмена смертных казней и военного положения, 5) амнистия политическим, 6) всеобщее избирательное право и 7) учредительное собрание на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. После того, как изложенные требования были отвергнуты, солдаты 8 декабря объявили забастовку, отказались нести службу, повиноваться начальству и при помощи вооруженных патрулей сняли у всех офицеров батальона казенную прислугу.

Батальон стал управляться солдатским комитетом, в состав которого вошли выборные из солдат с прапорщиком А. И. Кузьминым во главе. Весь город очутился во власти рабочих и солдат, был образован «объединенный совет депутатов от солдат и рабочих». Были захвачены частные и губернские типографии, в которых беспрепятственно печатались воззвания, прокламации и газета «Красноярский Рабочий»; было отобрано оружие у городовых двух полицейских частей и у чинов красноярского отдела жандармского полицейского управления. Таково было положение вещей до прибытия в Красноярск первого эшелона 7 Красноярского сибирского пехотного полка, возвращавшегося из Манчжурии. Прапорщик Кузьмин, осведомившись, что полк враждебно настроен по отношению к революционерам, решился на последнее средство: рано утром 28 декабря он увел 3-ю и 4-ю роты из казарм, захватив все ружья и боевые патроны, и занял железнодорожные мастерские, где при содействии рабочих были устроены баррикады. Засевшие в мастерских революционеры были оцеплены 7 пехотным Красноярским полком. 2 января 1906 г., по распоряжению временного генерал-губернатора, был открыт по мастерским огонь, на который осажденные отвечали выстрелами и ранили 3 и убили 2 солдат, входивших в состав оцепления. 3 января утром осажденные сдались, из мастерских было выведено и заключено в тюрьму 206 солдат 2-го железно-дорожного батальона и 277 гражданских лиц. См. Ф. Романов, Красноярская республика, в сборн. «Сибирские Вопросы», 1907, № 2, Спб.; П. К-ва, Красноярск в 1905 г., «Былое», 1907, кн. 6.; Глумов, К декабрьским событиям, «Отклики Современности», 1906, № 2; Абов (Ансон), 1905 г. в Красноярске, «Сибирские Огни» 1903, кн. 4—6; 1924, кн. 1; М. Ахун и В. Петров, Войска в Красноярской республике, «Труд в России», 1925, кн. 2—3; Лесковский Я., Движение среди войск в Красноярске, «Пролет. революция», 1925, № 10 (45).

[44] Субботич Деан Иванович (род. в 1852 г.), туркестанский генерал-губернатор.

[45] Орлов Александр Афиногенович (1862 — 1908), генерал-майор свиты его вел., командир л.-гв. Уланского ее вел. полка. Начальник «Северного отряда», посланного в Прибалтийский край для усмирения. Близкий человек к б. имп. Александре Федоровне.

[46] По настоянию Витте, был выработан закон, в силу которого военному суду обязательно предаются лица, совершившие следующие политические преступления: покушение на здоровье или жизнь правительственных агентов и приготовление, а равно действие взрывчатыми бомбами. За эти преступления виновные обязательно должны были предаваться военному суду; суд, признав подсудимого виновным, должен был его присуждать к смертной казни и мог уменьшить это наказание до каторжных работ только при особых обстоятельствах, заслуживающих подсудимому снисхождения. См. С. Ю. Витте, Воспоминания, т. II, стр. 247.

[47] Акимов Михаил Григорьевич (1847 — 1914), тайн. сов., сенатор с 1899 г. С 16 декабря 1905 г. — министр юстиции; член Государственного Совета с 1906 г.

[48] Витте в своих воспоминаниях писал: «После усмирения восстания в Москве государь мне написал: «Прошу вас, граф, совместно с министром внутренних дел составить проект рескрипта на имя московского генерал-губернатора. Кроме благодарности, должно быть выражено поощрение на будущее время и назначение в члены Государственного Совета». Такой проект, но без поощрения на будущее время, был представлен, но не вышел. Не потому ли, что Дубасов настаивал вместе со мною, чтобы, усмирив восстание, поставить крест и судить всех общим порядком, т. е. без смертных казней?» См. С. Ю. Витте, Воспоминания, т. II, стр. 142.

[49] Бирилев Алексей Алексеевич (1844 — 1915). С 29 июня 1905 г. по 11 января 1907 г. состоял морским министром; с 3 ноября 1905 г.—член Государственного Совета.

[50] О сформировании морского батальона Витте в своих воспоминаниях сообщает: «Соллогуб просил у меня войск по телеграфу, а главнокомандующий, великий князь, и военный министр отвечали мне, что войск нет. Я как-то о таком положении вещей говорю морскому министру. Он мне ответил: «Знаете что, предложите сформировать батальон из тех моряков, которые взбунтовались в Петербурге, а теперь находятся под арестом в Кронштадте. Они будут отлично исполнять свою службу». На мои сомнения относительно того, не перейдут ли они к революционерам, он мне сказал: «Я назначу офицеров благонадежных, и поверьте мне, что здесь их могли направить на революцию, а там они будут самыми верными защитниками порядка». Я просил морского министра доложить об этом государю. Его величество предложение адмирала Бирилева одобрил. Был сформирован батальон и отправлен в Ревельский район усмирять революционеров». См. С. Ю. Витте, Воспоминания, т. II, стр. 125.

[51] Доклад Витте и телеграмма Соллогуба были напечатаны в журн. «Былое» 1918, № 12, стр. 146—147 — «Из резолюций Николая II». О карательных экспедициях в Прибалтийском крае см.: кн. П. Янсона, Карательные экспедиции в Прибалтийском крае в 1905 — 1907 гг. (по материалам Гос. Думы). Л., «Прибой» (Л-гр. Истпарт), 1926; кн. И. Янсон-Брауна, Революция в Прибалтике. Перевод П. Свирис (Блуменфельд). М., 1924; ст. П. Стучка, 1905 год в Латвии (1905 г. История революционного движения в отдельных очерках под ред. М. Н. Покровского, т. III, в. 1, стр. 183 — 238. М.—Л., ГИЗ, 1927); материалы — Прибалтийский край в 1905 г., в журн. «Красный Архив» 1925, т. IV — V (XII — XII), стр. 273; материалы, опубликованные в журн. «Пролетарская Революция» 1923, № 12; кн. Я. Пальвадре, Революция 1905 — 7 гг. в Эстонии. Л., «Прибой», [1927].

[52] Воронов Павел Николаевич (1851—1923), генерал-майор, командующий 23-й пехотной дивизией.

[53] Рихтер Оттон Оттонович (род. в 1871 г.), лейтенант, командовал миноносцем «Быстрый». О его отряде см. С. Ю. Витте, Воспоминания, т. II, стр. 125 — 126.

[54] Мейнард Вальтер Вальтерович (род. в 1860 г.), генерал-майор, командир 2-й бригады 4-й кавалерийской дивизии, начальник южного отряда.

[55] Бекман Владимир Александрович (род. в 1848 г.), командир 20-го армейского корпуса.

[56] Князев Леонид Михайлович. С октября 1905 г. — курляндский губернатор.

[57] Вендт Федор Христианович (род. в 1857 г.), генерал-майор, был начальником сообщений Виленского военного округа.

[58] Доклад Витте по аграрному вопросу напечатан в кн. «Аграрный вопрос в Совете министров в 1906 г.». М. — Л., Гиз. (Центрархив) 1927, стр. 70 — 80.

[59] Крыжановский Димитрий Викторович (род. в 1846 г.), генерал-майор, командир 11-й кавалерийской дивизии.

[60] 21 октября 1905 г. было сделано министерством юстиции в Государственный Совет представление «об усилении штатов некоторых судебных установлений». Государственный Совет в соединенных департаментах гражданских и духовных дел, законов и государственной экономии признал необходимым в виду «значительного возрастания количеств возникающих уголовных дел и связанного с ним обременения наличного состава судебных установлений . . . принять настоятельные меры к облегчению судебных чинов от выпадающего на их часть труда». Почти во всех судебных округах были увеличены штаты судебных установлений.

[61] Русское законодательство XX века пошло по пути сужения компетенции суда присяжных заседателей, расширяя круг дел, подлежащих суду с участием сословных представителей (городской голова, предводитель дворянства, волостной старшина). Закон 18 марта 1906 г., охраняя интересы участников контр-революционного движения, учредил сословных представителей для дел о погромах при окружных судах, сверх прежде существовавших при Сенате и судебных палатах.

[62] Пантелеев Александр Ильич (род. в 1838 г.), генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии, был командиром отдельного корпуса жандармов, иркутским военным генерал-губернатором. С 21 ноября 1905 г. по февраль 1906 г. находился в командировке в Орловской, Курской, Полтавской и Черниговской губерниях для усмирения крестьянских волнений.

[63] Приводим выдержки из высочайшего манифеста «Об улучшении благосостояния и облегчении положения крестьянского населения». «Глубокою скорбию наполняет сердце наше смута, перешедшая в селения некоторых уездов, где крестьяне чинят насилие в имениях частных владельцев. Никакое своеволие и самоуправство терпимы быть не могут, и властям, от нас поставленным, гражданским и военным, повелено всеми мерами предупреждать и прекращать беспорядки, карая виновных.

Нужды крестьянские близки сердцу нашему и не могут быть оставлены без внимания.

Насилие и преступления не улучшат, однако, положения крестьян, и родине могут они принести много великого горя и бед.

Единственный путь прочного улучшения благосостояния крестьян есть путь мирный и законный, и мы всегда ставили первейшею нашею заботою облегчение положения крестьянского населения.

В последнее время нами было повелено собрать и представить нам сведения о тех мерах, которые можно было бы немедленно принять на пользу крестьян.

По рассмотрении этого дела нами решено: 1. Выкупные платежи с крестьян, бывших помещичьих, государственных и удельных, уменьшить с первого января 1906 г. на половину, а с первого января 1907 г. взимание этих платежей вовсе прекратить; и 2. Дать Крестьянскому поземельному банку возможность успешнее помогать малоземельным крестьянам в расширении покупкою площади их землевладения, увеличив для сего средства Банка, и установить более льготные правила для выдачи ссуд.

О приведении этих мер в исполнение даны нами особые указы.

Пребываем в уверенности, что совместными, затем, трудами нашими и лучших выборных людей земли русской, которые должны быть свободно указаны, в числе других подданных наших и крестьянами, удастся достигнуть удовлетворения дальнейших насущных нужд крестьянства без всякой обиды для прочих землевладельцев.

Уповаем, что любезное сердцу нашему крестьянское население, следуя заповедям христианским добра и любви, услышит царственный призыв наш сохранять повсюду мир и тишину и не нарушать закона и прав других лиц». См. «Право» 1905, стр. 3527 — 3528.

[64] Кутлер Николай Николаевич (1860 — 1923), главноуправляю-

щий земледелием и землеустройством в 1905 г. Представил в Совет министров свой проект удовлетворения земельной нужды крестьян, в котором предполагалось употребить годные для этой цели казенные и удельные земли и часть частновладельческих, путем принудительного отчуждения последних. Проект обсуждался в Совете министров при участии нескольких членов Государственного Совета, специально приглашенных, но не нашел поддержки. Одни допускали принцип принудительного отчуждения, но только как исключение, а не как общую меру, другие выставляли юридические возражения против принудительного отчуждения в пользу крестьян. Противники проекта распространили его в чиновных и придворных сферах, чем вывели вопрос из области делового обсуждения в область политики и политических интриг. Кутлер должен был выйти в отставку, и разработка аграрного вопроса получила совсем другое направление.

[65] Мигулин Петр Петрович (род. в 1870 г.), профессор Харьковского, а потом Петербургского университетов, член совета министерства финансов. В 1905 г., по поручению консервативных сфер, составил проект дополнительного наделения крестьян землей. Витте через Трепова получил составленный Мигулиным проект, в котором допускалось принудительное отчуждение частновладельческих земель. Этот проект в Совете министров был отвергнут. «Всеподданнейшая записка проф. П. П. Мигулина» и его письмо к гр. С. Ю. Витте опубликованы в указанной выше книге: Аграрный вопрос в Совете министров в 1906 г. М.— Л., 1924 (Центрархив), стр. 172 — 176 и 157 — 159.

[66] Горемыкин Иван Логгинович (1839—1918). В 1895—1899 гг.— министр внутренних дел, с 1899 г.—член Государственного Совета, с 22 апреля 1906 г.—председатель Совета министров. С роспуском 1-й Гос. Думы кабинет Горемыкина вышел в отставку, на смену ему пришел кабинет П. А. Столыпина.

[67] Павловский Владислав Михайлович, (род. в 1866 г.), инженер путей сообщения, действ. ст. сов., начальник Сибирской жел. дороги. Его помощником был инженер путей сообщ. ст. сов. Владимир Антонович Штукенберг.

[68] Холщевников Иван Васильевич (род. в 1851 г.), военный губернатор и командующий войсками Забайкальской области. Его воспоминания «Чита в 1905 г.» напечатаны в журн. «Каторга и Ссылка» 1926, кн. 1; см. также статью: Движение в войсках на Дальнем Востоке, в журн. «Красн. Архив» 1925, т. IV — V (XI— XII), стр. 289 — 386.

[69] Игнатьев Алексей Павлович (1842 — 1906), граф, генерал-от-кавалерии, киевский генерал-губернатор (1889 — 1905). В 1905 г. был председателем особого совещания для пересмотра исключительных законоположений об охране государственного порядка. Во время министерства Витте был решительным его противником. Убит в Твери членом террористической организации.

[70] Стишинский Александр Семенович (род. в 1851 г.) тайный советник, член Государственного Совета. После ухода С. Ю. Витте—министр земледелия.

[71] Штюрмер, Борис Владимирович (род. в 1848 г.), гофмейстер, член Государственного Совета. В годы империалистической войны председатель Совета министров.

[72] Абаза Алексей Михайлович (род. в 1851 г.), контр-адмирал. В 1903 г. — управляющий делами комитета по делам Дальнего Востока. В этой должности пользовался правом личного доклада царю; имел значительное влияние на дипломатические переговоры с Японией, вел по отношению к последней крайне вызывающую политику, которая и привела к войне.

[73] Грингмут Владимир Андреевич (1851 — 1907), реакционный публицист. В 1894 — 1896 гг. состоял директором лицея цесаревича Николая в Москве. С 1897 г. — редактор «Московских Ведомостей» — органа ожесточенного черносотенства.

[74] Шарапов Сергей Федорович (род. в 1855 г.), публицист. Издавал в 1880—1890-ые годы журналы «Русское Дело» и «Русский Труд». Автор ряда брошюр крайне правого направления.

[75] Никольский Борис Владимирович, юрист и политический деятель, приват-доцент Петербургского университета. В 1905 г. вступил в состав Союза русского народа. После раскола черносотенцев Никольский примкнул к Дубровинскому крылу. Весной 1919 г. Никольский был расстрелян за причастность к контр-революционной деятельности. См. о нем «Материалы для характеристики контр-революции 1905 г. (из переписки Бориса Никольского с Антонием Волынским)». С предисловием и примечаниями Ш. М. Левина, в журн. «Былое» 1923, № 21.

[76] Шмидт Петр Петрович (1867—1906), лейтенант, руководитель восстания в Севастополе в ноябре 1905 г.; казнен в марте 1906 г. на острове Березани. В «Воспоминаниях» Витте об этом эпизоде сообщается так: «По поводу расстреляния Шмидта, когда его осудили, то ко мне явился его защитник, известный присяжный поверенный, член Гос. Думы О. Я. Пергамент, и честным словом уверил меня, что Шмидт — помешанный и что его нужно не казнить, а поместить в сумасшедший дом». См. Витте, Воспоминания, т. II, стр. 114, а также кн.: Лейтенант П. П. Шмидт. Письма, воспоминания, документы. Под ред. и с пред. В. В. Максакова. М. «Новая Москва» (Центрархив), 1922; Воспоминания сестры. С пред. Ив. Егорова. Л., 1925; И. П. Вороницын, Лейтенант Шмидт. М., ГИЗ, 1925; Черноморский флот в эпоху первой революции. Сборник журн. «Каторга и Ссылка». М. Изд-во О-ва Политкаторжан, 1927.

[77] О январском погроме в Гомеле в 1906 г. см.: 1905. Материалы и документы под общей редакцией М. Н. Покровского; Еврейское рабочее движение. Составил А. Д. Киржниц. М. — Л., ГИЗ, стр. 273 сл.

[78] Савич Георгий Георгиевич. С 1902 г.; — член совета министра внутренних дел.

[79] Подгоричани-Петрович Мануил Александрович (род. в 1867 г.) граф, ротмистр, помощник начальника Могилевского губернского жандармского управления в Гомельском, Рогачевском и Быховском уездах. Организатор погрома в Гомеле. Совет министров высказал пожелание, чтобы Подгоричани-Петрович был отдан за свои действия под суд и устранен от службы. Несмотря на это, он позже занял место полицеймейстера в одном из черноморских городов.

[80] Гагман фон Дмитрий Федорович, колл. сов. С декабря 1905 г.— исп. должн. могилевского губернатора.

[81] Поляков Николай Максимович (род. в 1846 г.), полковник. С мая 1900 г. — начальник Могилевского губернского жандармского управления.

[82] Саввич Сергей Сергеевич (род. в 1863 г.) полковник. С января 1905 г. — начальник штаба отдельного корпуса жандармов.

[83] Толстой Иван Иванович (1858—1916), граф, государственный деятель, нумизмат и археолог. С ноября 1905 г. по апрель 1906 г.—министр народного просвещения.

[84] Оболенский Алексей Дмитриевич князь (род. 1855 г.). С октября 1905 г. — обер-прокурор Синода.

[85] Философов Дмитрий Александрович (род. в 1861 г.). В октябре 1905 г. назначен государственным контролером. В кабинете Столыпина занимал пост министра торговли и промышленности.

[86] Немешаев Клавдий Семенович (1849—1927), инженер путей сообщения. С 1896 г. по 1905 г. — начальник юго-западных железных дорог. С 28 октября 1905 г. по апрель 1906 г. — министр путей сообщения.

[87] Федоров Михаил Михайлович. С 18 февраля 1906 г. — врем. управляющий министерством торговли и промышленности.

[88] Булыгин Александр Григорьевич (род. в 1851 г.), министр

внутренних дел; связал свое имя с законом о совещательной Гос. Думе 6 августа 1905 г. («Булыгинская Дума»).

[89] Медем фон Георгий Петрович (род. в 1850 г.), барон, генерал-майор. В 1903—1905 гг. — помощник начальника штаба отдельного корпуса жандармов; с 1905 г. — московский градоначальник.

[90] Баль Владимир Яковлевич (род. в 1849 г.), контр-адмирал, директор маяков и лоций Каспийского моря и комендант Бакинского порта.

[91] Накашидзе Михаил Александрович (род. в 1847 г.). С 1902 г.— эриванский вице-губернатор; с 1904 г.—бакинский губернатор. Убит 11 мая 1905 г. Дело Зиальянца, Мейрамова, Петроса Саханьянца, Левона Арутюнова и Минаса Агасаньянца по обвинению в убийстве Накашидзе слушалось 5 декабря в главном военном суде, который заменил подсудимым смертную казнь (приговор временного военного суда в Баку) 15-летней каторгой. См. «Право» 1905, стр. 4143 — 4148, и ст. П. П. Шубинского, Убийство князя М. А. Накашидзе (воспоминания очевидца), в журн. «Историч. Вестник» 1914, т. CXXXV, стр. 539 — 581.

[92] Рыльский Василий Иосифович (род. в 1844 г.), генерал-майор, командующий Кавказской гренадерской дивизией.

[93] Производство ревизии входило в круг обязанностей Сената. Особенно «сенаторские ревизии» широко были задуманы в 80-х годах, в эпоху так называемой «диктатуры сердца». Известны ревизии П. Н. Клушина, А. А. Половцова, И. И. Шамшина и др. Первой ревизией XX века была ревизия Бакинской губ. сенатора А. М. Кузминского в 1905 г., раскрывшая множество беспорядков и злоупотреблений. Некоторые части отчета сенатора были напечатаны в юридической газете «Право» за 1906 г. См. История Правительствующего Сената за двести лет, 1711 — 1911 гг., том IV. Спб., 1911 г., стр. 186.

[94] Кузминский Александр Михайлович (1844—1917), сенатор с 1900 г., женат на Т. А. Берс (сестре С. А. Толстой).

[95] Михнович Антоний Болеславович (род. в 1877 г.), колл. секр.; с 1903 г. — заведывающий 2-м Бакинским следственным участком.

[96] Родионов Алексей Алексеевич (род. в 1862 г.), главный врач Бакинской морской врачебно-наблюдательной станции.

[97] Вальтер Мечислав Константинович (род. в 1854 г.), полковник. С февраля 1903 г. — командир 262 пехотного резервного Сальянского полка.

[98] Голицын Григорий Сергеевич (1838 — 1907), князь. С 1897 г. по 1904 г. состоял главноначальствующим гражданской частью на Кавказе и командующим войсками Кавказского военного округа. По его почину имущество армянских церквей было взято под контроль правительства. В 1904 г. на него было сделано неудачное покушение.

[99] Амилахвари Иван Гивич (1829 — 1905), князь, генерал-адъютант, командир 2-го Кавказского армейского корпуса, бакинский временный генерал-губернатор.

[100] Меллер-Закомельский Александр Николаевич (род. в 1844 г.), генерал-от-инфантерии. Начал службу корнетом гусарского полка и в его рядах принял участие в усмирении польского восстания 1863 г. В 1869 г. перешел в армейскую пехоту в Туркестан. Участвовал в Русско-Японской войне. В ноябре 1905 г. командирован для усмирения восстания в Севастополь. После этого командовал карательным отрядом, посланным на Самаро-Златоустовскую и Сибирскую жел. дороги. С 1906 г. по 1909 г. занимал пост временного прибалтийского генерал-губернатора. С 1909 г.— член Государственного Совета.

[101] Документ напечатан в журн. «Былое» 1917, № 5 — 6, стр. 25 — 31. — О Севастопольском восстании см.: И. Геллис, ноябрьские дни в Севастополе в 1905 г. Харьков, 1924; статью В. Дробата, Севастопольское восстание 1905 г., в журн. «Пролетарская Революция» 1923, № 6 — 7 (18 — 19), стр. 109 — 163; № 10 (22), стр. 61 — 94; А. П. Платонов, Восстание в Черноморском флоте в 1905 году, в июне, в Одессе

и в ноябре в Севастополе. Л., 1925 (Ленинградский Истпарт), а также литературу, указанную в прим. 76.

[102] Каульбарс Александр Васильевич, барон (род. в 1844 г.), генерал-от-кавалерии. С августа 1905 г. командующий войсками Одесского военного округа.

[103] Чухнин Григорий Павлович (род. в 1848 г.), вице-адмирал. В апреле 1904 г. назначен главнокомандующим Черноморским флотом. 27 января 1906 г. на него было сделано покушение Екатериной Адольфовной Измайлович. См. воспоминания П. С. Ивановской, Покушение на Чухнина, в журн. «Каторга и Ссылка» 1925, № 3 (16), стр. 113—114. Убит 28 июня 1906 г. с.-ром Я. С. Акимовым; его воспоминания: Как я убил усмирителя Черноморского флота адмирала Чухнина, в журн. «Каторга и Ссылка» 1925, № 5 (18), стр. 150—155. О Чухнине, см. сборник: Вице-адмирал Григорий Павлович Чухнин. По воспоминаниям сослуживцев. Под ред. А. Беломора. Спб., 1909.

[104] Думбадзе Николай Иванович (род. в 1854 г.), полковник. С 20 мая 1904 г. по 3 декабря 1907 г. — командир 49-го пехотного Брестского полка.

[105] Сакоцкий Людвиг Иванович (род. в 1854 г.), генерал-майор, начальник артиллерии Севастопольского порта.

[106] Волькенау Владимир Федорович (род. в 1879 г.), лейтенант.

[107] Матюхин Николай Ефимович (род. в 1858 г.), капитан 1-го ранга.

[108] Славочинский Мариан Иванович (род. в 1859 г.), капитан 2-го ранга.

[109] Неплюев Владимир Степанович (род. в 1847 г.), военный инженер, комендант Севастопольской крепости. 14 мая 1906 г. на него было произведено покушение с.-рами.

[110] Сидельников Владимир Гаврилович (род. в 1847 г.), генерал-майор. С июня 1904 г. — командир 1-й бригады 13-й пехотной дивизии.

[111] Крылов Дмитрий Дмитриевич (род. в 1853 г.) генерал-майор, командир севастопольской крепостной артиллерии.

[112] Комаров Николай Николаевич (род. в 1855 г.), генерал-майор.

[113] Зиборов Вячеслав Иванович (род. в 1868 г.), полковник Генерального штаба.

[114] Цумпфорт Константин-Карл Юльевич (род. в 1855 г.), полковник.

[115] Шульман Карл-Август Александрович (род. в 1861 г.), полковник.

[116] Никитенко Николай Кондратьевич (род. в 1855 г.), подполковник.

[117] Рогуля Евгений Петрович, капитан 1-го ранга. С 7 ноября 1905 г. — севастопольский градоначальник.

[118] Трепов Дмитрий Федорович (1855 — 1906), генерал-майор. С 11 января 1905 г. — петербургский генерал-губернатор с весьма широкими полномочиями. Когда в октябре 1905 г. началась всероссийская забастовка, Трепов приказал расклеить по улицам Петербурга приказ по войскам, в котором заключалась знаменитая фраза: «патронов не жалеть». 26 октября 1905 г. был перемещен па должность дворцового коменданта.

[119] Столыпин Петр Аркадьевич (1862—1911), саратовский губернатор (1905 г.), министр внутренних дел и председатель Совета министров (1906—1911). Убит в сентябре 1911 г. в Киеве Д. Г. Богровым.

[120] Крестьянские волнения, охватившие весной 1905 г. почти всю Россию, см. кн.: 1905. Материалы и документы. Под общей редакцией М. П. Покровского; Аграрное движение в 1905—1907 гг. Составили С. Дубровский и Б. Граве, т. I, Гиз, 1925, и ст. Н. Ф. Лаврова, Крестьянские настроения весной 1905 г., в журн. «Красная Летопись»

1925 г., № 3; С. Дубровский, Крестьянское движение 1905 г., в журн. «Красный Архив», т. IX) и во многих местах почти не прекращавшиеся летом, с новой силой вспыхнули после октябрьских событий. Рост аграрного движения побудил правительство принять чрезвычайные меры. В конце октября ряд губерний объявлен на положении усиленной охраны (29 октября — губ. Черниговская и части губерний Саратовской и Тамбовской; 30 октября — вся Тамбовская губ.; 4 ноября — губернии Курская и Пензенская); кроме того, в некоторые губернии посланы были генерал-адъютанты с особыми полномочиями для подавления крестьянских волнений: в Саратовскую губ. — В. В. Сахаров, в Тамбовскую и Воронежскую — А. П. Струков, в Черниговскую и Курскую — Ф. В. Дубасов.

[121] После назначения Ф. В. Дубасова генерал-губернатором Москвы, в Черниговскую, Орловскую, Курскую и Полтавскую губернии был назначен генерал-адъютант Александр Ильич Пантелеев. Об аграрном движении в Черниговской губ. см. кн. И. Г. Дроздова, Аграрные волнения в Черниговской губ. в годы первой революции, Гиз, 1925, и ст. В. Ефимовского в жур. «Летопись Революции» 1922, № 2. — Отчеты Дубасова и Пантелеева напечатаны в журн. «Красный Архив» т. XI — XII, стр. 183 — 192.

[122] Гордеев Николай Николаевич, шталмейстер, курский губернатор. См. П. Г. Курлов, Конец русского царизма, М., 1923, стр. 16—23. Курлов в 1905 г. был курским вице-губернатором и участвовал в подавлении крестьянских волнений.

[123] Раевский Николай Владимирович, председатель Курской уездной земской управы.

[124] Ширков Николай Владимирович, председатель Льговской уездной земской управы Курской губ.

[125] Долгоруков Петр Дмитриевич (род. в 1866 г.), председатель Суджанской уездной управы, член 1-й Гос. Думы.

[126] Шрамченко Михаил Николаевич, непременный член Черниговского губернского присутствия, поручик запаса.

[127] Хвостов Алексей Алексеевич, черниговский губернатор, был известен в 1905 г. своим покровительством черной сотне. 2 января 1906 г. ранен бомбою, брошенною членами летучего боевого отряда с.-ров Аар. Шпайзманом и Мар. Школьник.

[128] Рудов Николай Петрович (род. в 1845 г.), полковник, начальник Черниговского жандармского управления. Разъяснение Рудова на срочный запрос членов 1-й Гос. Думы о произведенных по приказанию должностных лиц поджогах строений в некоторых селах Суражского и Стародубского уездов напечатано в указанной выше ст. В. Ефимовского.

[129] Мусин-Пушкин Владимир Алексеевич (род. в 1868 г.), граф. С 31 мая 1905 г. — уездный предводитель дворянства в Сосницком уезде Черниговской губ.

[130] Голицын Василий Димитриевич, князь. С июля 1905 г. — черниговский губернский предводитель дворянства.

[131] Урусов Николай Петрович, князь (род. в 1864 г.). С октября 1902 г. — полтавский губернатор. См. о нем Д. А. Иваненко, Записки и воспоминания (1888 — 1908 гг.). Изд. редакции «Полт. Голос». Полтава, 1909, стр. 183 и сл.

[132] Штерич Алексей Платонович (род. в 1852 г.), генерал-майор, начальник кременчугского артиллерийского склада, временный кременчугский генерал-губернатор.

[133] Родионов Николай Матвеевич. С января 1903 г. — черниговский вице-губернатор.

[134] Свечин Алексей Александрович. С февраля 1902 г. — председатель Черниговской губернской земской управы.

[135] Селецкий Александр Михайлович, земский начальник 3-го участка Черниговского уезда, агроном.

[136] Карвольский-Гриневский Михаил Данилович. С 1897 г.— Городнянский уездный предводитель дворянства (Черниговской губ.).

[137] Борзенко Виктор Михайлович, курский вице-губернатор.

[138] Балясный Константин Александрович. С 1902 г. — исполнял должность, с 1904 г. утвержден в должности орловского губернатора.

[139] Малахов Михаил Николаевич, непременный член Черниговского губернского присутствия, отставной капитан.

[140] Максимович Константин Клавдиевич (род. в 1849 г.), генерал-адъютант. С 19 февраля 1905 г. по 15 августа 1905 г. состоял варшавским генерал-губернатором и командующим войсками Варшавского военного округа, а после убийства В. В. Сахарова был назначен в Саратовскую и Пензенскую губернии для усмирения аграрных беспорядков. О революционном движении в Туркестане см.: Г. П. Федоров, Моя служба в Туркестанском крае, «Исторический Вестник» 1913, кн. 12, стр. 886 и сл.; П. Черкесов, Революционное движение в войсках Сибирского и Туркестанского военных округов (1905. Материалы и документы под общей ред. М. Н. Покровского. Армия в первой революции. М. — Л., ГИЗ, 1927, стр. 279 и сл.).

[141] Шарыгин Михаил Михайлович (род. в 1852 г.), действительный статский советник, прокурор Ташкентской судебной палаты. Убит 6 сентября 1906 г.

[142] Сахаров Всеволод Викторович (род. в 1851 г.), генерал-лейтенант. С конца 1904 г. — помощник туркестанского генерал-губернатора.

[143] Федотов Иван Иванович (род. в 1855 г.), генерал-майор. С 2 июня 1905 г. по 30 июля 1906 г. — военный губернатор Сыр-Дарьинской области.

[144] Курицын Федот Егорович, статский советник, управляющий ветеринарной частью в Туркестане. Убит 18 сентября 1906 г. Курицын был обвинен в секретном сотрудничестве в жандармск. управлении в 70-х — 80-х годах XIX века. Письмо Курицына, в котором он пытается себя реабилитировать, напечатано с ответом на него редакции в журн. «Былое» 1906, кн. 8, стр. 273 и сл.

[145] Прасолов Владимир Порфирьевич (род. в 1856 г.), генерал-майор, комендант крепости Кушка.

[146] Олферьев Александр Александрович (род. в 1873 г.). С 1901 г.— кокандский мировой судья.

[147] Исаенко Петр Степанович (род. в 1873 г.). С 1905 г.—тов. прокурора Ново-Маргеланского окружного суда.

[148] Ринкевич Иван Михайлович (1853 — 1906), убит железнодорожным техником Морозовым; убийца зарублен шашкой дежурным офицером.

[149] Мациевский Евгений Осипович (род. в 1845 г.), генерал-лейтенант, командир 1-го Туркестанского армейского корпуса.

[150] Коссаговский Владимир Андреевич (род. в 1857 г.), генерал-майор.

[151] Ульянин Николай Алексеевич (род. в 1850 г.), генерал-майор, военный инженер, начальник Средне-Азиатской железной дороги и начальник Туркестанской железнодорожной бригады.

[152] Шпицберг Евграф Владимирович (род. в 1843 г.), генерал-лейтенант, начальник 1-й Туркестанской казачьей дивизии.

[153] Бердяев Валерий Михайлович (род. в 1855 г.), командир 1-го Туркестанского стрелкового батальона.

[154] Марков Сергей Димитриевич (род. в 1862 г.), генерал-майор, генерал-квартирмейстер, и. д. начальника штаба Туркестанского военного округа.

[155] Временное прибалтийское генерал-губернаторство учреждено 28 ноября 1905 г. с целью объединения мероприятий по борьбе с революционным движением в крае и проведением необходимых «реформ». Прибалтий-

кому генерал-губернатору были подчинены Лифляндская, Эстляндская и Курляндская губернии. Первым генерал-губернатором был назначен В. У. Соллогуб.

[156] Эссен Николай Оттонович (1860—1915), впоследствии адмирал, командовал флотом Балтийского моря; участвовал в Русско-Японской войне в качестве командира броненосца «Севастополь». После войны последовательно занимал должности заведующего стратегической частью Главного морского штаба, командира крейсера «Рюрик», начальника отряда минных крейсеров. С 1909 г. командовал Балтийской эскадрой. См. о нем «Историч. Вестник» 1915, т. 140, стр. 1069.

[157] Васильев Николай Александрович (1842—1918), генерал-лейтенант, служил в Кавказском артиллерийском управлении, участвовал в Турецкой кампании. С 1891 по 1896 г. заведывал артиллерийской частью Закаспийской области; с 25 февраля 1905 г. — член Военного Совета. С 27 мая 1906 г. по 11 апреля 1907 г. — комендант Либавской крепости.

[158] Петрович Николай Григорьевич (род. в 1846 г.), генерал-майор, комендант Усть-Двинской крепости.

[159] Рагоза Александр Францевич (род. в 1858 г.), генерал-майор, комендант Усть-Двинской крепости после Н. Гр. Петровича.

[160] Речь идет о неудавшемся покушении на жизнь П. А. Столыпина 12 августа 1906 г., во время которого была ранена его 15-летняя дочь. Покушение совершено членами боевой организации с.-р. — максималистов на даче Столыпина на Аптекарском острове. По делу привлечены были Климова, Терентьева и др. См. «Былое» 1917, № 5—6, стр. 21.

[161] Вторая Гос. Дума распущена была манифестом от 3 июня 1907 г. Одним из оснований роспуска Думы было обвинение членов социал-демократической фракции в прикосновенности к военной организации. См.: М. Ахун и В. Петров, Военная организация при Петербургском комитете РС-ДРП в 1907 г. в журн. «Красная Летопись» 1926, № 3 (18), стр. 143—171, и С. Валк, К истории ареста и суда над социал-демократической фракцией II Гос. Думы, в журн. «Красный Архив», т. XVI.

[162] Князь Ливен Георгий Андреевич (род. в 1874 г.). С 1903 г. — курляндский губернский предводитель дворянства. Он прославился в качестве одного из наиболее ярых усмирителей крестьянского восстания. См. Ландер, История латышского народа, «Русская Мысль» 1906, № 9, стр. 43.

[163] В г. Туккуме, Курляндской губ., после объявления края на военном положении (6 августа 1905 г.), расположились отряды драгун, которые вели себя крайне вызывающе, как в завоеванной стране. После октябрьских дней в Туккуме образовалась милиция. 28 ноября драгуны застрелили одного милиционера,—это было поводом к открытому возмущению. К милиционерам присоединились вооруженные крестьяне, которые прибыли из окрестных деревень. В результате столкновения часть драгун была убита, другие попали в плен, и город в течение некоторого времени находился во власти революционеров. На город была направлена воинская часть, подкрепленная артиллерией. Начальник отряда вступил в переговоры с уполномоченными города, которые соглашались уступить при условии снятия военного положения и отзыва солдат. Пользуясь переговорами, часть драгун ворвалась в город и произвела нападение на мирных жителей. Город был занят войсками, и милиция была распущена. 17 человек случайных участников восстания были приговорены к смертной казни, другие к каторжным работам и к тюремному заключению. См. Туккумская революция, Ноябрь — декабрь 1905 г., вып. I, Митава, 1913 г.; Туккумская республика, «Истор. Вестник» 1913, № 3; ст. Альбовского, Шесть месяцев в Курляндии, «Русская Старина». 1913, № 12, стр. 643; К. П. Берзин (Лацис), Туккумское восстание, «Из эпохи борьбы с царизмом», 1924.

[164] Кошелев Александр Петрович, (род. в 1857 г.), генерал-майор, военный судья Виленского военно-окружного суда.

[165] Подушкин Николай Евграфович (род. в 1863 г). С 31 августа 1902 г. — начальник отделения Виндавского жандармского полицейского управления железных дорог. В 1905 г. — полицеймейстер г. Либавы.

[166] Озоль Иван Петрович (род. в 1878 г.), депутат от г. Риги во второй Гос. Думе, соц.-дем. (меньшевик).

[167] Предкальн Андрей Янович, депутат от гор. Риги в третьей Гос. Думе, соц.-дем.

[168] Добровольный флот возник в 1878 г. на частные пожертвования с целью образования мореходной организации, которая могла бы быть обращена на военные нужды государства. Первоначально находился в ведении морского министерства; в 1909 г. перешел в заведывание министерства торговли и промышленности. Согласно положению о Добровольном флоте, утвержденному 5 июля 1912 г., должен был иметь чисто коммерческое значение.

[169] Фон-Нидермиллер Александр Георгиевич (род. в 1851 г.), контр-адмирал.

[170] Балабин Николай Иванович (род. в 1868 г.). С 29 мая 1898 г.— в корпусе жандармов. В 1905 г. — начальник охранного отделения в Риге.

[171] Описанным в докладе князя Оболенского революционным событиям 1905 г. предшествовал сильный подъем национального движения в Финляндии. В открывшемся в декабре 1904 г. очередном Сейме (по финляндской конституции очередные Сеймы должны созываться каждые три года) победу одержали конституционалисты — буржуазная партия, образовавшаяся из блока шведоманов с младофинноманами (более радикальная часть прежней финской партии); эта партия усвоила себе тактику «пассивного сопротивления», т. е. отказ подчиняться и игнорирование всех распоряжений, нарушающих «законный порядок страны». Другая буржуазная партия — старофинноманов или суометарианцев (группировавшаяся вокруг газеты «Uusi Suometar»)—ставила своей задачей, не доводя до открытых конфликтов, дипломатическим путем сохранить основы финской конституции. Обрусительная политика генерал-губернатора Бобрикова (см. прим. 3) выдвинула в среде конституционалистов радикальное ядро сторонников «активного сопротивления», признававших возможность в борьбе за конституцию пользоваться всеми средствами вплоть до террора (убийство генерал-губернатора Н. И. Бобрикова, а равно и целый ряд террористических актов совершены членами партии активистов). Наконец, в избирательной кампании 1904 г. принимала участие соц.-дем. партия (несмотря на высокий избирательный ценз в сейм прошло три депутата социалиста), которая организуется в Финляндии в начале девятисотых годов. Это свидетельствовало о росте рабочего движения, что естественно вызывало опасение со стороны руководящей буржуазной партии, отклонившей поэтому вопрос о реформе избирательного закона до следующего Сейма (требование реформы избирательного закона, построенного на высоком имущественном цензе, было основным лозунгом происходивших в апреле 1905 г. рабочих демонстраций).

О революционном движении в Финляндии см. ст.: А. Коллонтай, Общественное движение в Финляндии, в сборнике «Общественное движение в начале XX века», т. IV, ч. 2; Ю. Сирола, Октябрьские события 1905 г. в Гельсингфорсе, в журн. «Красная Летопись» 1925, кн. 1 (12); И. В. Егорова, Октябрьская забастовка в Гельсингфорсе, там же, и В. М. Смирнова, Революционная работа в Финляндии (1900—1907 гг.), в журн. «Пролетарская Революция» 1926, кн. 1.

[172] Сенат являлся высшим административно-судебным учреждением, подчиненным генерал-губернатору, председательствовавшему в общих собраниях Сената. Сенат разделялся на судебный и хозяйственный департаменты, последний ведал всем управлением страны.

[173] Стренг Эмиль Эммануилович (род. в 1838 г.), сенатор, вице-председатель хозяйственного департамента Сената.

[174] Даниельсон Иоган-Рикард (род. в 1853 г.), вице-канцлер, профессор Гельсингфорсского университета, был главой старофинской партии, господствовавшей в Сенате.

[175] Вреде (Раббе), барон, один из виднейших членов конституционной партии. Его первые политические выступления, направленные против министра статс-секретаря Бруна, относятся к началу 1880-х годов.

[176] Фрейберг Юлий Эдуардович (род. в 1854 г.). С 4 мая 1899 г.— начальник Финляндского жандармского управления.

[177] Зальца Антон Егорович, генерал-от-инфантерии (род. в 1843 г.), командир 22-го армейского корпуса.

[178] Министр статс-секретарь по делам Финляндии являлся высшим административным органом по управлению Финляндии. Ему был подчинен генерал-губернатор, председательствовавший в Сенате. В это время статс-секретарем Финляндии, после убитого Плеве, был Линдер, Константин Карлович, егермейстер высочайшего двора.

[179] Подполковник Крамаренко Владимир Константинович (род. в 1860 г.). С 24 февраля 1896 г. — начальник Выборгской крепостной жандармской команды; убит 8/21 июля 1905 г. в Выборге рабочим Карлом Прокопе. Преданный Петербургскому военно-окружному суду, Прокопе был приговорен к смертной казни через повешение (см. судебный отчетглавного военного суда в газете «Право» за 1905 г., стр. 2607 — 2609). Предание Прокопе петербургскому суду явилось существенным нарушением финляндской конституции, так как Прокопе, как финляндский уроженец, должен был быть судим финляндским судом.

[180] Комиссия «для составления предварительных Предположений о пересмотре финляндского уголовного законодательства» учреждена в 1890 г. под председательством известного русского криминалиста сенатора Николая Степановича Таганцева (1843 — 1922). В комиссию входило несколько представителей от финляндцев.

[181] Вуоренхеймо Оссиан Иванович (род. в 1845 г.), сенатор, начальник экспедиции путей сообщения хозяйственного департамента Сената.

[182] Дидрихс Сергей Адрианович, чиновник особых поручений при Финляндском генерал-губернаторе.

[183] Начальник муниципальной стражи, организованной конституционалистами, был Гордиа, которого первоначально хотели сделать главным начальником как над муниципальной, так и рабочей «красной» гвардией, созданной по инициативе портного, члена соц.-дем. партии, Карла Луото. См. его брошюру «Правда», напечатанную в официальном издании государственной канцелярии (перевод с подлинного финского издания). Спб., 1910.

[184] Преженцев Александр Богданович (род. в 1859 г.), генерал-майор. С июля 1905 г. — начальник штаба 22-го армейского корпуса.

[185] Никонов Константин Петрович (род. в 1844 г.), вице-адмирал, временно исполняющий должность главного командира флота и начальника морской обороны Балтийского моря и военного губернатора города Кронштадта.

[186] Гартман фон Карл-Эрик-Иоган, бургомистр города Гельсингфорса.

[187] Кок Иоган-Александр (род. в 1863 г.), капитан. В 1901 г. — баталионный адъютант 4-го Улеаборгского финского стрелкового баталиона; в 1902 г. — переводчик русского языка при Улеаборгском губернском правлении. В 1905 г. — начальник финской «красной гвардии» (см прим. 183). В дни Свеаборгского восстания был арестован. Бежал за границу. В 1908 г. арестован в Америке и выдан русскому правительству. Выдержки из его статьи-воспоминаний об октябрьской забастовке в Финляндии, помещенной в американской газете «Sade», напечатаны в газ. «Россия» 1909, 25 февраля, № 999.

[188] Стояновский, Иван Николаевич, камергер, чиновник особых поручений при министре внутренних дел.

[189] Берг Федор Густавович, граф, исполн. должн. главного директора финляндских железных дорог.

[190] Шеман Николай Николаевич, генерал-майор, директор лоцманского и маячного ведомства в Финляндии.

[191] Цивинский Генрих Фаддеевич (род. в 1855 г.), капитан 1-го ранга.

[192] Кайгородов Нестор Никифорович (род. в 1840 г.), генерал-лейтенант. С апреля 1903 г. — комендант Свеаборгской крепости.

[193] Клеопин Константин Иванович, генерал-майор, командир Свеаборгского порта.

[194] Львовский Александр Сильвестрович (род. в 1858 г.), полковник, нюландский губернатор.

[195] Зейн Франц Александрович, генерал-майор, директор канцелярии финляндского генерал-губернатора.

[196] Свеаборгское восстание, одно из крупнейших революционных военных выступлений, происходивших в июле 1906 г. после разгона Гос. Думы, было в значительной мере подготовлено соц.-дем. организацией. См. ст. Н. Ольшанского, Свеаборгское восстание, в журн. «Красная летопись» 1922, № 2—3, 4; С. А. Цион, Три дня восстания в Свеаборге. Гельсингфорс, 1907; Н. М. Федоровский, Свеаборгское восстание, в журн. «Красная Новь» 1926, № 3; А. Дрезен, Революция во флоте. Балтийские моряки в восстании. Л., 1905—1906, Гиз., Л., 1926.

[197] В Финляндии существовали суды трех инстанций: низшие, ратгаузы (городские) и герадские (участковые); гофгерихты рассматривали дела политические, преступления по должности, а также дела по апелляции судов первой инстанции. На всю Финляндию существовало три гофгерихта: Абоский, Выборгский и Вазаский.

[198] Телеграмма была получена Н. П. Линевичем 27 декабря 1905 г., о чем он сообщает в своем дневнике: «Приехал из Омска офицер, переодетый в штатское, и привез телеграмму государя о назначении П. К. Ренненкампфа для обуздания социал-демократов» (Русско-Японская война. Из дневников А. Н. Куропаткина, Н. П. Линевича. Л., 1925, стр. 124). Телеграмма была вызвана, по всей вероятности, письмом Н. П. Линевича от 6 декабря 1905 г. (напечатано там же, стр. 175), в котором он сообщает о «беспорядках в войсках, забастовке на железных дорогах и о революционном движении в Харбине и Чите».

[199] П. К. Ренненкампф (см. прим. 22) отправился в карательную экспедицию в Забайкалье, в январе 1906 г. (2 января приезжал «откланяться» к Линевичу. Там же, стр. 126). Экспедиция была закончена в апреле того же года. См. ст. П. Переверзева, Карательная экспедиция генерал-лейтенанта Ренненкампфа в Забайкальской области, в журн. «Былое» 1907, № 4; 1917, № 5—6.

[200] Речь идет, по всей вероятности, об армяно-татарской резне, происшедшей в августе 1905 г. См. о ней воспоминания С. Алилуева в журн. «Красная Летопись» 1923, №№ 5 и 8.

[201] Телеграмма адресована Ф. В. Дубасову.

[202] Ответ наместника графа Воронцова-Дашкова см. на стр. 178—180.

[203] Ср. доклад Витте о необходимости вернуть Семеновский полк в Петербург (стр. 34).

[204] Волнение среди казаков 2-го Урупского полка, расположенного в Екатеринодаре, началось в середине декабря 1905 г., когда они отказались нести полицейскую службу и предъявили своему начальству требование распустить полк по домам в виду окончания войны. Получив от начальника области отказ в своем требовании, они решили добиваться его с оружием в руках и, забрав знамя и денежный ящик, в полном боевом порядке двинулись в город Майкоп. Командиром полка был выбран урядник Курганов. В Майкопе, как и в других городах, местным населением была устроена торжественная встреча. Однако атаман отдела распустить казаков по домам отказался. Тогда казаки расположились в ближайшей станице Гиачинской, перед своим уходом обратившись «ко всем граж-

данам России» с воззванием, объяснявшим их действия. (Воззвание было напечатано с «разрешения» местного полицеймейстера). Около месяца казаки оставались в станице, куда местным населением доставлялось им продовольствие. Попытки начальства вызвать добровольцев для арестования урупцев были безуспешны. Только в конце января составлен был отряд из Екатеринодарского казачьего полка с присоединением артиллерии, которому удалось принудить урупцев к сдаче, особенно в виду просьбы жителей станицы не подвергать их разгрому. Суд, происходивший в октябре 1906 г., приговорил главных руководителей восстания: Курганова к каторжным работам на 20 лет, а Шумакова и Бычкова на 15 лет. См. ст. Д. В. О., Восстание Урупских казаков, в журн. «Былое» (Le Passé) 1908, № 7, и кн. Л. Ильина, Восстание 2-го Урупского казачьего полка в 1905 году. Ростов-на-Дону, Истпарт Сев.-Кавк., 1926.

[205] Ср. доклад Д. Ф. Трепова, о деятельности саратовского губернатора П. А. Столыпина (стр. 99—103).

[206] Алексей (в мире Алексей Опоцкий) (род. в 1839 г.), архиепископ карталинский и кахетинский, экзарх Грузии. С 1901 г. — экзарх Грузии, член Синода; с 1905 г. — архиепископ тверской.

[207] Никандр, архимандрит, член Грузино-Имеретинской синодальной конторы, ректор тифлисской семинарии.

[208] Николай (в мире Николай Налимов) (род. в 1852 г.), архиепископ тверской. С 1890 г. — епископ ладожский, потом гдовский (1892 г.), саратовский (1893 г.), финляндский (1899—1905 гг.). С 1 июля 1905 г. — экзарх Грузии.

[209] О революционном движении на Кавказе см.: В. Каландадзе и В. Мхеидзе, Очерки революционного движения в Гурии. Изд. «Эпоха». СПБ., 1906; Г. А. Затерянный, Мятеж на Западном Кавказе, в журн. «Историч. Вестник» 1911, кн. 11, стр. 640 и сл., и Его же, Кавказский бунт, там же, 1910, кн. 5, стр. 502 и сл.; Губернарчук, История 129-го пехотного Бессарабского полка. Киев, 1909, стр. 309 и сл.; Революция 1905 года на Северном Кавказе (Сборник материалов и документов). Ростов н/Д. и Краснодар, 1926. — См. также: Всеподданнейший отчет за пятилетие управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПБ., 1910, Всеподданнейшую записку по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. Б. м., 1907.

[210] Фадеев Семен Андреевич, генерал-лейтенант (род. в 1835 г.), командир 2-го Кавказского армейского корпуса.

[211] Кутайсов Павел Ипполитович, граф (род. в 1837 г.), иркутский военный генерал-губернатор.

[212] В других телеграммах Кутайсов сообщал об образовании в Иркутске революционного правительства (ср. Русско-Японская война. Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича, стр. 112). В действительности в городе происходила всеобщая забастовка и образовался стачечный комитет, который, вероятно, и представлялся напуганному начальству «революционным правительством». Результатом этой телеграммы и было распоряжение начальника тыла действующей армии генерала И. П. Надарова об отправке войск для борьбы с революционным движением. См. указ. выше книгу: 1905. Армия в первой революции, стр. 262.

[213] Сахаров Виктор Викторович (род. 20 июля 1848 г.), участник Турецкой войны. С 1894 г.— начальник штаба Одесского военного округа, с 1898 г. — начальник Главного штаба, с 1903 г. — генерал-адъютант, с 7 февраля 1904 г.— после назначения Куропаткина командующим Манчжурской армией, управлял военным министерством. В октябре 1905 г. командирован в Саратовскую губ. для усмирения крестьянских волнений (позже деятельность его была распространена и на Пензенскую губ.). 22 ноября убит в Саратове в кабинете губернатора П. А. Столыпина членом летучего отряда боевой организации с.-р. Анастасией Николаевной Биценко (ее биографию см. в Большой Советской Энциклопедии, т. VI, стр. 443). После его смерти на его место был командирован генерал-адъютант Конст. Клавд. Максимович. О Сахарове см. Витте, Воспоминания, т. II, стр. 115.

[214] Известие о предании военно-полевому суду и вынесенном последним смертном приговоре инженеру Соколову и нескольким другим железнодорожникам побудило председателя Самарского железнодорожного комитета дать 22 ноября 1905 г. срочную телеграмму в Москву Центральному железнодорожному бюро с просьбой не допускать совершения смертной казни. Центральное железнодорожное бюро обратилось с экстренными телеграммами к графу Витте, министру путей сообщения Немешаеву, военному министру Редигеру и в Главный штаб с требованием отмены смертной казни под угрозой всеобщей забастовки. Вечером 22 ноября министр путей сообщения сообщил, что исполнение приговора над Соколовым, по распоряжению военного министра, приостанавливается, и дело будет вновь пересмотрено («Право» 1905, стр. 3838—3839). О Прасолове см. прим. 145.

[215] Поппен Георгий Васильевич, генерал-лейтенант, начальник 45-й пехотной дивизии и рижского гарнизона.

[216] Высоцкий Витольд-Киприан Карпович (род. в 1848 г.), полковник. С января 1904 г. — командир 226-го Бобруйского полка.

[217] Лисевич Павел Михайлович (род. в 1846 г.), генерал-майор. С января 1904 г. — начальник 57-й пехотной резервной бригады.

[218] О волнениях в Бобруйском полку — см. ст. Холща, Восстание бобруйцев в 1905 г. в Царицыне, в журн. «Наш Край» 1924, № 1.

[219] Во 2-м гренадерском Ростовском полку волнения возникли 2 декабря. Солдаты, вооружившись винтовками, собрались для обсуждения своих нужд, освободили арестованных товарищей и предъявили командиру полка ряд требований, как-то: вежливое обращение, свободу собраний, неприкосновенность солдатских писем, свободный доступ газет, книг и журналов, улучшение пищи, одежды, введение чайного довольствия и т. д. Требования были подписаны «Солдатским комитетом 2-го гренадерского Ростовского полка». Кроме того, ими было выпущено ко всем войскам московского гарнизона воззвание. См. брош. Молота, Русская армия и революция, стр. 32. М., 1907 г.; Тимофеев Е., Лука Дорофеевич Годун и Николай Андроникович Нигульский (участники восстания), «Каторга и ссылка» 1922, № 3, Лики отошедших; В. Ю. Ульянинский, Восстание Ростовского полка в декабре 1905 г., «Каторга и ссылка», № 6 (19), М., 1925, стр. 28.

[220] Малама Яков Дмитриевич, генерал-лейтенант, помощник наместника на Кавказе по военной части.

[221] Ср. телеграмму Николая II Воронцову-Дашкову (стр. 167 — 168).

[222] 6 декабря 1905 г., в день «тезоименитства» Николая II, был издан указ «в знак благоволения к армии и для улучшения быта нижних чинов» (опубликован в Собр. узак. и расп. правительства 1906 г., отд. I, от 13 марта, № 56, стр. 821). Этим указом была увеличена дача мяса на $^1/_4$ фунта в день, введено чайное довольствие, установлен отпуск одеял, постельного белья, посуды и т. д. Несомненно, что указ вызван был массовыми выступлениями солдат, ближайшим поводом к которым была необходимость улучшения материального положения.

[223] Березников Алексей Александрович. С февраля 1902 г.— черноморский вице-губернатор.

[224] Ср. телеграмму Николая II Дубасову (стр. 167).

[225] Ферзен Василий Николаевич (род. в 1858 г.), барон, капитан 1-го ранга.

[226] Зеленой Петр Александрович (род. в 1869 г.), капитан 2-го ранга.

[227] Клоченко Петр Иванович (род. в 1850 г.), генерал-майор. С 20 апреля 1903 г. — командир 2-й бригады 24-й пехотной дивизии.

[228] Звегинцев Николай Александрович, тайный советник, лифляндский губернатор.

[229] Орбелиани Георгий Ильич (род. в 1853 г.), генерал-майор, начальник Кавказской конной бригады.

[230] Трофимов Владимир Онуфриевич (род. в 1860 г.), генерал-майор. С мая 1905 г. — черноморский губернатор.

[231] Алиханов-Аварский Максуд (род. в 1846 г.), генерал-майор. Состоял при войсках Кавказского военного округа. Известен своей жестокостью, проявленной при подавлении революционного движения в Гурии и Эриванской губ. в 1905 г. Убит революционером 3 июля 1907 г. См. Н. Ш., Из воспоминаний о ген. А. М. Алиханове-Аварском, в журн. «Ист. Вестник» 1913, № 11, стр. 569 — 580.

[232] Бауер Александр Федорович (род. в 1852 г.), генерал-майор, генерал-губернатор Горийского и Душетского уездов.

[233] Колюбакин Алексей Михайлович, начальник Терской области и наказной атаман Терских казачьих войск.

[234] Ср. телеграмму Николая II Воронцову-Дашкову (стр. 168).

[235] Хвостов Сергей Александрович, действ. статский советник, пензенский губернатор.

[236] Паркау Петр Фридрихович (род. в 1851 г.), генерал-майор. С 4 июля 1905 г. — военный губернатор Батумской области.

[237] Решетин Николай Лаврентьевич (род. в 1842 г.), генерал-лейтенант. С марта 1903 г. — начальник артиллерии Кавказского военного округа.

[238] Лисовский Валериан Яковлевич (род. в 1852 г.), генерал-лейтенант. С июня 1904 г. — командующий 78-й пехотной дивизией.

[239] Рапорт А. Н. Меллера-Закомельского от 6 февраля 1906 г. о водворении порядка на Самаро-Златоустовской и Сибирской железных дорогах, напечатан в журн. «Былое» 1917, № 3 (25), стр. 134 — 153 (Сибирская экспедиция барона Меллера-Закомельского).

[240] Протопопов Михаил Николаевич (род. в 1860 г.), капитан 2-го ранга.

[241] Пекарский Георгий Петрович (род. в 1866 г.), капитан 2-го ранга.

[242] Голощапов Владимир Николаевич (род. в 1845 г.), генерал-майор, командир 1-й бригады Кавказской кавалерийской дивизии.

[243] Старосельский Владимир Александрович, кутаисский губернатор (1905 г.), ранее служил в качестве агронома по ведомству земледелия и государственных имуществ. См. о нем: И. Подольский, Губернатор-революционер, в журн. «Ист. Вестник» 1909, кн. 12; М. Шимкевич, В. Темников, М. А. Яковлев, там же, 1910, № 2, стр. 603—638 (по поводу статьи И. Подольского), а также воспоминания В. Старосельского, Дни свобод в Кутаисской губ., в журн.«Былое» 1907, кн. 7.

[244] Граббе Михаил Николаевич (род. в 1868 г.), граф, окончил пажеский корпус. С октября 1905 г. по февраль 1909 г. состоял адъютантом при великом князе Владимире Александровиче; с 20 декабря 1905 г. по 10 января 1906 г.—командир карательного отряда в Прибалтике; 8 ноября 1906 г. в награду за участие в экспедиции произведен в полковники. Позже—генерал-лейтенант, наказной атаман области войска Донского. Дневник отряда Граббе напечатан П. А. Садиковым в журнале «Красная Летопись», № 2 (13), за 1925 г.

[245] Прогульбицкий Владимир Константинович (род. в 1857 г.), полковник. С 1900 г. по 28 марта 1906 г. — начальник Сухумского округа.

[246] Крестьянский союз в Курской губ. образован еще в июне 1905 г. Пять представителей местных союзов составляли Центральный союз. См. ст. П. Маслова в сборнике «Общественное движение в начале XX века», т. II, ч. 2, стр. 236.

[247] Крылов Константин Александрович (род. в 1860 г.), полковник, командир 130-го пехотного Херсонского полка.

[248] Шишковский Николай Феофилактович (род. в 1851 г.), генерал-лейтенант. С августа 1904 г.— командующий 20-й пехотной дивизией.

[249] Янушковский Владислав Игнатьевич (род. в 1845 г.), генерал-лейтенант. С мая 1904 г.—начальник инженеров Кавказского военного округа.

[250] Курлов Павел Григорьевич (род. в 1863 г.), камергер, минский губернатор; позже и командир отдельного корпуса жандармов. О покуше-

нии на него см. воспоминания участницы А. Измайлович, Из прошлого, в журн. «Каторга и Ссылка» (1923) № 7, стр. 145, сл.

[251] Курч Степан Осипович (1850—1906), генерал-майор, начальник Минской местной бригады.

[252] Грязнов Федор Федорович (1853—1906), генерал-майор, начальник штаба Кавказского военного округа. Убит 16 января 1906 г. Арсением Павловичем Джиошвилли.

[253] Фон дер-Лауниц Владимир Федорович (род. в 1855 г.), генерал-майор, управляющий Тамбовской губ. Впоследствии петербургский градоначальник. Убит 21 декабря 1906 г.

[254] Луженовский Гавриил Николаевич. С апреля 1905 г.—исп. должн. советника Тамбовского губ. правления. Убит «по постановлению Тамбовского комитета партии с.-р. за преступное засекание и безмерное истязание крестьян во время аграрных и политических беспорядков и после них в тех уездах, где был Луженовский, за разбойничьи похождения Луженовского в Борисоглебске в качестве начальника охраны, за организацию черной сотни в Тамбове и как ответ на введение военного положения и чрезвычайной и усиленной охраны в Тамбове и других уездах. Тамбовским комитетом партии с.-р. был вынесен приговор Луженовскому». Приговор Тамбовского комитета приведен в исполнение 16 января 1906 г. М. Спиридоновой (см. письмо Спиридоновой в газ. «Право» 1906, стр. 610, и объяснения, данные ею по делу убийства Луженовского, там же, стр. 1210).

[255] Дукмасов Павел Григорьевич (род. в 1838 г.), генерал-от-инфантерии, числящийся в войсках области войска Донского.

[256] Филонов Федор Васильевич, надворный советник. С июля 1904 г.— советник Полтавского губ. правления. Убит 18 февраля 1906 г. членом летучей боевой дружины партии с.-р. Д. Л. Кирилловым. См. Д. А. Иваненко, ук. соч., стр. 275. И брошюру, Подвиги полтавского чиновника Филонова. Л., 1926. Изд. «Прибой».

[257] Сухотин Николай Николаевич (род. в 1847 г.), генерал-лейтенант. С апреля 1901 г.— генерал-губернатор Степного края, командующий войсками Сибирского округа и наказной атаман Сибирского казачьего войска.

[258] Путята Димитрий Васильевич (род. в 1855 г.). С марта 1902 г.— военный губернатор Амурской области, командующий войсками и наказной атаман казачьего войска.

[259] Румшевич Иосиф Францевич (род. в 1852 г.), генерал-майор. С января 1904 г.—командир 2-го Читинского сибирского пехотного полка, временно командующий 1-й Сибирской дивизией.

[260] Сычевский Аркадий Валерианович (род. в 1860 г.). генерал-майор, командир 2-й бригады 9-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии.

[261] Левицкий Василий Николаевич (род. в 1858 г.), полковник. С декабря 1904 г. — командир 80-го Кабардинского полка.

[262] Григорович Иван Константинович (род. в 1853 г.), адмирал, участвовал в Русско-Японской войне в качестве командира броненосца «Цесаревич»; в 1905 г.— начальник штаба Черноморского флота и портов. Позже — морской министр.

[263] Литвинов, начальник мастерских на станции Полтава южных железных дорог. Убит 20 января 1906 г. См. Д. А. Иваненко, ук. соч., стр. 276.

[264] Свидзинский Эдмунд-Леопольд Фердинандович (род. в 1848 г.), генерал-майор. С августа 1901 г.— командир 2-й бригады 42-й пехотной дивизии.

[265] Гаврилов Николай Иванович (род. в 1857 г.), полковник, командир 15-го гренадерского Тифлисского полка.

[266] Хондзынский Иосиф-Казимир Александрович (род. в 1851 г.). С апреля 1904 г.— командир 4-го Кавказского стрелкового баталиона.

[267] Барщ Витольд Людвигович (род. в 1859 г.), капитан 1-го ранга, командир крейсера «Аврора».

[268] Цицианов Павел Дмитриевич (1754—1806), князь, генерал-от-инфантерии, главнокомандующий в Грузии. Убит при занятии русскими

войсками Баку 8 февраля 1806 г. В 1891 г. 156-му пехотному Елизаветпольскому полку присвоено название «генерала князя Цицианова».

[269] Путятин Александр Владимирович (род. в 1877 г.), князь, лейтенант крейсера «Аврора», начальник одного из карательных отрядов в Прибалтике.

[270] Гродеков Николай Иванович (род. в 1843 г.), генерал-от-инфантерии, член Государственного Совета, участвовал в усмирении польского восстания; с 1905 г. состоял членом Совета государственной обороны, 3 февраля 1906 г. назначен командующим войсками на Дальнем Востоке с правами главнокомандующего. На этом посту совершил ликвидацию тыла армии. 22 сентября 1906 г. назначен туркестанским генерал-губернатором и командующим войсками Туркестанского военного округа.

[271] Алышевский Владимир Владимирович, ст. сов. С 1901 г.— тифлисский вице-губернатор; с 1905 г. — исп. обяз. бакинского губернатора.

[272] Мартынов Дмитрий Николаевич (род. в 1850 г.), гофмейстер. С 3 марта 1897 г.—варшавский губернатор. О польском революционном движении см. С. Пестковский, Борьба партий в рабочем движении Польши в 1905—1907 гг., в журн. «Пролетарская Революция» 1922, кн. 2.

[273] В течение 1905 г. сменилось три министра внутренних дел: кн. П. Д. Святополк-Мирский (с 26 августа 1904 г.), затем А. Г. Булыгин и с октября 1905 г. — П. Н. Дурново; столько же сменилось варшавских генерал-губернаторов: М. И. Чертков (с марта 1901 г. по 19 февраля 1905 г.), затем К. К. Максимович и с 15 августа 1905 г. — Г. А. Скалон.

[274] Мейер Александр Константинович (род. в 1867 г.), полковник, исп. обяз. обер-полицеймейстера Варшавы.

[275] Гершау-Флотов Бернгард Бернгардович (род. в 1853 г.), камергер. С 25 октября 1904 г. — витебский губернатор.

[276] Сазонов Иван Николаевич (род. в 1855 г.), действ. ст. сов. С 1903 г. — владимирский вице-губернатор.

[277] Штакельберг Флор Александрович (род. в 1845 г.). С 1898 г.— киевский вице-губернатор; с 20 июля 1905 г. — волынский губернатор.

[278] Бибиков Михаил Михайлович (род. в 1849 г.). С 13 января 1906 г. — воронежский губернатор.

[279] Горчаков Сергей Дмитриевич (род. в 1861 г.), князь, церемониймейстер. С 31 октября 1905 г. — херсонский вице-губернатор, позже— исп. должн. вятского губернатора.

[280] Тиханов Евграф Филиппович (род. в 1837 г.), генерал-лейтенант, дагестанский военный губернатор.

[281] Калачев Алексей Алексеевич, действ. ст. сов. С 20 июня 1900 г.— кутаисский вице-губернатор; в 1906 г.— елизаветпольский губернатор.

[282] Стрижевский Михаил Васильевич (род. в 1854 г.), ст. сов. С 24 мая 1904 г.— пермский вице-губернатор, с 13 января 1906 г.— исп. должн. казанского губернатора.

[283] Геништа Николай Иванович (род. в 1865 г.), полковник, начальник Казанского пехотного юнкерского училища.

[284] Новосильцов Николай Иванович (род. в 1849 г.), егермейстер. С 10 декабря 1902 г. — калишский губернатор.

[285] Самойлов Алексей Александрович (род. в 1841 г.), генерал-лейтенант, военный губернатор Карсской области с 26 января 1900 г.

[286] Васильев Александр Ильич, действ. ст. сов., исп. обяз. керчь-еникальского градоначальника.

[287] Саввич Павел Сергеевич (род. в 1857 г.), генерал-майор. С 6 сентября 1903 г. исп. должн. киевского губернатора, с 2 ноября 1905 г. — киевский губернатор.

[288] Корф Семен Николаевич (1854—1923 г.), барон. Со 2 мая 1897 г.— ломжинский губернатор; с 1907 по 1914 г.— варшавский губернатор; с 1915 г. — сенатор.

[289] Менкин Евгений Васильевич (род. в 1862 г.), камергер. С 19 марта 1905 г. — люблинский губернатор. Позже — директор департамента духовных дел иностранных исповеданий.

[290] Джунковский Владимир Федорович (род. в 1865 г.), полковник, флигель-адъютант. С 11 ноября 1905 г. — московский губернатор.

[291] Кристи Григорий Иванович, егермейстер. С 13 сентября 1902 г.— московский губернатор.

[292] Рихтер Николай Федорович, статский советник. С 1 апреля 1906 г. — председатель московской земской управы

[293] Уваров Федор Алексеевич, граф, хорунжий. С 15 мая 1892 г.— председатель Можайской земской управы.

[294] Ломакин Гавриил Сергеевич, коллежский ассесор. С 12 ноября 1897 г. — председатель Богородской земской управы.

[295] Зацаренный Василий Максимович (род. в 1852 г.), контр-адмирал. С 2 января 1906 г. — градоначальник г. Николаева и командир Николаевского порта.

[296] Медем Оттон Людвигович граф (род. в 1846 г.), гофмейстер. С 22 ноября 1897 г. — новгородский губернатор.

[297] Протасьев Николай Васильевич (род. в 1852 г.). С 23 марта 1892 г. — олонецкий губернатор.

[298] Андреевский Сергей Сергеевич (род. в 1857 г.), камергер, действ. ст. сов. С 1902 до конца 1905 г. — воронежский губернатор; в январе 1906 г. прикомандирован к министерству, с 10 июня 1906 г.—орловский губернатор.

[299] Добровольский Владимир Александрович, инженер путей сообщения, дейст. ст. сов., начальник Московско-Курской, Нижегородской и Мурманской железных дорог.

[300] Болотов Александр Владимирович (род. в 1866 г.), надворный советник, камер-юнкер. С 24 ноября 1905 г.—исп. должн. пермского губернатора.

[301] Казицын Борис Осипович (род. в 1861 г.). С 1901 г.—прокурор Екатеринбургского окружного суда.

[302] Владимир (в мире Вас. Соколовский) (род. в 1852 г.), епископ екатеринбургский и ирбитский с ноября 1903 г.

[303] Никанор (в мире Николай Надеждин), епископ пермский и соликамский с 17 января 1905 г.

[304] Эйлер Александр Александрович (род. в 1855 г.), камергер. С 1 февраля 1901 г.— подольский губернатор.

[305] Адлерберг Александр Васильевич (род. в 1860 г.), шталмейстер. С 13 июня 1903 г.— псковский губернатор.

[306] Левашев Владимир Александрович (род. в 1850 г.), действ. ст. сов. С 23 ноября 1905 г. — рязанский губернатор.

[307] Моренштильдт-фон Владимир Александрович, капитан 1-го ранга. С 19 сентября 1906 г. — вр. исп. должн. севастопольского градоначальника.

[308] Суковкин Николай Иоасафович (род. в 1861 г.), камергер. С 13 июня 1903 г.—тамбовский вице-губернатор; с 27 июня 1905 г.— смоленский губернатор.

[309] Волжин Александр Николаевич (род. в 1862 г.), камергер. С 20 февраля 1904 г.—исп. должн. седлецкого губернатора.

[310] Ячевский Франциск. С апреля 1890 г.—люблинский римско-католический епископ.

[311] Евлогий (в мире Василий Семенович Георгиевский) (род. в 1868 г.), архиепископ холмский и люблинский. В 1907 г. избран членом второй Гос. Думы, где примкнул к правым и выдвинул идею выделения Холмщины из Царства Польского. В 1907 г. избран в третью Гос. Думу; после образования фракции националистов примкнул к последней. Проведение закона 1912 г. о выделении Холмской губ. в значительной степени является его делом.

[312] Стремоухов Петр Петрович (род. в 1865 г.), статский советник. С 16 октября 1904 г. — исп. должн. сувалкского губернатора.

[313] Антонович Иосиф, прелат; с января 1903 г. — управляющий Сейнской римско-католической епархией.

[814] **Янушевич** Бронислав Мечиславович (род. в 1861 г.), действ. ст. сов. С 5 января 1906 г.— тамбовский губерпатор.

[815] **Бюнтинг-фон** Николай Георгиевич (род. в 1861 г.), гофмейстер, действ. ст. сов. С мая 1904 г. — архангельский губернатор; с ноября 1905 г.—эстляндский губернатор; с апреля 1906 г.—тверской губернатор.

[816] **Малаев** Михаил Николаевич (род. в 1861 г.), камергер. С 23 ноября 1905 г.—исп. должн. херсонского губернатора.

[817] **Башилов** Петр Петрович (род. в 1861 г.), действ. ст. сов. С 15 января 1906 г.—эстляндский губернатор.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

СОДЕРЖАНИЕ.

2 р. 40 к.

